Ш1
К381

А.Е.Кибрик

ОЧЕРКИ ПО ОБЩИМ И ПРИКЛАДНЫМ ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

МГУ

А.Е.КИБРИК

ОЧЕРКИ ПО ОБЩИМ И ПРИКЛАДНЫМ ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

(УНИВЕРСАЛЬНОЕ, ТИПОВОЕ И СПЕЦИФИЧНОЕ В ЯЗЫКЕ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА 1992

ББК 81
К 38

Рецензенты:

академик *Ю.С.Степанов*,
профессор *Б.Ю.Городецкий*

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

483342
Ш1
К38

Кибрик А.Е.

К38 Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 стр.

ISBN 5-211-01538-X

В монографии рассматриваются общие вопросы теории языка, типологии и теории универсалий. Особое внимание уделяется проблемам общей семантики, общего синтаксиса и современным приложениям лингвистики. Широко использован материал кавказских языков.

Для специалистов-филологов в области общего языкознания, типологии и прикладной лингвистики.

К 4602000000-085 КБ 6-19-92
077(02)-92 ББК 81

ISBN 5-211-01538-X

© А.Е.Кибрик, 1992

ОТ АВТОРА

В основу данной книги положены работы автора, написанные в течение двух десятков лет. Книга состоит из 22-х глав, каждая из которых тематически вполне самостоятельна. Главы сгруппированы в четыре большие части, охватывающие основные исследовательские направления.

В целом данная книга есть попытка в некоторой степени отразить спектр авторских интересов в области лингвистики. Разброс тем очень велик. Одни главы относятся к общему языкознанию, другие - к описательному, третьи - к типологическому, затрагиваются весьма специфические проблемы так называемой полевой лингвистики, связанной с особыми условиями получения языковых данных, активно используется материал дагестанских языков, относящихся к области кавказоведения, рассматриваются проблемы искусственного интеллекта. Однако эти внешне разрозненные лингвистические области знания в действительности самым тесным образом связаны друг с другом, дополняют и обогащают друг друга и, более того, имеют дело по существу с одним и тем же объектом, рассматривая его в различных проекциях. Таким объектом является ВНУТРЕННЯЯ СТРУКТУРА ЯЗЫКА.

Современная лингвистическая наука раздробила свой объект, изучая его во многих специализированных дисциплинах. Этот процесс исторически вынужденный и необходимый. Вместе с тем, привыкая к такому положению дел, мы зачастую забываем, что это всего лишь тактический исследовательский прием, осуществляющий разделение труда и обеспечивающий более углубленный анализ отдельных аспектов языка.

В настоящей книге постоянно проводится мысль о том, что конкретные лингвистические факты суть проявление универсальных свойств языка и рассмотрение каждого конкретного факта требует помещения его в многомерное пространство единой лингвистической теории. Это диктует соответствующую методологию лингвистического исследования, в основе которой лежит идея о единстве

- общего и частного языкознания (см. главы 1, 4),
- синхронного и эволюционного языкознания (см. главы 4, 8),
- теоретического и прикладного языкознания (см. главы 5, 17, 19),
- открывающих лингвистических процедур и результирующих описаний (см. главу 18).

Многие главы книги являются переработанными версиями исследований, опубликованных в разнообразных, в большинстве случаев малодо-

ступных изданиях (библиографические отсылки даны при каждой главе). Некоторые из них опубликованы первоначально за рубежом (главы 7, 8, 16), в материалах конференций (главы 21, 22) или малотиражных изданиях (главы 5, 9, 10, 18, 20). В ряде случаев первоначальный текст был подвергнут коренной переработке (главы 10, 14, 15), в других - изменения диктовались соображениями общей композиции книги, стиля, единообразия представления данных, терминологии и концептуальной согласованности.

Первая часть посвящена общим вопросам языкознания. Она открывается главой "Язык", написанной специально для Лингвистического энциклопедического словаря. В главе 2 говорится о необходимости смены научной парадигмы (исходных постулатов) лингвистики. Главы 3 и 4 посвящены проблемам типологии, 5-я и 6-я - полевой лингвистике, 7-я - социолингвистической характеристике малочисленных языков.

Во второй части собраны отдельные очерки по различным вопросам морфологии, синтаксиса и семантики, рассматриваемым в сопоставительно-типологической перспективе. Конкретный языковой материал в основном берется из дагестанских языков.

Третья часть тематически наиболее гомогенна - в ней предлагается вариант типологии эргативности в рамках общей теории синтаксических (предикатно-аргументных) отношений. Особенно подробно исследуются конструкции с сентенциальными актантами и понятие подлежащего.

Последняя, четвертая, часть касается приложений языкознания. В небольшой 17-й главе (взятой из Большой советской энциклопедии) дается общее представление о понятии "прикладная лингвистика", далее обсуждается лингвистическая методика организации полевой работы и извлечения языковых данных с помощью информанта. Следующие четыре главы (19-22) затрагивают лингвистическую проблематику искусственного интеллекта, связанную с построением действующей модели языка - "говорящего автомата". Хотя прагматическая цель данных исследований для лингвистики весьма специфична, их содержательное наполнение является неразрывно связанным с фундаментальными вопросами языкознания, поднятыми в начале книги (см. главы "Язык" и "Лингвистические постулаты").

Формированию моих научных интересов в том виде, как они представлены в данной книге, в значительной степени способствовала моя научно-педагогическая работа на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета, а также возможность научного общения с моими учителями и коллегами: П.С.Кузнецовым, Н.И.Жинкиным, В.А.Звегинцевым, А.А.Зализняком, С.В.Кодзасовым, Б.Ю.Городецким и другими, а также аудиторный и внеаудиторный контакт со студентами отделения. Всем им моя искренняя признательность.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Названия языков и говоров

анд.	андийский	тинд.	тиндинский
арч.	арчинский	русск.	русский
ахв.	ахвахский	цах.	цахурский
бежт.	бежтинский	цез.	цезский
гин.	гинухский	чад.	чадаколобский
гунз.	гунзибский	чам.	чамалинский
инх.	инхокваринский	чир.	чирагский
лак.	лакский	хин.	хиналугский

Грамматические значения

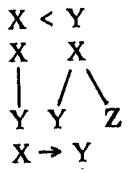
А/Аг	Агенс	дур	дуратив
Адр	Адресат	ед.	единственное число
Акк.	аккузативная конструкция	жен.	женский род
Акт.	активная конструкция	ЗавГ	зависимый глагол
антипасс	антипассив	загл	заглазность
аор	аорист	ИГ	именная группа
афф	аффектив	им	именительный падеж
буд	будущее время	имп	имперфект
вин	винительный падеж	импт	императив
врем.	временное (деепр)	инстр	инструменталь
возвр	возвратное местоимение	интерр	интеррогатив
всеобщ	всеобщность	инф	инфинитив
всп	вспомогательный глагол	инц	инцептив
ген	генитив	исх	исходный падеж
ГлГ	главный глагол	кауз	каузатив
ГП	глубинное представление	Ко	комплетив
дат	датив	компар	компаратив
деб	дебитив	конст	констатив
деепр	деепричастие	Контр.	контрастивная конструкция

КСА	конструкция с сентенциальным актантом
лок	локатив
масд	масдар
местн	местное (деепр)
мн.	множественное число
МР	момент речи
муж.	мужской род
наст	настоящее время
нейтр	нейтральное время
Нейтр.	нейтральная конструкция
ном	номинатив
отр	отрицание
П/Па	Пациенс
пастинц	пастинцептив
перем.	переменный признак
перф	перфект
плюскв	плюсквамперфект
посс	поссессив
пост.	постоянный признак
пот	потенциалис
ПП	поверхностное представление
през	презенс
прич	причастие
против.	противительное (деепр)
Про	Протагонист
прош	прошедшее время
Ре/Рецип	Реципиент
род	родительный падеж
СА	сентенциальный актант
своб.	свободный признак
связ.	связанный признак
СемП	семантическое представление
Ст	Стимул
тв	творительный падеж
терм	терминатив
усл.	условное (деепр)
уступ.	уступительное (деепр)
Фак	Фактитив
фин	финалис
фут	футурум
целев	целевая форма
ч.	число
Эк	Экспериенцер
эрг	эргатив
Эрг.	эргативная конструкция
A	первый актант двухместного глагола
G	генитив
LOC	типовая локализация
N	номинатив
O	а) косвенная основа б) второй актант двухместного глагола
Obl	косвенные падежи
P	пропозиция
Pl/pl	множественное число
pl.t.	pluralia tantum
S	актант одноместного глагола
sg	единственное число
sg. t.	singularia tantum
V	а) гласный б) глагол

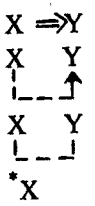
Прочие сокращения

А	адресат речи
БД	база данных
Г	говорящий
Д	дискурс/дескрипция
ИЦ	информационная цель
КС	коммуникативная среда
О	Оператор
П	Пользователь
ПС	прагматическая ситуация
ПЦ	прагматическая цель
Р	референт
РА	речевой акт
СДС	среднедагестанский стандарт
СЕС	средне-европейский стандарт
СоГ	сознание говорящего
Т	текст
T^a	текст в сознании адресата
$T^г$	текст в сознании говорящего
ФД	фрагмент действительности
Ф	функции референта

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

X получено из Y
X синтаксически подчиняет Y (и Z)

а) X подчиняет Y
б) Y образуется от X-а
в) к X-у добавляется Y
из X - а следует Y
X формально подчиняет Y

X и Y кореферентны

неприемлемое выражение X

?X	стилистически неудовлетворительное выражение X
X || Y, X/Y	X или Y
'X'	семантическое выражение X
< X , Y>	падежная рамка с местами X и Y
X = Y	X тождествен Y–у
X ≈ Y	X приблизительно тождествен Y–у
X - Y	выражение XY морфологически членится на X и Y
√	корень
∅	а) нулевой знак б) опущенное выражение

ЧАСТЬ I

ЯЗЫК И НАУКА О ЯЗЫКЕ

ГЛАВА 1

ЯЗЫК*

ЯЗЫК - основной объект изучения языкознания. Под языком прежде всего имеют в виду естественный человеческий язык (в оппозиции к искусственным языкам и языку животных), возникновение и существование которого неразрывно связано с возникновением и существованием человека, homo sapiens.

Термин "язык" имеет по крайней мере два взаимосвязанных значения: 1) язык вообще, язык как определенный класс знаковых систем; 2) конкретный, так называемый этнический или "идиоэтнический" язык - некоторая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве. Язык в первом значении - это абстрактное представление о едином человеческом языке, средоточии универсальных свойств всех конкретных языков. Конкретные языки - это многочисленные реализации свойств языка вообще.

Язык вообще есть естественно (на определенной стадии развития человеческого общества) возникшая и закономерно развивающаяся семиотическая (знаковая) система, обладающая свойством социальной предназначенности, это система, существующая прежде всего не для отдельного индивидуума, а для определенного социума. Кроме того, на эту знаковую систему наложены ограничения, связанные с ее функциями и используемым субстанциальным (звуковым) материалом.

Существенно, что язык, обладая внутренней целостностью и единством, является полифункциональной системой. Среди его функций важнейшими можно считать те, которые связаны с основными операциями над информацией (знаниями человека о действительности) - созданием, хранением и передачей информации.

Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т.е. формой хранения знаний о действительности (эпистемическая функция), а также средством получения нового знания о действительности (познавательная или когнитивная функция). Эпистемиче-

* Статья из "Лингвистического энциклопедического словаря". М., 1990. С. 604-606.

ская функция связывает язык с действительностью (в единицах языка в виде гносеологических образов закрепляются элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека), а познавательная - с мыслительной деятельностью человека (в единицах языка и их свойствах материализуются структура и динамика мысли), то есть языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности (и, далее, хранения знаний), так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса. В то же время язык является основным средством человеческого общения (коммуникативная функция), средством передачи информации от говорящего к слушающему (адресату). В силу этого базовые свойства языка естественным образом согласованы с потребностями и условиями протекания коммуникативной деятельности человека, составляющей важнейший аспект его социального поведения, так как общественная, в том числе трудовая деятельность человека, невозможна без обмена информацией.

Субстанциальный материал - звуковая (акустическая) природа языка также накладывает значительные ограничения на общие свойства языка, в частности предопределяет наличие незнаковых единиц (фонем - звуков) и линейную организацию знаковых единиц (морфем, слов, словосочетаний, предложений).

Различают следующие основные социальные формы существования конкретных языков: идиолект - индивидуальный язык одного конкретного носителя языка; говор - множество структурно очень близких идиолектов, обслуживающее одну небольшую территориально замкнутую группу людей, внутри которой не обнаруживается никаких заметных (территориально характеризуемых) языковых различий; диалект - множество говоров (в частном случае - единичное), в котором сохраняется значительное внутриструктурное единство (в отличие от говора территориальная непрерывность распространения диалекта не является его обязательным признаком); язык - это, как правило, множество диалектов, допустимые различия между которыми могут в значительной мере варьировать и зависеть не только от чисто языковых факторов, но и от социальных параметров (языкового самосознания носителей языка, наличия или отсутствия единой письменности, социальной престижности диалектов, численности носителей отдельных диалектов, традиции и т.д.).

На определенном этапе национального и социального развития некоторые стихийно существующие и развивающиеся языки вступают в высшую форму своего существования - форму литературного языка, характеризующегося социально регламентированной нормированностью и наличием более или менее широкого диапазона функциональных стилей.

Если в фиксированный момент времени число индивидуальных реализаций языка - идиолектов не меньше (а учитывая двуязычие, больше) числа говорящих на земном шаре людей (исчисляется миллиардами), то

живых языков в социально признанном смысле насчитывается от трех до семи тысяч (колебания связаны не только с неполнотой инвентаризации конкретных языков, но и с различиями в принципах их разграничения). Множественность человеческих языков нельзя считать случайной. Независимо от решения проблемы происхождения языка, требует объяснения непреложная тенденция языка к изменению. При отсутствии специальной нормирующей деятельности, направленной на консервацию языкового состояния (ср. классический арабский язык), языки постоянно претерпевают изменения во всех звеньях своей структуры, происходит их непрерывное историческое развитие. Конкретные причины этого процесса не вполне выявлены, но, несомненно, что они заложены, во-первых, в принципах самого устройства языка и, во-вторых, в функциональном механизме его использования. В эпоху научно-технической революции множественность языков продолжает пока еще довольно успешно противостоять усиливающейся социальной потребности в едином языке. Более того, в современную эпоху наблюдается укрепление и возрождение многих языков, - когда это подкреплено определенными национальными и государственными процессами (например, в Африке), - наряду с давно известным явлением исчезновения некоторых малых языков, не имеющих письменности и достаточного уровня социального престижа.

Все существующие и существовавшие ранее человеческие языки могут быть разбиты на группы по принципу родства, то есть происхождения от определенной языковой традиции, так называемых праязыков. Близкое родство часто является очевидным для самих носителей языков (например, родство русского, болгарского и польского), отдаленное - требует специального научного доказательства. Принято говорить о родственных языках (родство которых доказано) и неродственных языках (родство которых доказать не удается). Относительность этого противопоставления демонстрируетностратическая гипотеза, согласно которой ряд отдельных языковых семей объединяется на более глубоком этапе реконструкции в одну ностратическую "сверхсемью".

Внутренняя структура языка (т.е. собственно язык) не дана в непосредственном наблюдении, и о ней можно судить лишь по ее проявлениям и косвенным свидетельствам, а именно, наблюдая продукты языковой (или, иначе, речевой) деятельности - тексты, то есть исследуя использование конкретных языков в конкретных речевых ситуациях. Путь познания языка через речь приводил часто или к неразличению языка и речи, или, напротив, к игнорированию самой речи (речевой деятельности) и ее фундаментального влияния на собственно язык. Между тем понимание принципиального противоречия между конечностью языка (как устройства, механизма, системы) и его бесконечным использованием в бесконечно разнообразных речевых ситуациях имеет далеко идущие последствия для правильного понимания природы языка, поскольку это противоречие пре-

одолевается прежде всего в самом языке, в принципах его устройства: все элементы языковой структуры адаптированы к их использованию в речи.

Семиотическая сущность языка состоит в установлении соответствия между универсумом значений (всем мыслимым мыслительным содержанием всех возможных высказываний) и универсумом звучаний (совокупностью потенциально возможных речевых звуков).

Звуковая материя является первичной субстанцией человеческого языка, по отношению к которой все другие существующие субстанциальные системы, в частности системы письменности, вторичны. Репертуар звуков и составляющих их признаков при всем их богатстве ограничен возможностями речевого аппарата человека. В каждом языке в той или иной степени используется достаточно представительная часть звуковых признаков, но в системные звуковые оппозиции включается лишь ограниченное их число (так называемые различительные признаки.- строительный материал инвентаря фонем). Устойчивые для данного языка комбинации звуковых признаков задают множество допустимых в данном языке звуков (и фонем), из которых строится множество допустимых звуковых последовательностей (оболочек знаковых единиц).

Универсум значений в свою очередь определенным образом членится каждым языком на стандартные, типовые для этого языка смысловые блоки. Каждый такой смысловой блок является внутренне сложно организованным, то есть разложимым семантическим объектом, однако, вступая в знакообразующую связь с означающим, он может использоваться говорящим как единая элементарная сущность, исходный материал для построения более сложных смысловых структур. Смысловые блоки, которым соответствуют относительно цельные и самостоятельные означающие (словесные оболочки), называются лексическими значениями; смысловые блоки, означающие которых лишены цельности и самостоятельности, называются грамматическими значениями (в широком смысле слова). Типичными носителями лексических значений являются слова (лексемы) и семантически несвободные сочетания слов (фразеологизмы), типичные носители грамматических значений - служебные морфемы, синтаксические конструкции (словосочетание, предложение), а также всевозможные операции над этими единицами (грамматические правила).

Смысловые блоки одного языка не эквивалентны смысловым блокам другого (в частности, объемы значений одноименных грамматических категорий и, более того, практически любых соотносимых в двуязычных словарях пар слов не совпадают). Еще в большей степени языки различаются по способам деления универсума значений на лексические и грамматические значения.

Однако при всем удивительном разнообразии лексических и грамматических значений в конкретных языках обнаруживается в то же время и удивительная их повторяемость. Языки как бы заново открывают одни

и те же элементы смысла, придавая им различное оформление, что позволяет говорить в применении к различным языкам о тех или иных фиксированных смысловых блоках универсума значений (предопределяемых в конечном счете свойствами отражаемого в мышлении человека и независимо от него существующего мира предметов, событий, отношений и т.п.): о категориях частей речи, именных классов, числа, референциальной соотнесенности, о каузативной связи между парами событий, о типовых ролях участников ситуации (ср. падежи), о способах реализации типового события (ср. вид, способ действия), о значениях времени, причины, условия, следствия (ср. соответствующие типы сложных предложений) и т.п. Поэтому несопоставимость семантических членений естественных языков не следует преувеличивать. Во-первых, при обращении к данным многих языков обнаруживается, что степень покрытия универсума значений и принципы его членения не произвольны и не беспредельно разнообразны и, во-вторых, что более важно, - в реальной речевой деятельности эта неэквивалентность членений в большинстве случаев ситуативно снимается, что создает, в частности, принципиальную возможность перевода с языка на язык (если снизить требования к тождеству эстетических функций речевых произведений, наиболее ярко представленных в поэтической речи).

Мир лексических значений закреплен в знаменательной лексике языка. Слово является простейшим языковым средством номинации фрагмента действительности (предмета, свойства, явления, события), поскольку в нем самом осуществляется связь между означаемым (лексическим значением) и означающим (звуковой оболочкой). Однако язык едва ли выполнял бы свое назначение, если бы располагал только лексическими средствами номинации, т.к. потребовалось бы столько слов, сколько существует разных фрагментов действительности, о которых можно помыслить. Механизм многократного применения процедуры номинации обеспечивает грамматика.

Грамматика, в отличие от статичного словаря, является динамическим механизмом, состоящим из грамматических значений и системы правил, которые строят из элементарных смысловых блоков сложные смысловые структуры и в то же время ставят этим структурам в соответствие определенные звуковые последовательности.

Словарь и грамматика - два тесно связанных и согласованных компонента структуры языка. Их согласованность определяется общностью их основных функций, а их различия, помимо отмеченных выше различий структуры, связаны прежде всего с различием хранения смысловых единиц в языковой памяти: словарные единицы хранятся как готовые к употреблению, автоматически воспроизводимые двусторонние сущности, в то время как единицы, в образовании которых участвуют грамматические правила, в готовом виде в памяти отсутствуют и специально строятся в

соответствии с некоторым коммуникативным заданием. Согласованность словаря и грамматики способствует постоянному возникновению в речи единиц промежуточной природы, например таких, в которых осуществляется переход от свободного, грамматически организованного сочетания слов к устойчивому словосочетанию, эквивалентному слову (воспроизводимому по памяти, а не по правилам). Аналогичным образом словообразовательные процессы, создающие новые слова средствами грамматики, в том или ином фрагменте словарного состава постепенно угасают по мере узуального закрепления нового слова в словаре и его окончательного превращения в единицу лексики.

Грамматические правила, устанавливающие связь между значением и звучанием, различаются по конечному результату их применения. Наиболее известны и изучены предписывающие правила. Они применяются обязательно и эффективно, если выполнены определенные условия (условия применимости). Например, в русском языке правилом-предписанием является правило согласования в атрибутивной синтагме (*новый дом*, но *новое строение*) или правило маркировки существительного по числу независимо от счетности-несчетности его семантики (*молоко* - ед. ч., но *сливки* - мн. ч., *мнение* - ед. ч., или *мнения* - мн. ч.). Применение этих правил обязательно приводит к некоторому положительному результату (к образованию некоторой языковой формы).

Кроме того, в языке существует значительное количество разрешающих правил - правил-советов*, которые устанавливают не реальное, а потенциальное соответствие между значением и звучанием.

Специфика этих правил состоит в том, что формирование связи между значением и звучанием обеспечивается не одним таким правилом, а системой правил. Разрешающие правила действуют в тех частях грамматики, где одна и та же языковая форма служит означающим для множества разнородных означаемых, не находящихся в дополнительном распределении. Типичным примером такой ситуации является выбор одного из актантов предиката на роль подлежащего. В эту систему входят разрешающие правила типа "Агенс может быть подлежащим", "Тема может быть подлежащим", "Конкретно-референтная именная группа скорее может быть подлежащим, чем нереферентная именная группа" и т.д. Данные правила формируют множество актантов-кандидатов на роль подлежащего, но сами по себе они не предопределяют окончательную форму высказывания (ср. *Директор издал приказ - Приказ был издан директором*).

Система правил-советов предполагает существование процедуры выбора из множества разрешенных альтернатив, создающих ситуацию неопределенности, конфликта, то есть такую ситуацию, когда одновременно могут быть применены несколько правил-советов.

* О типах правил см. также главу 3.

Конфликтно-разрешающие правила опираются на прагматический принцип приоритета, при котором выбор в конфликтной ситуации осуществляется в пользу максимально приоритетной альтернативы. Принцип приоритета наряду с принципом экономии заимствован языком из практики речевой и, шире, мыслительной деятельности и демонстрирует онтологическую связь языка с мышлением.

Большинство грамматических правил непосредственно используется в формировании смысла строящегося высказывания, то есть несет определенную информацию. В частности, правило согласования прилагательных с существительными в атрибутивной синтагме манифестирует наличие атрибутивной связи и не является чисто формальным. Существуют, однако, и формальные грамматические правила, назначение которых - приведение звуковой последовательности к стандартному виду. Таковы в основном морфологические и фонетические правила типа всевозможных сандхи, редукции неударных гласных и т.п.

Не всем значимым языковым сущностям соответствует некоторая сегментная звуковая оболочка. Значительная доля смысла высказывания выражается супрасегментными средствами. В языке существуют также нулевые знаки, не имеющие означающего, например нулевая связка в русском языке. В ряде случаев означающим является не звук, а некоторое грамматическое правило, например операция конверсии, переводящая слово из одной части речи в другую. Особенно распространено явление компрессии, когда в одном означающем слито несколько означаемых. По этому принципу организована словоизменительная морфология флективных языков (например, морфеме *-у* в русском языке соответствуют значения '1-е лицо', 'ед. ч.', 'наст. время'). Синтаксическое членение предложения (в тех языках, где имеются члены предложения) также служит для компрессии в одном означающем (члене предложения) нескольких означаемых.

Не имеют специального внешнего формального выражения так называемые пресуппозиции, составляющие существенную часть значения всякого высказывания.

Такого рода "отклонения" от простого соответствия между значением и звучанием обеспечивают языку большую эффективность в выполнении им его основных функций, хотя в то же время значительно осложняют процесс исследовательской деятельности лингвиста. Но эти исследовательские трудности не следует отождествлять со сложностью самого объекта. Наоборот, чем проще объект устроен (то есть чем непосредственнее его структура отражает его функции), тем сложнее его познать (в особенности при недоучете функционального аспекта)*.

* См. в этой связи постулат о ПРОСТОТЕ в главе 2.

В языкознании сосуществует достаточно большое количество ин... ральных концепций (моделей) языка, описывающих его устройство с разной степенью конкретности, детальности и в конечном счете достоверности. Эти модели во многом противопоставлены друг другу и существуют на правах альтернативных гипотез, но часто представление о языке приравнивается к той или иной модели, хотя число общих свойств, приписываемых языку всевозможными его моделями, сравнительно невелико. В целом практически все существующие модели языка, как статич... (классическая традиционная грамматика языка, концепция Сосс... Ельмслева и др.), так и динамические (генеративная грамматика, модель "СМЫСЛ-ТЕКСТ" и др.), страдают недоучетом функциональной предопределенности языка, производности его от речевой деятельности и прагматических условий его использования.

В большинстве моделей языка постулируется уровневая структура. Количество выделяемых уровней и системные межуровневые связи трактуются в разных моделях по-разному, но наиболее общепринятым можно считать выделение фонетики, морфологии, синтаксиса, семантики. Фонетика относится к уровню звучаний, семантика - к уровню значений, а синтаксис (и морфология - в тех языках, где она развита) обеспечивает соответствие между звуками и значениями.

Каждый уровень характеризуется специфическим составом конституирующих его единиц. К основным языковым единицам обычно относят фонему, морфему, слово, словосочетание, предложение.

Конкретные представители одной и той же единицы (фонемы, морфемы и т.д.) находятся между собой в парадигматических и синтагматических отношениях. Парадигматические отношения - это отношения в инвентаре, в системе, отличающие одну единицу данного типа от всех других подобных. Синтагматические отношения - сочетаемостные (грамматические), устанавливающиеся между однотипными единицами в речевой цепи. Единицы разных типов находятся в иерархических отношениях (морфема - упорядоченная последовательность фонем, слово - упорядоченная последовательность морфем и т.д.) В процессе речепроизво... ства парадигматические отношения используются в основном на эта... номинации - выбора альтернативных способов означивания фрагме... действительности, синтагматические и иерархические отношения уча... вуют в процессе вербализации и линеаризации - при построении смыс... вой структуры и соответствующей ей правильной линейной звуковой ... следовательности.

Ввиду наличия универсальной базы, предопределяющей грам... возможного разнообразия в устройстве конкретных языков, естестве... что внутренние структуры конкретных языков обладают бо́льшим и... меньшим числом сходных или тождественных черт. Языки, устройство которых обнаруживает структурную общность в отношении тех или иных

характеристик, образуют одну структурную группу (типологический класс). Классификация языков по типам может осуществляться по разным основаниям в зависимости от того, какие характеристики языковой структуры лежат в основе сравнения. В соответствии с этим один и тот же язык может входить в разных классификациях в разные типы (и, соответственно, группировки языков). Так, русский язык с точки зрения формально-морфологической классификации попадает во флективный тип в отличие от аналитического типа английского языка, в то время как синтаксически они оба входят в один тип аккузативных языков, противопоставленных языкам эргативного, активного, нейтрального типа.*

Хотя типологическая классификация в отличие от генетической не всегда отражает реальные связи между конкретными языками, она является одним из существенных инструментов индуктивно-дедуктивного изучения и представления сущностных свойств языка вообще.

Глава 2

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПОСТУЛАТЫ**

0. Вместо введения

Вместо эпиграфа:"Я вполне отчетливо помню, как, будучи студентом, я испытывал чувство тревоги по поводу того факта, что, как казалось, основные проблемы в избранной области были разрешены, и единственное, что оставалось, это оттачивать и совершенствовать достаточно ясные технические приемы лингвистического анализа и применять их к более широкому языковому материалу" [Хомский 1972/1968. С. 13].

Цель данной главы - по возможности эксплицитно сформулировать те коренные сдвиги в лингвистической идеологии, которые происходят в ней в последние годы и, как мне думается, должны предопределить ее развитие в ближайшем будущем. Вместе с тем хочу подчеркнуть, что содержание данной главы обладает следующими (возможно, отрицательными) свойствами.

1. Оно неоригинально. Ниже я суммирую (возможно, в авторизованном виде) идеи, высказывавшиеся и подразумевавшиеся в последнее ... мя разными учеными, стоящими на различных научных позициях и ...ересующимися весьма разными языковыми проблемами. Не стремясь ...черпывающему перечислению, могу упомянуть некоторые источники:

* См. об этой классификации в части III.

** Переработаный вариант статьи, опубликованной в сборнике: Механизмы вывода и обработки знаний в системах понимания языка. Труды по искусственному интеллекту//Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1983. Вып. 621. С. 24-39. См. также: Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 33-40. В основу работы положен доклад, прочитанный на семинаре проекта "Диалог" в Сангасте (Эстония, март 1982).

Ч.Филлмор, У.Чейф, Т.Гивон, Д.Леви, Т.Виноград, С.Куно, Р.Ван Валин, А.Вежбицка, Н.Д.Арутюнова, В.А.Звегинцев, Ю.С.Степанов, Е.В.Падучева, Х.Ыйм и многие другие. Значительное влияние на содержание этой главы оказало и мое общение с коллегами по работе.

2. Оно крайне дискуссионно. Я знаю, что многие положения могут вызвать и вызывают в большей или меньшей степени недовольство и протест. Связано это с тем, что излагаемые ниже идеи вступают в противоречие со стереотипом устоявшегося взгляда на лингвистику (дань которому сам я отдал в полной мере).

3. Оно декларативно. Я не в состоянии по причинам места, а часто и по существу доказывать правильность выдвигаемых положений, поскольку многие из них относятся к классу научных презумпций (постулатов), принимаемых, строго говоря, на веру в силу внутреннего убеждения, что это принесет идейное облегчение и разрешит многие антиномии в практической работе. Большинство моих обоснований носит характер обращения к здравому смыслу и непредвзятой точке зрения.

4. Оно фрагментарно. Я не задаюсь целью дать глобальную систему постулатов, на которой должна была бы покоиться лингвистика, и тем более тех соблазнительных следствий, которые могли бы из этой системы вытекать. Напротив, я сосредоточу свое внимание лишь на самых существенных, с моей точки зрения, постулатах лингвистики "текущего настоящего" и "ближайшего будущего".

Представляется, что принятие формулируемых ниже постулатов является необходимой предпосылкой успешного моделирования языковой деятельности, составляющей существенный компонент интеллектуального поведения человека.

1. О лингвистических моделях

Вместо эпиграфа: "Изучая язык, мы не можем отвлечься от его носителя, не можем не учитывать тех операций, которые производит с языком человек" [Ревзин 1967. С.26].

Имеются две точки зрения на соотношение между объектом исследования - оригиналом, существующим независимо от исследователя, и копией или моделью оригинала, являющейся продуктом исследовательской деятельности.

Согласно первой точке зрения, задачей моделирования является не изучение ненаблюдаемой "сущности" оригинала, а построение некоторого конструкта произвольной внутренней природы, внешние проявления которого идентичны внешним, наблюдаемым проявлениям оригинала. Такой подкупающий своей операционностью и простотой метод кибернетического моделирования, известный под названием метода "черного ящика", основан на презумпции, что с его помощью мы практически в состоянии достигнуть достаточно большой степени изоморфности "входов"/"выходов" оригинала и модели. Вера в вероятность достижения успеха на этом пути покоится также на допущении об автономности "входов" и "выходов" оригинала от его внутреннего устройства, то есть на допущении, что различные по своей природе объекты могут иметь идентичные "входы" и "выходы".

Лингвистическая практика показала, что метод "черного ящика" действительно оказывается полезным на начальных этапах моделирования, когда резко ограничена сфера понимания того, что такое "вход" и "выход" языка (чаще - некоторого его небольшого фрагмента) и модели, и когда допускается весьма приближенное сходство между их "входами"/"выходами". Однако эффективность этого метода при построении интегральных моделей языка и по мере повышения требований к идентичности "входов"/"выходов" становится все более проблематичной. Модели такого рода, развиваясь, имеют тенденцию экспоненциально усложняться и становиться не упрощенными копиями оригинала, а объектами, по сложности не только не уступающими оригиналу, но скорее всего значительно его превосходящими.

Второй, в перспективе представляющийся более плодотворным, подход к моделированию ориентирован на познание оригинала per se. Применительно к лингвистическому моделированию его можно сформулировать в виде следующего постулата.

Постулат О ЕСТЕСТВЕННОСТИ МОДЕЛИ: адекватная модель языка должна объяснять, как он устроен "на самом деле".

Что такое "язык на самом деле"? Это совокупность тех знаний, которыми располагает человек, осуществляя языковую деятельность на соответствующем языке. В отличие от метода "черного ящика" "естественное" моделирование языка должно осуществляться с учетом того, как человек реально пользуется языком, то есть как он овладевает языком, как хранит в своей памяти знания о языке, как использует эти знания в процессе говорения, слушания, познавательной деятельности, и т.д. В рамках этого подхода стремление к идентичности "входов"/"выходов" языка и его модели является не самодовлеющей целью, а лишь одним из способов проверки соответствия модели сущностной природе оригинала. При этом предполагается, что различные по своему внутреннему устройству объекты такого класса сложности, к которому относится естественный язык, не могут иметь идентичных "входов" и "выходов".

Постулат О ЕСТЕСТВЕННОСТИ МОДЕЛИ является основополагающим и в значительной мере предопределяет суть всех дальнейших утверждений.

2. О границах лингвистики

Вместо эпиграфа:"Предположение, что языковые способности не имеют ничего общего с другими аспектами человеческого сознания, кажется малоправдоподобным. Для меня наиболее интересными лингвистическими результатами были бы именно такие, которые показывали бы, каким образом язык соотносится с другими аспектами человеческого существа" [Лаков 1981/1977. С.351].

Становление лингвистики как самостоятельной науки традиционно сопровождалось отграничением ее от смежных областей знания и стремлением четко определить, с какими объектами лингвистика дело имеет, а с какими нет, какие методы исследования она может применять, а какие не может.

Презумпция "чистоты" науки лежит в основе часто используемого в лингвистических спорах аргумента: "Это не лингвистика". Классический пример искусственного самоограничения, доведенного до абсурда, - это попытка дескриптивистов описать язык, не обращаясь к значению. Ведь сейчас скорее можно было бы, нарочито утрируя, сказать прямо противоположное: в лингвистике ничего (или почти ничего) нет, кроме проблемы значения.

При сохранении принципа "чистоты" лингвистика последних десятилетий характеризуется в то же время неуклонным расширением сферы своего влияния: от фонетики - к фонологии, от морфологии - к синтаксису и затем - к семантике, от предложения - к тексту, от синтаксической структуры - к коммуникативной, от языка - к речи, от теоретического языкознания - к прикладному. То, что считалось "не лингвистикой" на одном этапе, включается в нее на следующем. Этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным. В целом он направлен в сторону снятия априорно постулированных ограничений на право исследовать такие языковые феномены, которые до некоторого времени считаются недостаточно наблюдаемыми и формализуемыми и, следовательно, признаются непознаваемыми. И каждый раз снятие очередных ограничений дает новый толчок лингвистической теории, конкретным лингвистическим исследованиям. Обнаруживаются новые, не замечавшиеся ранее связи, обогащается и вместе с тем упрощается представление о языке.

Итак, можно сформулировать такой постулат.

> Постулат О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ: все, что имеет отношение к существованию и функционированию языка, входит в компетенцию лингвистики.

Следует обратить внимание на то, что принятие этого постулата, во-первых, не приводит к беспредельному расширению компетенции лингвистики (то есть аргумент "Это не лингвистика" сохраняет право на существование, но в его функциональной интерпретации, а не с догматической привязкой к господствующему на данный момент стереотипу), и, во-вторых, дает единое объяснение объективному историческому (далеко не законченному) процессу расширения лингвистики (расширение лингвистики всякий раз связано с обращением к таким формам существования и функционирования языка, которые раньше не замечались или игнорировались).

Принятие данного постулата, можно надеяться, делает перемещение фокуса внимания на нетрадиционные лингвистические объекты и связанную с этим смену научной парадигмы более безболезненными.

3. О соотношении синтаксиса и семантики

Вместо эпиграфа:"...в действительности широкий круг лингвистических явлений определяется в первую очередь несинтаксическими факторами; эти явления отводят синтаксису - если ограничить его лишь строго формулируемыми трансформациями и правилами - весьма скромную и неинтересную роль, и до недавнего времени многие лингвисты совершали ошибку, фокусируя свое внимание лишь на типичных поверхностных проявлениях этих несинтаксических факторов (о которых они не подозревали) и игнорируя все прочие проявления в синтаксисе тех же самых несинтаксических факторов" [Куно 1978. С. 276].

Вопрос о соотношении компонентов языковой структуры неоднократно обсуждался. Логически возможные точки зрения состоят в следующем:

1) синтаксис и семантика - автономные уровни, внутреннее устройство которых не зависит друг от друга; 2) синтаксис является центральным, независимым компонентом языка, а семантический компонент лишь интерпретирует структуру, получающуюся на выходе синтаксического компонента; 3) центральным, ведущим компонентом является семантика и большинство синтаксических понятий не связано с чистым синтаксисом, а имеет семантическую природу. Многие факты говорят в пользу последней точки зрения, которой можно придать вид постулата.

> Постулат О ПРИМАТЕ СЕМАНТИКИ: как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем.

Иными словами, то, что синтаксисты привыкли рассматривать как объект своих внутриуровневых наблюдений: проблема предложения (что такое предложение? как определяются его границы? какие бывают типы предложений?); членов предложения (подлежащее, дополнение и т.п.), типов синтаксической связи (управление - согласование - примыкание), типов словосочетания, типов формальных синтаксических структур (дерево зависимостей - дерево составляющих), типов языков (аккузативные

- эргативные и т.д.), трансформационных ресурсов языка и т.д. - все это в действительности не может быть описано и объяснено без соотнесения с теми компонентами семантического представления, которые лежат в основе этих традиционно считающихся синтаксическими явлений.*

4. Об устройстве семантики

Вместо эпиграфов: "Моим первым допущением являлось то, что иллокутивная функция высказывания есть часть его значения и как таковая должна быть эксплицитно введена в семантическое представление" [Вежбицка 1980. С. 288.]. "Тип соотнесенности ИГ [с внеязыковыми объектами. - А.К.] для каждого употребления предложения в речевом акте не произволен: он... составляет один из аспектов смысла и, следовательно, должен быть отражен в семантическом представлении" [Падучева 1979. С. 25].

Если до недавнего времени семантика (как лингвистическая область) противопоставлялась прагматике (как области нелингвистической), то теперь выявляется неоднородность семантического уровня, и прагматические компоненты могут рассматриваться как частные сферы семантического представления (СемПа). Узкая семантика (то, что относится к содержанию сообщения, отражающему ситуацию, внешнюю по отношению к ситуации акта речи) - ситуационный компонент - выступает лишь как один из многих компонентов СемПа, таких, как референциальный, модальный, дейктический, упаковочный, логический, эмоциональный, иллокутивный (подробнее см. главу 14).

> Постулат О ГРАНИЦАХ СЕМАНТИКИ: к области семантики (в широком смысле) относится вся информация, которую имеет в виду говорящий при развертывании высказывания и которую необходимо восстановить адресату для правильной интерпретации этого высказывания.

Отсылка к сознанию говорящего и адресата в данной формулировке не является случайной, поскольку без соотнесения с коммуникативной ситуацией, в рамках которой создается данное высказывание, его СемП не может быть определен. Это не означает, однако, что у говорящего и слушающего СемПы высказываний идентичны. Различие между ними может быть связано, в частности, с тем, что говорящий не предоставил слушающему всех необходимых средств для восстановления того СемПа, который он имел в виду, и с тем, что слушающий "плохо слушал" говорящего. Таким образом, у высказывания может быть три (неидентичных)

* Ср. глубокое замечание А.А.Шахматова о том, что универсальное противопоставление субъекта предикату "коренится, конечно, не в свойствах грамматических форм как таковых, а в свойстве тех представлений, которым они соответствуют и от которых никогда не оторвутся в силу самого грамматического их значения. Здесь особенно ярко сказывается тесная внутренняя связь между языком и мышлением" [Шахматов 1941. С. 23].

СемПа: СемП говорящего, СемП высказывания, который может быть восстановлен идеальным слушающим (этот СемП идентичен СемПу говорящего, если для данного смысла говорящим найдена адекватная языковая форма), и СемП слушающего (этот СемП идентичен СемПу говорящего, если а) СемП высказывания идентичен СемПу говорящего и слушающий является идеальным или б) если слушающий "без слов" понимает говорящего).

Следует подчеркнуть, что этот постулат значительно изменяет сложившееся представление о семантике: ее доминанта (узкая семантика) становится лишь одним из ряда компонентов, до недавнего времени не входивших в сферу лингвистического исследования.

5. О соотношении языка и мышления

Вместо эпиграфов: "Мысль не воплощается в слове, а совершается в слове" [Выготский 1968. С. 192]. "Вопреки общераспространенному но наивному взгляду, язык не есть ярлык, заключительно налагаемый на уже готовую мысль" [Сепир 1934/1921.С.13]. "Дискурс следует рассматривать как взаимодействие или пересечение четырех "структур": 1) структуры идей, выражаемых в тексте; 2) структуры мыслительных процессов говорящего; 3) языковых структур, используемых говорящим; 4) структуры речевой ситуации (отношений между говорящим и слушающим)" [Леви 1979. С. 208].

Проблема языка и мышления (имеющая не менее почтенный возраст, чем сама лингвистика) до сих пор весьма далека от разрешения. В настоящее время недостаточно признавать, что наряду с языком (которым занимаются лингвисты) существует мышление (которым лингвисты не занимаются). Неоспоримость существования коммуникативной и мыслесозидательной функции языка запрещает с позиций постулата О ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ исключить из лингвистического рассмотрения тот механизм, который собственно и создает высказывание вместе с его СемПом и формой. СемП при таком понимании является не исходным терминальным компонентом модели языка, а некоторым продуктом мыслительного процесса, мыслительной деятельности, в свою очередь имеющей "замысел (или мысль), с которого начинается процесс формирования высказывания" [Лурия 1975. С.9.].

Таким образом, мы приходим к следующему постулату.

> Постулат О МОДЕЛИ ЯЗЫКА: необходима разработка лингвистических моделей класса "МЫСЛЬ - СООБЩЕНИЕ".

В рамках такой модели мысль противопоставлена смыслу как интеллектуальный стимул, стартер динамического, развивающегося во времени акта (совершаемого в сознании участников коммуникации) - окончательному результату, продукту этого акта (запечатлевающемуся в памяти участников коммуникации).

Что касается сообщения, то под ним имеется в виду двуединая сущность, нераздельными компонентами которой являются смысл (в ко-

нечном счете, СемП) и форма (в конечном счете, звуковая цепь). Динамическим компонентом данной модели языка является переход от мысли к развернутому высказыванию, наделенному смыслом и формально организованному, а не переход от смысла к тексту (звуковой цепи или ее эквиваленту). Поэтому говорить о процедуре перехода от смысла к языковому выражению (как это имеет место в модели "СМЫСЛ - ТЕКСТ") можно, строго говоря, только с определенной долей условности, несколько огрубляя реальное положение дел.

В рамках модели "МЫСЛЬ - СООБЩЕНИЕ" естественно считать, что мыслительные процессы имеют приоритет перед семантикой, поскольку мысль предшествует смыслу и создает его (ср. постулат О ПРИМАТЕ СЕМАНТИКИ).

6. О соотношении смысла и формы

Вместо эпиграфа: "Только для беспристрастного и стороннего наблюдателя связь между означающим и означаемым является чистой случайностью" [Якобсон 1970. С.7].

Лингвистика исторически сложилась как эмпирическая наука. Поэтому наиболее распространенным методом лингвистического исследования является наблюдение над языковыми выражениями, выявление оснований их членения на составляющие их единицы (морфемы, слова, конструкции и т.д.), классифицирование этих единиц и приписывание значений единицам классификаций. (Этот метод напоминает процесс анализа высказывания адресатом.) Чем более скрупулезно проводятся такого рода исследования, тем более сложными оказываются соответствия между изучаемыми единицами (формами) и приписываемыми им значениями. Всякий раз оказывается, что некоторая форма имеет много значений (причем распределение значений крайне сложно и все глубже утопает в стихии контекста), а каждое из значений в свою очередь имеет много способов выражения.

Хотя невозможно отрицать многозначное соотношение между формой и значением, думается, что оно значительно преувеличено и связано с тем, что при принятом таксономическом подходе и восхождении от форм к значениям мы приписываем формам в качестве их значений фиктивные сущности. Желательно принятие другой тактики описания, повторяющей в известной степени процесс порождения высказывания говорящим, перед которым стоит речемыслительная задача реализовать свою мыслительную интенцию в конкретной языковой форме.

> Постулат ОБ ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ ОПИСАНИЯ: исходными объектами лингвистического описания следует считать значения (и предопределяющие их исходные для речемыслительного процесса сущности) и им ставить в соответствие выражающие их языковые формы.

Этот постулат не отрицает, а предполагает, что процесс познавательной деятельности лингвиста должен быть циклическим, чередующим индуктивный, таксономический метод восхождения от формы к ее значению, с дедуктивным, воссоздающим процесс перехода от постулированного значения к выражающей его форме. Постулат ОБ ИСХОДНОЙ ТОЧКЕ ОПИСАНИЯ согласуется с постулатом О МОДЕЛИ ЯЗЫКА и опирается на идею, что мыслительные процессы находят во многом прямое, иконическое отражение в языковых структурах, что семантические представления суть тени лежащих в их основе мыслительных структур и что в свою очередь смыслы связаны мотивирующим отношением с грамматическими формами (под которыми имеются в виду любые средства языкового выражения смысла: форма понимается не только и не столько как фонетическая оболочка, а как грамматическая сущность "обслуживающих" семантику уровней: морфологического, синтаксического, лексического).

> Постулат О МОТИВИРОВАННОСТИ: исторически исходное соотношение между смыслом и грамматической формой мотивировано: устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла (формирующих его речемыслительных процессов).

Кажущееся отсутствие мотивации формы смыслом следует объяснять тем, что эта связь стерта, демотивирована, и искать исходное мотивированное состояние. В процессе длительного использования форма способна отрываться от первичной функции, для которой она была предназначена, и приобретать статус относительной автономности, независимости. Однако эту автономность не следует абсолютизировать (подробнее о мотивированности формы см. главу 10).

В частности, язык в процессе языковой деятельности выступает как форма для мысли, и постулат о мотивированности облегчает нам обнаружение структуры мысли в структуре языка и vice versa.

Итак, если лингвистика недавнего прошлого допускала лишь вопросы типа "как?" и избегала вопросов "почему?", то теперь ситуация должна коренным образом измениться: нужны именно ответы на вопросы типа "почему?", поскольку только они могут что-либо объяснить. В основном до сих пор лингвисты довольствовались описанием структур следствий, и сложность этих описаний приписывалась языку как его сущностное свойство: "Язык - очень сложное устройство", - говорим мы. С точки зрения здравого смысла (в частности, исходя из непроизвольной обучаемости языку) в это невозможно поверить.

> Постулат О ПРОСТОТЕ: сложны лингвистические представления о языке вследствие их неадекватности, а язык устроен просто.

Иными словами, мера нашего непонимания языка измеряется мерой сложности его описания.

Постулат О ПРОСТОТЕ никоим образом не следует вульгаризировать, понимая под простотой примитивность. Имеется в виду простота устройства чрезвычайно совершенного. При этом простота, естественно, есть понятие относительное. Постулат о простоте языка подчеркивает, что доступные нашему современному исследованию факты описаны заведомо сложнее того, как они устроены "на самом деле", поскольку до сих пор мы в основном ставили своей целью о н и с ы в а т ь устройство языка, но н е о б ъ я с н я т ь его (см. в этой связи также главу 3).

7. Вместо заключения

Система постулатов, представленная выше, следует, на мой взгляд, из внутренней логики развития современной лингвистической теории и направлена на преодоление накопившихся в этой теории противоречий.

Только на основе данной системы постулатов возможно гармоническое соединение в единое целое до настоящего времени автономно существующих разделов лингвистики, таких, как теория языка, типология, теория универсалий (в первую очередь семантических), история языка, теория детской речи, психолингвистика, нейролингвистика, автоматический перевод, автоматический анализ текста и т.д. Вместе с тем эта система постулатов естественна с точки зрения той теоретико-прикладной задачи, которая существует под именем искусственного интеллекта, а это значит, что никакого разрыва, никакой границы между этими областями знания также не должно иметь места. Отправным пунктом лингвистических рассуждений являются структура мысли, мыслительные процессы, языковое взаимодействие, речевой акт, - они предопределяют во многом, если не во всем, структуру естественного языка.*

На фоне указанных постулатов становится очевидным, до какой степени лингвистика еще не осознала своего предназначения, пока она почти исключительно занималась сведением звуков в фонемы, сведением алломорфов в морфемы, фонетическими и морфологическими дистрибуциями, выведением межъязыковых звуковых соответствий, инвентаризациями и классификациями наблюдаемых единиц различных типов (слов, словосочетаний, предложений).

Такой этап был необходимым звеном в эволюции лингвистики, и проделанный ею труд был поистине титаническим, как титаничен успех

* Уже после написания текста настоящей работы мне приятно было обнаружить, что в основном те же выводы сделаны В.И.Герасимовым в аналитическом обзоре, посвященном современному состоянию исследований в области структуры предложений, см. [Лингвистическая семантика 1981].

младенца, впервые принимающего сидячее положение, но даже Илья Муромец не стал бы Ильей Муромцем, если бы никогда не слез со своей печи.

ГЛАВА 3

ТИПОЛОГИЯ: ТАКСОНОМИЧЕСКАЯ ИЛИ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ, СТАТИЧЕСКАЯ ИЛИ ДИНАМИЧЕСКАЯ?*

0. Введение

Типологический метод в языкознании известен довольно давно. Он является одним из важнейших средств обобщения знаний о конкретных языках и построения общей теории языка. Наиболее разработан типологический подход к исследованию структуры языка (его языковых состояний) в отвлечении от фактора времени - это так называемая с т р у к т у р н а я (или, иначе, с и н х р о н н а я типология. Именно о ней и пойдет далее речь, хотя многие выдвигаемые ниже положения могли бы быть, на мой взгляд, распространены и на эволюционную типологию (обобщающую типовые схемы изменения языковых состояний).

Задачи синхронной типологии в разное время ставились и решались по-разному, в зависимости от того, что предполагалось ее средствами узнать о языке, и от того, объектом какого рода представлялся сам язык.

В настоящей главе делается попытка обосновать тезис о том, что типология ближайшего будущего должна двигаться от таксономических задач к объяснительным и от статической модели языка к динамической.

1. Таксономическая КАК-типология

Занимаясь выявлением способов (типов) организации языковой структуры, типология систематизирует наблюдения над всевозможными проявлениями структурных сходств и различий, имеющихся между языками [Кацнельсон 1985. С. 6, Крофт 1990]. Поскольку состав и специфика типов зависит от степени варьирования языковых структур, то основное внимание в типологии уделяется, естественно, выявлению различий между языками.

До самого последнего времени основной задачей типологии был поиск ответа на вопрос:

КАК (ЧЕМ) языки отличаются друг от друга?

Следовательно, основной задачей КАК-типологии была т а к с о н о м и я - классификация языков по всевозможным параметрам. Сама таксономия, как известно, требует:

* Опубликовано в: Вопросы языкознания. 1989. N 1.

- отбора параметров (оснований классификации), по которым осуществляется сравнение языков (таким классическим типологическим параметром является, например, морфологическая структура слова);

- установления типов возможных реализаций каждого конкретного параметра в разных языках, то есть установления классов, на которые могут быть разбиты языки по данному основанию (например, традиционное различение изолирующего, агглютинативного и флективного способов построения слова).

Каждая из указанных подзадач может решаться как на эмпирической, так и на дедуктивной основе. Эмпирический выбор некоторой сущности в качестве типологического параметра основывается на том, что в некоторых сравниваемых языках реализации данной языковой сущности не тождественны. Например, в свое время сравнение европейских языков с кавказскими позволило обнаружить существование разных принципов построения основного каркаса предложения, что ввело в рассмотрение параметр синтаксического типа языка. Эмпирическая методика выделения классов в пределах данного параметра зиждется на принципе перечисления, обобщающем различия, зафиксированные в языках, включенных в исходную базу классификации. Добавление новых языков может привести к увеличению числа классов или к их внутренней перестройке. Перечислительной была, например, традиционная оппозиция номинативной (=аккузативной) - эргативной конструкции предложения, иногда расширявшаяся за счет посессивных, аффективных и других конструкций [Климов 1973].

Примечание 1. В двух словах трудно охарактеризовать всю специфику эргативной конструкции (см. в этой связи, в частности, [Климов 1973, Планк 1979, Диксон 1987]). Говоря традиционными терминами, она противопоставлена номинативной конструкции тем, как соотносится оформление предложений с непереходными и переходными (в индоевропейском понимании) глаголами. Например (аварский язык, пример из [Климов 1973. С. 48]): *Вас векерула* 'Мальчик (номинатив) бегает' - *Вас-ас тIил босула* 'Мальчик (эргатив) палку (номинатив) берет'. Внешним аналогом в русском языке является пассивная коиструкция (если отвлечься от ее производности и особой формы глагола): *Мальчиком палка берется.* Аффективную и посессивную конструкции демонстрируют следующие примеры аварского языка, взятые из [Климов 1973. С. 56]: *Вацас-е вас вокьула* 'Брат (датив) сына/мальчика (номинатив) любит' - *Вацас-ул лъимер буго* 'Брат (генитив) ребенка (номинатив) имеет'. Аналогом этих конструкций в русском языке являются выражения *Брату сын нравится, У брата ребенок есть.*

Дедуктивная методика в типологии требует системного обоснования как допустимых значений каждого параметра, так и самого состава типологически значимых параметров. Пределы допустимых различий между языками систематизируются методом исчисления, а не перечисления. Таким образом, типология на этом этапе уже тесно смыкается с общей теорией языка, ограничивающей множество возможных естественных языков (предсказывающей, в частности, какими

свойствами не может обладать никакой естественный язык) и задающей пространство типологических возможностей, которые реализуются в реально изученных языках или в принципе могут/могли бы реализоваться в каком-нибудь естественном языке. Примером образца такой исчисляющей классификации может быть типология залогов А.А.Холодовича и его группы [Типология 1974], опирающаяся на универсальное родовое понятие диатезы, или типология относительного предложения Э.Кинэна [Кинэн 1985].

КАК-типология чрезвычайно расширила диапазон параметров, включаемых ею в рассмотрение, и достигла весьма ощутимых успехов при том, что потенциальные ее возможности далеко не исчерпаны, поскольку ее идеал - построение настолько мощных классификаций, которые обеспечивали бы возможность интерпретировать материал любого произвольного языка - этот идеал пока еще очень далек от ее реальных возможностей.

И вместе с тем КАК-типология, по своим исходным презумпциям, изначально ограничена: наибольшее, на что в принципе способен таксономический метод, - это отвечать на вопросы о потенциальном существовании тех или иных явлений. Можно ли считать, что этим исчерпывается проблематика, связанная со структурным сопоставлением языков? Или, иными словами, являются ли таксономические цели (и соответствующие им таксономические методы) в типологии органически ей присущими?

2. Объяснительная ПОЧЕМУ-типология

В последнее время становится все более очевидным, что в типологии, как и в общей теории языка, происходит качественное изменение исходных презумпций (подробнее см. главу 2) и, наряду с КАК-вопросами, все чаще начинают ставиться ПОЧЕМУ-вопросы, а именно вопросы типа:

ПОЧЕМУ языки (тем-то и тем-то) отличаются друг от друга?

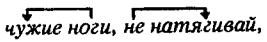
Тем самым на смену безраздельного господства таксономической КАК-типологии приходит объяснительная ПОЧЕМУ-типология, призванная ответить не только на вопросы о существовании, но и о причинах существования/несуществования тех или иных явлений (см. [Стассен 1985. С. 7, Крофт 1990. С. 155 - 202, Хоукинс 1988, Фаарлунд 1990. С. 31 - 46]). Такое развитие типологии имеет место не только и не столько в силу осознаваемой ограниченности КАК-типологии, но в первую очередь ввиду потребностей самой КАК-типологии: оказывается, что исчерпывающих ответов на КАК-вопросы зачастую невозможно получить, не поставив своевременно ПОЧЕМУ-вопросы.

3. Внутренние и внешние объяснения

Какие средства используются в типологии для ответов на ПОЧЕМУ-вопросы? Прежде всего возможна разная "глубина" объяснения. С этой точки зрения различаются "внутренние" и "внешние" объяснения (ср. [Баттеруорт и др. 1984. С.1]).

При в н у т р е н н е м объяснении объясняемая сущность (сущность-следствие) и сущность, посредством которой осуществляется объяснение (сущность-причина), в определенном отношении являются объектами одной природы. Так, например, внутренним объяснением существующих в языках многочисленных конкретных ограничений на линейную структуру предложения можно считать требование проективности синтаксической структуры, объясняющее, почему одни способы линейного упорядочивания слов в предложении естественны и широко распространены, а другие неестественны, редки и даже невозможны. И параметр-следствие (линейная структура предложения), и параметр-причина (проективность) относятся к синтаксическому уровню.

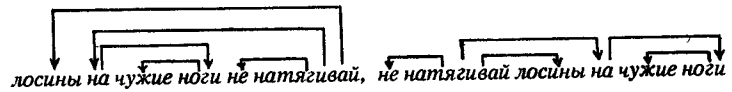
Примечание 2. Понятие проективности можно формулировать разными способами, опираясь на тот или иной формализм, описывающий синтаксическую структуру предложения. В самом общем виде это понятие опирается на линейную комбинаторику подчинительных связей между парами слов (где одно слово является главным, а другое зависимым). Линейная структура предложения проективна, если между каждой парой слов, связанных подчинительной связью, находятся только слова, зависящие (непосредственно или опосредованно) от одного из этих слов. Например, выражение *На чужие ноги лосины не натягивай* (афоризм К.Пруткова) обладает свойством проективности, поскольку пары слов, находящиеся в подчинительном отношении, или располагаются контактно:

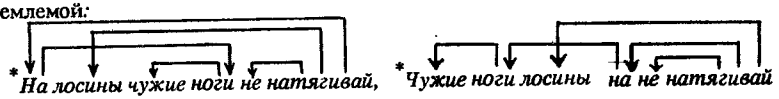
или между ними расположены лишь слова, зависимые от одного из этих слов:

Легко проверить, что свойство проективности сохраняется и при некоторых перефразах, полученных перестановкой слов:

и т.п. Однако при порядке слов, нарушающем это условие проективности, фраза становится неприемлемой:

и т.п. Подробнее о проективности см., например, в [Долинина 1977].

При в н е ш н е м объяснении сущность-следствие и сущность-причина являются объектами разной природы. Например, внешним объяснением ограничений в агглютинативных языках на линейный порядок морфем в словоформе является гипотеза о том, что расположение служебных аффиксов относительно корня иконически повторяет структуру семантического представления словоформы (см. главу 10).

Примечание 3. В качестве примера можно привести морфемное устройство финитного глагола хиналугского языка: *ки-р-ет-мя* 'делает', где *ки-* есть корень, *-р* - показатель несовершенного вида, *-ет* - показатель настоящего определенного времени, *-мя* - показатель изъявительного наклонения. Последовательность суффиксов относительно корня соответствует, согласно [Байби 1985], типологически предпочтительному (наблюдаемому во многих разносистемных языках) порядку категорий в глагольной словоформе:

'корень' + 'вид' + 'время' + 'наклонение'.

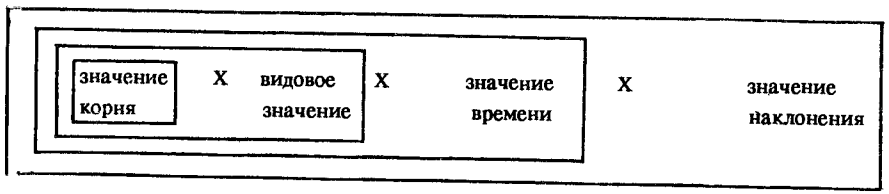
Почему из шести формально возможных порядков предпочтителен именно этот? Если обратиться к толкованиям соответствующих категорий, то мы будем иметь примерно следующее:

- несовершенный вид = 'длится и не имеет результата событие X', где X ='делать' - значение корневой морфемы;

- настоящее определенное время = 'в момент речи имеет место X', где X='длится и не имеет результата событие *делать*', то есть сочетание значения вида и корневой морфемы;

- изъявительное наклонение = 'верно, что X', где X = 'в момент речи имеет место, что длится и не имеет результата событие делать', то есть сочетание значений времени, вида и корневой морфемы.

Таким образом, данный порядок следования морфем объясняется порядком вложения значений одних категорий в значения других:

В значении каждой из данных категорий имеется переменная, которая заполняется значением той морфемы, которая непосредственно ей предшествует в глагольной словоформе.

Очевидно, что противопоставление внутренних/внешних объяснений является относительным и зависит от избранного взгляда на однородность причин и следствий. Так, в обоих вышеприведенных примерах как следствия, так и причины являются собственно языковыми сущностями и в этом смысле оба объяснения можно считать внутренними - апеллирующими к внутреннему устройству языковой системы.

4. Экстралингвистические объяснения

Однако глубина объяснения имеет еще один аспект. Как верно отмечает Б.Комри, "всякое объяснение неизбежно отодвигает решение данной проблемы на один шаг дальше, так как само это объяснение в свою очередь становится объектом, требующим объяснения" [Комри 1981. С. 24]. Действительно, являются ли вышеупомянутые примеры объяснений окончательными, не вызывающими новых ПОЧЕМУ-вопросов, например:

- почему синтаксическая цепочка зависимостей имеет тенденцию линеаризоваться в соответствии с формальным требованием проективности, а не наоборот, - вопреки или независимо от него?
- почему иерархическая (синтаксическая) структура семантического представления предопределяет линейную морфемную структуру словоформы?

Допустив рекурсивность процедуры объяснения, мы рано или поздно неизбежно дойдем до такого цикла, при котором языковая сущность-следствие уже не имеет никакой ближайшей языковой сущности-причины, и нам придется в поисках ее выйти за пределы собственно языковой структуры и обратиться к внешним по отношению к ней параметрам, а именно, от структурно-ориентированных языковых объяснений перейти к объяснениям экстралингвистическим (прагматически-ориентированным). Экстралингвистические объяснения будут исходить:

а) из обстоятельств приобретения языка человеком;

б) из обстоятельств использования языка человеком.

В случае (а) ограничения на структуру естественных языков могут объясняться особенностями филогенеза и онтогенеза, а именно, особенностями происхождения языка и усвоения языка. Так, если принять гипотезу моногенеза (происхождения всех человеческих языков из единого праязыка), то сходство между современными языками есть продукт сохранения черт, заданных типом исходного праязыка, а также конвергентных тенденций, сопровождающих процессы параллельного развития отдельных языков; различия между языками объясняются как результат мутации - процессов дивергентного развития, по-разному использующих структурные потенции, заложенные в предшествующих языковых состояниях. С точки зрения усвоения языка, наиболее известной объяснительной гипотезой является гипотеза о генетической врожденности языковой способности, согласно которой "форма языка, схема его грамматики в большой степени дана заранее" [Хомский 1972/1965. С. 49].

Очевидно, что объяснения типа (а), во-первых, покоятся на трудно-проверяемых гипотезах, во-вторых, исходят из некоторого, некогда происшедшего, случайного исторического выбора в человеческой эволюции,

в-третьих, на множество конкретных ПОЧЕМУ-вопросов дают по существу один ответ типа "так получилось".

Несмотря на то что гипотезы моногенеза и врожденности не следует пока полностью исключать из рассмотрения, тем не менее они, на мой взгляд, не могут конкурировать с объяснительной силой факторов (б), связанных с обстоятельствами использования языка человеком. Данный подход к ПОЧЕМУ-типологии основывается на фундаментальной гипотезе о функциональной мотивированности языка, а именно о том, что

> язык (как механизм, устройство, средство и т.д.), чтобы осуществлять свое предназначение (успешно использоваться), должен иметь не произвольную природу (структуру), а именно такую, которая оптимально согласована со способами его использования.

Если данная гипотеза верна, то знание условий функционирования языка может помочь объяснить, почему грамматики языков именно таким образом варьируют. Данная гипотеза объясняет также, почему объяснительные цели ПОЧЕМУ-типологии в принципе не могут быть разрешены в рамках таксономических методов, а требуют функционального метода, ориентированного на деятельностную модель языка. Из нее следует далее, что в основе ПОЧЕМУ-типологии должна лежать не традиционная статическая (структурная) модель языка, а динамическая модель, согласованная с моделью языковой деятельности, то есть описывающая язык как механизм, участвующий в преобразовании речемыслительной задачи в текст.

5. От статической к динамической типологии

Итак, мы сперва признали, что наряду с КАК-типологией имеет право на существование ПОЧЕМУ-типология. Далее мы пришли к выводу о том, что ПОЧЕМУ-типология, если не ограничивать ее рамками локальных внутриязыковых импликаций, неизбежно должна опираться на динамическую модель языка - именно ту модель, контуры которой интенсивно исследуются сейчас в общей теории языка и в ее приложениях (искусственный интеллект, общение с ЭВМ на естественном языке и т.п.)

По существу тем самым типология от этапа статической (и тем более таксономической) типологии должна перейти к этапу динамической (и по преимуществу объяснительной) типологии [Кибрик 1984].

В чем состоит специфика динамической типологии? Не будучи в состоянии дать развернутый и полный ответ на этот вопрос, как ввиду ограниченности объема настоящих заметок, так и ввиду чрезвычайно слабой разработанности данной области (в основном будущего) знания, я

ограничусь указанием нескольких существенных черт, характеризующих, на мой взгляд, динамический метод ПОЧЕМУ-типологии.

6. Языковая способность и ее место в целесообразном поведении человека

Динамический метод, наиболее последовательно применяемый при построении динамических моделей языка, не автономизирует языковую способность человека, не противопоставляет ее прочим способностям, а рассматривает как частное проявление общей способности человека к целесообразному (управляемому прагматическими целями) поведению. Из этого следует два важных тезиса.

Во-первых, в языковом поведении (и в обслуживающих его языковых механизмах) многое предопределяется не собственно языковой способностью, а общностью языкового поведения с прочими видами поведения человека. Раз так, то правомерно объяснение устройства языкового механизма и способов его варьирования такими прагматическими факторами, как

- принцип гештальта ("организуй свое поведение при помощи гештальтов - типовых блок-схем"), важность которого для лингвистики была провозглашена Дж. Лаковым [Лаков 1981/1976];
- принцип экономии ("достигай цели с наименьшей затратой усилий"), о влиянии которого на язык писал еще А.М.Пешковский, отмечая, что всевозможные опущения, столь распространенные в языке, "объясняются общим законом всякой нашей деятельности, а не только речевой: законом экономии сил" [Пешковский 1934. С. 125];
- принцип приоритета ("из нескольких альтернатив выбирай наиболее для себя приоритетную") (обоснованию его связи со структурой языка посвящена работа [Бергельсон-Кибрик 1981/1887]);
- принцип динамического стереотипа ("запоминай полезные связи между совместно встречающимися явлениями как единый автоматически обрабатываемый комплекс"), лежащий в основе всех процессов грамматикализации, перерабатывающих прагматические факторы в синтаксис и морфологию [Хайман 1985. С. 71-72], и др.

Во-вторых, языковая способность формируется под воздействием прочих способностей, потребности которых она должна удовлетворять. В этой связи уместно упомянуть:

- когнитивную способность, обеспечивающую мыслительную деятельность человека;
- перцептивную способность, связывающую человека с окружающей средой;
- коммуникативную способность, регулирующую поведение человека в коммуникативной среде;

- социальную способность, регулирующую поведение человека в социальной среде.

Трудно переоценить степень мотивированности внутриязыковых семантических оппозиций (имеющих типологическую значимость) когнитивными и коммуникативными факторами. Опыт показывает, что мера объяснительности выражения во всяком языке того или иного смысла определяется в конечном счете мерой его концептуальной и коммуникативной важности.

В области поиска типологически релевантных (тождественных или различных в разных языках) смысловых единиц-параметров (будь то оппозиция имен и предикатов [Томпсон 1985], семантические роли [Филлмор 1981/1968], значения длительности [Бондарко 1987], кратности [Храковский 1987], результативности [Типология 1983], каузативности [Типология 1969, Шибатани 1976], императива [Храковский-Володин 1986], типы повторных номинаций [Кибрик А.А. 1988] и т.д.) приходится рано или поздно обращаться к соответствующим их прототипам во внеязыковой действительности и в концептуальных мыслительных схемах, к коммуникативным намерениям и к модели текущего сознания участника речевого акта.

Такого рода "увеличение объяснительной глубины" оправдывается методпринципом иконичности:

"при прочих равных условиях, кодируемый опыт легче хранить, обрабатывать и передавать, если код максимально изоморфен этому опыту" [Гивон 1985].

Если вернуться к упомянутым выше ограничениям на линейный порядок слов в предложении и линейный порядок аффиксов в словоформе, то при большей глубине объяснения эти явления оказываются следствием единого фактора иконичности процесса линеаризации:

- рядоположенное в мысли остается, если не мешают другие факторы, рядоположенные на линейной оси.

Иконичность процесса линеаризации имеет и другое проявление:

- в первую очередь линеаризируется, если не препятствуют другие факторы, то, что первым актуализируется в сознании говорящего.

С этим связана сильная типологическая тенденция помещать топик в тех языках, где он есть, а также логический субъект в абсолютное начало предложения [Чейф 1982/1976], равно как и кажущаяся несвязанной с этим явлением тенденция к асимметричности именных групп при сочинении, в соответствии с которой первым идет имя, обозначающее более выделенный по какому-нибудь параметру объект.

Примечание 4. В [Лауфер 1987] выявлены такого рода параметры, например принцип рангового превосходства в иерархии (по полу: *муж и жена, брат и сестра, юноши и девушки*, по возрасту: *бабушка и внук, стар и млад*, по общественному положению: *учителя и ученики*, по социальному престижу: *рабочие, колхозники и интеллигенция*, по степени

уважения: *дамы и господа, Вы и я*), принцип предшествования (*рано или поздно, рождение и смерть*), принцип первичности (*бытие и сознание*) и т.д.

Объяснительные возможности динамической ПОЧЕМУ-типологии позволяют не только достичь ранее недоступных обобщений, но и по-новому взглянуть на проблему простоты/сложности языка (см. постулат о ПРОСТОТЕ в главе 2): простота языка в значительной мере обеспечивается за счет общности стратегий, приводящих в действие отдельные языковые механизмы, со стратегиями в других видах поведения.

7. Процессуальная модель языка и типология

Принципиально важным для формирования динамического метода в типологии является, по-моему, переход к новому пониманию процессуальной модели языка, преодолевающему ограниченность алгоритмического взгляда на природу языковых процессоров. Как известно, алгоритм есть система правил, применяемых в определенной последовательности, которая строго детерминирует процедуру поведения процессора так, чтобы при одном и том же его начальном состоянии всегда получался один и тот же конечный результат. Каждое алгоритмическое правило есть правило-предписание типа "Если *a*, то (не) сделай *b*". Алгоритмическое мышление на определенном этапе имело революционное значение для лингвистики, дав метод уточнения и формализации многих грамматических процессов. Однако далеко не все языковые явления поддаются описанию с помощью правил-предписаний.

Примечание 5. Видимо, этим вызваны часто высказываемые суждения о том, что не все подчиняется в языке "путам" (по выражению В.И.Даля) грамматики, ср. сложности объяснения колебаний в выборе форм типа: *он был грустный/грустным* [Никольс 1981, Никольс 1985], *он умный/умен* [Бэбби 1975, Бэбби 1985/1973], *пришло/пришли пять человек* [Грамматика 1960. Т. II. Ч. 1. С. 506], *он знает французский и английский язык/языки* [Кодзасов 1987]. Нагромождение все более сложных контекстуальных условий, которые позволили бы обеспечить однозначный выбор, в таких случаях не дает хорошего результата.

Все это заставляет усомниться в универсальности алгоритмического способа мышления и строить деятельностную модель языка на принципе неполной детерминированности, при котором наряду со строго детерминированными правилами-предписаниями существуют также слабо детерминированные правила-советы: "Если *a*, то можешь сделать *b*" (см. главу 1).

Примечание 6. Как убедительно показывают работы [Никольс 1985] и [Кодзасов 1987], вариативность форм обычно бывает связана с тем, что их выбором управляет множество разнородных и одновременно действующих факторов, из которых многие являются скорее не правилами-предписаниями, а правилами-советами. Например, на выбор падежа предикативного имени в выражениях типа *Он был грустный/грустным* влияют, в частности, факторы, связанные с "ориентированными на говорящего прагматическими характеристиками, соотносящими пропозицию со шкалами времени, референтности, наблюдаемости, с коммуникативной организацией высказывания или с типом речевого акта", "со стратегией

говорящего в отношении предотвращения неоднозначности высказывания", с жанром текста, с устранением разного рода стилистических погрешностей и др. [Никольс 1985. С. 352-353].

Правила-советы - существенный, может быть, даже ведущий способ организации языкового (грамматического) механизма, хотя их природа и сфера действия начинают всерьез изучаться только в последнее время.

Правила-советы сами по себе не разрешают процессуальную альтернативу (в частности, в силу того, что могут вступать в конфликт друг с другом, благоприятствуя противоположным альтернативам), они только предполагают существование процессуального механизма принятия решений, формирующихся на их основе. Такого рода механизм должен тем не менее тоже быть не строго детерминированным и обеспечивать принципиальную множественность языковых процессов, способных реализовать одну и ту же речемыслительную задачу. (Эта множественность следует из принципа неполной детерминированности; наблюдаемые же косвенные свидетельства состоят в том, что иначе языки друг от друга не могли бы никак между собой структурно различаться, а также невозможна была бы контекстуальная синонимия в пределах средств выражения на одном и том же языке.)

8. Динамическое обоснование пространства типологических возможностей

Речемыслительная деятельность является творческим, созидающим мысль процессом. Владение конкретным языком позволяет значительно облегчить, автоматизировать эту деятельность. В этом состоит основное предназначение языка, в значительной степени предопределяющее его устройство. Иными словами, языковые единицы и правила в сущности являются идиоэтническими типовыми блоками (гештальтами, по терминологии Дж.Лакова), в которых условно и общественно значимо закреплены определенные комбинации речемыслительных процессов, что способствует более автоматическому, стандартному и эффективному протеканию текстосозидания (эта идея, по замечанию А.В.Бондарко, имеется уже у А.А.Потебни, у которого "формальность языка характеризуется со стороны как бы автоматичности систематизации мысли, ее "распределения по известным отделам", с точки зрения независимости такой систематизации от воли говорящего" [Бондарко 1985. С. 95]).

Типологические характеристики языка являются комплексом гештальтов, грамматикализующих процесс вербализации мысли (на данном языке), который на каждом этапе имеет множество альтернатив дальнейшего развертывания: каждая потенциально возможная цепочка переходов от речемыслительного замысла к сообщению есть элемент пространства ти-

пологических возможностей варьирования естественного языка.

Примечание 7. С этой точки зрения интересно взглянуть на проблему универсального определения подлежащего. Оригинальный подход к ее решению содержится в [Кинэн 1982/1976]. Э.Кинэн выделяет около трех десятков свойств подлежащего, ни одно из которых не является необходимым и достаточным для всех языков и даже для всех конкретных подлежащих в одном и том же языке. (Такая ситуация находится в необъяснимом противоречии с классическим логико-таксономическим способом определения научных понятий.) Кроме того, во многих языках подлежащее является таким средством упаковки пропозиционального содержания высказывания, которое, в сочетании с дополнительными синтаксическими преобразованиями, позволяет по-разному организовать высказывания с весьма близкими значениями, например: *Дверь открыли ключом, Ключ открыл дверь, Дверь была открыта ключом*. В первом выражении можно усмотреть нулевое неопределенно-личное подлежащее, во втором подлежащим является слово *ключ*, в третьем - *дверь*. При переходе к другому языку эти выражения не обязательно сохранят свою синтаксическую структуру и, в частности, свои подлежащие. Связано это с тем, что множество факторов, влияющих на выбор подлежащего, и механизмы их взаимодействия (то есть процессуальные цепочки) в разных языках не совпадают.

Сущность подлежащего (как и многих других языковых единиц) состоит в том, что оно является равнодействующей многих факторов и связанных с ними процессов, представленных в речемыслительной деятельности. Этим и может быть объяснено такое странное, с точки зрения классических дефиниций, положение с понятием подлежащего.

Независимое формирование подлежащего как одной из основных синтаксических единиц во многих языках связано с тем, что это чрезвычайно экономный способ упаковки весьма важных для речемыслительной деятельности комбинаций факторов и процессов.

При динамическом подходе к типологии пространство типологических возможностей реализации языковой структуры не есть простой конгломерат случайных альтернатив. Правдоподобно ожидать, что имеется естественное иерархическое расслоение типологических характеристик языка, позволяющее выделить среди них более доминантные (на самых первых этапах вербализации соприкасающиеся с мыслительной деятельностью) и более периферийные (связанные с более поздними этапами означивания мысли, воплощения ее в языковую форму). Тем самым имеются внешние предпосылки для установления многочисленных причинно-следственных отношений между типологическими параметрами (что поможет, в частности, обосновать примат контенсивной типологии над формальной и заложить фундамент динамического объяснения типологических импликаций).

9. Заключение

Итак, подводя итог, можно прийти к выводу, что период стерильной КАК-типологии себя изжил, что на повестке дня стоит развертывание широкого фронта работ в области ПОЧЕМУ-типологии, что ее методологическим ядром является динамический подход, что динамическая типология способна поднять типологию на качественно новый уровень описания и объяснения языковых фактов. В то же время динамическая ПОЧЕМУ-типология не отрицает, а вбирает в себя все позитивные результаты статической КАК-типологии как необходимого этапа развития эмпирического метода.

ГЛАВА 4

ТИПОЛОГИЯ И ЗАДАЧИ ОПИСАТЕЛЬНОЙ ЛИНГВИСТИКИ*

0. Постановка вопроса

Известно, что современная общая теория грамматики строится таким образом, чтобы она (хотя бы в идеале) могла быть приложена к любому языку, т.е. чтобы любой язык мог быть описан в ее терминах. Эта теория создается в постоянной борьбе за изживание идеосинкретичных характеристик, унаследованных ею от тех языков, на эмпирическом материале которых она строится.

Следует отметить, что значительных успехов удалось добиться в развитии типологии и теории универсалий. Однако тот факт, что общей теории грамматики все еще свойственно немало атавистических черт, становится очевидным каждому, кто переступает порог индоевропеистики.

Мне представляется, что в настоящее время неоправданно увеличился разрыв между теорией языкознания и описательным языкознанием, и необходимо, с одной стороны, поднять описательное языкознание на уровень современной теории и, с другой, - обогатить эту теорию новыми наблюдениями и заново переосмысленными языковыми фактами.

Описательное языкознание по методу сбора данных о языке делится на две ветви: к л а с с и ч е с к о е описательное языкознание, т.е. исследование "изнутри", осуществляемое носителями языков, и п о л е в о е языкознание, т.е. исследование "извне", осуществляемое теми, для кого изучаемый язык не является родным и на начальной стадии может быть вообще неизвестным (см. главу 5).

Степень изученности языков мира крайне неравномерна. Наряду с небольшой группой "привилегированных" языков, которым посвящены десятки и сотни специальных работ, образующих целые отрасли языкознания (славистика, германистика, арабистика и т.п.), существуют безграничные языковые пространства, на которые "почти не ступала нога

* Уточненный вариант статьи, опубликованной в сборнике: Лингвистическая типология, М., 1985. В основу статьи положен доклад, прочитанный в 1976 г. на конференции "Типология как раздел языкознания" в Институте востоковедения.

лингвиста". Такое "неравенство" языков объясняется не их лингвистической значимостью, а историческими, культурными, социальными причинами и, к сожалению, не может быть устранено. Тем большая ответственность лежит на тех исследователях, которые берутся за описание "экзотических", малоизученных языков.

Между тем многие конкретные описания редких языков часто оказываются неудовлетворительными из-за того, что они не ориентированы на интересы своих потенциальных читателей. К тому же, кто может быть таким читателем? Специалист по данному языку? Но таким специалистом зачастую является лишь сам автор и в лучшем случае еще несколько его коллег. Остается полагать, что такое описание может быть интересно тому, кто сам данного языка не знает. Но с какой целью этот читатель может обратиться к сочинению о неизвестном ему языке? Действительно, такой потребности, если не учитывать простого человеческого любопытства, лингвисты долгое время всерьез не испытывали. Однако в последнее десятилетие наметился неуклонный подъем интереса к типологии языков, теории универсалий и общей теории языка. Необходимой питательной средой всех этих направлений является материал конкретных разнотипных языков. Поэтому описания редких языков попадают в аудиторию, далеко выходящую за пределы узкого круга специалистов по данному языку. И тут выясняется, что данная аудитория автором не предусмотрена и получение необходимых сведений о языке оказывается для читателей нелегкой, а зачастую и невыполнимой задачей. Этим объясняется, по-видимому, явная диспропорция между потенциальной потребностью в описаниях редких языков и реальным на них спросом. Такое положение вещей не может не сказываться отрицательно на развитии как типологии и теории универсалий, так и описательного языкознания. Поэтому необходимо, чтобы описания редких языков не стихийно, а целенаправленно ориентировались в первую очередь на читателей широкого профиля.

Какие выводы должны быть сделаны из такой ориентации?

1. Выбор теоретической основы грамматических описаний

Казалось бы, следует потребовать, чтобы все описания строились на едином понятийном аппарате, чтобы в их основе лежала единая лингвистическая теория. Однако современная реальность такова, что лингвистика не может предложить общепризнанной универсальной теории, априорно оптимальной в приложении к любому языку, хотя все теории на это претендуют. Поэтому нередко можно слышать рекомендации такого рода: пользоваться традиционной схемой описания и излагать грамматику "ясной научной прозой", по возможности понятной любому

здравомыслящему человеку. Подобные рекомендации способны лишь тормозить развитие как общей, так и описательной лингвистики.

Действительно, тем самым признается, что развитие теории должно связываться исключительно с "престижными" языками и с дедуктивным методом, а для исследователей конкретных языков лингвистические теории существенного значения не имеют, и лингвисты должны в первую очередь руководствоваться "здравым смыслом", уповая на то, что факты сами подскажут грамматическую форму, в которую им предстоит отлиться. Это очень опасное заблуждение. Лингвистическая теория необходима не только и не столько для описания фактов, придания им соответствующего "товарного вида", сколько для обнаружения самих фактов. Исследователь, как правило, находит то, что ищет.*

Таким образом, хотя теоретическое единство описательной лингвистики из-за слабости современной теории нереально, тем не менее исследователь конкретного языка должен не только владеть ее последними достижениями, но и сам быть теоретиком. Не существует этапа дотеоретического сбора, коллекционирования данных. Эффективный сбор материала - это не наблюдение за поведением говорящих со стороны, а прежде всего целенаправленный "эксперимент на прочность" теории и наших гипотез о структуре языка: исследователь "держит в уме" гипотетическую грамматику изучаемого языка (которая всегда опережает наблюдаемые факты) и собирает материал, сознательно балансируя на грани грамматичности и проверяя, грамматично ли относительно изучаемого языка то, что грамматично относительно моделируемой грамматики. Из сказанного следует, что как изучение, так и описание конкретного языка неизбежно связаны с той или иной общей или частной лингвистической теорией. Призыв писать в стиле традиционной грамматики тоже означает призыв писать с позиций определенной теории, но той, которую современное языкознание давно оставило позади.

Итак, невозможно и нежелательно связать декретированием описательное языкознание с конкретной единой лингвистической теорией, поэтому каждый лингвист вправе писать на своем "языке". Не порождает ли это типичные пороки "многоязычия"? Порождает, но с ними в некоторой степени можно целенаправленно бороться.

* Именно об этом хорошо сказал Уоллес Чейф в интервью, данном Герману Парре: "Сбор данных в значительной степени зависит от вашей теории. В начале 60-х годов я работал над одним индейским языком и собрал обширный материал, который я теперь обрабатываю, но мои взгляды на то, что представляет в языке интерес, за это время существенно изменились. Я обнаружил, что мне не хватает множества разнообразных данных, которые теперь уже не так легко получить, потому что большинства людей, с которыми я работал, уже нет больше в живых. Поэтому ясно, что ваша теория влияет на ваши данные" [Парре 1974. С. 17].

2. Требование переводимости

Прежде всего выбор конкретной лингвистической теории должен быть сознательным. При этом, говоря о выборе, я не имею в виду, что перед исследователем лежат готовые к употреблению теории, одну из которых можно взять и использовать по своему усмотрению. В процессе работы над языком теория постоянно "дорабатывается" исследователем и в конечном счете приобретает некоторое подобие законченности. Иными словами, выбор осуществляется на протяжении всего исследовательского процесса. Ввиду неадекватности всех современных теорий, а также в силу того, что различные теории могут быть равномощными (т.е. могут описывать один и тот же объем фактов), никогда нельзя быть уверенным, что этот выбор произведен наилучшим образом. Поэтому особое значение имеет язык, который использует теория. Из двух описаний лучше то, которое может быть легко переинтерпретировано в рамках третьего, более адекватного описания, и значит невыполнимое требование истинности теории должно быть заменено реально выполнимым требованием переводимости: описание, использующее один язык, должно быть переводимо на другой, более богатый язык. Лингвистическая наука последнего десятилетия стремится, в сущности, к этому, так как адекватное описание осуществимо лишь в идеале.

В связи с проблемой переводимости я остановлюсь на трех важных моментах, касающихся языка теории: на формальном аппарате описания, терминологическом аппарате описания и эксплицитности описания.

3. О формальном аппарате описания

Современные лингвистические теории, как правило, используют и развивают соответствующий формальный аппарат описаний.* В последние годы много писалось о пользе и вреде формализации. Представляется очевидным, что развитие содержательно обоснованного формального аппарата лингвистики - необратимый и прогрессивный процесс. Он идет параллельно с процессом развития понятийного аппарата науки. Перед исследователем конкретного языка стоит вопрос: в какой степени использовать формальный аппарат в описании? В этой связи интересно следующее высказывание Лакова: "Недостаток формальных теорий состоит в том, что они охватывают только те факты, с которыми может иметь дело данный формализм. В настоящий исторический момент любое описание языка, которое тесно связано с некоторой формальной теорией,

* Думаю, что здесь не стоит говорить о такой формализации, которая создается исключительно ради самой себя и не обеспечивает нового, более глубокого понимания предмета, лишь переписывая другим способом давно известные неформализованные истины.

не в состоянии описать большинство явлений, имеющихся в языке. Более того, когда формальные теории устаревают - а срок их жизни постоянно сокращается, - то описания экзотических языков, построенные на основе этих теорий, во многом теряют смысл" [Lapp 1974. С. 152].

Я думаю, что все же не следует делать вывод о неприемлемости формального аппарата для описания редких языков. Однако использование его должно быть очень осторожным и осмотрительным, с установкой на долгосрочное функционирование. Вообще я глубоко убежден, что хорошо понято лишь то, что формализовано, но такая формализация гораздо чаще нужна исследователю, чем читателю. Для исследователя она является удобным "внутренним языком", организующим и дисциплинирующим его мышление. В то же время перевод с "внутреннего языка" на "внешний" требует от исследователя определенной дополнительной работы. При этом не следует упускать из виду то обстоятельство, что всякое хорошее формальное описание может быть изложено и неформально, а для неподготовленного читателя предпочтительность неформального изложения совершенно очевидна, однако такое неформальное описание, пропущенное через "сито" формального аппарата, сохраняет его важные достоинства, в частности свойство переводимости.

Таким образом, целесообразно различать формализацию в процессе исследования и в окончательном описании. В окончательное описание следует вводить лишь такие элементы формализации, которые облегчают, а не усложняют понимание.*

4. О терминологическом аппарате описаний

Описательной лингвистике досталось от общей теории тяжелое терминологическое наследство. Терминологический (и стоящий за ним понятийный) аппарат лингвистики разработан крайне неудовлетворительно, и нет ничего удивительного в том, что в описательных грамматиках он используется подчас весьма некритически. Вместе с тем мне представляется, что именно в этой области описательная лингвистика может внести ценнейший вклад в общую теорию.

Каковы границы применения столь естественных терминов, как "подлежащее", "падеж", "согласование", "залог", "вид", "наклонение", "су-

* Ср., например, опыты А.М.Пешковского по формализации синтаксического описания с целью демонстрации многозначности высказываний типа *вели ему помочь* VS *вели ему помочь* [Пешковский 1934. С. 40].

ществительное", "прилагательное", "глагол"? Можно ли описать любой язык при помощи общепринятых терминов? В каких случаях вводить новые термины? Все это материал для бурных дискуссий, к сожалению, иногда сводящихся к схоластической проблеме номинации.*

В конкретном описании каждый термин должен вводиться обоснованно и аргументированно, с максимально четким определением сферы его использования. Ясно, что в пределах такого описания не могут быть решены все больные теоретические вопросы, но необходимо, чтобы все они были хотя бы поставлены, "отмаркированы", ибо всякий язык может "сказать свое веское слово" в защиту или осуждение настоящей или будущей теории.

5. Об эксплицитности описаний

Собственно грамматика независимо от лежащей в ее основе лингвистической теории должна удовлетворять важному свойству - эксплицитности, а именно, считаются недостаточными утверждения типа: "имеет место такое-то явление, такая-то форма"; "такое-то значение может выражаться такими-то формами"; "такая-то форма может иметь такое-то значение". Из подобных утверждений нельзя сделать заключение, когда имеет место такая-то форма, а когда - нет, в каких именно случаях некоторое значение связано с некоторой формой и наоборот. Эксплицитным мы считаем описание, когда в нем в явном виде указываются условия реализации данной формы, когда по некоторому значению мы можем построить соответствующую ему форму и некоторой форме приписать ее значение (именно это делает носитель языка, когда он говорит или слушает).**

Эксплицитность еще не обеспечивает адекватности описания. Известно, что построение адекватного описания - необычайно трудоемкая и не решенная ни для одного языка задача.***

Тем не менее эксплицитное описание обладает той важной особенностью, что его можно проверить. Если правило реализации некоторой формы или описываемое грамматикой соответствие между значением и формой неистинно для некоторого высказывания (или класса высказываний), то данное правило (соответствие) неверно и нуждается в уточнении

* В современной лингвистике отмечено в то же время отрадное стремление уточнить некоторые понятия на основе богатого и разнообразного языкового материала, что выдвигает на первый план данные "редких" языков. См., например, сборники, посвященные каузативности [Типология 1969], относительному предложению [Перанто и др. 1972], главному и придаточному предложениям [Корум и др. 1973], залогу [Типология 1974], подлежащему и теме [Ли 1976] и др.

** Попыткой такого рода описания является грамматика [Кибрик 1977а, Кибрик 1977б].

*** О критерии адекватности см. [Хомский 1972/1965. С. 27 и сл.].

или замене его другим правилом (соответствием). Таким образом, эксплицитность является эффективным средством приближения к "правильному", адекватному описанию и позволяет оценить качества данного описания.

6. О языковых данных

Если при описании хорошо изученного языка основное внимание уделяется интерпретации всем известных фактов, которые лишь иллюстрируют теоретические положения автора, то при описании редкого языка языковые данные (т.е. фактический материал, с которого начинается как авторское исследование, так и знакомство читателя с описанным языком) приобретают самодовлеющее значение. Поэтому, во-первых, обязательна его фонетическая и смысловая достоверность, что предъявляет особые требования как к системе транскрипции (если язык бесписьменный), так и к способу перевода. Транскрипционная запись должна обеспечивать возможность ее точной фонетической интерпретации, а перевод - передачу всех грамматически существенных семантических различий, имеющихся в высказывании, а также простоту соотнесения элементов высказывания с элементами перевода.

Во-вторых, фактический материал должен с максимальной щедростью обосновывать каждое грамматическое положение: читатель, не являясь носителем описываемого языка, не может привлечь дополнительные данные, чтобы оценить, верно ли то или иное утверждение, поэтому он должен располагать по возможности теми данными, которые имелись у исследователя, когда он строил некоторое утверждение.

И вообще надо трезво сознавать, что любые теории стареют, а ценность фактов, напротив, с течением времени возрастает,* в особенности, когда речь идет о бесписьменных языках, составляющих большую часть языков планеты.

7. О структуре описаний

Описание конкретного языка должно быть четко разделено на ряд слоев, из которых важнейшими можно признать следующие:

а) собственно грамматика, т.е. система правил, соотносящая смыслы, обязательно или регулярно выражающиеся в данном языке, с существующими способами их выражения; ее логическая структура должна легко прослеживаться и не осложняться многочисленными отступлениями;

* Этой точки зрения придерживаются и авторы вопросника для описательных исследований, которые подчеркивают особую важность представления, а не интерпретации материала [Комри - Смит 1977. С. 8].

б) фактический материал, иллюстрирующий правила и единицы грамматики;

в) обоснование принятых и анализ отвергнутых грамматических решений, общелингвистический контекст и т.п., то есть вся "исследовательская кухня" лингвиста, предопределяющая характер и конкретную форму описания.

Разумеется, в рамках данной заметки не представляется возможным рассмотреть все проблемы описательной лингвистики, но несомненно одно: в настоящее время описательная лингвистика, теория языка и типология не могут существовать изолированно, успехи каждой из этих областей языкознания теснейшим образом зависят от достижений и уровня развития остальных.

ГЛАВА 5

МЕСТО ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ТЕОРЕТИЧЕСКОМ И ПРИКЛАДНОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ *

1. Проблема изучения малоописанных языков

Число языков, на которых сегодня говорит население земного шара, довольно велико. Лингвистика не располагает точными данными, но приблизительные цифры, на которые можно натолкнуться в литературе, колеблются от 2,5 до 7 тысяч [Самарин 1967. С. 3]. В одиннадцатое издание справочника языков мира [Граймз 1988] включены сведения о 6170 языках. (Только в пределах бывшего Советского Союза насчитывается более ста языков. В пятитомной серии [Языки 1960-1968] описано 127 языков.) Языков, на которых говорит более миллиона человек, - всего около 150**, а для половины населения земного шара родным языком является один из восьми наиболее распространенных языков, *** из которых три **** являются государственными более чем для половины человечества. Этим языкам-"гигантам" противопоставлен значительно более внушительный класс языков, которые обслуживают малочисленные группы людей. При этом

* Переработанный варнант главы 1 из книги "Методика полевых исследований (к постановке проблемы)". М., 1972.

** В бывшем СССР - 17, в зарубежной Европе - 26, в Азии - порядка 70, в Африке - порядка 30, в Америке - из неевропейских только два языка: кечуа и аймара (источник сведений - справочник [Население 1965].

*** Это следующие языки (в порядке убывающей численности их носителей): китайский, английский, испанский, хинди, русский, японский, португальский, немецкий; непосредственно за этой восьмеркой следуют: арабский, французский, итальянский, яванский.

**** Китайский, английский, хинди.

основные усилия лингвистов направлены на изучение языков, пользующихся историческим, политическим и социальным престижем; более того, все общие лингвистические концепции, как правило, базируются на фактах, добытых из этой горстки привилегированных языков (относящихся в своем большинстве к индоевропейской семье), а море лингвистических фактов, которыми изобилует остальная часть языков мира, или вообще не зафиксировано, или почти не принимается во внимание теорией языка (так, из 700 папуасских языков, образующих более 60 языковых семей, адекватно документировано лишь около 50 языков [Фоли 1981. С. X]). Их изучение находится в таком состоянии, что вряд ли на каждый из них придется в среднем по одному исследователю.

По целому ряду социальных причин постоянно происходит вытеснение "малых" языков "большими", что приводит к усиленному разрушению первичной системы "малого" языка под влиянием социально более сильного контактирующего языка (ср. влияние азербайджанского на хиналугский, таджикского на шугнанский языки), а некоторые "малые" языки находятся на грани вымирания (например, ливский, ительменский, керекский, алеутский, некоторые диалекты эскимосского, см. главу 7). Если с общесоциальной информационной точки зрения исчезновение "малых" языков - явление прогрессивное (языковая раздробленность мешает общению и тем самым объединению людей в крупные социальные группировки - в связи с этим постоянно ставится вопрос о целесообразности единого языка для всего населения земного шара (ср. [Свадост 1968]), то с точки зрения лингвистики - это бедствие, так как исчезновение неописанных или неполно описанных языков - невосполнимая потеря, утрата целых языковых фактов, которые могут оказаться бесценными для будущих поколений лингвистов. Вместе с тем описание современного состояния бесписьменных малоизученных языков, которым исчезновение в настоящее время не грозит, тоже лингвистически очень ценно, так как фиксация их нынешнего состояния, в связи с неизбежностью постоянного изменения языков, будет важна для последующих исследователей.* Кроме того, изучение неописанных языков важно не только для будущего лингвистики, но и для ее настоящего, как это я постараюсь показать ниже.

Как правило, такие языки не имеют собственной лингвистической традиции и могут в настоящее время описываться лишь лингвистами, не являющимися носителями этих языков.

* Мы знаем, например, как дороги сейчас для сравнительно-исторического языкознания любые сохранившиеся памятники мертвых языков, а также синхронные срезы ранних состояний существующих ныне языков.

2. Полевая лингвистика как раздел описательного языкознания

Комплекс лингвистических методов, направленных на самостоятельное творческое (а не ученическое - по грамматикам и учебникам) изучение и описание живого языка, не являющегося родным для исследователя, принято называть полевой лингвистикой. Такое изучение может преследовать весьма разнообразные цели: язык может изучаться целиком или фрагментарно, теоретически или практически, сам по себе или сопоставительно, синхронически или диахронически и т.д. Независимо от конкретной цели, эмпирической базой всякого полевого исследования является синхронное состояние языка. Поэтому можно сказать, что полевая лингвистика по объекту исследования, а часто и по конечной цели, относится к описательному синхроническому языкознанию (не отождествлять с дескриптивной лингвистикой!), направленному на изучение конкретных языков, т.е. такому языкознанию, которое устанавливает некоторое соответствие между реальным языком (или его частью) и приписываемой этому языку грамматикой (моделью языка).* При любом таком исследовании сам язык не дан исследователю в непосредственном наблюдении, являясь идеальным объектом изучения. Наблюдаться могут лишь конкретные речевые высказывания, представляющие собой реализацию языковой компетенции говорящих-слушающих, владеющих данным языком. Основными объектами всякой мыслимой лингвистической описательной деятельности можно считать: предмет исследования (язык), который мы будем называть языком-объектом, объект наблюдения (тексты или, как мы будем их называть, - данные**) и продукт исследования (модель языка объекта, называемая обычно грамматикой). Различные виды описательной синхронической лингвистики отличаются по характеру взаимоотношения исследователя с языком-объектом, как показано на схеме 1.

На схеме 1А представлен предельный случай, когда создается видимость "непосредственного контакта" исследователя с языком-объектом, а

* При таком противопоставлении языка и грамматики под языком понимается некоторое иезависимое от воли и сознания людей реально существующее устройство, находящееся в мозгу говорящих, которое позволяет им производить и понимать высказывания, определяемые этим устройством, то есть язык - это компетенция говорящих-слушающих по терминологии Н.Хомского. Грамматика - это искусственно конструируемое устройство, являющееся в некоторых отношениях аналогом языка.

** Под текстом понимается речевое высказывание неопределенной длины, будь то слово, предложение или целое повествование. Тексты-данные существуют независимо от исследователя. Коллекции данных, специально собранных исследователем с целью научного рассмотрения, мы будем иазывать корпусом (данных).

данные как будто бы отсутствуют. На самом деле в этом случае мы имеем "интроспективный" метод исследования, основанный исключительно на самонаблюдении. Язык-объект известен исследователю (относится к его компетенции), который сам является "генератором" данных на этом языке и строит лингвистическое описание, опираясь на таким образом добытые данные. Этот метод исследования часто подвергался методологическим нападкам, особенно в пору господства дескриптивистского подхода к изучению языка*, не признававшего объективной значимости лингвистических самонаблюдений.

Наиболее традиционный метод описательной лингвистики представлен на схеме 1Б, при котором исследователь, владеющий языком-объектом, имеет некоторый корпус независимо полученных данных, подвергающихся изучению. Назовем этот метод аналитическим. В отечественной лингвистике он широко представлен, например, работами, основанными на материале анализа языка художественных произведений. Дескриптивная лингвистика постулировала также возможность изучения неизвестного исследователю языка, используя лишь некоторую случайную выборку текстов, хотя нам неизвестны практически реализованные удачные образцы такого рода исследований, и существуют большие теоретические сомнения в их возможности**. В случае, когда исследователь является носителем языка-объекта, он может совмещать аналитический метод с интроспективным, что обычно и делается, хотя, как правило, не проводится различие между фактами, полученными из корпуса данных, и фактами, добытыми интроспекцией. Среди полевых лингвистов существует следующая точка зрения: язык может быть хорошо описан лишь в том случае, если исследователь его настолько знает, что может быть собственным информантом, то есть признается истинно научным лишь сочетание способов изучения 1А и 1Б (подробнее см. об этом в главе 18).

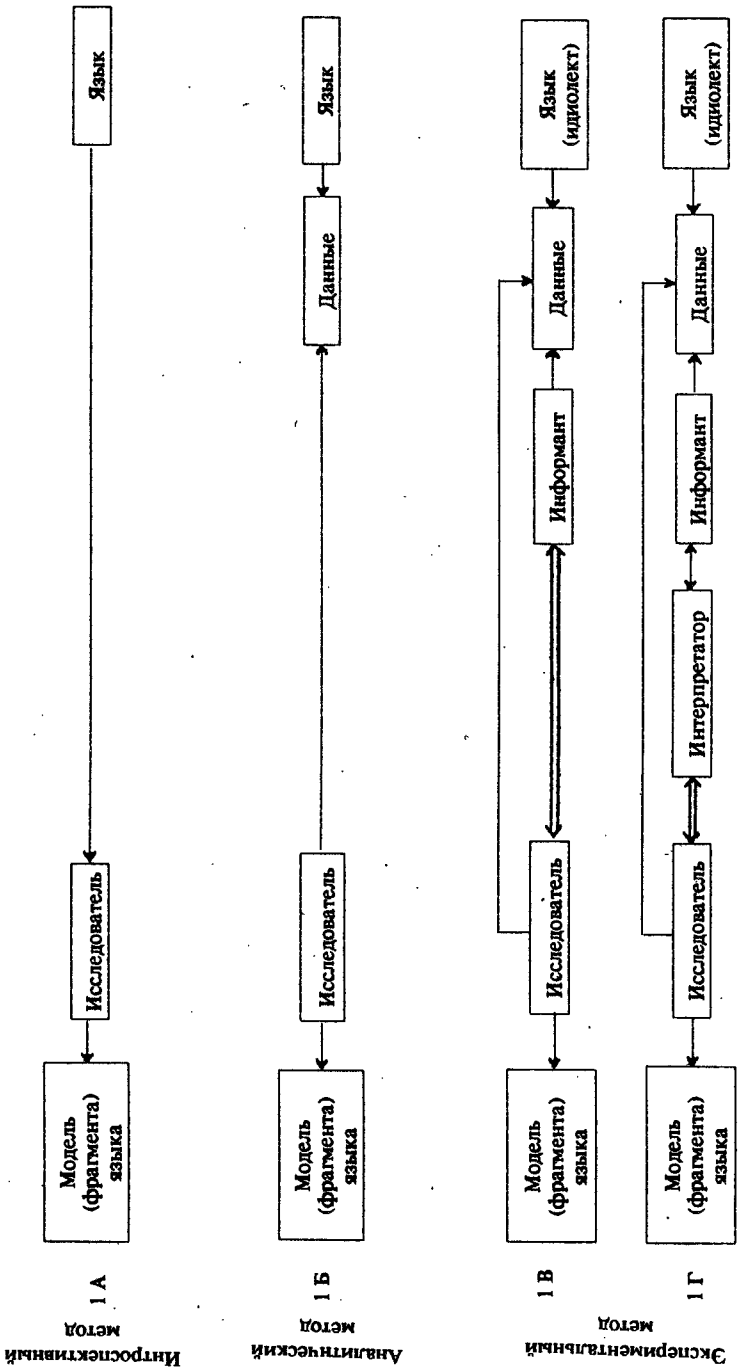
На схеме 1В в качестве "генератора" данных на языке-объекте используется отличный от исследователя носитель этого языка (информант), представляющий собой основной исследовательский "инструмент" лингвиста, разумно пользуясь и управляя которым, лингвист добывает интересующие его факты о языке-объекте. Информант здесь мыслится не как независимый от исследователя, неуправляемый "генератор" данных, а как средство получения информации заданного исследователем вида. Такой метод можно назвать "экспериментальным" (ср.

* Ср. также горячие споры о ментализме порождающей грамматики: [Хомский 1972/1965].

** Вообще говоря, отдельные попытки фрагментарного описания имеются, например [Боуман 1959], но в работе нет никакого подтверждения, что проведениый анализ правилен, и сам автор надеется лишь на частичное совпадение с истинными фактами изучаемого языка.

Схема 1

Виды описательной синхронической лингвистики

аналогичную классификацию в работе [Апресян 1967. С. 20-23]). В рамках экспериментального метода, так же как и при аналитическом методе (но не интроспективном!), существуют две возможности:

1) язык-объект известен исследователю,

2) неизвестен.

В первом случае лингвист, как и в случае 1Б, может использовать и практически всегда использует также интроспективный метод в качестве дополнительного. Экспериментальный метод изучения родного языка широко развит в психолингвистике; более того, если самонаблюдение является четко и операционно сформулированным принципом исследования, такая интроспективная методика может по праву тоже быть названа экспериментальной: для экспериментального метода тот факт, что исследователь и информант совмещены в одном лице, является внешним обстоятельством. В случае, когда язык-объект предварительно неизвестен исследователю, складывается ситуация, с которой приходится встречаться в условиях полевой работы. В некоторых случаях между исследователем и информантом стоит еще один человек - и н т е р п р е т а т о р, как это представлено на схеме 1Г. Это оказывается необходимым, если между исследователем и информантом нет общего языка, с помощью которого исследователь мог бы контролировать и стимулировать получаемые данные. В таком случае интерпретатор является переводчиком между исследователем и информантом. Специфика полевой работы требует различения а) языка, на котором говорит информант и который подвергается исследованию (я з ы к - о б ъ е к т), б) языков общения между информантом, исследователем и интерпретатором (я з ы к - п о с р е д н и к) и в) языка, средствами которого дается описание языка-объекта (м е т а я з ы к). (Следует помнить, что хотя практически в качестве метаязыка обычно используется родной язык исследователя, но это не всегда имеет место, в частности исследователь может использовать несколько метаязыков.) Различные комбинации возможностей использования языков в различных функциях в полевых условиях представлены на схеме 2 (на примере различного использования русского, аварского и арчинского языков).

Итак, появление полевой лингвистики как метода исследования связано не с внутренними (зависящими от объекта исследования), а с внешними (зависящими от сложившейся исследовательской ситуации) причинами. Говоря кратко, под полевой лингвистикой, в широком смысле,

мы понимаем специфическую исследовательскую ситуацию, когда исследователь не располагает языковой компетенцией относительно языка-объекта* и единственным источником сведений о языке-объекте является носитель этого языка. Термин "полевая лингвистика" можно интерпретировать также в узком смысле: он возник в связи с тем, что обычно такая лингвистическая деятельность протекает в полевых условиях, вдалеке от места проживания и постоянной работы лингвиста и, что особенно существенно, в естественной языковой среде, где данный язык-объект используется как основное средство общения между людьми. В дальнейшем мы будем исходить из узкого понимания полевой лингвистики как более содержательного (хотя нисколько не отрицаем более широкого ее толкования): все применимое к широкому пониманию полевой лингвистики применимо и к узкому, но не наоборот.

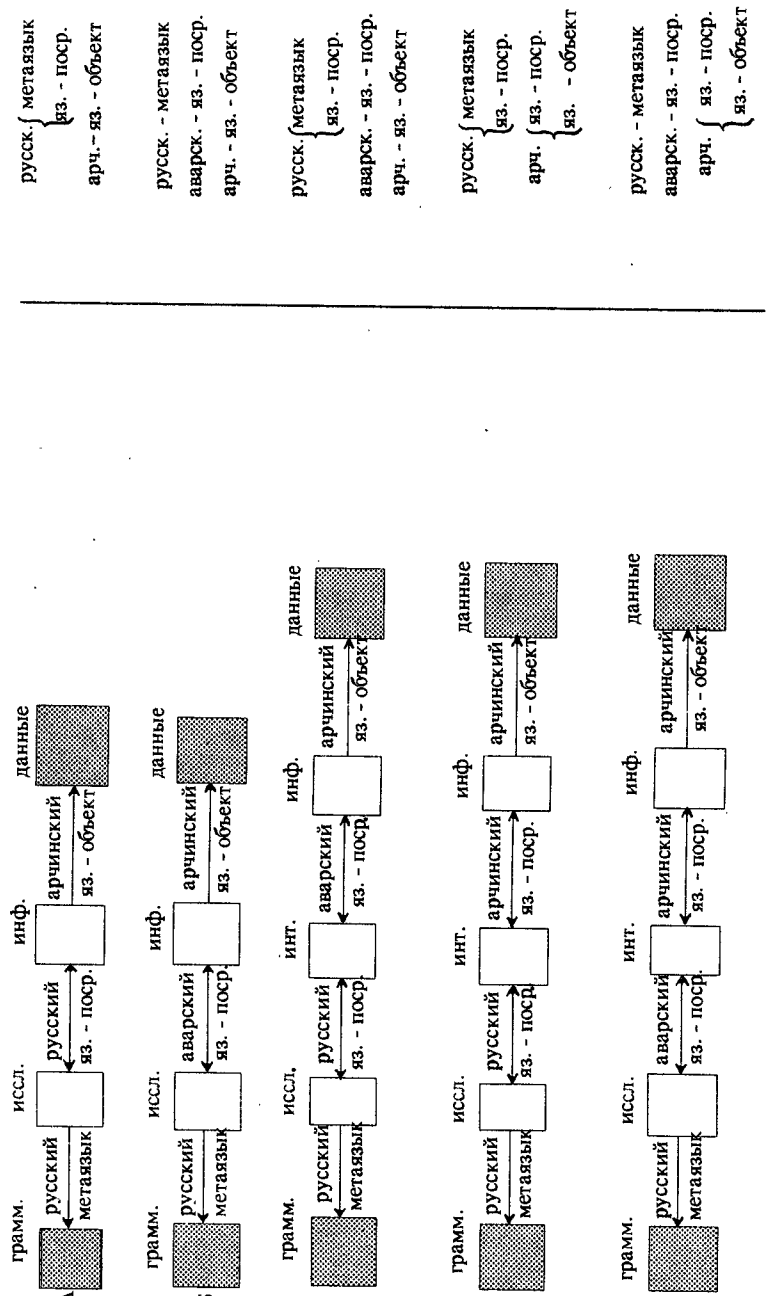
3. Методы полевой лингвистики, связь ее с другими лингвистическими дисциплинами

Итак, полевая лингвистика обязана своим существованием тому факту, что возникает ситуация, когда язык описывается не самим носителем языка, а исследователем, который, как правило, на начальной стадии знакомства с этим языком ничего или почти ничего о его свойствах не знает. Полевой лингвистике, которая, вообще говоря, является одной из существенных и исторически давно сложившихся частей языкознания, в лингвистической литературе уделяется прискорбно мало внимания. Исследователь, решивший заняться изучением незнакомого ему языка с целью его научного описания, сталкивается с неожиданной проблемой - отсутствием явно сформулированных принципов, как это делать. Между тем исследовательская ситуация, когда лингвист не владеет языком-объектом и единственным источником сведений об этом языке являются люди, говорящие на нем, весьма специфична. Для осознанной исследовательской деятельности в таких условиях необходимо соотнести ее со следующими методическими вопросами:

(1) Методы описания языка-объекта.
(2) Методы обнаружения грамматических фактов.
(3) Гипотезы о свойствах языка вообще.
(4) Методы извлечения лингвистической информации у информанта.
(5) Методы практического обучения языку-объекту.

* Из сказанного выше ясно, что если включать в полевую лингвистику и такие исследования, при которых исследователь владеет языком-объектом, то полевая лингвистика практически сольется с экспериментальным методом.

Взаимоотношения языка - посредника, языка - объекта и метаязыка в полевой работе

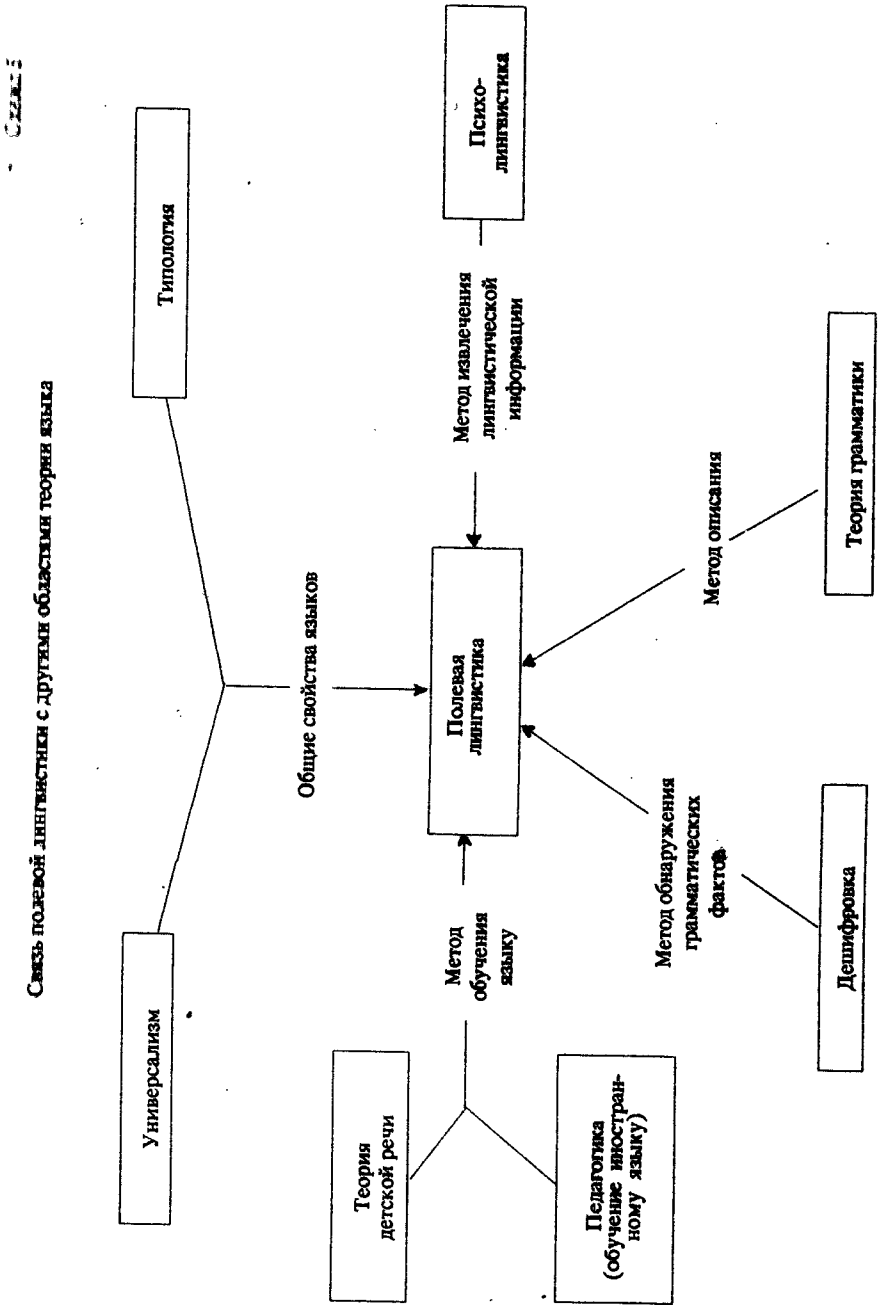
Несмотря на то что перечисленные вопросы должны быть подвергнуты самостоятельному изучению и переосмыслению в соответствии с задачами, поставленными именно полевой лингвистикой, очевидно, что они являются общими с проблемами, решаемыми в смежных лингвистических областях, и поэтому полевая лингвистика должна воспользоваться достигнутыми в них результатами. Представим связь (возможно, далеко не полную) полевой лингвистики с другими лингвистическими дисциплинами на схеме 3 (следует подчеркнуть, что связи, существующие между дисциплинами, в некоторых случаях крайне тесные, мы на схеме не представляем).

Как мы видим, полевая лингвистика пересекается со многими принципиально важными для современной теории языка дисциплинами, не совпадая по целям и методам ни с одной из них. Существенно, что почти все лингвистические дисциплины, связанные сходством методов с полевой лингвистикой, научно оформились совсем недавно (исключение составляют педагогика и теория грамматики, хотя последняя в настоящее время претерпевает весьма серьезные изменения). Поэтому неудивительно, что теоретическому обоснованию полевой лингвистики уделялось так мало внимания: хотя полевая лингвистика вместе со всеми вопросами методического характера существует довольно давно, эти вопросы не только не решались, но в явной форме и не ставились, так как не были подкреплены сходной проблематикой других, не оформившихся еще лингвистических дисциплин, и не могли быть сформулированы с общетеоретической точки зрения.

Рассмотрим вкратце через сходства методов связь полевой лингвистики с другими областями языкознания.

(1) Методы описания языка. Конечной целью изучения незнакомого языка-объекта, естественно, является создание его научного описания. Методология описания языка - прерогатива теории грамматики*, и, надо сказать, состояние ее весьма ощутимо сказывалось на результатах полевых исследований. Можно утверждать и обратное - именно полевая лингвистика в определенные периоды развития языкознания стимулировала коренной пересмотр взглядов на язык. Разительный пример этого - влияние работ, связанных с изучением индейских языков, на становление плодотворного структурального течения - дескриптивной лингвистики, ср. [Хойер 1965. С. 236-237]. Можно отметить также выдающиеся, но, к сожалению, неоцененные по достоинству пионерские работы других полевых исследователей, которых практика полевой работы за-

* Данный термин употребляется здесь расширительно, в примененнн ко всем уровням описания языка, включая, в частности, и семантику, которая в современных лингвистическнх теориях занимает ведущее место в системе описания языка.

ставляла отходить от взглядов на язык, распространенных в современной им теоретической лингвистике, и строить свои описания на другой теоретической платформе, более соответствующей стоящим перед ними задачам. Среди таких крупных полевых лингвистов, опередивших уровень теории языка своего времени, можно назвать П.К.Услара, давшего блестящие описания ряда кавказских языков (см. [Услар 1889, Услар 1890, Услар 1892]), которые почти за сто лет не только не потеряли своей научной ценности, но и фактически не были превзойдены по обстоятельности, точности и полноте позднейшими описаниями.

Тесная связь полевой лингвистики с теорией грамматики объясняется тем, что главной задачей последней как раз и считается формулирование требований, предъявляемых к грамматике любого языка, и создание аппарата описания, позволяющего эти требования выполнить, ср. [Глисон 1959. С. 27-29]. Полевая лингвистика дает возможность наглядно апробировать такой аппарат, так как лингвист, не являясь носителем изучаемого языка, не может строить описание, опираясь на свою внутриязыковую интуицию, и вынужден более строго применять критерии соответствия исследуемых языковых объектов понятиям, используемым в теории. При этом все формальные недостатки теории весьма скоро становятся очевидными. В свою очередь полевая лингвистика предъявляет свои требования к теории грамматики, которые должны способствовать ее развитию: "Каждый новый язык при тщательном его анализе обнаруживает те или иные феномены, которые не могут быть адекватно трактованы в терминах существующих концепций и которые, тем самым, открывают недостатки и слабые места в теории и побуждают ее к дальнейшему совершенствованию" [Лаунсбери 1959. С. 408]. "...решающей проблемой для лингвистической теории является, по-видимому, извлечение утверждений и обобщений из конкретных описательно адекватных грамматик и везде, где это возможно, соотнесение их с общей теорией лингвистической структуры, что обогатит эту теорию и внесет бóльшую структурность в схему грамматического описания" [Хомский 1972/1965. С. 45].

Думается, что необходимо обогащение методов исследования и построения грамматики современными лингвистическими теориями, эффективность которых применительно к свежему языковому материалу в свою очередь будет проверена и оценена.

(2) Методы обнаружения грамматических фактов. На начальной стадии полевого изучения языка-объекта и высказывания на этом языке непонятны, и грамматика его неизвестна. Этим ситуация в полевом исследовании принципиально отличается от ситуации, когда применяется некоторая теория грамматики к уже известному материалу (например, к фактам русского и английского языков, многократно описывавшимся). Задача полевого исследователя - не только хорошо построить грамматическое описание, но и обнаружить все необходимые для этого лингвистические факты, т.е. элементы грамматики языка-объекта надо еще "открыть".

Таким образом, работа исследователя, изучающего незнакомый ему язык, является частным случаем дешифровки. Первичное условие всякой дешифровки - наличие текстов на изучаемом языке. Методы и возможности дешифровки определяются тем, имеются или отсутствуют дополнительные сведения, из которых важнейшими для дешифровки являются следующие:

(а) Известен ли тип элементарных единиц, которые используются на уровне субстанции выражения языка-объекта, т.е. известно ли, на какие предельные единицы и как можно расчленить тексты языка-объекта: звуки человеческого голоса, буквы-фонемы, буквы-слоги, буквы-слова и т.п.

(б) Имеется ли язык-посредник, на который переведены или могут быть переведены тексты языка-объекта (этот язык может в некоторых случаях совпадать с языком исследователя или языком-объектом).

(в) Задана ли внеязыковая ситуация, описываемая текстом (на некотором более абстрактном уровне внеязыковую ситуацию тоже можно считать текстом на языке-посреднике*, но специфичность такого языка-посредника слишком очевидна).

Перечисленные сведения взаимонезависимы, поэтому можно, исходя из их наличия или отсутствия у исследователя (на начальной стадии дешифровки), представить следующую классификацию типов дешифровки (см. схему 4).

Разумеется, по мере изучения языка незнание может перейти в знание, и тогда тип дешифровки изменится (например, минусы в первой колонке могут быть на некотором этапе дешифровки заменены плюсами)**.

Полевая лингвистика в том виде, который ей придают в настоящее время практические потребности, относится к первому и реже ко второму типу дешифровки (двуязычный и моноязычный подходы). Несмотря на довольно широкий спектр представленных на схеме 4 типов дешифровки (ср. типы 1 и 8) и несомненное наличие своих специфических приемов, используемых в каждом из них, естественно ожидать и общих моментов,

* Такое расширительное понимание текста содержится, например, в работе [Пайк 1967].

** Так, проблема дешифровки крито-микенского линейного письма Б в момент нахождения Эвансом глиняных табличек относилась к 8-му типу (все три минуса); после исследований Алисы Кобер, установившей слоговой характер письма, - к типу 4, а после принятия Вентрисом гипотезы о том, что тексты, написанные этим письмом, относятся к греческому языку, - к типу 3, после чего эти тексты были дешифрованы.

связанных с методами обнаружения грамматики языка-объекта. Полевая лингвистика, используя результаты теории дешифровки, думается, также обогатит своими приемами* и самое эту теорию.

Представляется существенным разграничение этапа обнаружения грамматических фактов и этапа их описания. Невозможно построить описание языка-объекта, не обнаружив определенной совокупности фактов, и в то же время исчерпывающее обнаружение всех существенных с грамматической точки зрения фактов, вообще говоря, невозможно до начала построения грамматики языка-объекта (см. об этом в главе 18). Однако коллекция грамматических фактов еще не есть грамматическое описание (одной и той же совокупности фактов могут соответствовать различные описания), хотя на практике иногда наблюдается подмена второго первым.

(3) Гипотезы о свойствах языка вообще. На изучение незнакомого языка немаловажное (впрочем, далеко не всегда осознанное) влияние оказывают представления исследователя о свойствах языка вообще. Во время господства классической теории грамматики, восходящей к античному образцу, обращение к "экзотическим" языкам поражало исследователей, так как классические грамматические понятия оказывались неприложимыми к новым языковым фактам. Это привело к тезису о "лингвистической относительности", см. [Сводеш 1964. С. 48] (не путать с гипотезой Сепира - Уорфа!), провозглашающему бесконечное и непредсказуемое разнообразие языков; однако, несмотря на принятие тезиса "лингвистической относительности", знакомство все с новыми и новыми языками продолжает изумлять исследователя: обнаруживается другой, не менее очевидный факт - языки удивительно похожи друг на друга. "За бесконечным поражающим многообразием языков мира скрываются общие для них всех свойства. При всем безграничном несходстве оказывается, что языки созданы как бы по единому образцу" [Гринберг и др. 1970. С.3].

Поэтому полевой лингвистике совершенно необходимо иметь научное представление о том, какими свойствами обладает язык вообще, не подменяя его распространением на все языки свойств, присущих, в худшем случае, родному языку исследователя, в лучшем - языкам, более или менее ему известным. Этой проблемой полевая лингвистика связана с типологией и новейшим ее течением - у н и в е р с а л и з м о м. Так же, как и связь с другими областями, эта связь взаимообратима: если трудно поставить теорию полевой лингвистики на научную основу без формулировки содержательных гипотез о свойствах языка вообще, то в свою очередь строить типологию и тем более теорию универсалий без достаточно

* Имеется попытка создания "открывающих процедур" на основе тагмемной теории [Лонгакр 1964]

строгого, полного, исчерпывающего знания о многих конкретных языках (а такие знания и поставляет в основном полевая лингвистика - далеко не каждый малоизученный язык может дожидаться исследователя, для которого этот язык является родным) просто невозможно, ср. [Успенский 1969. С. 12-14].

Гипотезы о свойствах языка вообще особенно важны для подготовительной стадии полевой работы; опираясь на них, можно заранее представить, какие элементы структуры языка должны подлежать изучению, и составить предварительные тесты, анкеты, схемы опроса информантов, делающие работу полевого исследователя значительно более эффективной (эту часть деятельности можно назвать "н у л е в ы м ц и к л о м" в полевой работе). Однако лингвистика дает слишком мало готовых рецептов для этой стадии работы (достаточно указать на неблагополучное положение даже с такой наиболее разработанной частью общей лингвистики, как проблема единого фонетического алфавита) и в данной области многое еще предстоит сделать.

(4) Методы извлечения лингвистической информации. В отличие от теории грамматики и от дешифровки в узком смысле полевая лингвистика неразрывно связана с человеком - носителем языка, от которого поступает вся информация о языке-объекте. Так как человек выступает посредником между исследователем и языком, то связь с психологией и особенно психолингвистикой является весьма важной для выработки эффективных методов извлечения лингвистической информации. Основное орудие полевой лингвистики и психолингвистики - эксперимент, и умение корректно ставить его существенно влияет на результат работы.

Надо отметить, что именно в этой части особенно ярко проявляется специфика полевой лингвистики, именно тут необходимы особые приемы и методы исследования. Перед исследователем встают такие методологические вопросы, как разработка методик получения данных от информанта (причем наряду с пассивными методами - методами работы с данным текстом - особое место должны занимать активные методы - методы получения от информанта не случайных текстов, а текстов, несущих искомую лингвистическую информацию), разработка способов опроса информанта, верификации полученных данных, обработки материала и т.д. В процессе работы неизбежно встают принципиальные вопросы: проблема грамматичности, проблема противоречивости данных, соотношения узуса и нормы, языка и идиолекта, разговорного и полного стиля, влияния осознания языка-объекта (информантом и исследователем) на данные и т.п.; все эти вопросы в теоретической лингвистике подняты сравнительно недавно, но без их учета вряд ли возможно получение эффективных результатов в полевой работе.

Схема 4

Виды дешифровки

№ п/п	Известен тип элементарных единиц субстанции выражения	Наличие языка - посредника	Знание внеязыковой ситуации	Примеры
1	+	+	+	Изучение языка в устной форме с помощью двуязычного информанта в его родной среде.
2	+	-	+	Изучение языка в устной форме с помощью одноязычного информанта в его родной среде.
3	+	+	-	Дешифровка текста известной системы письма, но неизвестной цивилизации с помощью билингвы[1].
4	+	-	-	Дешифровка текста известной системы письма, но неизвестной цивилизации без помощи билингвы[2].
5	-	+	+	Изучение языка (в неизвестной субстанции) с помощью двуязычного информанта в его родной среде[3].
6	-	+	-	Дешифровка с помощью билингвы текста неизвестной системы письма и неизвестной цивилизации[4].
7	-	-	+	Изучение языка ребенком[5].
8	-	-	-	Изучение языка животных, живых существ других миров[6].

Примечания: [1]Распространенный тип так называемых дешифровочных лингвистических задач [Лингвистические задачи 1983. С.7].
[2]Проблема дешифровки этрусских текстов [Фридрих 1961. С.140-145]. К этому же типу дешифровки относится проблема карийских надписей [Шеворошкин 1965].
[3]Изучение языка жестов глухонемых индейского племени урубу. См.: [Какумасу 1968, Кребер 1958].
[4]Дешифровка древнеегипетского иероглифического письма Шампольоном. См.: [Доблхофер 1963].
[5]Неважно, что ребенок является бессознательным дешифровщиком - дешифровщиком "поневоле".
[6]Например, изучение языка дельфинов. Ввиду отсутствия всякой надежды раздобыть привычную для других типов дешифровки билингву, в этом случае приходится пробить брешь в этой цепочке минусов, искусственно задавая внеязыковую ситуацию и наблюдая за коммуникативным поведением дельфинов. Своеобразно задается внеязыковая ситуация и в различных проектах космического языка, который разумные существа легче всего могли бы при этом расшифровать. См.: [Фрейденталь 1960].

Существенным фактором извлекающей процедуры является то обстоятельство, что носитель языка обладает способностью к языковой деятельности на этом языке, но не знает, как устроен язык и не в состоянии отвечать на вопросы о языке, поставленные в лоб. Он может только производить высказывания, отмеченные с точки зрения грамматики этого языка и осмысленные с точки зрения внеязыковой ситуации. Задача полевого лингвиста - выработать такие косвенные средства активного управления способностью информанта к языковой деятельности, которые давали бы желаемый результат.

В рассматриваемом аспекте полевая лингвистика сближается также с полевой антропологией и этнографией (в американской традиции лингвистика вообще входит в круг антропологических дисциплин), причем данная связь имеет не только внешний характер (сходство методик), но и более глубинный, так как язык может рассматриваться как часть этнологических феноменов вообще, как одна из важнейших манифестаций интеллектуальной жизни, см. [Боас 1966. С. 55-59].

(5) Методы практического обучения языку. Одним из методов, помогающих извлечению лингвистической информации о языке-объекте, является практическое овладение языком-объектом.

Существуют разные точки зрения на важность овладения языком-объектом для его описания; некоторые исследователи считают, что кощунственно пытаться описывать язык, не говоря на нем, другие сводят значение этого фактора к минимуму; не впадая в крайности, можно сказать, что знание языка весьма полезно для полевого лингвиста по целому ряду причин (см. об этом в главе 18).

В связи с этим полевая лингвистика сближается с самой традиционной областью прикладного языкознания - п е д а г о г и к о й (обучением иностранному языку) и самой новой и, может быть, еще даже самостоятельно не оформившейся дисциплиной - т е о р и е й д е т с к о й р е ч и. Можно надеяться, что вскрытие механизма уникальной и универсальной способности человека в детском возрасте усваивать язык, на котором говорят в окружающей среде, причем с поразительной быстротой и без всякого целенаправленного обучения, поможет оптимизировать процесс обучения языка в полевых условиях. Однако пока что эта область лингвистики сильно отстает от потребностей полевой работы.

Итак, полевая лингвистика тесно связана с различными областями языкознания. Полевая лингвистика - это и испытательный полигон различных лингвистических теорий, и поставщик нового необходимого лингвистике материала о языках и их свойствах, и заказчик на решение многочисленных вопросов, на которые теоретическая лингвистика не нашла еще ответов (ср. сходную точку зрения в [Гарвин 1967]).

В то же время полевая лингвистика является самостоятельной прикладной областью языковедения со сложным комплексом проблем и мето-

дов и нуждается в своем теоретическом обосновании на уровне современных достижений теории языка.

Думается, что слабую развитость теории полевой лингвистики можно считать временным явлением. За последние десятилетия в современном языкознании проблемам синхронного описания языка уделялось особенно много внимания, при этом отчетливо было сформулировано требование универсальности лингвистической теории (применимости не к конкретному языку L_i или L_j, а к любому естественному языку L, в том числе и к языку L_i или L_j). При этом теоретическая разработка аппарата описания многих компонентов языковой структуры значительно опережает темпы применения этих теоретических средств к описаниям конкретных языков, а такой разрыв, по крайней мере для теории, крайне нежелателен. Потому было бы вполне естественным ожидать в ближайшие годы некоторого перемещения центра тяжести лингвистических исследований на изучение языков, до сих пор не привлекавших всеобщего пристального внимания лингвистов. А если это произойдет, то полевая лингвистика займет свое достойное место в системе методов исследования языка.

ГЛАВА 6

ЧТО ТАКОЕ "ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ"?*

Мне неоднократно приходилось оказываться в затруднительной ситуации, когда от меня требовалось в краткой и доступной форме объяснить, что такое языковые (лингвистические) экспедиции. Хотя я более двадцати лет руковожу лингвистическими экспедициями филологического факультета МГУ, я не обзавелся удовлетворительным ответом, пригодным на все случаи жизни.

Вообще почему возникает такой вопрос? Ведь у нас не вызывает удивления, что бывают геологические, географические, археологические и т.п. экспедиции, хотя из нас мало кто всерьез знаком с целями и средствами такого рода научной работы. Но всем ясно, что необходимость таких выездов "в поле" связана с интересом к тем или иным важным для человека объектам материальной природы, привязанным к некоторой территории. Более того, мы знаем и о том, что некоторые интересующие науку объекты духовной природы, такие, как этническая культура, фольклор, также существуют в определенной географической среде, и поэтому возможны этнографические или фольклорные экспедиции.

А в данном случае речь идет, кажется, о языке? Почему же "за языком" надо снаряжать экспедицию? Почему вы занялись именно этим языком и чем он особенно ценен? Как вы можете его изучать, не говоря по-нем? Зачем это вообще нужно?

От неискушенных людей (в том числе от носителей изучаемого языка) последний вопрос приходится слышать особенно часто. Мы уже свыклись с мыслью, что находка даже глиняного черепка (а не золотого кубка) в каком-нибудь кургане может быть почтенной целью научных изысканий, но вот наблюдения над "неперспективными" (особенно бесписьменными) человеческими языками, противостоящими пока еще напору научно-технического прогресса, требуют особого обоснования. Лингвисты, посвятившие себя "неперспективным" языкам, пока что находятся в положении тех первых чудаков-звездочетов, которые еще не могли оправдать свои занятия прямой пользой для навигации, не говоря уже об их будущем вкладе в понимание общей картины мира или освоение космического пространства. Однако теперь мы знаем, что они делали полезное для человека дело. Поэтому в нашем случае ответом на вопрос о практической пользе может служить данная историческая аналогия. Но есть ли основания для такой аналогии? Попытаюсь показать, что основание, и очень веское, есть.

Для меня как специалиста по теоретической и прикладной лингвистике очевидно, что, с одной стороны, в скором будущем центр внимания науки должен переместиться с физического мира на мир человека, в котором базовой составляющей является сознание/мышление, и, с другой стороны, язык является основной формой организации человеческого сознания/мышления, а значит, и важным инструментом их изучения, в силу чего прикладная и фундаментальная значимость лингвистических знаний должна будет резко возрасти.

Для того чтобы уровень лингвистической теории соответствовал своему предназначению, необходимо замыкание следующей цепочки:

когнитология
↕
когнитивная лингвистика
↕
общая теория языка
↕
типология языка
↕
описание конкретных языков

А именно: когнитивная лингвистика (см. о ней [Рудзка - Остин 1988]) перекидывает мостик между когнитологией (наукой о мышлении) и традиционно лингвистической общей теорией языка; общая теория языка, обобщающая принципы устройства и функционирования всех челове-

* Фрагмент статьи "Из опыта лингвистических экспедиций МГУ", опубликованной в: Вестник АН СССР. 1988. N 12.

ческих языков, опирается на типологию; типология, исчисляющая всевозможные реализации языка, строится на материале данных, почерпнутых при изучении конкретных человеческих языков. Поэтому фиксация всех, особенно редких, доступных исследованию языковых фактов может иметь весьма далеко идущие последствия. Вспомним, какое значение для формирования дарвинской теории эволюции имели реликтовые биологические формы жизни, обнаруженные им на Галапагосских островах.

Итак, фундаментом всей этой цепочки являются знания о конкретных человеческих языках. Сложившаяся же ситуация в языкознании такова, что

1) сведения о большинстве языков крайне скудны и недостоверны, но даже и то, что о языках известно, крайне плохо учтено, систематизировано и введено в научный обиход;

2) существует неоправданный разрыв между описательным и теоретическим языкознанием - низкий теоретический уровень большинства описательных грамматик соседствует с претендующими на универсальность лингвистическими теориями, не учитывающими реально существующих возможностей варьирования естественных языков (для отечественного языкознания характерен русоцентризм, для американского - англоцентризм, на фоне чего европоцентризм можно уже считать высоким уровнем языкового кругозора);

3) существование эпистемологической цепочки, увязывающей в единое целое, казалось бы, совершенно различные виды узкопрофессиональных лингвистических занятий (таких, например, как описание арчинского языка, на котором говорят жители одного селения, и выявление языковых коррелятов мыслительных процессов логического вывода), не осознано еще большинством профессионалов-лингвистов.

Такое положение вещей надо решительным образом менять. И в первую очередь - через процесс обучения будущих специалистов-лингвистов. Те языковые экспедиции, о которых пойдет речь, и были задуманы как одно из звеньев воспитания новой генерации языковедов, имеющих навыки работы с разнообразными языками и со знаниями о них и на практике усвоивших глубокое взаимопроникновение и взаимообогащение различных лингвистических знаний.

Идея учебно-научных лингвистических экспедиций возникла на филологическом факультете МГУ, где с 1962 г. существует отделение структурной и прикладной лингвистики (ОСИПЛ), выпускающее профессионалов-лингвистов. На этом факультете до того времени были две традиционные экспедиции: фольклорная (практика для литературоведов - поиски и запись устного фольклорного творчества) и диалектологическая (практика для языковедов-русистов - сбор и запись лексико-грамматических характеристик северных русских говоров).

Новые экспедиции в определенной степени сближались с диалектологическими (сам я с благодарностью вспоминаю свою первую экспедиционную диалектологическую практику, сформировавшую у меня интерес к такого рода языковедческой работе) - в обоих случаях объектом наблюдения является язык в его устной форме, изучаемый в местах его естественного распространения с использованием услуг носителей этого языка. Но имеются и принципиальные различия. В диалектологической экспедиции изучается диалект родного языка исследователя. Поскольку базовая грамматика диалекта (языка-объекта) и литературного языка (языка-посредника) одна и та же, в фокусе внимания - отклонения от литературно-языковой нормы. Близость языка-объекта и языка-посредника создает специфические трудности диалектологической работы, преодоление которых требует высокого профессионального мастерства, но не об этом речь. Важно, что язык-объект (диалект) и язык-посредник (русский язык) - разновидности одного языка.

В лингвистических экспедициях ОСИПЛа объектом изучения является неизвестный исследователю язык. Такая ситуация в языковедческой практике далеко не традиционна. Обычно считается, что исследовать всерьез можно только свой родной язык, на котором исследователь свободно говорит. Русский исследует русский язык, англичанин - английский, узбек - узбекский. Можно также стать специалистом неродного языка, но тогда надо сперва им практически овладеть, и степень квалификации такого специалиста пропорциональна практическому знанию языка. Отсюда и вопрос: как вы можете изучать язык, не говоря на нем?

Дело в том, что цели лингвистических экспедиций ОСИПЛа сознательно формируются, исходя из убеждения, что вышеописанная логика глубоко ошибочна. Она предполагает, что в основе лингвистического исследования лежит свободное (и непроизвольное) владение механизмами языковой деятельности (то есть свободный непосредственный доступ к языковым данным), и независимость исследователя в процессе получения языковых данных почти гарантирует ему их интерпретацию. Это иллюзия, и весьма вредная. Языковые данные - необходимое, но далеко не достаточное условие в лингвистическом исследовании. Не менее важны методики, помогающие

а) отбирать из моря данных именно те, которые "подсказывают" правильный ответ;

б) понимать, о чем "говорят" эти данные.

Когда мы работаем с родным языком, мы как бы не замечаем существования данных методик и весь успех списываем на знание языка, а вот когда языка мы не знаем, эти методики действуют самостоятельно, что позволяет нам объективировать так называемую языковую интуицию.

Таким образом, данные экспедиции как раз исходят из того, что можно изучать - и успешно - неизвестный язык, целенаправленно создавая и используя специальные методики.

Теперь два слова по поводу вопроса: "Почему вы занялись именно этим языком и чем он особенно ценен?" На выбор языка влияет множество самых разнородных факторов, но в наименьшей степени - его социальный "вес". Можно сказать, что, наоборот, именно малая престижность языка и малая его изученность являются в нашем случае положительными факторами. Вообще надо сказать, что СССР - поистине бесценная кладовая языковых данных. Имеется около ста языков, уровень изученности которых можно считать нулевым (если не опускаться до точки зрения, что наличие единственного грамматического описания уже есть показатель его приобщения к разряду хорошо описанных языков). Поэтому диапазон возможностей весьма широк.

Думаю, что теперь уже нет нужды в пространном ответе на вопрос: "Почему "за языком" надо снаряжать экспедицию?" Во-первых, многие языки, становящиеся объектом нашего исследования, распространены в очень ограниченной географической зоне и за ее пределами не встречаются. Во-вторых, в языке (особенно в его лексике) отражена та этнокультурная среда, в которой этот язык функционирует, а эта среда неотделима от места обитания соответствующей этнической группы. В-третьих, специфика коллективной лингвистической работы требует большого числа информантов, которых можно найти только в месте их концентрированного проживания. В-четвертых, привязка к определенному населенному пункту облегчает подбор ряда информантов, говорящих на одном диалекте. Поэтому экспедиционный выезд "в поле" является в данном случае совершенно естественным.

На ОСИПЛе в течение ряда лет проводилось одновременно до трех экспедиций (руководители Б.Ю.Городецкий, А.И.Кузнецова и А.Е.Кибрик), каждая из которых обладала определенной спецификой как в плане языкового ареала, так и лингвистических целей и методик. Всего было проведено более 50 таких экспедиций, где прошло практику около трехсот студентов, некоторые из которых бывали в экспедициях многократно, даже и после окончания университета. Экспедиции - прекрасная школа приобщения к тайнам языка и лингвистической науки, выработки навыков самостоятельной научной работы и научного мышления. Многие участники экспедиций - ныне зрелые ученые, специалисты по различным языкам, практики и теоретики. Мне часто приходится слышать, что экспедиции оставили у многих из них самое яркое впечатление о годах студенчества. Наряду с научными результатами это еще один, причем, может быть, наиболее существенный вклад экспедиций в нашу науку.

ГЛАВА 7

ПРОБЛЕМА ИСЧЕЗАЮЩИХ ЯЗЫКОВ В БЫВШЕМ СССР*

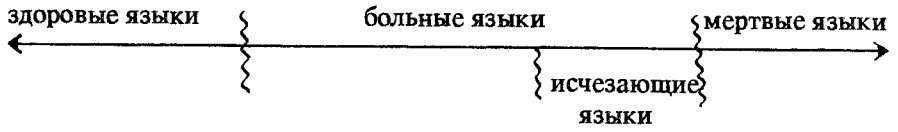
1. Общие вопросы

На территории бывшего СССР в настоящее время имеется около 130 языков. По численности, общественному и социальному статусу, сфере действия, жизнеспособности эти языки весьма значительно различаются. В данной статье нас в первую очередь будут интересовать те из них, для которых вполне реальна опасность исчезновения в обозримом будущем.

С точки зрения жизнеспособности живые языки можно делить на "здоровые" и "больные". "Здоровые" языки способны к воспроизводству или даже расширению своего социального статуса, сферы действия, численности носителей, иными словами, они функционируют и развиваются нормально, они жизнеспособны.

"Больные" языки находятся в той или иной стадии деградации. В исторической перспективе наблюдается снижение их социального статуса, сокращение сфер действия, уменьшение числа носителей, в особенности тех, для кого этот язык является родным. Эти социальные параметры существования языка могут взаимодействовать и с внутриструктурными параметрами (устойчивость структуры языка к иноязычному влиянию, динамика развития лексикона и т.п.). Когда последствия "болезни" достигают критического уровня, возникает угроза существованию языка.

Иными словами, понятие "исчезающий язык" является относительным. Все "больные" языки можно расположить на шкале, ограниченной, с одной стороны, "здоровыми" языками, а с другой - "мертвыми" языками.

Чем ближе расположен язык на этой шкале к зоне "мертвые языки", тем больше оснований считать его исчезающим. Поэтому ниже, когда будет даваться характеристика исчезающих языков (см. раздел 2), они

* Настоящая глава написана по просьбе Международного комитета лингвистов для специального выпуска журнала Diogenes (1991. №153), посвященного проблеме исчезающих языков.

будут условно разбиты на группы, упорядоченные по их позиции на данной шкале.

На жизнеспособность языка влияет множество весьма разнородных факторов. Учет их существен для выявления тенденции развития языка и определения его статуса. При определении состава исчезающих языков мы ограничились рассмотрением только наиболее значимых, с нашей точки зрения, факторов, к которым относятся:

а) Численность этнической группы и говорящих на языке этой группы. Естественно, что чем меньше людей говорит на данном языке, тем больше угроза его существованию, и наоборот. Однако абсолютные величины еще не являются определяющими, поскольку малочисленность говорящих может компенсироваться другими факторами, благоприятными для данного языка. Например, на гинухском и негидальском языках говорит примерно по 200 человек, но ситуация с гинухским языком значительно более благополучная, чем с негидальским (см. ниже).

При оценке численности источники не всегда различают численность этнической группы и число говорящих на данном языке, хотя вторая величина может быть значительно меньше первой. Например, этнических ительменов насчитывается около полутора тысяч, а владеет ительменским языком менее ста человек. Налицо явная тенденция потери этносом своего языка. Более того, для ряда языков и этносов вообще отсутствуют какие-либо статистические данные и можно руководствоваться только примерной оценкой специалистов.

Следует иметь в виду, что во многих случаях не проводилось специального социолингвистического обследования параметра "владение языком", что также затрудняет приведение объективных статистических данных. Степень владения языком может варьировать в большом диапазоне - от пассивного знания ограниченного лексикона и базовых грамматических конструкций до полного владения языком как единственным средством общения в условиях всех традиционных коммуникативных сфер.

б) Возрастные группы носителей языка. Чрезвычайно важно распределение носителей по возрастным группам: старшее поколение (50 лет и старше) - среднее поколение (от 30 до 50 лет) - молодежь (20-30 лет) - подростки (10-20 лет) - дети (до 10 лет). Это важнейший диагностический параметр определения прогноза выживаемости языка. Если имеются носители языка во всех возрастных группах, то язык не станет мертвым в течение ближайших 40-50 лет, если же дети и подростки уже не усваивают язык своих родителей, то сохранение этого языка в ближайшем будущем, без вмешательства каких-либо чрезвычайных обстоятельств, нереалистично.

в) Этнический характер браков. Наиболее благоприятны для сохранения языка чистые браки, при смешанных браках возможен переход на более социально престижный язык, часто русский. Однако смешанные браки не всегда ведут к отмиранию этнического языка. Например, гинухцы-мужчины не женятся на гинухках, а берут в жены девушек из соседних цезских селений. Наоборот, гинухские девушки уходят из своего этноса, выходя замуж за представителей других этнических групп. Тем не менее

социальный статус гинухского языка в гинухской семье так высок, что он остается языком семьи.

г) Воспитание детей дошкольного возраста. Очень существенно, где и кем воспитываются дети: в семье или вне семьи. Воспитание в семье способствует освоению племенного языка, особенно если дети живут совместно со старшим поколением родственников (бабушками-дедушками). Если же дети живут в семье, где не используется этнический язык (это особенно распространено при смешанных браках), то данный фактор не оказывает благоприятного воздействия. Особо следует отметить существование в 50-80-е годы государственной практики воспитывать детей малочисленных этносов вне семьи - в интернатах. Эта практика существовала в ряде районов Севера и Дальнего Востока и привела к искусственному прерыванию преемственности овладения этническим языком, что нанесло огромный ущерб языкам: алюторскому, ительменскому, негидальскому, юкагирскому и некоторым другим.

д) Место проживания этноса. Для сохранения этнического языка большое значение имеет проживание в исконных местах обитания. Этот фактор, в комбинации с некоторыми другими, способствует сохранению многих дагестанских (в том числе и малочисленных) языков, языков Памира (таких, как язгулямский, ишкашимский, бартангский, ваханский, хуфский и др.), а также бацбийского языка (Грузия). Напротив, переселение, особенно принудительное, является одним из неблагоприятных факторов. Для некоторых языков это имело губительные последствия (нивхский, науканский эскимосский, нганасанский).

Существенна также компактность/дисперсионность проживания этноса. При одной и той же численности компактно проживающий этнос имеет больше шансов сохранить свой язык, чем этнос, рассредоточенный на различных территориях, при отсутствии регулярных языковых контактов. Данный фактор неблагоприятен для науканских эскимосов, нивхов, ороков, удэгейцев, орочей, южных селькупов.

е) Языковые контакты этноса. Чем больше контактов с другими этносами, особенно на другом языке, тем это хуже для жизнедеятельности данного этнического языка. Особенно неблагоприятно проживание в одном населенном пункте с носителями более престижного языка. Такова ситуация с югским, алеутским, эскимосским, юкагирским, нивхским, энецким, ительменским, удэгейским, ульчским, орочским, алюторским, селькупским, нганасанским языками. Как видно, именно этот фактор (преобладание русского населения в местах обитания этноса) является наиболее определяющим для судьбы языков народов Севера.

Вместе с тем особый случай представляет собой бацбийский язык, на котором говорит примерно половина жителей сел. Земо-Алвани Грузинской ССР. Несмотря на многолетнее соседство с односельчанами-грузинами, жизнеспособность бацбийского языка, по имеющимся сведениям, сохраняется.

ж) Социально-общественная форма существования этноса. Этносы, сохраняющие в значительной степени традиционную форму существования (уклад семьи, трудовая деятельность, жилище и т.п.) имеют больше шансов сохранить язык; при социальной адаптации к современным

формам существования сохранение языка затруднено. Наряду с другими факторами, планомерная государственная политика, направленная на разрушение традиционных форм жизни, подрывала позиции многих языков народов Севера. И наоборот, в других ареалах (Кавказ, Памир) сохранение форм жизни способствовало сохранению языков.

з) **Национальное самосознание.** Наличие национального самосознания может блокировать отрицательные последствия многих неблагоприятных факторов. Например, в последние годы наблюдается резкий подъем престижа эскимосского языка в связи с восстановлением прямых контактов с Аляской. Неожиданно именно эскимосский язык оказался языком международного общения. Это обстоятельство может стать решающим фактором для возрождения эскимосского языка.

Наоборот, отсутствие национального самосознания не стимулирует нормальное развитие языка. Таково положение дел со сванским языком. Несмотря на значительное число сванов (их более 30 тысяч), знание сванского языка не является престижным, многие сваны называют в качестве родного языка грузинский, и владение сванским языком среди подростков и молодежи находится на невысоком уровне.

и) **Преподавание языка в школе.** Одним из способов планового влияния на сохранение языка является обучение языку в школе. В последние годы наблюдается активный процесс введения этнического языка в программу начальных классов как предмета. В школе преподается юкагирский (до 4-х классов в пос. Андрюшкино и факультативно до 8-го класса в Нелемное), нивхский (до 2-го класса в пос. Ноглики и Некрасовка), ульчский (в 1-м классе), селькупский, северный диалект (до 4-го класса), чаплинский эскимосский (до 4-го класса), алюторский (до 4-го класса), кетский (частично в 5 школах). Предпринимаются попытки обучения в школе энецкому, ительменскому, нганасанскому языкам, однако в этих случаях речь идет скорее о преподавании не родного, а иностранного языка.

к) **Государственная языковая политика.** В целом языковую политику после революции можно периодизировать следующим образом: 1) 20-40-е годы - период признания самобытности различных этносов, создание письменностей для большинства языков, в 20-е годы на латинской основе, в 30-е - на кириллице. Сам факт перехода на кириллицу знаменовал подчинение всех языков приоритету русского языка, ориентацию на всеобщую русификацию населения СССР. У многих малочисленных народностей письменность была введена формально и практически не использовалась; 2) 50-70-е годы ознаменовались линией на создание однородного советского общества, пренебрежением к малочисленным языкам, а иногда и явно проводившейся на местах политикой изживания этих языков; 3) конец 80-х годов связан с возникновением национальных движений, борьбой за суверенитет и подъем престижа национальных языков. На этом фоне возникли общественные движения за сохранение малочисленных этносов и языков. В 1990 г. создана Ассоциация народов Севера, задачей которой провозглашена борьба за сохранение и возрождение коренных народностей Севера, Сибири и Дальнего Востока, подъем их национального самосознания. Для одних этносов, однако, время уже упущено, но в ряде случаев тенденция к деградации и исчезновению может быть переломлена.

Эта общая линия языковой политики по-разному преломлялась в судьбе отдельных языков, особенно в первый период. Некоторые малые языки попали в сферу внимания алфабетизации: эскимосский, ительменский, алюторский, нивхский, селькупский, удэгейский. Ряд языков не был идентифицирован. Так, были спутаны с нанайским языком языки орокский и ульчский, с ненецким - энецкий и нганасанский, с удэгейским - орочский. Их алфабетизация была попросту бессмысленной.

Что касается языков югского, керекского, негидальского, юкагирского, то их существование просто не замечалось.

2. Характеристика исчезающих языков

Ниже даются основные сведения о языках, существование которых в будущем находится в наибольшей опасности. Эти сведения получены от специалистов, любезно ответивших на предложенную автором анкету (фамилии их указываются при характеристике конкретных языков): извлечь нужную информацию из печатных источников не представлялось возможным; такая информация систематически никем не собиралась и не обобщалась. Даже при переписях населения многие малочисленные этнические группы и их языки не фиксировались. (По техническим причинам в данный обзор не введена информация об исчезающих финно-угорских языках: водском, ливском и ижорском. Видимо, водский следует отнести к I группе, ливский и ижорский языки - ко II группе.)

Группа I. В эту группу входят языки, которые уже почти перешли в разряд мертвых.

1) Югский язык (Г.К.Вернер, Таганрог).

В настоящее время насчитывается примерно 10-15 югов (Туруханский район Красноярского края, пос. Ворогово), из которых лишь 2-3 владеют своим языком, причем весьма слабо. Ранее юги проживали по Енисею от Енисейска до устья Дупчеса. По некоторым сведениям, часть югов (сымских кетов) переселилась на Енисей с верховьев реки Кети, притока Оби.

Через 10-15 лет язык полностью исчезнет. Специальные исследования по языку отсутствуют, если не считать некоторых упоминаний в монографиях по кетскому языку. Югским языком занимается только Г.К.Вернер, он готовит монографическое описание этого языка.

2) Керекский язык (А.П. Володин, Санкт-Петербург).

Численность кереков всегда была невелика, в начале XX века - 200-400 человек (чукотские поселки Майныкильгино и Хатырка Чукотского автономного округа, Беринговский район). В настоящее время кереки практически ассимилировались чукчами. По данным 1990 г., осталось три человека, помнящих керекский язык: Хаткана (60 лет), носитель майныкильгинского диалекта, Увагыргын (63 года) носитель хатырского диалекта и Етынкеу (Николай) - из Майныкильгино.

Из публикаций имеется очерк П.Я.Скорика в "Языки народов СССР", 1968, т. У, имеются в рукописи тексты этнографа В.В.Леонтьева, записанные в 60-70-е годы, когда носителей было больше. В 1988 и 1989 гг. осуществлялись экспедиции, в которых были записаны новые тексты, словарь (4-5 тысяч слов), парадигматические данные. Все эти сведения включены в компьютерную информационную систему ЭСКЕР. Активно работающие специалисты - А.С.Асиновский и А.П. Володин. Кроме того, В.А.Зайцева занимается компьютерной обработкой керекских материалов.

3) Алеутский язык (Н.Б.Вахтин, Е.В.Головко, Санкт-Петербург).

В 1820-1840 гг. несколько десятков алеутских семей было завезено Российско-Американской компанией на необитаемые Командорские острова с разных островов Тихого океана. До 1960-х годов существовало два алеутских поселка - на о.Беринга и о.Медном. Жители о.Беринга имеют диалект, идентичный диалекту о.Атка (Алеутские острова, США), на о.Медном развился креолизованный алеутско-русский пиджин.

В настоящее время все алеуты (около 300 человек) живут в пос. Никольское на о.Беринга. Из них говорит на алеутском языке 15-20 человек старшего поколения. Население Никольского преимущественно русские (около 1,5 тысяч человек). Дети и молодежь говорят только по-русски.

Сохранение алеутского языка в пределах России невозможно. Документацией данных по этому языку занимаются в Санкт-Петербургском отделении Института языкознания. Подготовлены к печати работы: Головко Е.В., Вахтин Н.Б., Асиновский А.С. Язык командорских алеутов; Головко Е.В. Алеутско-русский и русско-алеутский словарь.

Группа II. В эту группу входят "смертельно больные" языки, которые в наибольшей степени нуждаются в активной поддержке и документации.

4) Орокский язык (Л.И.Сем, Санкт-Петербург).

По данным статуправления Сахалинской области в 1979 г. проживало 317 ороков (ульта, уйльта). Они живут в исконных местах обитания на острове Сахалин в районах Поронайском (г. Поронайск, отдельные семьи - в пос. Гастелло и Вахрушев) и Ногликском (селение Вал, отдельные семьи - в пос. Ноглики). Ороки проживают также на острове Хоккайдо, Япония. Имеются заметные различия между южным (поронайским) и северным (Вал и Ноглики) диалектами.

Наблюдается резкий переход хорошего владения орокским языком (старшее поколение) к полному его незнанию (дети, подростки, молодежь). Среднее поколение владеет языком не в полной мере.

Ороки утратили традиционный уклад жизни. Распространены смешанные браки: с русскими, нивхами, нанайцами, эвенками, негидальцами, корейцами. В настоящее время активно работают над орокским языком Л.И.Сем и Ю.А.Сем.

5) Энецкий язык (И.П.Сорокина, Санкт-Петербург; Е.А.Хелимский, Москва).

Энцы живут на Таймырском полуострове в низовьях Енисея выше Дудинки, на своих исконных территориях. Имеются два диалекта с затрудненным взаимопониманием: лесной (бай/пэ-баэ) - в пос. Потапово Дудинского района и тундровый (маду/сомату) - в пос. Воронцово Усть-Енисейского района. Лесных энцев около 150 человек, тундровых - около 50, при этом подавляющее большинство не владеет языком полноценно. В одних поселках с энцами живут ненцы и русские. Все энцы, владеющие родным языком, - билингвы или трилингвы.

Этнос находится на грани исчезновения, ассимилируясь с ненцами (при традиционных формах существования) или русскими (при переходе на современные формы). Чистых браков очень мало. Дети и подростки энецким языком не владеют, из молодежи его знают единицы, в среднем поколении - не более половины. Через 20 лет полноценное знание языка исчезнет или станет уникальным.

В настоящее время активно работает с энецким языком И.П.Сорокина, она готовит грамматику лесного диалекта. Имеются материалы по грамматике тундрового диалекта (Е.А.Хелимский, Е.Ю.Рыжова, Е.В.Грушкина).

6) Негидальский язык (И.В.Недялков, Санкт-Петербург).

Негидальцы проживают компактно в исконных местах обитания в нижнем течении Амура, в двух районах Хабаровского края: Ульчском (селения Каменка, Им) и в районе им. Полины Осипенко. Форма существования этноса - традиционная. Имеются контакты с другими народностями Приамурья - ульчами, нанайцами и нивхами, с которыми встречаются смешанные браки. Из 500 негидальцев владеет родным языком около 200 человек. Как правило, это старшее поколение. Через 20-30 лет язык может исчезнуть. Имеется монография В.И.Цинциус "Негидальский язык" (Л., 1982. 311 с.), содержащая грамматику, тексты и словарь. В настоящее время языком занимается М.М.Хасанова (Новосибирск).

7) Ительменский язык (А.П.Володин, Санкт-Петербург).

Сохранился до настоящего времени западный ительменский язык (южный исчез на рубеже XIX-XX в., восточный - в первой трети XX в). Ительмены (около 1,5 тысяч) проживают на Камчатке в Тигильском районе Корякского автономного округа компактно, в основном в поселках Ковран и Верхнее Хайрюзово (западный берег реки Камчатки). Национальное самосознание выражено слабо. Родным языком владеет менее ста человек, в основном старшее поколение, для детей язык практически чужой, хотя он преподается как предмет в школе до 4-го класса. В 1988 г. издан букварь, в 1989 г. школьный словарь. Тем не менее, видимо, через 20-30 лет язык исчезнет.

Специалисты по ительменскому языку - А.П.Володин, А.С.Асиновский, по этнографии - Н.К.Старкова (Владивосток), ныне находящаяся на пенсии.

8) Удэгейский язык (А.Х.Гирфанова, Санкт-Петербург).

Удэгейцы проживали в XIX в. в бассейнах рек Хора, Анюя, Самарги, Бикина, Имана. Ныне они представлены в Хабаровском крае (селение Гвасюги района им. Лазо, селение Арсеньево Нанайского района) и в Приморском крае (селение Красный Яр Пожарского района, селение Агзу Тернейского района).

В России проживает около 1600 удэгейцев, из которых говорят на удэгейском языке немногим более 100 человек. Удэгейцы живут в русскоязычном окружении. Так, в селении Арсеньево из 420 жителей - 50 удэгейцев, 225 русских, 118 украинцев, в селении Гвасюги из 240 жителей - 156 удэгейцев, остальные - русские, украинцы, нанайцы (данные 1986 г.).

Ввиду насильственного переселения в искусственные поселки со смешанным по национальному составу населением в 20-30-е годы и воспитания детей в интернатах в 50-60-е годы, удэгейским языком большая часть удэгейцев не владеет.

Нижняя возрастная граница владеющих удэгейским языком - 50 лет. Окончательное исчезновение языка возможно через 30 лет.

Активно занимаются удэгейским языком А.Х.Гирфанова (Санкт-Петербург), М.Д.Симонов (Новосибирск), а также Е.В.Перехвальская и В.И.Беликов (Москва) - в рамках программы международного фонда Сороса "Культурная инициатива".

Группа III. Это группа серьезно больных языков, по своей исторической перспективе весьма близких к группе II. В то же время имеющиеся в последние годы позитивные политические сдвиги в отношении малочисленных языков, создание школьных языковых курсов, рост национального самосознания могут затормозить переход этих языков в группу II и I в обозримом будущем.

9) Эскимосский язык (Н.Б.Вахтин, Санкт-Петербург).

Эскимосы живут на юго-востоке Чукотки, а также на северо-востоке Чукотки. Из 1200-1500 эскимосов говорит на языке около 300 человек. По существу имеется два отдельных языка эскимосской группы. Один из них почти полностью исчез (осталось только два носителя) - старосиреникский (пос. Сиреники), другой - язык азиатских эскимосов, распадающийся на два неконтактных диалекта, взаимопонятных на 60-70%: чаплинский (около 200 носителей, проживают в Провиденском районе в поселках Ново-Чаплино и Провидения) и науканский (около 100 носителей, проживают в Чукотском районе, поселки Лаврентия, Лорино, Уэлен). Чаплинцы живут достаточно компактно, науканцы дисперсионно в преобладающем чукотском и русском окружении.

Существенное влияние на рост национального самосознания оказало восстановление контактов с островом Святого Лаврентия (США), который заселен носителями чаплинского диалекта, прямыми родственниками чаплинцев.

Активно владеет языком только старшее поколение, среднее поколение (35-50 лет) - пассивно, дети знают то, чему их научили в школе. Чаплинский диалект преподается в школе до 4-го класса как предмет.

Для чаплинского диалекта возможно возрождение под действием контактов с американским островом, для науканцев нужны срочные меры по документации.

В настоящее время профессионально работает над эскимосским языком Н.Б.Вахтин.

10) Юкагирский язык (Н.Б.Вахтин, Санкт-Петербург; И.А.Николаева, Москва).

Юкагиры (самоназвание - одулы) проживают в Якутии в местах исконного обитания. За последнее столетие территория сильно сократилась в результате слияния родов, военных столкновений, ассимиляции эвенами, а в советское время - из-за политики коллективизации. Численность юкагиров также сократилась в десятки раз. Этот процесс продолжается. Так, в 50-х годах слияние юкагирского и якутского совхозов привело к исчезновению особой юкагирской группы на р.Коркодон и утере одного из диалектов.

Имеется два диалекта, существующих географически разобщенно: в Верхнеколымском районе (южный/колымский диалект, поселки Зырянка, Нелемное) и Нижнеколымском районе (северный/тундренный диалект, поселки Андрюшкино, Колымское). По переписи 1989 г. численность юкагиров около 1100 человек. Однако владеют юкагирским языком около 150 тундренных и 50 верхнеколымских юкагиров. Юкагиры живут в условиях активного многоязычия последние 200 лет. В настоящее время юкагиры проживают в многонациональных поселках вместе с эвенами, якутами, русскими, чукчами, основной язык контактов - русский.

Активно владеют языком: для южного диалекта - люди старше 50 лет, для тундренного диалекта - не моложе 35-40 лет. Дети и молодежь языка не знают, за исключением отдельных слов. Людей, считающих юкагирский родным, у южных юкагиров единицы.

С середины 80-х годов юкагирский язык преподается в школе в поселках Андрюшкино (до 4-го класса) и Нелемное (до 8-го класса).

Активно работают над юкагирским языком И.А.Николаева (Москва), Е.С.Маслова (Санкт-Петербург), Г.Н.Курилов (Якутск), В.Феэннер (Гамбург, ФРГ).

11) Алюторский язык.

Алюторцы живут в северо-восточной части полуострова Камчатка, в Корякском национальном округе. Компактно они проживают в поселках Вывенка и Рекинники, отстоящих друг от друга на значительном расстоянии и не имеющих регулярных контактов. Отдельные семьи живут в Тиличиках, Оссоре. Примерное число алюторцев - 800 человек, но владеет языком значительно меньше. Так, в Вывенке из 400 человек алюторцев владеет языком менее 100 человек.

Старшее поколение владеет алюторским языком активно, для многих он - единственный язык, среднее поколение знает язык пассивно, алюторцы моложе 35 лет в основном знают только русский язык. Такая стремительная деградация языка - следствие принудительного содержания всех детей в интернатах с младенческого возраста, практиковавшегося в 50-70-х годах. В последние годы в школе предприняты попытки возрождения языка, но в качестве родного преподается не алюторский, а близкородственный корякский язык, который серьезно отличается от алюторского языка.

Активно языком в настоящее время никто не занимается. Имеется большой рукописный архив трех экспедиций, проведенных в 70-е годы под руководством А.Е.Кибрика (Москва) при участии С.В.Кодзасова, И.А.Муравьевой, И.А.Мельчука и др., полевые записи А.Н.Жуковой (Санкт-Петербург).

12) Нивхский язык (Е.Ю.Груздева, Санкт-Петербург).

Традиционно, с середины XX века, нивхи проживали в низовьях Амура, вдоль побережья Татарского залива на северо-западном и восточном побережьях о. Сахалин. В 60-70-х годах произошли существенные изменения в их расселении, связанные с принудительным их переселением. Многие населенные пункты в низовьях Амура и на Сахалине были ликвидированы. В настоящее время группы компактно проживающих нивхов расположены: на Сахалине - в поселках Некрасовка и Ноглики (рассредоточенно нивхи живут также в поселках Рыбное, Москальво, Чир-Унвд, Виахту и др.), на Амуре - в поселке Алеевка.

По данным переписи населения 1979 г.,нивхов насчитывалось 4420 человек. Однако выборочное социолингвистическое обследование группы нивхов, проведенное в пос. Ноглики, показало, что активно владеет нивхским языком около 20% (60 человек из 315). На Сахалине активно владеет родным языком не более 400 нивхов, на Амуре их число значительно ниже.

Выделяется три диалекта: амурский, северо-сахалинский и восточно-сахалинский. Различия между амурским и восточно-сахалинским диалектами значительные, взаимопонимание слабое. Северо-сахалинский диалект занимает промежуточное положение.

Активно владеют языком в основном лица старше 50 лет. С начала 80-х годов введено преподавание нивхского языка в 1-2-х классах в поселках Некрасовка и Ноглики. На Амуре нивхский язык не преподается.

Если не будет предпринято решительных мер по сохранению и развитию языка, то он в скором времени может перейти в разряд мертвых. Активную деятельность по возрождению нивхской культуры и языка ведет писатель Владимир Санги, президент созданной в 1990 г. Ассоциации народов Севера.

Профессионально нивхским языком занимается Е.Ю.Груздева.

Группа IV. Это группа хронически больных языков, которые, однако, сохранили еще некоторую сопротивляемость и при соответствующей политической и социально-культурной поддержке могут в ближайшем будущем удержаться в нынешнем состоянии.

13) Орочский язык (Л.И.Сем, Санкт-Петербург).

Орочи проживают в Хабаровском крае по рекам, впадающим в Татарский пролив, на р. Амур недалеко от г. Комсомольска-на-Амуре. Большая их часть живет в Ванинском районе в селениях Датта и Уська-Орочская. Вместе с орочами проживают русские, украинцы, эвенки. Отдельные орочи живут среди нанайцев.

По переписи 1979 г. орочей насчитывалось 1200 человек. Число говорящих на родном языке не оценивалось. Родной язык в школе не преподают. Дети и молодежь до 20 лет, как правило, родным языком не владеют. Старшее и среднее поколение знает родной язык.

Если не будут предприняты специальные меры, языку грозит исчезновение.

14) Ульчский язык (Л.И.Сем, Санкт-Петербург).

Ульчи (ольчи, ольча) проживают в Ульчском районе Хабаровского края по реке Амур и его протокам, на побережье Татарского пролива.

Основные населенные пункты: Богородское (районный центр), Булава, Дуди, Калиновка, Мариинское, Нижняя Гавань, Савинское, Монгол, Солонцы, Кольчом, Софийское, Тыр, Ухта. По переписи населения 1979 г. ульчей насчитывается 2,5 тысячи. Живут ульчи в тесном контакте с русскими, украинцами, нанайцами, нивхами, негидальцами и др. народностями, язык контактов - русский.

Старшее поколение знает язык хорошо, среднее - слабее, подростки и молодежь - в основном пассивно, дети до 10 лет родным языком не владеют. В последние годы ульчский язык преподается в 1-м классе начальной школы. При сохранении преподавания родного языка в школе и дошкольных учреждениях язык может сохраниться.

Профессионально работают с ульчским языком Л.И.Сем и Ю.А.Сем (Санкт-Петербург).

15) Нганасанский язык (Е.А.Хелимский, Москва).

Нганасаны проживают на полуострове Таймыр в поселках Усть-Авам (Дудинский район), Волочанка и Новая (Хатангский район). Их концентрация в нескольких поселках, ранее использовавшихся как зимовье, торговые пункты в ходе кочевий, произошла в 40-х годах с образованием колхозов, совхозов и госпромхозов. До их сселения в поселки нганасаны имели пассивные контакты с тундровыми энцами и с ненцами. Был распространен билингвизм и трилингвизм, часто пассивный - в контактах каждый говорил на своем языке. После сселения возникли тесные контакты с русскими, украинцами, белорусами, татарами, язык контактов - русский.

Четко выражено национальное самосознание. Престижем пользуется хорошее знание нганасанского языка. Численность нганасан - около 900 человек. Старшее и среднее поколение владеет языком полностью, из детей и молодежи до 30 лет - примерно одна треть (несколько более распространено знание языка в поселке Волочанка).

Предпринимаются попытки введения нганасанского языка в качестве предмета в школьную программу, но для учеников это скорее похоже на преподавание иностранного языка.

Чрезвычайные меры по документации языка будут наиболее эффективны в течение ближайших 10-15 лет.

Активно работают с языком Е.А.Хелимский (Москва), Н.Коваленко (Новосибирск), Е.Больдт (Барнаул), Л.Афонина (Санкт-Петербург), Т.Микола (Венгрия) и особенно М.Катцшман (ФРГ).

16) Селькупский язык (Е.А.Хелимский, Москва).

Селькупы живут в Западной Сибири в Ямало-Ненецком автономном округе, Красноярском крае и в Томской области.

Селькупский язык еще в прошлом веке представлял собой диалектный континуум (Таз-Тым-Нарым-Средняя Обь-Кеть) с затрудненностью или отсутствием взаимопонимания носителей удаленных диалектов. Основные диалекты - северный (Красноселькупский район: поселки Красноселькуп, Сидоровск, Толька, Ратта, Кикиякки; часть Пуровского района: поселок Толька Пуровская; прилегающие районы Красноярского края: поселок Курейка, Келлог, бассейн реки Турухана и Баихи) и южный (ряд поселков северной части Томской области).

Селькупов насчитывается 4,5 тысячи, из них говорит на родном языке примерно половина. Более устойчив северный диалект, им владеет около 90% северных селькупов, южным диалектом - не более 30% южных селькупов, а полноценно - не более 10%. Традиционно языком общения северных селькупов с соседними народами (кетами, эвенками, ненцами, хантами) был селькупский, в настоящее время он сильно потеснен русским языком. Южные селькупы повсеместно живут в русском окружении.

В последнее время предприняты усилия по воссозданию письменности и повышению престижа языка. В северных районах селькупский язык преподается в младших классах, там среднее и старшее поколение хорошо владеет языком, дети, подростки и молодежь в основном в той или иной мере языком владеют, но часто неполноценно. Значительно хуже обстоит дело со знанием языка у южных селькупов: младшее поколение языком обычно не владеет, полноценное владение родным языком встречается у отдельных представителей среднего и старшего поколения.

Через 20 лет южный диалект может почти исчезнуть, полноценное знание северного диалекта - стать редким явлением. Желательны чрезвычайные меры по фиксации относительно сохранившихся южных говоров (Тым, Кеть).

Активно работают с селькупским языком Е.А.Хелимский, А.И.Кузнецова, О.А.Казакевич, Е.В.Грушкина (Москва), А.И.Гашилов (Санкт-Петербург), Э.Г.Беккер, Ю.А.Морев, Ш.Ц.Купер и др. (Томск), Т.Янурик (Венгрия), Х.Катц (ФРГ).

17) Кетский язык (Г.К.Вернер, Таганрог).

Кеты проживают на исконной территории в Туруханском и Байкитском районах Красноярского края в поселках: Суломай, Бахта, Верхнеимбатск, Келлог, Кангатово, Сургутиха, Верещагино, Бакланиха, Фарково, Горошиха, Майдука. Их численность - около 1200 человек. Большинство их (80-85%) владеет родным языком, но часто они избегают на нем общаться. Родной язык как предмет введен в пяти школах.

Через 25-30 лет язык может оказаться на грани исчезновения, если не будет укреплено его преподавание в школе и не будут возрождены традиционные виды хозяйственной деятельности.

Язык изучен и описан удовлетворительно. В настоящее время активно работают в области изучения кетского языка Г.К.Вернер, Э.И.Блинов, Р.Ф.Деннинг, Г.Т.Поленова и др.

Группа V. Наконец, в эту группу можно отнести ряд бесписьменных языков, которые в настоящее время продолжают обслуживать в сфере бытового семейного общения малочисленные этносы. Эти этносы проживают на исконных территориях, очень ограниченных по размеру (одна или несколько деревень), и сохраняют в известной мере традиционную форму жизни. Вместе с тем данные этнические языки сильно потеснены одним или несколькими языками с более широкими социальными функциями. Поэтому не исключено, что изменение социально-политической обстановки может повлиять в обозримом будущем на переход этих языков в группы IV и III. Ограничимся перечислением этих языков без их развернутой характеристики.

Кавказские языки: гинухский (Дагестан); гунзибский (Дагестан); арчинский (Дагестан); хиналугский (Азербайджан); будухский (Азербайджан); хваршинский (Дагестан); тиндинский (Дагестан); годоберинский (Дагестан); удинский (Азербайджан - Грузия); крызский (Азербайджан); бацбийский (Грузия); сванский (Грузия).

Памирские языки, иранская группа: ишкашимский, орошский, хуфский, язгулямский, ягнобский, бартангский, сарыкольский, рушанский.

Этим языкам потенциально угрожает опасность исчезновения, и в то же время пока что они представляют оптимальные возможности для изучения и документации, поэтому на них также целесообразно обратить серьезное внимание.

Приложение

Данные Всесоюзной переписи населения СССР 1989 года о малочисленных народностях

	Народность	Общая численность	Число говорящих на родном языке
1	ливы	226	99
2	ижорцы	820	302
3	алеуты	702	187
4	ороки	190	85
5	энцы	209	95
6	негидальцы	622	176
7	ительмены	2481	487
8	удэгейцы	2011	528
9	эскимосы	1719	887
10	юкагиры	1142	375
11	нивхи	4673	1089
12	орочи	915	172
13	ульчи	3233	995
14	нганасаны	1278	1063
15	селькупы	3612	1721
16	кеты	1113	538
17	удины	7971	6834

Примечание: сведения об остальных языках, упомянутых в данной главе, в переписи отсутствуют (что наводит на грустные социолингвистические размышления). Это языки: водский, югский, алюторский, керекский, гинухский, гунзибский, арчинский, хиналугский, будухский, хваршинский, тиндинский, годоберинский, крызский, бацбийский, сванский, ишкашимский, орошский, хуфский, язгулямский, ягнобский, бартангский, сарыкольский, рушанский.

ЧАСТЬ II

ГРАММАТИКА И ЛЕКСИКА

ГЛАВА 8

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕННОЙ ПАРАДИГМЫ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ (СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ)*

Настоящая глава является обобщением данных об устройстве именной парадигмы в 22-х дагестанских языках (всего дагестанская подгруппа восточно-кавказских языков состоит из 26 языков). Будучи родственными, эти языки в то же время значительно различаются в лексическом и грамматическом отношении, и это обстоятельство является весьма благоприятным для сопоставительно-типологических наблюдений: можно видеть, как в рамках некого единого архетипа по-разному ведут себя конкретные языки. Каждая его новая реализация есть реализация одного из элементов пространства типологических возможностей, порождаемых данным архетипом.

Чем больше мы имеем разных конкретно-языковых реализаций архетипа, тем надежнее можно реконструировать как его самого, так и всевозможные (в том числе и зарегистрированные) способы его языкового воплощения.

Дагестанские языки известны своей богатой морфологией. Это в равной степени относится к глаголу и имени.

Целью главы является в краткой и доступной форме представить эмпирический материал исследуемых языков, сформулировать основные принципы организации именных парадигм, выявить общедагестанский архетип именной парадигмы и способы его реализации и, по мере возможности, высказать гипотетические предположения о согласованности дагестанской модели именной парадигмы с общеязыковыми грамматическими принципами.

1. Парадигма существительного: типичный случай

Рассмотрим фрагмент парадигмы арчинского слова 'мост' (см. табл. 1 в конце главы). Существительное в арчинском языке имеет следующие грамматические категории:

* Написана для сборника: Paradigms: the economy of inflection/Ed. F.Plank. 1991.

- число: ед., мн.;

- локализация: ин 'внутри замкнутого пространства X-а', интер 'внутри заполненного, сплошного пространства X-а', супер 'на верхней/внешней поверхности X-а', суб 'под X-ом'; конт 'около, вплотную к X-у';

- падеж: грамматические падежи (10 падежей, в том числе номинатив, генитив, датив, комитатив, компаратив и др.) и пространственные падежи (эссив 'находиться в месте LOC_i (X)'*, элатив 'двигаться из места LOC_i (X)', аллатив 'двигаться по направлению к месту LOC_i (X) и не дальше него', транслатив 'двигаться через место LOC_i (X)').

Пространственные падежи обязательно сочетаются с категорией локализации, обозначая местонахождение/направление движения относительно ориентира X.

Максимальное число элементов парадигмы - 76 (10 абстрактных падежей и 28 пространственных форм в двух числах). Полную парадигму не имеет ни одно существительное, так как существуют сочетаемостные ограничения между значениями грамматических категорий и лексическим значением слова.

Из парадигмы слова хъиIн 'мост' легко усматриваются следующие факты:

- Показатели падежей в большинстве случаев являются специальными морфемами, они занимают конечную позицию и не зависят от числа: *-н* 'генитив', *-с* 'датив', *лълъу* 'комитатив', *-хур* 'компаратив', *-ш* 'элатив', *-к* 'латив' и т.д.

- Показатели локализации непосредственно предшествуют показателю пространственного падежа и также от числа не зависят: *-ттти* 'супер', *-кьIа* 'суб', *-ра* 'конт'.

- Значение единственного числа не имеет специальных средств выражения, значение множественного числа является маркированным, показатель *-ор* (перед гласным суффикса восстанавливается исходный двойной *-нн* в основе слова 'мост'). Этот показатель присутствует во всех формах мн. числа.

- Номинатив особого показателя не имеет и совпадает с основой соответственно ед. или мн. числа.

- В парадигме ед. числа во всех формах, кроме номинатива, присутствует показатель *-и*, а в парадигме мн. числа - показатель *-чай/че*.

Последнее наблюдение требует интерпретации. В литературе представлено две точки зрения:

1) эти показатели суть показатели эргатива; все косвенные падежи образуются от эргатива;

* $LOC_i(X)$ - значение, задаваемое показателем локализации i.

2) эти показатели суть показатели косвенной основы ед./мн. числа; эргатив особого показателя не имеет и совпадает с косвенной основой соответствующего числа.

Первая точка зрения должна быть отвергнута: она не согласуется ни с семантикой косвенных падежей (в них отсутствует в качестве компонента значение эргатива), ни с данными прочих дагестанских языков (в ряде языков эргатив имеет особый морфологический показатель наряду с прочими косвенными падежами, например чамалинский язык: 'змея' *бечa*, Nsg - *беч-и-д*, Esg - *беч-и-лъа*, Dsg, где показатель *-и-* требует независимого определения).

Итак, парадигма слова 'мост' содержит кроме морфем, означаемыми которых являются значения грамматических категорий числа и падежа, морфемы *-и* и *-чай/че*, в которых соединены значения числа и обобщенное значение косвенного падежа:

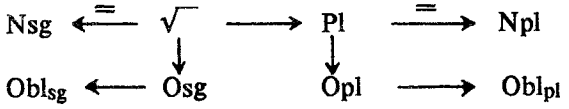
-и 'Osg'
-чай/че 'Opl'.
Например:

хъоIин -	ор-	че-	н
мост	pl	Opl	ген

В этой форме значение числа и косвенного падежа выражается дважды: в слитном (*-че* 'Opl') и раздельном (*-ор* 'Pl', *-н* 'ген') виде. В ед. числе специального показателя sg нет, но значение падежа также присутствует в конкретном (*-н* 'генитив') и обобщенном (*-и* 'Osg') виде.

Процесс построения парадигмы, представленной в таблице 1, можно видеть на схеме 1.

Схема 1

Исходной формой является его основа (√). Кроме исходной основы имеются дополнительные производные основы со значениями: Osg (√ $\xrightarrow{+и}$ Osg), Pl (√ $\xrightarrow{+ор}$ Pl), Opl (Pl $\xrightarrow{+чай/че}$ Opl).

Эти четыре основы образуют базис именной парадигмы. Все конкретные падежные формы образуются стандартно от одной из основ. Nsg совпадает с исходной основой, Npl - с основой мн. числа (иногда говорят, что показатель номинатива - нулевой; в схеме 1 деривация номинатива обозначается двойным способом $\Rightarrow$ с тем, чтобы учесть данную трактовку и обобщить в единой схеме парадигмы 1-3, см. ниже). Косвенные падежи образуются от косвенных основ соответствующего числа добавлением специальных падежных показателей, в том числе и нулевых.

Существенно отметить еще одну особенность именной парадигмы в арчинском языке. Значения 'Osg' и 'Pl', в отличие от падежных значений, выражаются многими показателями. Например (приводятся формы Nsg и Dsg):

'кровь'	би -	би-ли-с
'мужчина'	бошо́р -	бошо́р-му-с
'мать'	бува́ -	бува́-с
'бык'	анс -	анс-а́-с
'одежда'	кIоб -	кIеб-е́-с
'волк'	йам -	йа́м-и-с
'коза'	цIай -	цIе́й-тте-с
'вошь'	нацI -	не́цI-ири-с

Значение 'Osg' выражается морфемами *-ли*, *-му*, *-ø*, *-а*, *-е*, *-и*, *-ттe* (ттай) и др. Аналогичная ситуация с выражением значения 'Pl' (приводятся формы Nsg и Npl):

'шило'	даб -	да́б-мул
'лоб'	нодо -	нодо́-тту
'имя'	цIор -	цIор-о́м
'ярмо'	окьI -	окьI-о́р
'спина'	ссон -	ссон-о́т
'пояс'	камал -	кама́л-лу
'друг'	дос -	до́с-тил и т.д.

Значение 'Pl' выражают морфемы *-мул*, *-ттy*, *-ом*, *-ор*, *-от*, *-лу* и др.

Данные арчинского языка вполне типичны. Схема основообразования, приведенная выше, является для дагестанских языков ведущей. Она представлена в 18-ти языках (из обследованных нами 22-х, см [Кибрик-Кодзасов 1990, 251-310]). Чрезвычайно распространена также множественность выражений 'Osg' и 'Pl". Так, в лакском языке имеется несколько десятков морфем с этими значениями.

Перейдем теперь к сопоставительно-типологическому рассмотрению устройства именной парадигмы дагестанских языков.

2. Разновидности базовых парадигм

Эмпирические данные, извлеченные из конкретных именных парадигм дагестанских языков, показывают, что модель основообразования, представленная на схеме 1, будучи весьма распространенной, не является единственно возможной.

В таблице 2 (см. в конце главы) приведены примеры различных способов организации базовой части именной парадигмы. В качестве ди-

агностических форм берутся номинатив ед. и мн. числа, а также один из косвенных падежей (эргатив, генитив или датив) в обоих числах. Для облегчения наблюдений произведено морфемное членение. Прокомментируем данную таблицу.

Парадигма 1 ахвахского языка построена в соответствии со схемой 1: Osg имеет показатель *-ла*, Pl - показатель - *ди*, Opl - показатель *-ле*. Номинатив обоих чисел совпадает с числовой основой.

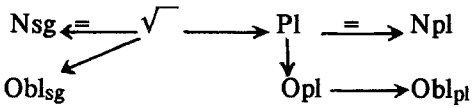
Парадигма 2 отличается от предыдущей лишь тем, что Npl имеет свой показатель *-л*, а основа Pl встречается только в связанном виде (то есть совместно с ненулевым падежным показателем).

Парадигма 3 отличается от двух предыдущих тем, что особый показатель имеет Nsg (*-а*). Для дагестанских языков такая ситуация является редкой. В большинстве случаев Nsg совпадает с исходной основой (если не считать тех или иных конкретных языковых морфонологических ограничений на исход слова, например ослабление конечного комплекса *-нн* в √*хъиIнн* - *хъиIн*, Nsg 'мост'), и это приводит к широко распространенной (ошибочной) точке зрения, будто все формы существительных образуются от Nsg, а не от исходной основы. Факты типа (3) (см. также ниже парадигмы (12 - 16)) свидетельствуют о необходимости более аккуратных формулировок.

В парадигме 4 формы мн. числа образуются стандартно, а ед. число требует особого рассмотрения. Форма *кIоту-ди* состоит из основы *кIоту* и показателя эргатива *-ди*. Интерпретация здесь возможна двойная: а) считать по аналогии с парадигмами 1 - 3, что в данном случае также имеется основа Osg, но она выражена нулевым показателем: *кIоту-∅-ди*; б) считать, что в ед. числе все падежные показатели присоединяются непосредственно к основе.

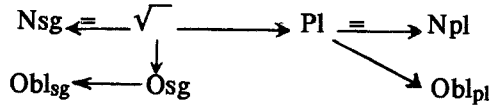
Я полагаю, что, не привлекая дополнительную (конкретно-языковую и сопоставительную) информацию, в данном случае нельзя принять окончательное решение. Пока что можно утверждать, что в случае (а) мы остаемся в рамках схемы 1, в случае (б) - постулируем существование схемы 2.

Схема 2

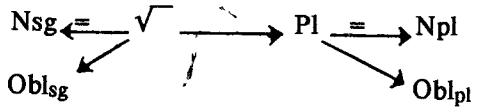
Парадигма 5, наоборот, во мн. числе не выделяет в косвенных падежах особого показателя. Если не реконструировать нулевой показатель Opl, то имеем схему 3.

Схема 3

В парадигме 6, как и в парадигме 2, Npl образуется при помощи специального показателя (*-р*) (в схемах для упрощения изложения эти варианты построения N не отмечаются). Наконец, парадигма 7 является максимальной редукцией схемы 1: ни в ед., ни во мн. числе нет показателей косвенной основы. Все падежи образуются непосредственно от основы ед. и мн. числа, см. схему 4.

Схема 4

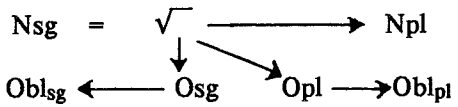
Ввиду существования в дагестанском ареале языков со схемой 4 типологическая правдоподобность схем 2 и 3 значительно возрастает. Существенно, что в хиналугском языке схема 4 является доминирующей, и реконструировать для этого языка нулевые показатели основ косвенных падежей нет оснований. Наряду со схемой 4 в хиналугском языке для некоторых классов слов реализуются также схемы 2 и 3, но схема 1 не представлена вовсе. Это заставляет считать схемы 2 и 3 (по крайней мере для хиналугского языка) вариантами схемы 4, а не 1.

Итак, схемы 1 и 4 являются крайними полюсами оппозиции в отношении статуса косвенных основ, а схемы 2 и 3 - переходными случаями.

В одних языках отнесение парадигм 4 - 6 к схемам 2 - 3 является очевидным, в других не менее очевидна их интерпретация как разновидности схемы 1, возможны также случаи, когда возникают значительные затруднения при выборе интерпретации (а) или (б).

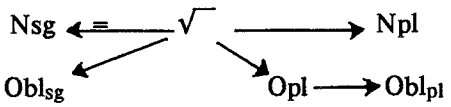
Парадигма 8, однако, не укладывается ни в одну из выведенных ранее базовых схем. Во мн. числе отсутствует единый показатель Pl. В Npl имеется неразложимый падежно-числовой показатель *-ру*, а в прочих падежах выделяется числовой показатель косвенной основы *-арди* (при этом проясняется исходное качество конечного согласного основы *хх*), присоединяющийся непосредственно к основе. Этот тип деривации можно изобразить схемой 5.

Схема 5

В парадигме 9 аналогичная ситуация во мн. числе сочетается с отсутствием косвенной основы в ед. числе (ср. со схемой 2). Этот вид деривации представлен на схеме 6.

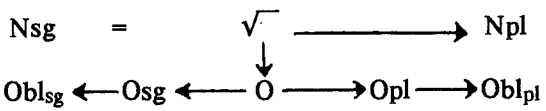
Схема 6

Схемы 5 и 6 отличаются от предыдущих усилением оппозиции 'прямые - косвенные падежи'. В них как бы соединены две подсистемы: а) прямой падеж (немаркированное ед. число и маркированное - показателями *-бо* и *-ру* - мн. число); б) косвенные падежи (образующиеся через ступень косвенной основы в обоих числах или только во мн. числе).

Наиболее последовательное различение прямых - косвенных падежей наблюдается в парадигмах 10 и 11. В парадигме 10 косвенные падежи ед. и мн. числа имеют показатель -и, который естественно считать нечисловым показателем косвенной основы. Во мн. числе к нему добавляется числовой показатель Opl *-мы*, а в ед. числе специального числового показателя нет. В парадигме 11 противопоставление прямой - косвенной основы выражается чередованием корневого гласного (это не регулярное, а историческое чередование), а кроме того, имеются также числовые косвенные основы Osg (*-и*) и Opl (*-урди*). Обобщает парадигмы 10 и 11 схема 7.

Схема 7

На фоне схемы 7 отчетливее проявляется сущность схем 5 - 6, состоящая в противопоставлении прямого падежа косвенным.

Весьма странное впечатление производит на первый взгляд парадигма 12. А именно, во всех формах, кроме Nsg, в ней представлен показатель *-а*. Что он может значить? Его нельзя интерпретировать как О, поскольку он имеется в Npl. Можно считать, что в этом типе мы имеем две

главные основы *чIинкIу* и *чIинкIв-а* (различие в признаке лабиализации при *кI* является чисто орфографическим: знак лабиализации перед лабиализованным гласным не пишется). Такая интерпретация предложена в [Кибрик-Кодзасов 1990]. Однако она необъяснительна и, кроме того, основывается на допущении, что номинатив ед. числа всегда ближе к исходной основе, чем прочие падежи, однако ср. древне-греческое 'лев' $\lambda\varepsilon\omega\nu$ Nsg - $\lambda\varepsilon o\nu\tau$ $-\varepsilon\int$, Npl, русск. *знамя* (им. ед.) - *знамен-и* (дат. ед.) - *знамен-а* (им. мн). - *знамен-ам* (дат. мн).

Если же принять в качестве исходной основы *чIинкIва*, а Nsg считать морфологическим дериватом, то парадигма 12 впишется в схему 1: показатель Osg *-л*, Pl *-би*, Opl *-а*.

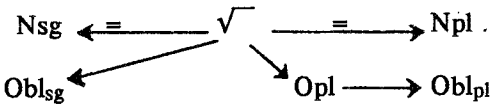
Парадигма 13 отличается от предыдущей только отсутствием особого показателя Osg. Исходная основа - *наца*, которая в Nsg подвергается сужению конечного гласного. Эта парадигма может быть отнесена к схеме 2.

Парадигма 14 имеет исходную основу *кIылам*, в Nsg конечное *-ам* отпадает. При таком анализе данная парадигма описывается схемой 4.

В парадигме 15 целесообразно в качестве исходной основы считать *езола*. Тогда Nsg образуется усечением конечного гласного: *езол*, Npl - непосредственно от исходной основы при помощи показателя *-ба*, Opl - при помощи показателя *-за*, а в ед. числе косвенная основа отсутствует. Такая деривация представлена на схеме 6.

Наконец, в парадигме 16 исходная основа √*кьийа* Nsg образуется усечением конечного слога *-йа*, а Npl совпадает с исходной основой, в отличие от парадигмы 9, где с исходной основой совпадал Nsg. Деривация в парадигме 16 организована также по схеме 6 с точностью до способа образования Npl. В уточненном виде схема 6 имеет вид (одновременно Nsg и Npl не могут совпадать с исходной основой):

Схема 6 (уточненная)

Примечание 1. Материал парадигм 12 - 16 необходимо дополнить некоторыми дополнительными фактами. В ряде случаев оказывается, что усекаемая в Nsg, согласно предложенному анализу, часть исходной основы (например *-а* в исходной осиове *езола-* в парадигме 15) материально тождественна встречающемуся независимо показателю Osg или Pl при других словах в том же языке. Например, в хваршинском языке имеем такие парадигмы:

	Nsg	Gsg	Npl	Gpl
ноготь	мону	мон-а-с	мону-бо	мону-за-с
седло	кьIекьIел	кьIекьIел-о-с	кьIекьIел-а-ба	кьIекьIел-а-за-с

У слова 'ноготь' *-а* является показателем Osg, а у слова 'седло' - показателем Pl (парадигма первого слова строится по схеме 5, а второго - по схеме 1). Такой случай материального совпадения не единичен. Например:

язык мыц мыс-но-с мыц-но-бо мыц-но-за-с
палец тIу тIу-ла-с тIу-ла-бо тIу-ла-за-с,

где в составе исходной основы имеются усекаемые элементы *но-, ла-*; ср. эти парадигмы с нижеследующими:

сабля тыр тыр-ы-с тыр-но-бо тыр-но-за-с
нож тIуIхъ тIуIхъ-а-с тIухъ-а-ла-ба тIуIхъ-а-ла-за-с,

где *-но* и *-ла* выступают как показатели Pl.

Представленные данные несколько подрывают предложенную выше интерпретацию о производности Nsg от расширенной исходной основы, поскольку в хваршинском языке существуют независимые основообразующие показатели Osg и Pl - *-а, -но, -ла*. В одних словах данные морфемы выступают как показатели Osg, в других - как показатели Opl, в третьих - как то и другое. Ясно, что это следы исторических процессов, но описать единообразно синхронное состояние базовых парадигм, не вводя омонимии показателей, не удается. Кроме хваршинского такие же факты наблюдаются в цезском языке.

Не претендуя на окончательность предложенного решения, можно констатировать, что в ряде случаев оно является адекватным, например, для парадигм 12 - 14, поскольку в тиндинском языке элемент *-а*, а в хиналугском *-ам* всегда являются общими для форм Oblsg и Pl, кроме того, в хиналугском языке вообще нет основы Osg. Вместе с тем возможно, что в некоторых языках аналогичные явления потребуют введения дополнительных схем базовых парадигм.

На стр. 89 суммарно представлены описанные выше схемы основообразования с указанием языков, в которых они засвидетельствованы. Полужирным выделены языки, для которых данная схема является ведущей, одной чертой - если данная схема одна из основных, без черты - если схема является дополнительной к основным и курсивом - если схема встречается в отдельных случаях. Эти данные можно обобщить следующим образом:

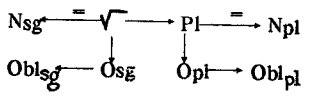
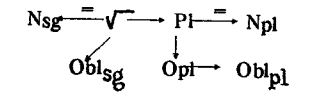
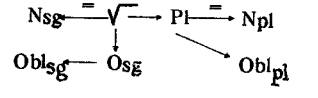
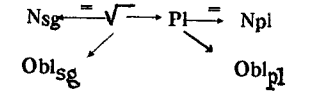
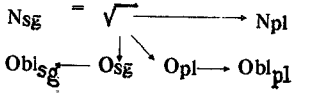
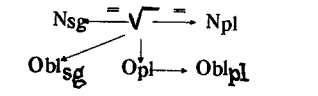
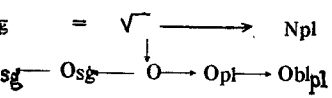
- Подавляющее большинство языков реализуют более одной схемы (единообразно - по схеме 1 - строятся именные парадигмы лишь в лезгинском и даргинском языках).

- Схемы 1, 2, 3, 4, 6 являются ведущими в тех или иных языках, схема 5 - одной из ведущих в гинухском, а 7 - в лакском и рутульском языках. Иными словами, каждая из этих схем надежно подтверждена языковым материалом.

- Наиболее распространена схема 1: в девяти языках она является главной, в семи - одной из основных. Периферийно она представлена только в гигатлинском говоре чамалинского языка, не представлена вовсе - в гинухском, хиналугском, будухском, удинском языках.

- Наименее распространена схема 5. Ее представляет более или менее регулярно только гинухский язык.

Схемы основообразования

Схемы	Языки, в которых данная схема представлена
 Схема 1	**Аварский, андийский, тиндинский, даргинский, арчинский, табасаранский, агульский, лезгинский, крызский, чамалинский, хваршинский, бежтинский, гинзибский, лакский, рутульский, цахурский**, ахвахский, цезский
 Схема 2	**Ахвахский, цахурский, чамалинский, тиндинский**, аварский, андийский, гунзибский, лакский, арчинский, *хваршинский, цезский, бежтинский, агульский, рутульский, крызский, хиналугский*
 Схема 3	**Цезский, будухский, крызский, удинский**, ахвахский, чамалинский, *хиналугский*
 Схема 4	**Хиналугский, удинский**, *ахвахский, чамалинский, будухский*
 Схема 5	**Гунухский**, *хваршинский, цезский*
 Схема 6	**Цезский, гинухский, хваршинский, бежтинский**, *лакский*
 Схема 7	**Лакский, рутульский**

3. Множественность основообразующих показателей

Как указывалось в разделе 1, практически во всех дагестанских языках основообразующие показатели Osg, O, Pl являются множественными. Так, в лакском языке более 30 показателей Osg, около 50 - Pl, то есть налицо явная избыточность средств выражения.

С точки зрения активности и мотивированности употребления показатели могут противопоставляться следующим образом:

- продуктивные/непродуктивные (свойственные открытому/фиксированному множеству слов),

- регулярные/нерегулярные (присоединяемые к основе по некоторому правилу или в соответствии со словарной характеристикой этой основы).

Множество деривационных показателей, свойственных конкретному деривационному звену парадигмы, может быть с точки зрения этих оппозиций устроено по-разному.

Например, в арчинском языке среди показателей Osg выделяется один регулярный (правильный, свободно присоединяющийся к большинству существительных) показатель *-ли* и более дюжины нерегулярных (неправильных, присоединяемых в соответствии со словарной информацией соответствующих существительных). Во мн. числе имеется два регулярных показателя (*-мул* для основ с согласным исходом и *-тту* для основ с гласным исходом), и также более дюжины нерегулярных (большинство из них имеет фонетические варианты, например, *-о́р/ур*: 'ярмо' *окьI - окъI-о́р*, 'баран' *ба́IкI - баIкI-ур* - под ударением *-а́р*, без ударения *-ур*).

В крызском языке в показателях Osg доминирует оппозиция продуктивных/непродуктивных показателей. 85% всех существительных используют шесть продуктивных показателей, правила выбора которых однозначно не формулируются. Это показатели *-джи* (в основном многосложные существительные на согласный), *-(V)дж* (качество гласного зависит от гласного основы, обычно присоединяется к основам на гласный, то есть частично эти показатели фонетически распределены, но возможен и вариант *-Vдж* при основах на согласный), *-Vл* (при односложных существительных), *-ав* (при многосложных существительных с исходом на плавный), *-а* и *-Vрди* (при односложных существительных). 15% существительных используют около десятка непродуктивных (в том числе очень редких) показателей.

В ряде случаев предпочтительна смешанная классификация на регулярные/нерегулярные, продуктивные/непродуктивные показатели. Так, в лезгинском языке показатели Osg бывают регулярные (покрывают более половины всех существительных): *-ди* и *-ани/ени* (первый присоединяется к многосложным, а второй - к односложным существительным), нерегулярные продуктивные (38% существительных): *-а*, *-и*, *-ы*, *-ади/еди*, *-ра* (имеются некоторые нестрогие фонетические и семантические закономерности их распределения) и непродуктивные (8% существительных): *-е*, *-цци*, *-цIи*, *-ттти*, *-зи*, *-у*, *-уь*, *-ина/ына*.

Такова, по необходимости краткая, таксономическая характеристика именных парадигм дагестанских языков. Теперь попытаемся подвергнуть этот материал дополнительному обобщению и, по мере возможности, объяснению.

4. Исчисление моделей основообразования

Выделенные выше семь схем основообразования явным образом связаны друг с другом: в них, при всем их многообразии, повторяются отдельные деривационные звенья, задающие в конечном счете пространство типологических возможностей дагестанских языков. Попытаемся их выделить.

А. Числовая оппозиция строится на маркированности мн. числа, в то время как ед. число в свободном виде средств выражения не имеет. Маркированное мн. число имеет свободную и связанную реализацию.

Свободная реализация:

(1) $\sqrt{}$ ⟶ число,

представляет собой выражение идеи числа особым показателем, занимающим в слове ближайшую к основе позицию. Данное деривационное звено представлено в схемах 1-4 при образовании основы Pl.

Б. Особо следует обсудить вопрос о формах с невыраженным ед. числом. Это следующие случаи:

- нулевое выражение Nsg в схемах 1-7,

- образование Obl_{sg} непосредственно от $\sqrt{}$ в схемах 2, 4, 6.

Возможны такие интерпретации: (а) реконструировать нулевой показатель ед. числа; (б) считать показатели падежа связанными - выражающими падеж и ед. число; (в) считать, что значение ед. числа в этих формах не выражается, а присваивается им по правилу: если в форме число не выражено, то эта форма относится к ед. числу.

Решение (а) неудовлетворительно, поскольку в этом случае стирается интуитивно ощутимое различие между схемами 2, 4, 6 и 1, 3, 5, 7, а в Nsg оказывается два нулевых показателя.

Решение (б) неудовлетворительно, так как тогда падежные показатели в ед. и мн. числе окажутся различными морфемами. Например, нулевой показатель ед. числа будет означать 'номинатив + ед. число', а мн. числа - только 'номинатив'; так же будет обстоять дело и с косвенными падежами.

Решение (в) представляется мне наиболее соответствующим интуиции, приближенным к поверхностной морфологической форме и не противоречащим другим частям парадигматической системы.

В. Падежная оппозиция имеет внутреннюю иерархическую организацию, противопоставляющую прямой падеж (номинатив) косвенным падежам. Иными словами, типичным свойством именной парадигмы дагестанских языков является выделение категории косвенного падежа. Оппозиция 'прямой - косвенный падеж' выражается в чистом виде при помощи свободного показателя 0 в схеме 7.

При данной деривации падежный показатель (0) присоединяется непосредственно к исходной основе:

(2) $\sqrt{}$ → падеж.

Такую деривацию имеют также конкретные косвенные падежи в ед. числе в схемах 2, 4, 6 и нулевые показатели Nsg в схемах 1-7.

Наконец, свободные падежные показатели могут присоединяться к числовой основе:

(3) ($\sqrt{}$ + число ± падеж) → падеж.

Такую деривацию имеют: Obl_{pl} в схемах 1-7, Obl_{sg} в схемах 1, 3, 5, 7 и нулевой показатель Npl в схемах 1, 2, 3, 4.

Внутренняя структура производящей основы ($\sqrt{x}$ + Число ± Падеж) является произвольной: она может состоять из нескольких деривационных звеньев и кроме значения числа в ней могут присутствовать также связанные падежно-числовые формы (Osg, Opl).

Г. Связанные падежно-числовые показатели также различаются типом производящей основы.

(4) $\sqrt{}$ → число + падеж.

Такую деривацию имеют Osg в схемах 1, 3, 5, Opl в схемах 5, 6, ненулевые Nsg в схемах 1, 2, 3, 4, 6 и Npl в схемах 5, 6, 7.

Во-вторых, производящая основа может иметь значение падежа.

(5) ($\sqrt{}$ ± падеж) → число + падеж.

Такая деривация имеет место в схеме 7 при образовании Osg и Opl.

В-третьих, в производящей основе может присутствовать числовое значение:

(6) ($\sqrt{}$ ± число) → число + падеж.

Такая деривация имеет место в схемах 1 и 2 при образовании Opl и в схемах 1-4 при ненулевых показателях Npl.

Д. Выведенные шесть деривационных звеньев можно для наглядности объединить в два схемных правила:

(1) $\sqrt{}$ → { число, падеж, число + падеж }

(2) $\sqrt{}$ → { число, падеж, число + падеж } → { падеж, число + падеж }

Участвующие в этих правилах компоненты производных форм могут принимать следующие значения:

(1) число = Pl

(2) падеж = { ∅, ном, эрг, ген, . . . }

(3) число + падеж = { Osg, Opl, Nsg, Npl }

* * *

Итак, данными деривационными звеньями исчерпываются все составляющие базовых именных парадигм. Соединяясь в различных контекстно допустимых комбинациях, они порождают схемы 1-7.

В данном описании эксплицитно выявлены следующие принципы организации именных парадигм в дагестанских языках:

- показатели числа и падежа бывают как свободными, так и связанными;
- возможны разные последовательности присоединения показателей числа и падежа к основе, но свободный показатель числа не может следовать за показателем падежа;
- оппозиция ед./мн. выражена асимметрично: значение мн. числа выражается так или иначе всегда, а значение ед. числа в большинстве случаев выводится косвенно по морфологическому виду словоформы;
- формы N нулевые и ненулевые относятся к разным классам: нулевые имеют только значение падежа, а ненулевые - падежа и числа (в частности нулевые показатели N могут быть как в ед., так и во мн. числе в одной и той же схеме, но ненулевые всегда обозначают Nsg или Npl);
- в именных парадигмах наблюдается тенденция экономии выразительных средств (нулевые Nsg и Npl во всех случаях, где не возникает омонимия числа, нулевое выражение одного из косвенных падежей при

наличии косвенной основы (при этом не возникает омонимии с нулевой формой Npl) и т.п.);

- одновременно имеется и тенденция повторного выражения одной категории (падежа и числа) в ряде схем, в частности благодаря наличию числовых косвенных основ.

5. Вместо заключения: некоторые вопросы и ответы

В какой степени категориальные значения дагестанской именной парадигмы соответствуют формальным средствам их выражения? Наиболее последовательно и мотивированно выражает категориальные значения числа и падежа схема 4, в соответствии с которой каждая словоформа имеет корневую морфему и морфему падежа, между которыми располагается морфема (маркированного значения) числа:

$$\sqrt{} \pm \text{число} + \text{падеж}.$$

Эта схема оптимальна в том смысле, что:

- она экономична: каждая из двух категорий имеет свою единственную позицию в словоформе и выражается единожды. Кроме того, значения, которые могут - если при этом не возникает омонимии - не выражаться, не имеют открытых способов выражения (так, не выражается значение ед. числа, поскольку маркировано мн. число, и значение номинатива, поскольку маркированы прочие падежные значения);

- она иконична: значения категорий выражаются агглютинативно специальными свободными морфемами; значение числа связано с корневым значением более тесно, чем значение падежа, и этот факт иконически отражается в порядке следования морфем (см. главу 10).

Вместе с тем схема 4 несомненно находится на периферии дагестанского архетипа. Лишь в хиналугском языке она является основным типом основообразования. Удинский в равной степени использует схемы 3 и 4, а ахавахский, чамалинский и будухский используют схему 4 в отдельных случаях. Интересно при этом, что в хиналугском, удинском и будухском языках схема 1 не реализуется. То есть схемы 1 и 4 как бы являются альтернативными путями формирования именной парадигмы.

Итак, несмотря на то что более естественным, простым, оптимальным способом организации данного набора именных категорий, казалось бы, является схема 4, в дагестанских языках существует большое число других схем, уступающих в данном аспекте схеме 4. Наиболее распространенной во всех языковых подгруппах является схема 1, выделяющая промежуточные основы Osg и Opl.

В связи со схемами 1-3, 5-7 встает целый ряд ПОЧЕМУ-вопросов. На некоторые частные вопросы об устройстве базовых парадигм можно ответить, исходя из формальных свойств самих этих парадигм. Например,

отсутствие во всех схемах морфемы со значением ед. числа, в отличие от специального показателя мн. числа в схемах 1-4, объясняется принципом экономии. Этим же принципом объясняется нулевое выражение Nsg в подавляющем числе базовых парадигм. Напротив, необычный нулевой вариант выражения Npl, совпадающего с исходной основой в схеме 6 (см. парадигму 16), - при этом значение Pl не имеет маркированного выражения - связан с тем, что Nsg, также образующийся от исходной основы, в этом случае не является нулевым: в форме Nsg имеет место усечение конечного слога основы *-йа*.

Однако так бывает далеко не всегда. В частности, вопросы (а-д) не могут быть разрешены, если оставаться в рамках формальной структуры схем 1-7 и исчисления деривационных звеньев.

(а) Почему в дагестанских языках существует много различных схем образования главных именных форм, неравноценных с точки зрения их оптимальности?

(б) Почему в одном и том же языке, как правило, реализуется более одной схемы основообразования?

(в) Почему во многих схемах многократно выражается значение числа или падежа (то есть налицо явная избыточность средств выражения)?

(г) Почему практически повсеместно в Opl используются регулярные показатели, а в Osg, как правило, нет?

(д) Почему во многих языках используется множество показателей Osg и Pl (то есть избыточны средства выражения)?

За всеми этими вопросами стоит общее недоумение, состоящее в том, что многие свойства дагестанских именных парадигм свидетельствуют, казалось бы, о нарушении основополагающих принципов экономичного и мотивированного устройства естественного языка. Я попытаюсь обосновать тезис, что нарушение этих принципов в дагестанских языках только кажущееся и что в действительности эти принципы сохраняют свою силу.

Основная гипотеза, приближающая нас к ответу на вопросы (а) - (д), состоит в следующем: в действительности ни из чего не следует, что система именных категорий, характерная для синхронного современного состояния дагестанских языков, совпадает с той системой категорий, которая была присуща дагестанским языкам в период формирования их базовых парадигм. Напротив, наблюдаемое состояние именных парадигм наводит на мысль, что данная ситуация является следом имевших место исторических процессов, преобразовывавших содержательную и формальную сторону именных парадигм.

Какую же категориальную прасистему можно вывести из наших сопоставительно-типологических наблюдений?

Во-первых, естественно предположить, что категория числа не является для дагестанских языков изначальной. Большое количество показателей множественного числа (не определяемых фонетическим контекстом) говорит о том, что некоторая их часть первоначально выполняла роль классификаторов, специфичных для разных классов имен. Следы этого сохраняются и поныне. Так, для выражения значения 'совокупность людей' используется в ахвахском языке показатель *-о*: 'жена' *аккIи - аккI-о*, Npl; в лакском - показатели *-хъул, -хъру, -ал, -бал, -рбал, -ттал:* 'отец' *бутта - бутта-хъул,* Npl; 'брат' *уссву - уссву-й-рбал,* Npl; в арчинском показатель *-тил*: 'друг' *дос -дос-тил*, Npl; в рутульском - *ебы*: 'мать' *нин - нин-ебы*, Npl; В ряде языков выделяются показатели Pl для одушевленных существительных, например, тиндинский *–да*: 'корова' *зини - зини-а-да*, Npl, лезгинский *–быр*: 'самка' *диши - диши-быр*, Npl, рутульский *-а*: 'сова' *тIыб - тIыб-а-р*, Npl.

Во-вторых, имеется много свидетельств того, что падежная категория для дагестанских языков также не является изначальной (в частности, плохо реконструируются общедагестанские падежные показатели). В разных подсистемах дагестанских языков наблюдаются также факты не многочленного, а двухпадежного противопоставления, а именно противопоставление прямого/косвенного падежа. Так, в хиналугском языке имеются прямая и косвенная формы указательных местоимений *гьу/гьинаь* 'тот, I класс', *ду/гъо* 'этот, I класс'. В цахурском языке форма определяющего имени (прилагательного и существительного) также зависит от падежа (прямой/косвенный) определяемого имени, в цезских языках (цезском, гинухском, бежтинском) различаются генитивы 1 и 2 в зависимости от падежа (прямого/косвенного) определяемого имени. В схемах, содержащих основы O, Osg и Opl, как раз и представлено это архаическое двучленное противопоставление, приводящее ныне к плеонастическому выражению значения падежа.

Множественность фонетически не выводимых показателей Osg также, видимо, является следом былого формального отображения семантической классификации (ср. [Климов-Алексеев 1980. С. 212; Алексеев 1985. С. 28]). Так, существительные I (мужского) класса имеют специальный показатель Osg: в андийском языке *-ш* ('мальчик' *мочIи - мочIи-ш-ди*, Esg), в ахвахском *-ссве* ('мужчина' *екIва - екIва-ссве*, Esg), в чамалинском *-ссви* ('мужчина' *гьекIва - гьекIва-ссви*, Esg), в тиндинском *-шшу*. В аварском языке имена I (мужского) и II (женского) классов имеют в Osg показатели *-ас* и *-аль* соответственно. Выделяется класс одушевленных существительных в даргинском языке с помощью показателей *-а, -у* ('маленькая птичка' *чIáкIва - чIакIв-á-д*, Esg, где ударение переходит с основы на суффикс, 'корова' *кьвал - кьул-у-д*, Esg), в лезгинском языке с

помощью показателя *-ра* ('кузнечик' *цIицI - цIицI-ра*, Esg), класс несчетных существительных, обозначающих вещество, в арчинском языке с помощью показателя *-ттай* ('олово' *хъалай - хъелей-ттай*, Esg) и т.п.

Примечание 2. Гипотеза об исходной классификационной природе множественности показателей Pl и Osg согласуется с тем фактом, что для дагестанских языков разделение имен на классы является одним из ведущих грамматических параметров. Во-первых, для этих языков характерно открытое противопоставление именных классов (из современных языков именные классы утратили только агульский, лезгинский и удинский языки). Во-вторых, в ряде языков в системе грамматических категорий имени наблюдается вторичная грамматикализация именных классифицирующих значений. В частности, категория локализации в значительной степени выражает не свободное значение ориентации объектов относительно ориентира, а указывает на типичное расположение (LOC) относительно ориентиров определенных классов. Так, в арчинском языке значения 'ин' и 'интер' дополнительно распределены на множестве ориентиров, см. [Кибрик 1977. С. 157-165]. Локализация 'ин' сочетается с именами, обозначающими 'объемные предметы, способные быть вместилищем чего-либо' ('кишка', 'котел', 'печень', 'платок' (если он завязан), 'кошелек', 'крепость', 'капкан', 'карман' и т.п.), 'плоские предметы, способные быть вместилищем чего-либо' ('ложка', 'круг', 'зеркало', 'поднос', 'блюдце', и т.п.), 'ограниченное (имеющее естественный предел) пространство' ('рай', 'озеро', 'дорога', 'крыша', 'улица', 'перевал', 'лес', 'ущелье' и т.п.), 'ограниченный отрезок времени' ('загробная жизнь', 'неделя', 'время'), 'текст ограниченной длины' ('письмо', 'Коран', 'рассказ'). Локализация 'интер' употребляется как LOC от имен, имеющих значение: 'вещества, не ограниченные собственной естественной формой' ('порох', 'олово', 'глина', 'земля', 'пшено', 'навоз' и т.п.), 'неограниченное водное пространство' ('река', 'море'), 'нерасчлененная совокупность предметов' ('куча', 'аул', 'стая', 'стадо', 'отряд', 'лес' (совокупность деревьев)), 'собирательное название сорта растений, фруктов' ('орехи', 'яблоки', 'крапива', 'лук' (собир.)). Локализацию 'супер' используют классы слов следующей семантики: 'плоский предмет' (объемная размерность предмета нефункциональна) ('лопата', 'знамя', 'ковер', 'кожа', 'лед', 'пояс' и т.д.), 'предмет, верхнюю поверхность которого принято использовать' ('пень', 'седло', 'лестница', 'мост'), 'внешние части тела' ('ступня', 'локоть', 'щека', 'лоб', 'борода'), 'неограниченное пространство' ('степь', 'луг', 'выгон', 'небо', 'гора', 'равнина' и т.п.), слова абстрактной лексики ('драка', 'работа', 'праздник', 'атака', 'танцы' и т.п.).

Каковы исторические процессы, которые могли бы привести реконструируемую архаичную именную парадигму к ее многочисленным современным реализациям? Естественно считать, что семантические сдвиги не вполне синхронизованы с формальными, так как каждая из сторон грамматической системы обладает определенной автономией. Вместе с тем я предлагаю исходить из допущения, что эволюционные процессы в языке базируются на универсальных семантических принципах и что они также регулируются принципами экономичности и мотивированности, которые приобретают в данном случае такую процессуальную модификацию:

принцип экономичности → принцип инерционности: *сохраняй исходное состояние языковой формы*;

принцип мотивированности → принцип унификации: *унифицируй языковую форму по правилу 'одно значение ↔ одна форма'*.

Ясно, что принципы экономичности и мотивированности могут вступать в конфликт друг с другом, в результате чего в одних частях системы побеждает первый принцип, в других - второй, в третьих - достигается некоторый промежуточный компромисс.

Итак, если мы признаем, что

- исходная система имени не имела нынешних категорий числа и падежа,
- переход к современному состоянию совершался многоэтапно с участием принципов инерционности и унификации,

то ответы на вопросы (а-д) окажутся более или менее очевидными.

(а′- б′) Дагестанские языки реализуют множество типологически возможных способов перехода к современному состоянию именной парадигмы, выделяющей двучленную категорию числа и многочленную категорию падежа. Исторические процессы преобразования исходной системы в современную отражаются как в системах разных языков, так и в разных подсистемах имени одного языка.

(в′) Многократность выражения числа и падежа в ряде схем есть результат разновременного действия различных исторических процессов, изменявших устройство базовой парадигмы и наслаивающих новые морфологические средства на старые.

(г′) Регулярность Opl в схемах 1-3 объясняется тем, что классифицирующие функции имеет в этом случае показатель Pl, а в схемах 5-7 - тем, что данные схемы вообще не выражают идею классификации объектов во мн. числе, коль скоро эта идея в Pl не выражена.

(д′) Множественность показателей Osg и Pl восходит к такому прасостоянию соответствующих языков, когда эти показатели не объединялись в одну грамматическую категорию и их различия были мотивированными.

Примечание 3. Поскольку в большинстве случаев исходная мотивация для различения этих показателей исчезла, проявляются следующие закономерности:

(1) Во многих языках часто наблюдаются довольно значительные колебания при выборе показателей Osg и Pl для одного и того же имени. Это очень распространено в аварском языке (говор селения Чадаколоб), например *бетIер* 'голова' - *ботIр-о-л//батI-алду-л*, Gsg; *кьIенсер* 'бровь' - *кьIунср-у-л//кьIанср-а-л*, Npl.;

(2) Возникают регулярные способы основообразования, стремящиеся к унификации показателей. Так, в арчинском языке в качестве регулярного выступает показатель Osg *-ли* и Pl *-мул* (для имен с исходом на согласный) и *-тту* (для имен с исходом на гласный): *бикьв* 'место' - *бикьв-ли*, Esg - *бикьв-мул*, Npl, *нодо* 'лоб' - *нодо-ли*, Esg - *нодо-тту*, Npl.

Нерегулярные показатели сохраняются в соответствии с принципом инерционности для ряда имен, занимающих важное место в тезаурусе языка. Переход тех или иных показателей в ранг регулярных в разных подгруппах дагестанских языков, видимо, происходил независимо, что видно по колебаниям в их репертуаре.

Регулярные показатели Osg: в аварском *-ц*, в бежтинском *-ли* и *-и*, в арчинском и даргинском *-ли*, в цахурском *-й*, в лезгинском *-ди* и *-ани/еши*, в будухском *-джи/джы/джуь/йи/йы*.

Регулярные показатели Pl: в аварском *-а*, в ахвахском и гинухском *-бе*, тиндинском *-би*, цахурском *-бы*, крызском *-би -ри*, будухском *-ри*, *-бе* и *-ер*, гунзибском *-в*, *-йа*, *-р*, агульском и табасаранском *-ар*, лезгинском *-ар/ер/аьр*, арчинском *-мул* и *-тту*.

Таким образом, многие аномалии синхронных состояний парадигматических систем могут быть устранены при более широком объяснительном подходе, учитывающем, в частности, закономерности исторических изменений грамматических систем.

Таблица 1

Фрагмент парадигмы слова 'мост' (арчинский язык)

Падеж	Ед. число	Мн. число
номинатив	хъиIн	хъоIнн - о́р
эргатив	хъиIнн - и́	хъоIни - о́р - чай
генитив	хъиIнн - и́ - н	хъоIнн - о́р - че - н
датив	хъиIнн - и́ - с	хъоIнн - о́р - че - с
комитатив	хъиIнн - и́ - лълъу	хъоIнн - о́р - че - лълъу
компаратив	хъиIнн - и́ - хур	хъоIнн - о́р - че - хур
супер - эссив	хъиIнн - и́ - т	хъоIнн - о́р - че - т
супер - элатив	хъиIни - и́ - тти - ш	хъоIнн - о́р - че - тти - ш
супер - латив	хъиIнн - и́ - тти - к	хъоIнн - о́р - че - тти - к
суб - эссив	хъиIнн - и́ - кьI	хъоIнн - о́р - че - кьI
суб - элатив	хъиIнн - и́ - кьIа - ш	хъоIнн - о́р - че - кьIа - ш
суб - латив	хъиIнн - и́ - кьIа - к	хъоIнн - о́р - че - кьIа - к

Таблица 2

Образцы базовых парадигм (диагностические формы)

№ парадигмы	Язык	Значение слова	Служебные морфемы	Nsg	Oblsg	Npl	Oblpl
1	ахвахский	лоб	эгр –де, Osg –ла, Pl –ди, Opl –ле	нидо	нидо - ла - де	нидо - ди	нидо - ди - ле - де
2	аварский	ноготь	эрг –(у)л, Osg –и, Pl –а, Opl –з, Npl –л	мат	мат - и - л	мат - а - л	мат - а - з - ул
3	табасаранский	мозг	дат –с, Nsg –а, Osg –ли, Pl –ар, Opl –и	маъ - а	маъ - ли - с	маъ - ар	маъ - ар - и - с
4	андийский	лошадь	эрг –ди, Pl –ил, Opl –и	кIоту	кIоту - ди	кIот - ил	кIот - ил - и - ди
5	чамалинский	ягненок	эрг –д, Osg –у, Pl –е	къIили	къIил - у - д	къIил - е	къIил - е - д
6	будухский	кишка	дат –з, Osg –ини, Pl –ибе, Npl –р	гIин	гIин - ини - з	гIин - ибе - р	гIин - ибе - з
7	хиналугский	козел	эрг –и, Pl –д	така	так - и	така - д	така - д - и

8	лакский	нора	ген –л, Osg –ли, Npl –ру, Opl –арди	нух	нух - ли - л	нух - ру	нухх - арди - л
9	хваршинский	клюв	ген –с, Npl –бо, Opl –за	маIкъIу	маIкъIу - с	маIкъIу - бо	маIкъIу - за - с
10	рутульский	нос	эрг –р, О –и, Npl –быр, Opl –мы	хьехь	хьехь - и - р	хьехь - быр	хьехь - и - мы - р
11	лакский	волк	ген –л, О –и, Npl -ру, Opl –урди	барцI	бурцI - и - л	барцI - ру	бурцI - урди - л
12	тиндинский	локоть	эрг –ди/йи, Osg –л, Npl –ли, Opl –а	чIинкIу	чIинкIв - а - л - ди	чIинкIв - а - би	чIинкIв - а - б - а - йи
13	тидинский	вошь	эрг –ди/йи, Pl –би, Opl –а	наци	нац - а - йи	нац - а - би	нас - а - б - а - йи
14	хиналугский	рука	эрг –и, Pl –зыр	кIыл	кIыл - ам - и	кIыл - ам - зыр	кIыл - ам - зыр - и
15	хваршинский	глаз	ген –с, Npl –ба, Opl –за	езол	езол - а - с	езол - а - ба	езол - а - за - с
16	бежтинский	сеть	ген –с, Opl –ра	кьи	кьи - йа - с	кьи - йа	кьи - йа - ра - с

ГЛАВА 9

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЯ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПОДЧИНЕНИЯ С ПОНЯТИЯМИ СОГЛАСОВАНИЯ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРИМЫКАНИЯ*

Общепринятым можно считать тезис о том, что фундаментальным понятием, лежащим в основе всякого описания синтаксической структуры высказываний, является понятие синтаксического отношения, синтаксической связи. Максимальная синтаксическая единица** (высказывание, предложение) представляет собой не просто сумму тех или иных синтаксических единиц***, а вполне определенным образом организованную структуру, в которой каждая синтаксическая единица связана, по крайней мере, с одной другой синтаксической единицей. Таким образом, синтаксический анализ структуры высказывания должен включать в себя установление всех связей, существующих между входящими в данное высказывание синтаксическими единицами. Система этих связей представляет собой важнейший компонент организации высказывания****.

Понятие синтаксической связи может конкретизироваться и уточняться в различных аспектах: а) с точки зрения формального устройства связи; б) с точки зрения характера элементов, вступающих в синтаксическую связь; в) с точки зрения языковых средств выражения синтаксической связи; г) с точки зрения типов значений, передаваемых синтаксическими отношениями.

Существует большое разнообразие в подходах к решению каждого из этих вопросов. Что касается вопросов о формальном устройстве синтаксической связи и о связываемых ею элементах, то мы фиксируем один из подходов к их решению, что необходимо для рассмотрения основной задачи данного исследования: определить основные языковые средства в выражении синтаксической связи. Проблемы типов синтаксических значений нами не рассматриваются.

* Опубликовано в: Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977. Настоящий текст дополнен примечаниями.

** В данной работе мы отвлекаемся от проблем, связанных с описанием синтаксической структуры дискурса (связного текста).

*** О различных подходах к определению элементарной синтаксической единицы см. [Долинина 1969].

**** Существуют и другие компоненты высказывания, например, анафорические связи, коммуникативная организация высказывания и другие, рассмотрение которых не входит в нашу задачу.

1. Соглашения о формальном устройстве синтаксической связи в синтаксических единицах

Вопрос о синтаксических единицах, способных вступать в синтаксическую связь, затрагивает две проблемы: 1) определение, сущность элементарных синтаксических единиц, 2) наличие синтаксических единиц, промежуточных между максимальными и элементарными синтаксическими единицами.

В традиционной грамматике и некоторых ее структурных модификациях, например, в синтаксической теории Л.Теньера [Теньер 1959], элементарной синтаксической единицей считается член предложения. Такая единица может состоять из одной словоформы (*читал, холодно, лес*) или нескольких словоформ (*будет читать, начинает становиться холодно, в лесу*). В грамматике зависимостей и грамматике непосредственных составляющих за элементарную синтаксическую единицу принимается словоформа.

Вопрос о промежуточных синтаксических единицах по существу встает в грамматике непосредственных составляющих, где максимальная синтаксическая единица рассматривается как иерархическая система синтаксических единиц, называемых составляющими. Так, в предложении:

(1) Латынь из моды вышла ныне

наряду с элементарными единицами *латынь, из, моды, вышла, ныне* содержатся неэлементарные синтаксические единицы (составляющие): *из моды, из моды вышла, из моды вышла ныне.*

В грамматике зависимостей в некоторых случаях также вводится понятие составляющей, когда необходимо отличить связь синтаксической единицы с элементарной единицей от связи с группой элементарных единиц. Рассмотрим предложения (2) и (3):

(2) ...очи всех,
Копыта, хоботы кривые...
Все указует на нее.

(3) ...сквозь вершины
Осин, берез и лип нагих
Сияет луч светил ночных.

В (2) словоформа *кривые* определяет только одну словоформу *хоботы*, а в примере (3) словоформа *нагих* - группу словоформ *осин, берез* и *лип*. В случае (3) связь словоформы *нагих* осуществляется не с элементарной синтаксической единицей, а с составляющей, в отличие от (2).

Формальное устройство синтаксического отношения определяется следующими признаками:

- сколько единиц связывает синтаксическое отношение?
- выделяется ли главная (подчиняющая) синтаксическая единица?

Обычно синтаксическое отношение считается бинарным отношением (то есть связывающим две единицы), хотя неоднократно указывалось на существование n-арных синтаксических отношений. Типичным примером такого рода отношений являются однородные члены:

(4) Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне...

В примере (4) имеется четыре однородных члена, занимающих одну синтаксическую позицию относительно слова *разговор*.

Выделение главных - зависимых единиц отсутствует в грамматике непосредственных составляющих. В прочих синтаксических концепциях оно обычно представлено, но в различной мере. А именно, если в грамматике зависимостей и грамматике Л.Теньера каждое синтаксическое отношение интерпретируется как подчинительное (различающее главный и зависимый элементы), то в традиционной грамматике выделение главного (а следовательно, и зависимого) элемента обычно проводится не во всех случаях. Так, связь подлежащего со сказуемым в русской синтаксической науке часто рассматривается как особый тип связи, в котором нельзя выделить главный и зависимый члены.

В настоящей работе мы принимаем соглашения, принятые в грамматике зависимостей, а именно считаем, что:

- элементарной синтаксической единицей, вступающей в синтаксическую связь, является словоформа (случаи введения составляющих не влияют на суть излагаемого ниже);
- синтаксическое отношение бинарно;
- синтаксическое отношение устанавливает направленную связь (т.е. всегда выделяет "хозяина" и "слугу").

Пара связанных синтаксическим отношением словоформ называется нами **словосочетанием**.

Особого внимания заслуживает последнее соглашение. Удобство его очевидно: оно позволяет сопоставлять системе синтаксических отношений каждого высказывания наглядный и простой геометрический объект - связный ориентированный граф (множество точек, символизирующих элементарные синтаксические единицы, соединенные стрелками, символизирующими синтаксические отношения). При соблюдении некоторых дополнительных условий (единство вершины и единство хозяина) этот граф становится ориентированным деревом.

Вместе с тем признание существования (а тем более универсальности) подчинительного отношения требует выработки критериев, на основе которых в данной паре синтаксически связанных единиц могут быть выделены главный и зависимый члены.

2. Критерии определения направления синтаксической связи

Имеется два распространенных принципа, на основании которых устанавливается подчинительная связь: принцип "свертывания-развертывания" и принцип "морфологического подчинения". Рассмотрим их подробнее.

а. Дистрибутивный принцип "свертывания/развертывания". Этот принцип состоит в том, что главный член синтаксической связи может выступать в качестве представителя пары связанных единиц, но не наоборот.

Дистрибутивная процедура нахождения словосочетаний, а также их внутреннего устройства (какой из членов словосочетания является главным) может осуществляться через "развертывание" или "свертывание" высказывания. Принцип "развертывания" применяется в школьной практике путем постановки вопроса от главного члена к зависимому. Симметричный ему принцип "свертывания" состоит в последовательном опущении абсолютно зависимых членов словосочетаний, входящих в состав высказывания, с сохранением его грамматической правильности.

Например, в высказывании:

(5) Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных

подчинительные связи могут быть установлены путем "развертывания" (выделены главные члены): "*наследник* чей? - родных", "*родных* чьих? - своих", "*родных* каких? - всех", "*наследник* по причине чего? - волею", "*волею* какой? - всевышней", "*волею* чьей? - Зевеса". Возможно установление тех же связей путем "свертывания" (выделены главные члены словосочетаний, в которых произошло опущение зависимого члена): "*волею* Зевеса наследник всех *родных*", "*волею* наследник *родных*", "*наследник родных*", "*наследник*". Однако даже если отвлечься от трудностей, связанных с выделением словосочетаний типа *наследник волею*, этот метод не может быть применен в случае так называемых экзоцентрических конструкций [Лайонз 1978/1972. С.245] типа *в лесу*, в которых ни один из членов словосочетания нельзя считать представителем всего словосочетания. Не дает этот метод решения также в случаях:

(6) Участь моя решена. Я женюсь.
(7) Что имеем, не храним.
(8) Тот, кто получает пощечины.
(9) Человек, который смеется.

Какой элемент является главным в словосочетаниях "участь решена", "я женюсь" (6) - подлежащее или сказуемое? Какое слово в придаточных предложениях подчиняется словам *храним* (7), *тот* (8), *человек* (9)?

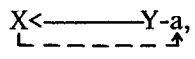
б. Принцип "морфологического подчинения". Крайне распространенной является точка зрения, что главный член предопределяет форму зависимого члена. Например: "Подчинительная связь слов - это формальная грамматическая зависимость одного слова от другого, при которой наличие зависимого слова (или слов) в определенной форме (формах) предопределяется категориальными свойствами главенствующего слова. Грамматически главенствующее слово - это слово, своими категориальными свойствами предопределяющее характер связи и форму (формы) зависимого слова (слов). Грамматически зависимое слово - это слово, которое, сочетаясь с грамматически главенствующим словом, формально подчиняется требованиям, исходящим от категориальных свойств главенствующего слова" [Грамматика 1970. С. 486]. Действительно, во многих случаях приведенный критерий помогает выделить главный и зависимый член в словосочетании. Однако имеются случаи, в которых последовательное применение данного критерия приводит к весьма нежелательным результатам.

Во-первых, он ничего не дает в описании синтаксиса изолирующих языков (а также языков с бедной морфологией). В русском языке имеется аналогичная трудность, когда тот член, который естественно* считать зависимым, не имеет форм словоизменения:

(10) Находиться *неподалеку.*

(11) Время провели *отлично.*

Во-вторых, возможны случаи "обратного" подчинения типа:

когда член (X), который естественно считать зависимым (направление сплошной стрелки) от главного члена (Y), предопределяет форму (а) главного члена (Y), то есть когда формальное подчинение (направление пунктирной стрелки) обратно содержательному. Такое явление наблюдается в ряде языков в атрибутивном словосочетании (так называемая изафетная конструкция).

Рассмотрим пример из таджикского языка:

(12) духтар-и (Y) хушруй (X) 'красивая (X) девушка (Y)'
себ-и (Y) духтар (X) 'яблоко (Y) девушки (X)'.

Показатель синтаксической связи (*-и*) содержится в главном, а не в зависимом члене. В русском языке также имеются случаи "обратного" подчинения.

(13) Я знаю по имени одн-ого (Y) из учеников (X).

* Под естественным направлением связи мы понимаем такое направленне, которое отражает содержательные отношения между членами словосочетания и которое обычно таким образом и интерпретируется.

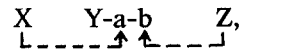
Я знаю по имени одн-у (Y) из учениц (X).

(14) Я знаю по имени кажд-ого (Y) из учеников (X).
Я знаю по имени кажд-ую (Y) из учениц (X).

В элективном словосочетании главный член (если он стоит в ед. числе) согласуется по роду с зависимым существительным (наличием предлога пока можно пренебречь, считая, в соответствии с традицией, предложно-падежную форму за элементарную единицу).

Примечание 1. Примеры (13) - (14) из русского языка иосят прежде всего иллюстративный характер. Содержательно их можно проинтерпретировать, и не прибегая к идее "обратного" подчинения. А именно, можно считать, что именные группы *один* и *каждый* есть результат субстантивации числительного и прилагательиого при редукции выражений типа *один ученик* → *один, одна ученица* → *одна, каждый ученик* → *каждый, каждая ученица* → *каждая*. В этом случае согласовательные показатели контролируются опущенным вершинным именем, а не существительным из предложной группы с предлогом *из*.

В-третьих, в некоторых языках чрезвычайно распространено "двойное" формальное подчинение типа:

когда два различных слова (X и Z) влияют на форму третьего слова (Y). Для этого случая вообще неясно, как устанавливать синтаксическую связь (видимо, мало кому захочется считать Y зависящим одновременно от X-а и Z-а).

Рассмотрим пример из даргинского языка (чирагский диалект):

(15)

$С_{дат}$	$С_{ном}$	Г	
Дицце	руссе	р-икъ-анда	'Я девушку вижу'.
Дицце	гале	икъ-анда	'Я мальчика вижу'.
Ите	руссе	р-икъ-ле	'Он девушку видит'.
Ите	гале	икъ-ле '	'Он мальчика видит'.

Глагол с корнем *икъ* 'видеть' принимает префиксальный показатель *р-* или *ø-* в зависимости от класса, к которому относится существительное в номинативе (*руссе* 'девушка' или *гале* 'мальчик'). Кроме того, лицо имени в дативе ('я' или 'он') отражается в суффиксальных показателях *-анда* и *-ле*.

Аналогичная в синтаксическом отношении ситуация имеется в табасаранском языке:

(16)

$С_{эрг}$	$С_{дат}$	Г	
Узу	увуз	кIура-за-вус	'Я тебе говорю'.
Узу	дугъаз	кIура-за	'Я ему говорю'.
Учуз	увуз	кIура-ча-вус	'Мы тебе говорим'.
Учуз	дугъаз	кIура-ча	'Мы ему говорим'.

В данном языке в глаголе отражается характеристика лица и числа обоих актантов глагола: того, кто говорит ('я' → *за*, 'мы' → *ча*), и того, кому говорят ('тебе' → вус, 'ему' → *ø*).

Некоторые языки не останавливаются на 'двойном' подчинении, а отражают в одной словоформе свойства трех и более других слов.

Рассмотрим пример из адыгейского языка [Кумахов 1971. С. 282-284]:

(17)

сы-д-иэ-жа-гъ	'Я ждал с ним его'.
с-а-ды-уэ-жа-гъ	'Я ждал с ними тебя'.
къ-а-ды-уэ-жа-гъ	'Он с ними ждал тебя'.
ø-д-иэ-жа-гъ	'Он с ним ждал его'.

В глаголе выражаются лицо и число: а) того, кто ждал (*сы/с* 'я', *къ/ø* 'он'); б) того, кого ждали (*иэ* 'его', *а-уэ* 'тебя'); в) того, с кем ждали (*д* 'с ним', *ды* 'с ними').

В языках такого типа "двойное" подчинение является характернейшей чертой их синтаксиса, и для них морфологический критерий совершенно неприемлем. Однако и в русском языке наблюдаются отдельные случаи "двойного" подчинения. Например:

(18) дом, в котор -ом я живу

деревня, из котор -ой я пришел.

Число и род слова *который* зависит от слов *дом, деревня*, а падеж - от предлогов *в, из*.

Примечание 2. Данный русский пример также носит иллюстративный характер. Если не ограничиваться поверхностно-снтаксическим уровнем, то можно считать, что анафорическое местоимение *который* является результатом редукции полных именных групп: *дом, в (этом) доме я живу* ⟶ *дом, в котором я живу, деревня, из (этой) деревни я пришел* ⟶ *деревня, из которой я пришел*. В этом случае родо-числовые показатели (относительного) местоимения наследуют те значения, которые характеризуют соответствующие полные именные группы, а не согласуются с вершинной именной группой относительного оборота.

В-четвертых, распространенным является "взаимное" подчинение типа:

X - b Y-a,

когда два слова влияют на форму друг друга. Данный вид подчинения осложняет картину в примерах (15) - (16), а именно, с одной стороны, оба имени влияют на форму глагола, а с другой стороны, глагол предопределяет падежную форму каждого из имен (глагол *видеть* в (15) требует постановки одного имени в дательном падеже, а другого - в номинативе,

глагол *говорить* в (16) требует постановки одного имени в эргативе, а другого - в дативе).

Судя по данным примерам, связь подлежащего со сказуемым в русском языке являет собой более простой вариант чистого "взаимного" подчинения. В примере (6) сказуемые *решена, женюсь* оформляются по роду, лицу, числу в зависимости от своих подлежащих, а подлежащее *участь* и *я* стоят в том падеже (именительном), какого от них требует сказуемое.

В-пятых, возможно также "косвенное" подчинение типа:

X <——> Z <——> Y-a,

когда словоформа (X), не связанная непосредственной синтаксической связью с другой словоформой (Y), предопределяет ее форму (*a*) (двойные стрелки указывают на несущественность направления синтаксических связей между X и Z, Z и Y).

Такого рода подчинение наблюдается, напр̀имер, в арчинском языке:

(19) Д-ез бува кьIан

я, дат, II мать, ном, II любить, наст

'Я мать люблю'.

В-ез дийа кьIан

я, дат, I отец, ном, I любить, наст

'Я отца люблю'.

Один из актантов глагола *любить* - 'я' зависит от класса другого актанта (показатель *д-*, если другой актант относится к классу женщин, *в-*, если к классу мужчин).

"Косвенное" подчинение наблюдается также в лакском языке:

(20) Хъужа хъатлувун-*ø*-ай най *ø*-ур

старик, ном,I в-дом,I идти быть, наст,I

'Старик в дом идет'.

Душ къатлувун-м-ай най б-ур

девушка,III в-дом,III идти быть, наст,III

'Девочка в дом идет'.

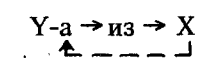
Дада къатлувун-н-ай най д-ур

мать,II в-дом,II идти быть, наст,II

'Мать в дом идет'.

Именной класс существительного, стоящего в номинативе, отражается не только в глаголе, но и в обстоятельстве.

Возвращаясь к русским примерам (13) - (14), в них также можно увидеть случай "косвенного" подчинения, если устанавливать синтаксические связи между предлогом и именами:

"Косвенное" подчинение имеет также место в примере:

(21) Он ← притворяется → больн - ым

Она ← притворяется → больн - ой.

Здесь "косвенное" подчинение (по числу и роду) подлежащему осложняется наличием подчинения (по падежу) сказуемому, то есть налицо "двойное" подчинение. Соединение "двойного" и "косвенного" подчинения имеет место также в примере (18).

Примечание 3. Русский пример "косвенного" подчинения также можно было бы оспорить, если возводить предложение (21) к глубинно-синтаксическому представлению *Он притворяется, что он болен; Она притворяется, что она больна.* В этом случае согласование по роду/числу осуществляется в придаточном предложении. В результате его редукции краткое прилагательное становится полным, сохраняя родо-числовые характеристики.

Оговорки, содержащиеся в примечаниях 1-3, относятся к русскому языковому материалу и не могут быть распространены на прочие примеры из таджикского, табасаранского, даргинского и др. языков, в которых представлены ядерные типы конструкций. В ядерных конструкциях нельзя усмотреть никаких синтаксических трансформаций, с помощью которых можно было бы упростить синтаксическую структуру и устранить соответствующую "аномалию".

Итак, все сказанное, видимо, в достаточной степени указывает на неуниверсальность критерия "морфологического" подчинения и на необходимость разграничения понятий содержательной синтаксической связи и формальных средств ее выражения, которые, вообще говоря, независимы друг от друга.

Примечание 4. Более того, как показало сравнительно-типологическое исследование Дж.Никольс [Никольс 1986], маркирование зависимого члена подчинительного отношения является менее распространенным в языках мира, чем маркирование главного члена. Тем самым морфологический критерий следует признать вообще непригодным для установления направления подчинительной связи.

В последние годы в связи с развитием теории порождающих трансформационных грамматик и разграничением двух уровней синтаксического описания - глубинного и поверхностного, появилась возможность использовать новый критерий, учитывающий историю порождения высказывания.

в. Критерий "простоты порождения высказываний". Названный критерий ставит во главу угла принцип теоретического "удобства", сообразуясь в первую очередь с тем, чтобы синтаксическое описание имело наиболее простую и единообразную систему правил, строящих правильные высказывания на данном языке. Принятые нами соглашения о характере синтаксической связи и связываемых элементах относятся, естественно, к поверхностной синтаксической структуре, которая занимает промежуточное положение между морфологией и глубинным синтаксисом. Поэтому выбор при возможности альтернативных решений осуществляется как на основании соответствий, устанавливаемых между поверхностно-синтаксическими и морфологическими представлениями, так и на основании соответствий между глубинно- и поверхностно-синтаксическими представлениями. Особенность этого критерия состоит в том, что он не дает единого операционного рецепта, а опирается на общую систему грамматических правил, призванных отражать особенности реального устройства данного языка.

Примечание 5. Думается, что весьма существенными являются также типологические соображения, то есть соображения типологической правдоподобности. Например, в языках с маркированием определительного отношения в определяющем члене (как в русском, латинском языках) естественно считать определяемый член главным, а определяющий - зависимым (в частности, в согласии с дистрибутивной методикой). А как быть в случае изафетной конструкции, см. (12)? Видимо, следует пренебречь морфологическим и дистрибутивным критериями в пользу типологического. На том же основании, видимо, можно принять решение и в спорном для русского языка случае с количественной синтагмой, где морфологический и дистрибутивный критерии не работают. Дело в том, что при именительном/винительном падеже всей конструкции (*десять книг*) это падежное значение приписывается числительному, а существительное ставится в фиксированной форме родительного падежа мн. числа (см. также Примечание 9). При прочих падежах (*десятью книгами, десяти книг*) оба компонента стоят в соответствующем падеже. Эти факты вызывают осложнения при определении направления подчинения (представлены обе точки зрения). За пределами русского языка обнаруживается, что во многих языках числительное ведет себя так же, как прилагательное, и конструкция является при этом эндоцентрической. Например (арчинский язык):

(22) Мутту-р лълъоннол/лълъанна
красивый,II женщина,II,ном/эрг
'Красивая женщина'.
Мутту-б ноIш/ниIши
красивый,III лошадь,III,ном/эрг
'Красивая лошадь'.

(23) Лъиба-р-у лълъоннол/лълъанна
три,II женщина,II, ном/эрг
'Три женщины'.
Лъиба-б-у ноIш/ниIши
три,III лошадь,III, ном/эрг
'Три лошади'.

Числительное и прилагательное согласуются с существительным по классу. Признак падежа всей именной группы маркируется только в существительном. Отличие количественной синтагмы от определительной состоит лишь в том, что в ней существительное всегда имеет форму ед. числа.

Приведенные типологические факты являются аргументом в пользу точки зрения о зависимом характере числительного в количественной синтагме. Видимо, и во многих других сложных случаях при определении направления подчинительной связи типологические аргументы приобретают приоритетное значение.

3. Способы выражения синтаксической связи

В теории синтаксиса широко распространены понятия, характеризующие способы выражения синтаксических связей, а именно понятия согласования, управления и примыкания. Эти понятия у разных лингвистов имеют различный объем и в ряде случаев по-разному классифицируют одно и то же множество объектов. Чтобы лучше представлять себе теоретическое наследие, приведем некоторые распространенные формулировки.

А.М.Пешковский: "1) "У п р а в л е н и е" есть подчинение существительного какому бы то ни было другому слову, 2) "с о г л а с о в а н и е" есть подчинение прилагательного тому существительному, к которому оно относится, и подчинение глагола тому именительному падежу существительного, к которому он относится, 3) "п р и м ы к а н и е" есть такое подчинение, которое не является ни управлением, ни согласованием" [Пешковский 1954. С. 55].

Академическая грамматика 1960 г.: 1) "У п р а в л е н и е м называется такой вид синтаксической связи, когда употребление определенной формы косвенного падежа существительного, предметно-личного местоимения или субстантивированного прилагательного (без предлога и с предлогом) обусловлено грамматическим или лексико-грамматическим значением другого, господствующего слова". 2) "С о г л а с о в а н и е м обычно называется такой вид синтаксической связи, когда формы сочетающихся слов объединены общими однородными или однотипными морфологическими категориями рода, числа, а для имен - также падежа, для глагола - лица, причем определяющее слово всегда уподобляется в этом отношении определяемому". 3) "П р и м ы к а н и е м называется такой вид синтаксической связи, когда зависимость одного слова от другого, господствующего над ним, выражается не флективными изменениями зависимого слова, не его формами, а лишь его местоположением, его зависимой грамматической функцией, его смыслом, несамостоятельным характером выражаемого им грамматического отношения" [Грамматика 1960. Т. 2. Ч. 1. С. 22-23].

Академическая грамматика 1970 г.:1) "У п р а в л е н и е - это такой вид подчинительной связи, при которой категориальными свойствами главенствующего слова - глагола, имени, наречия или компаратива - предопределено наличие при нем зависимого имени в форме косвенного падежа, причем между словами устанавливаются отношения объектные, субъектные или комплетивные" [Грамматика 1970. С. 484]. 2) "С о г л а с о в а н и е - это такой вид подчинительной связи, при котором формы рода, числа и падежа подчиняемого имени предопределены формами рода, числа и падежа подчиняющего имени" [Грамматика 1970. С. 493]. 3) "П р и м ы к а н и е - это такая подчинительная связь, при которой к глаголу, имени или наречию присоединяется либо а) слово, не имеющее форм словоизменения: наречие (включая компаратив и деепричастие), неизменяемое прилагательное или инфинитив, либо б) форма косвенного падежа существительного (без предлога или с предлогом), и при этом устанавливаются отношения собственно- или обстоятельственно-характеризующие либо комплетивные" [Грамматика 1970. С. 511].

Г.А.Золотова: "У п р а в л е н и е - связь слова с формой слова, с о г л а с о в а н и е - связь формы слова с формой слова, п р и м ы к а н и е - связь слова со словом" [Золотова 1973. С. 32].

Не имея возможности проводить внутренний и сопоставительный анализ приведенных формулировок, отметим лишь некоторые общие их недостатки: 1) понятия, призванные иметь общелингвистическую значимость, формулируются применительно к конкретному (русскому) языку в терминах, присущих именно данному языку; явления той же природы, но другого грамматического наполнения не подойдут под эти определения; 2) даже применительно к русскому языку эти понятия не охватывают всех тех случаев, которые естественно было бы описывать через эти понятия (примеры см. ниже); 3) в приведенных выше вариантах классификации скрыто внутреннее противоречие, состоящее в том, что, по крайней мере, согласование и управление классифицируют способы выражения синтаксической связи по разным основаниям.

Для того чтобы попытаться уточнить рассматриваемые понятия, надо прежде всего определить, какими формальными средствами может располагать язык для материального выражения синтаксических связей.

Эти средства следующие:

1. С л о в о и з м е н и т е л ь н ы е м о р ф о л о г и ч е с к и е с р е д с т в а (в широком смысле слова). Для языков с развитой морфологией это основной способ материализации синтаксических отношений, а также грамматических значений.

2. С л у ж е б н ы е с л о в а: предлоги, послелоги, союзы, вспомогательные компоненты аналитических конструкций, частицы. Это средство имеет особое значение для языков аналитического типа (например,

английского). В русском языке служебные слова также используются достаточно широко, несмотря на развитую морфологию.

3. Порядок слов. Особое значение этот способ оформления имеет для изолирующих языков (китайский, бамана), но спорадически может использоваться также и в языках с развитой морфологией. В русском языке порядок слов используется для различения количественного и аппроксимативного значений в сочетаниях "числительное + существительное":

(24) Я ждал тебя три часа.
Я ждал тебя часа три.

Неоднократно указывалось на то, что в русском языке порядок слов играет очень большую роль в оформлении актуального членения.

4. Интонация. Интонация в значительной степени непосредственно соотносится с элементами смысла высказывания, ср.:

(25) Он придет в три часа.
Он придет в три часа?

Синтаксическая структура этих предложений одинакова, а смысл - разный, что передается интонационными контурами, характеризующими так называемые повествовательную и вопросительную интонации.

Однако в некоторых случаях различие в интонации ведет к различному синтаксическому анализу высказывания (а тем самым и к различию в смысле). Так, предложение

(26) В этой гимназии учился впоследствии всемирно известный киноартист,

произнесенное с падением интонации на *впоследствии* и с паузой после него, имеет словосочетание *учился* → *впоследствии*, а при отсутствии падения тона и паузы - словосочетание *известный* → *впоследствии*.

Аналогично различие между синтаксическими структурами предложений (пример из [Иорданская 1967. С. 14]):

(27) Торговка вяленой воблой//торчала между ящиками.
Торговка//вяленой воблой торчала между ящиками.

В первом случае (знак // означает паузу) слово *воблой* входит в словосочетание *торговка* → *воблой*, во втором - в словосочетание *торчала* → *воблой*.

5. Словарная информация слова (синтактика слова). Это очень важное средство, хотя оно обычно существует в скрытом виде, то есть не представлено в означающем. Именно синтактика слова является обычно тем отправным моментом, который предопределяет управление или согласование. Можно даже сказать, что все предыдущие четыре средства в целом имеют такую же значимость в установлении синтаксической

роли, как синтактика слова, а именно: если синтактика слова является его постоянным свойством (закрепленным в словаре), то все прочие формальные средства являются переменными свойствами слова. Типы признаков слова представлены в следующей ниже таблице.

№ п/п	Признаки слова	
	а) постоянные (синтактика)	б) переменные
1	Категориальные (часть речи) + набор грамматических категорий (типов граммем)	Категориальные деривативные (производная часть речи) + набор грамматических категорий
2	(Свободные) субкатегориальные, характеризующие само слово	(Свободные) субкатегориальные, не зависящие от других слов
3	(Обусловливающие) субкатегориальные, характеризующие окружение слова	(Связанные) субкатегориальные, зависящие от других слов

Комментарий к таблице:

1. Категориальные признаки:

а) постоянные, например: *дом* (существительное), *бежит* (глагол), *белый* (прилагательное);

б) переменные, например: *бегущий* (прилагательное), *желание* (существительное). Иными словами, постоянный категориальный признак характеризует корневое значение слова, а переменный указывает на производность части речи данного слова (это слово одновременно сохраняет также некоторые свойства исходной части речи, к которой оно относится, например, слово *бегущий* сохраняет признаки глагола).

2. Свободные субкатегориальные признаки:

а) постоянные, например: *дом* (неодушевленность, артефакт, мужской род), *бежит* (действие), *лежит* (состояние);

б) переменные, например: *бежит* (настоящее время, изъявительное наклонение); *дом* (единственное число).

Иными словами, постоянные признаки - это такие компоненты значения слова, которые могут оказаться существенными для построения правильных высказываний (например, нельзя сказать *дом бежит*, так как признак "неодушевленность" не сочетается с глаголом, имеющим актантное место агенса) [Филлмор 1981/1968, Чейф 1975. С. 129]. Переменные признаки - это такие признаки, которые употреблены в данном высказывании семантически, т.е. которым соответствует определенный компонент смысла в семантическом представлении высказывания. Одно и то же грамматическое средство в одном высказывании может быть употреблено семантически, а в другом - синтаксически, ср.:

(28) *спрятался за угол,*
зацепился за угол,

где в первом случае предлог *за* имеет самостоятельное значение, во втором - нет.

3. Обусловливающие/связанные субкатегориальные признаки:

а) постоянные - они характеризуют окружение данного слова, например, *шить* содержит обусловливающие признаки следующего типа: агенс данного действия должен выражаться одушевленными существительными в именительном падеже; пациенс (точнее,

предмет, возникающий в результате данного действия) должен выражаться неодушевленным существительным, артефактом, создаваемым посредством шитья, в винительном падеже; инструмент и средство - неодушевленным существительным, артефактом, в творительном падеже (инструмент - также конструкцией с предлогом *на*). Этим ограничениям соответствуют высказывания:

(29) *Мать шьет дочери платье на машинке.*
Шито белыми нитками.

и не соответствует:

(30) **Дом шьет дерево.*
Мать шьет платьем;

б) п е р е м е н н ы е - их значения зависят от других слов, например: *белый* (мужской род, единственное число, именительный падеж), *надежд* (родительный падеж), *оделась* (женский род, еднпственное число).

Следует иметь в виду, что свободные и связанные субкатегориальные признаки могут материально выражаться фиксированным порядком слов, маркированным способом интонирования или обязательным присутствием служебного слова.

Теперь мы можем попытаться дать определение понятий согласования, управления и примыкания.

а) Согласование.

С о г л а с о в а н и е имеет место тогда, когда свободный или связанный признак (*a*) некоторого слова (X) имплицирует связанный признак (*b*) другого слова (Y), то есть если слово X имеет свободный или связанный признак *a*, то слово Y имеет связанный признак *b*.

Приведем ряд примеров на согласование, демонстрирующих данное понятие.

1. Типичный случай согласования представлен в русском языке в атрибутивных словосочетаниях.

(31) *Красивая женщина*
связ.: жен ⟵ своб. пост.: жен.
ед. ⟵ своб. перем.: ед.
им. ⟵ связ. перем.: им.

Согласование выражается в (31) в том, что: свободный постоянный признак 'женский род' слова *женщина* имплицирует связанный признак 'женский род' слова *красивая*, свободный переменный признак 'ед.число' - связанный признак 'ед. число', связанный переменный признак 'им. падеж' - связанный признак 'им. падеж'.

Примечание 6. Следует иметь в виду, что данный анализ конструкции (31) не является полным, н об этом напоминают изафетные конструкции типа (12). В самом деле, есть ли что-лнбо общее у изафетной конструкции (12) и конструкции с согласованием типа (31)? Думается, что несомненно есть. В обеих этих конструкциях кодирующие словоизменительные средства маркнруют наличие определенной синтаксической связи типа $Y \xleftarrow{опр} X$, где X - определяемое, а Y - определяющее. Иными словами, контролером данного синтаксического процесса является снптаксическое отношение. В таджикской изафетной конструкции мишенью процесса маркнрования является главный член отношения X, к которому добавляется показатель *-и*. В конструкции с согласованием мишенью процесса являются словоизменнтельные категории зависимого слова Y. Существенно, что в отличие от неспецифицированного маркера изафета *-и*, кодирующего только сам факт налнчия при главном члене X

зависимого члена Y, категориальные маркеры в примере (31) имеют переменные значения, набор которых контролируется соответствующими признаками слова X. Итак, в конструкции типа (31) согласование контролируется двумя факторами: типом синтаксического отношения, связывающего X и Y, и категориальными значениями главного слова X. Вообще говоря, изафетная конструкция может также быть осложнена согласованием. Например, в абхазском языке имеем:

(32) аб и-жв
отец корова,3-ед,муж.
'Корова отца'
ан л-ыжв
мать корова, 3-ед,жен.
'Корова матери'.

В главном члене определнтельной снптагмы имеется позиция для показателя, выбор которого зависит от характеристик зависимого члена (лицо, число, род).

2. Типичным примером согласования является также способ оформления связи сказуемого с подлежащим в русском языке (однако, см. примечание 6). Более сложные случаи представлены в (15) - (16). В примере (1-5) сказуемое согласуется по классу и числу с одним актантом, а по лицу и числу - с другим. В примере (16) происходит согласование сказуемого с двумя актантами по лицу и числу.

Примечание 7. В последнее время наблюдается тенденция пересмотреть взгляд на связь сказуемого с подлежащим в русском языке как согласовательную. Так, в [Грамматика 1980. С. 94] эта связь называется формальным уподоблением или координацней. Основания для этого выдвигаются следующие. В о - п е р в ы х, в предикативной синтагме изменяются не формы одного зависимого члена, как в определительной синтагме (о неправомерности данного критерия уже говорилось выше), а формы обоих членов. В о - в т о р ы х, предикативная снптагма имеет иное синтаксическое содержание и другую синтаксическую дистрнбуцию, нежели определительная синтагма. С этим связано ограничение на падеж подлежащего (*Дом - новый*) в отличие от отсутствия такого ограничения на падеж определяемого (*новый дом, нового дома* и т.д.), зависимое положение определительной синтагмы в предложении в отличие от независимости предикативной синтагмы и вершинности его главного члена - сказуемого. Представляется, что все эти противопоставления надуманные, они исходят из некоторой эталонности определительной синтагмы в отношении природы явлення согласования.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в ряде случаев вопрос о прнроде лично-числовых показателей в глаголе не так прост. В тех языках, где при личных глагольных формах личные местоимения неупотребительны (ср. лат. Dum spiro, spero 'Пока дышу, надеюсь'), согласовательная интерпретация требует восстановления соответствующих личных подлежащнх, контролирующих согласование. Если отказаться от такой неестественной для этих языков процедуры, то следует считать лично-числовые показатели не согласовательными морфемамн, зависящими от внешнего, поверхностно не выраженного подлежащего, а заполнителями соответствующего актантного места непосредственно в глагольной словоформе, см. анализ данных языка лакота в [Ван Валин 1985].

3. В определении согласования ничего не говорится о том, что согласующее и согласуемое слова должны входить в одно словосочетание, поэтому под данное определение подходят случаи косвенного подчинения, см. (18) - (21).

4. С согласованием по падежу имеем дело в конструкциях с однородными членами:

(33) Затерялась Русь в *Мордве* и *Чуди*.
(34) Стаи *дней* и *ночей* надо мной колдовали.

Связанный признак предложного падежа слова *Чуди* согласуется со связанным же признаком падежа слова *Мордве*, значение родительного падежа слова *ночей* согласуется с падежом слова *дней*.

5. Аналогичное согласование по падежу имеет место в аппозитивных конструкциях.

(35) А ткачиха с поварихой,
С *сватьей бабой Бабарихой*
Извести ее хотят.

Творительный падеж слова бабой согласуется по падежу со словом *сватьей* (для которого значение творительного падежа является связанным переменным признаком), а слова *Бабарихой* - со словом *бабой*.

6. Также согласование по падежу имеется в сравнительных конструкциях:

(36) а. *Ты* обманул его как *ребенок*.
б. Ты обманул *его* как *ребенка*.
(37) а. Он завидует *брату* больше, чем *сестре*.
б. *Он* завидует брату больше, чем *сестра*.

В (36а) падеж слова *ребенок* согласуется с падежом сравниваемого слова *ты*, в (36б) - с падежом слова *его*; в (37а) падеж слова *сестра* согласуется с падежом слова *брату*, в (37б) - с падежом слова *он*.

Как видно из этого и предыдущих двух случаев, согласование не ограничено даже в русском языке лишь прилагательным и глаголом в личной форме.

7. В ряде языков возможно согласование подлежащего (выраженного указательным местоимением) с именной частью сказуемого, например в латинском:

(38) *Hic* est pater meus. 'Это мой отец'.
Haec est mater mea. 'Это моя мать'.

Род местоимения his/haec зависит от рода слов pater и mater, стоящих в именной части сказуемого.

8. Интересно согласование по роду в элективной конструкции, см. примеры (13) - (14).

9. Особый вид согласования по падежу наблюдается в русском языке в конструкции "числительное + существительное", если числительное стоит не в именительном-винительном падеже:

(39) из двух дней
к двум дням
двумя днями позже
о двух днях.

10. В ряде языков наблюдается так называемое "согласование/следование времен", когда значение времени глагола главного предложения

определяет время глагола в придаточном предложении. Так, в латинском языке так называемые главные времена (презенс, футурум I и II, имперфект) требуют одних времен в придаточном предложении (презенса - для выражения одновременности, перфекта - для выражения предшествования и форм на urus sim - для выражения следования), а исторические времена (имперфект, перфект и плюсквамперфект) - других времен для выражения тех же значений (имперфекта, плюсквамперфекта и форм на urus essem). Этот случай показывает, что неправомерно включать в определение согласования требование, чтобы в согласуемом слове присутствовал тот же признак, что и в согласующем. Вообще говоря, сходство признаков рода, числа и падежа в прилагательном и существительном связано лишь с принятым нами способом их обозначения. В действительности же природа их в прилагательном и существительном различна.

б) Управление.

У п р а в л е н и е имеет место тогда, когда обусловливающий постоянный признак (*a*) некоторого слова (X) имплицирует а) другое слово (Y), обладающее переменным признаком (*b*), или б) целое предложение (Y) с некоторым признаком (*b*). То есть если слово X имеет обусловливающий постоянный признак *a*, то имеется элемент Y с признаком *b*.

Приведем примеры на управление.

1. Особенно распространено глагольное управление существительными, заполняющими его синтаксические валентности. Подчеркнем, что подлежащее также управляется глаголом, который предопределяет его категориальные и субкатегориальные признаки, см. примеры (29) - (30), в том числе связанный переменный признак падежа.

2. Требования управляющего слова к способу оформления управляемого слова могут вызывать изменение его категорительного признака (части речи):

(40) *Желаний* и *надежд* томительный обман.

Слово *обман* управляет родительным падежом существительного (обозначающего предмет), поэтому глаголы *желать* и *надеяться* получают переменный категориальный признак 'существительное'.

Вообще следует отметить, что тип синтаксической связи также может требовать перехода слова в другую часть речи:

(41) Чуть слышится ручей, *бегущий* в сень дубравы.

Определительная связь между словами *ручей* и *бежать* требует наличия признака 'прилагательное'.

3. Управляться в русском языке может не только существительное, но и прилагательное:

(42) выступление ученого - твое выступление
ручка двери - дверная ручка
(43) человек высокого роста
*человек роста.

4. Кроме того, в русском языке управляться может также наречие и инфинитив:

(44) Мы *прекрасно* провели отпуск.

Слово *проводить* имеет в своей модели управления место со значением оценки. Предложение с опущенным словом *прекрасно* не будет выглядеть законченным.

Примечание 8. Существенно подчеркнуть, что переменный признак *b* управляемого слова/предложения Y может быть нулевым, то есть при Y могут отсутствовать какие-либо морфологические пометы, указывающие на данный вид связи. Так же как в (44), в примерах (10)-(11) наречия *неподалеку* и *отлично* являются управляемыми (вопреки широко распространенному мнению о том, что при отсутствии морфологических маркеров у зависимого слова имеет место примыкание). В изолирующих языках такой способ поверхностного выражения управления широко распространен.

(45) В гневе начал он *чудесить*
И гонца хотел *повесить*.
Глаголы *начал* и *хотел* управляют инфинитивами.

5. Возможно управление не только словом, но и целым предложением:

(46) Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.
Глагол *решил* управляет предложением *что он умен и очень мил.*

в) Сравнение понятий согласования и управления.

Между согласованием и управлением имеются фундаментальные различия, некоторые из которых мы определим в явной форме.

1. Согласование и управление классифицируют способ оформления синтаксической связи по разным основаниям, поэтому возможно в одном словосочетании согласование и управление, см. примеры (13)-(19), (21) и (42).

2. Согласование не связано с непосредственным подчинением, а управление связано (мы опускаем здесь некоторые сложные случаи, которые можно интерпретировать как косвенное управление).

3. Определение согласования гласит, что "если есть слова X и Y, то ...", а управление означает, что "если есть слово X, то есть Y, который ...". Иными словами, согласование имплицирует признак Y, а управление - сам Y с его признаком.

4. Если в языке есть согласование, то оно универсально для слов некоторого класса. Управление же в общем случае является признаком индивидуального слова, хотя, разумеется, некоторые модели управления могут быть заданы для класса слов (например, для переходных и непереходных глаголов), но для управления это окказиональная возможность, а для согласования - общее правило.

5. Согласование - явление поверхностного синтаксиса, связанное с оформлением словоформ при переходе на морфологический уровень. Управление - явление, по своей природе семантическое, связанное со значением главного слова [Апресян 1974. С. 112-156].

6. Согласование - конкретно-языковое явление (во многих языках оно отсутствует). Управление же - явление универсальное, присущее любому языку (ввиду его семантической природы).

г) Примыкание.

Определение примыкания может идти тремя путями.

Во-первых, можно определить его вслед за А.М.Пешковским, негативно, считая, что примыкание - это не согласование и не управление. Но так как мы знаем, что согласование и управление определены на разных основаниях, то подобное определение было бы аналогично такой классификации людей, при которой бы они делились на: 1) брюнетов, 2) голубоглазых и 3) небрюнетов и неголубоглазых. Во-вторых, можно для примыкания выделить третье основание классификации, например считать примыканием случай связи, когда слово Y не имеет форм словоизменения. Но тогда будут случаи, которые нельзя проинтерпретировать ни одним из трех понятий, например связь словосочетания *для денег* с глаголом *работать* в (47):

(47) Он работает для денег.

В-третьих, можно определить примыкание негативно по отношению к управлению, а именно: примыкание имеет место между парой связанных слов X и Y, если ни одно из них не управляет другим.

Такое уточнение понятия примыкания представляется мне наиболее разумным. Наряду с управлением оно является тогда языковой универсалией и задает бинарную классификацию на подчинительном отношении X → Y. При этом надо учитывать, что возможно наличие в одном словосочетании примыкания и согласования, например в конструкции "прилагательное + существительное".

* * *

Итак, управление и примыкание задают бинарную классификацию типа подчинительной связи. Что касается согласования, то в общем случае оно является средством, способным оформлять не только подчинительную связь между "хозяином" и "слугой", но и более отдаленные синтаксические связи (случаи "косвенного" формального подчинения).

Случаи "косвенного" согласования в русском языке*, зафиксированного в примерах (13)-(14), (18) и (21), относятся к анафорическому согласованию, т.е. согласование в них служит не целям установления подчинительных отношений, а целям координации анафорических элементов с их антецедентами, которые обозначают один и тот же денотат. Во всех остальных случаях согласование в русском языке также характеризует подчинительную связь и, следовательно, всегда сочетается с управлением или примыканием.

Примечание 9. Понятия согласования, управления и примыкания характеризуют морфолого-синтаксическое поведение слов в терминах контроля над ним со стороны словесного контекстуального окружения. Однако словесный контекст - не единственный источник контроля. В примечании 5 говорилось о том, что в таджикской изафетной конструкции (12), построенной по способу примыкания, маркер *-и* при определяемом слове X контролируется не определяющим словом Y, а наличием определительного отношения, членом которого является данное слово. В русском языке определительные конструкции типа

(48) мать брат-а
брат матер-и

отличаются от таджикского изафета только местом постановки показателя определительного отношения (родительный падеж зависимого имени). Этот вид контроля нельзя назвать ни согласованием, ни управлением. Еще более сложный случай представлен в русских количественных синтагмах, занимающих позицию именной группы в именительном/винительном падеже:

(49) [Двадцать копеек] им - не деньги
Дай мне [двадцать копеек] вин.

В этом случае носителем падежной характеристики данной именной группы (им/вин) становится числительное, а существительное приобретает признак родительного падежа (варианты, имеющие место при числительных *один - четыре*, несущественны). Контролером последнего процесса является, видимо, количественное отношение в контексте именительного/винительного падежа числительного.

При прочих падежах имеет место согласование по падежу между компонентами количественной синтагмы, см. (36).

Имеется еще один тип синтаксического контроля над морфологической формой слова. Весьма распространено поверхностное морфологическое маркирование, указывающее на имевший место синтаксический или семантический процесс. Такова функция морфемы *-ся* в русском языке, указывающей на синтаксическую (то есть обусловленную синтаксическим процессом) непереходность. Например: *Вода растворяет соль - Соль растворяется в воде, Собака кусает прохожих - Собака кусается, Приложить губы - Приложиться губами* и т.п. Объединяет все эти примеры то, что глагол утрачивает прямое дополнение, присущее ему в исходной диатезе. В языках с морфологическим каузативом специальный маркер указывает на имевший место процесс семантической деривации. Например (чамалинский язык):

(50) Ов гьигьин
он, ном смеяться, прош
'Он засмеялся'.
Де ов гьигьн-ал
я, эрг он, ном смеяться, прош, кауз
'Я его рассмешил'.

Показатель *-ал* означает добавление агентивного актанта к глаголу 'смеяться', то есть указывает на имевший место процесс каузативной деривации.

* В отличие от арчинского и лакского языков, см. примеры (19)-(20)

Традиционная классификация типов связи, несмотря на ее неполноту, отражает весьма существенные характеристики организации морфолого-синтаксической структуры высказывания. Что касается согласования, то его функциональная природа требует специального исследования (имеется точка зрения, согласно которой согласование - это грамматикализованный реликт анафорической отсылки).

ГЛАВА 10

СООТНОШЕНИЕ ФОРМЫ И ЗНАЧЕНИЯ В ГРАММАТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ*

0. Гипотеза о приоритете значения

Традиционно задачей грамматического описания языка является вскрытие соответствия между языковыми формами и значениями, а именно формулирование правил вида: "такая-то форма имеет такое-то значение", "такое-то значение выражается такой-то формой" (плюс перечисление всех контекстных ограничений на сферу действия этих правил). В принципе такое соответствие с точки зрения его внутренней (логической) природы является ненаправленным. Однако способ говорения об этом соответствии таков, что один из его членов - значение или форма - избирается в качестве исходного. В связи с этим встает вопрос: безразличен ли для лингвистического описания выбор направления: 1) "от формы к значению" или 2) "от значения к форме"? Моей целью является показать, что имеются веские основания для предпочтения одного решения другому, причем, в отличие от сложившейся традиции, серьезные преимущества имеет описание от значения к форме.

В конкретных грамматиках конкретных языков почти всегда избирается первый способ (от формы к значению). А именно, в качестве первичных единиц анализа принимаются формально выделяемые языковые объекты (морфемы, грамматические категории, синтаксические конструкции, структурные схемы предложения и т.п.), и им приписываются те или иные значения (функции).

Таковы следующие грамматические правила (здесь я оставляю в стороне вопрос о соответствии этих правил реальному положению дел): "Прилагательные с суфф. *-льн-/-ильн-* имеют значение "предназначенный для выполнения действия, названного мотивирующим словом": *рисовальный, шлифовальный, вязальный* и т.д." [Грамматика, 1970. С. 201]; "Значение именительного падежа - отсутствие какого-либо отношения,

* Переработанный вариант статьи, опубликованной в: Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. М., 1980. Вып. 132. С. 3-10. Английская версия статьи: The meaning-form correspondence in grammatical description//Language typology.Current issues in linguitic theory: 47/ Ed. W.P/Lehmann. Amsterdam; Philadelphia. 1986. P. 163-168.

или собственно название" [Грамматика 1970. С. 329]; "Полные формы прилагательных в сказуемом употребляются в тех случаях, когда признак приписывается предмету как качество, свойственное ему на всем протяжении существования данного предмета" [Грамматика 1960. Т. II. Ч. 1. С. 457]; "Структурная схема N_1 (*Ночь, Тишина* и т.п.) имеет семантику: "существование, наличие предмета или предметно представленного действия, состояния" [Грамматика 1980. Т. II.С. 96].

Приведенные описания, в сущности, мотивированы тем, что отражают процесс исследовательской анализирующей деятельности лингвиста: в качестве отправного пункта исследования берутся реально наблюдаемые в текстах объекты.

Однако последовательность исследования необязательно должна совпадать с последовательностью описания. Более того, ввиду чрезвычайно нетривиальных, много-многозначных соответствий, существующих между формами и значениями (одна форма имеет как бы много значений и одно значение выражается многими формами), такие описания оказываются на практике неоправданно усложненными и во многих случаях необъяснительными. Дело в том, что кодирующая техника языка, характеризующая его поверхностные уровни, в значительной степени детерминирована а) глубинной семантической структурой, которую она призвана отображать, и б) теми процессами, которые происходят при переходе от этой структуры к ее конечной реализации (материальному воплощению).

Думается, что значительные преимущества имеет такой способ описания, при котором в качестве отправного пункта принимается семантический уровень и определенным семантическим единицам сопоставляются выражающие их кодирующие средства. При этом удается обнаружить мотивированность многих синтаксических и морфологических характеристик языка и тем самым упростить их описание, см. [Вежбицка 1988]. Мотивированность связана с установлением однозначного соответствия между значением и формой или между значением и некоторым промежуточным этапом вывода (приписывания значению определенной формы).

В подтверждение своей точки зрения я приведу несколько разрозненных примеров.

1. Ранговая структура слова

В агглютинативных языках с богатой морфологией и многоместной ранговой структурой слова обнаруживается, что ранг (номер позиции относительно корня) грамматической категории в словоформе задан в языке не произвольно, а предопределен устройством семантического представления словоформы.

Например, во многих языках существительное имеет категории числа и падежа. Если каждая из этих категорий выражается отдельной морфемой и эти морфемы располагаются по одну сторону от корня (допустим, суффиксально), то априорно равновероятны два ранговых распределения относительно корня:

1) корень+число+падеж
2) корень+падеж+число.

Однако в действительности типологически доминирует первый порядок, как это представлено в тувинском языке.

Рассмотрим фрагмент парадигмы слова *оол* 'сын'

	ед.	мн.
им. падеж	оол	оол-дар
родит. падеж	оол-дуц	оол-дар-дуц
дат. падеж	оол-га	оол-дар-га

Типологическая асимметрия в выборе формальных альтернатив вряд ли может быть признана случайной. Действительно, если обратиться к семантическим связям, имеющимся между значениями корня, числа и падежа, то легко заметить, что значение корневой морфемы наиболее тесно связано со значением числа: 'один X' VS 'более одного X', где X - значение корня. Значение числа, как и корневое значение, осуществляет денотацию (определяет множество объектов, соотносимых с данным именем). Видимо, на этом основании некоторые лингвисты склонны считать категорию числа не словоизменительной, а словообразовательной [Кузнецов 1961. С. 45].

Функция падежного значения совершенно другая - указать синтаксическую позицию данного имени в предложении. Итак, при первом варианте рангового распределения близкие по смыслу морфемы расположены контактно, а при втором - дистантно.

В главе 3 (примечание 3) приводится аналогичный пример с распределением в глагольной словоформе показателей вида, времени и наклонения.

Естественно предположить, что при прочих равных условиях языки предпочитают располагать морфемы в словоформе не в случайном порядке, а в соответствии со степенью их семантической близости.

2. Семантически содержательные VS синтаксически обусловленные грамматические категории

Указанный подход дает естественное объяснение различию между семантически содержательным (лексическим) и синтаксически обусловленным значением грамматической категории, см. [Мельчук 1961]. Грамматические значения первого рода представлены на семантическом уровне как едини-

цы той же природы, что и реальные лексемы, в то время как синтаксические грамматические значения на семантическом уровне не представлены и порождаются на одном из этапов перехода от семантического представления к морфологическому.

Так, в русском языке категория времени может иметь лексическое и синтаксическое значение. В предложении *Он учился в университете* прошедшему времени соответствует на семантическом уровне значение 'иметь место до момента речи', а в предложении *Я хочу, чтобы он учился в университете* на семантическом уровне это значение отсутствует. Показатель прошедшего времени вырабатывается во втором примере в процессе образования придаточного предложения с союзом *чтобы*.

На собственно морфологическом уровне обнаружить и описать такие функциональные различия грамматических категорий невозможно, и их употребление представляется причудливым и немотивированным. Так, рассмотрение примеров:

(а) красная тетрадь

(б) красная и синяя тетради

(в) красные и синие тетради

приводит к выводу, что в случае (а) признак числа прилагательного семантически пустой (согласовательный), а в случаях (б - в) - семантически содержательный. Описание этого различия методом "от формы к значению" не объясняет, в каких ситуациях признак числа прилагательного имеет ту или иную функцию. Напротив, идя "от значения к форме", мы восстанавливаем в случаях (б) и (в) полные структуры *красная тетрадь и синяя тетрадь; красные тетради и синие тетради*, которые подвергаются синтаксическому правилу сочинительного сокращения, дающему в обоих случаях мн. число слова *тетрадь*. Прилагательные же сохраняют согласовательные признаки опущенных существительных и лишь в силу этого содержащиеся в них числовые значения становятся семантически наполненными.

3. Проблема классифицирующих категорий

Признание приоритета значения над формой позволит также снять бесперспективный спор об у р о в н е в о м с т а т у с е ряда классифицирующих категорий: частей речи, именных классов и т.п., см., например, дискуссию в [Вопросы 1968].

Так, в языках с именными классами последние могут определяться как семантические, синтаксические или морфологические сущности. При этом часто семантическая интерпретация именной классификации очень затруднена или представляется невозможной. Поэтому многие исследователи склонны вообще не рассматривать семантический аспект в качестве необходимого условия существования классов. В таком случае чрезвычайная распространенность именной классификации в языках мира останется необъясненной. Думается, что, напротив, возможность наличия именных классов определена не морфологическими или синтаксическими факторами, а у н и в е р с а л ь н о й с е м а н т и ч е с к о й п р и р о д о й и м е н н о й л е к с и к и, которая в определенных условиях может быть категоризована формально, а в прочих случаях ее категоризация проявляется скрыто, см. [Кибрик - Коваль 1980, Корбетт 1991].

Русская традиция определения частей речи, характеризуемая как лексико-грамматическая, содержит сильную морфологическую доминанту. Так, в [Грамматика 1980] понятие части речи вводится в разделе "Морфология". "Слова как единицы грамматические и лексические группируются в части речи, т.е. в грамматические классы слов, объединяющиеся, во-первых, на основании того обобщенного значения, которое отвлечено от лексических и грамматических (морфологических) значений всех слов данного класса, и, во-вторых, на основании характерного для каждого такого класса комплекса грамматических (морфологических) категорий" [Грамматика 1980. С. 453]. Эта морфологическая ориентированность препятствует, по существу, до сих пор признанию категории состояния законной частью речи в русском языке и, наоборот, способствует возникновению споров о том, есть ли части речи в китайском языке, см. [Яхонтов 1968].

Исходная природа классифицирующих категорий всегда семантическая, но в различных языках они могут в разной степени быть оснащены кодирующими средствами и "догружены" вторичными функциями. Поэтому попытки дать общее определение таких категорий в терминах синтаксического или морфологического уровня, более или менее оправданные конкретной языковой спецификой, не отражают их универсальной природы.

4. Типология предложения

Семантическая направленность анализа формы важна не только для морфологии, но и в не меньшей степени для с и н т а к с и с а. Вкратце остановлюсь на одной синтаксической проблеме, которой посвящена большая литература и которая до сих пор не имеет удовлетворительного решения, - проблеме т и п о л о г и и п р е д л о ж е н и я. Эта проблема в основном связана с различением аккузативного (-номинативного) и эргативного строя предложения. Существуют различные взгляды на это интересное явление: а) различие аккузативного и эргативного строя - явление морфологическое, определяемое прихотью языка [Андерсон 1976]; б) это различие является синтаксическим и связано с понятиями переходности-непереходности, субъекта-объекта [Климов 1973]; в) это

явление логическое и связано со способом мышления на данном языке [Шухардт 1950 б]. Хотя я и не рискнул бы высказывать суждения о возможности различных способов мышления, но я убежден, что объяснительная теория эргативности возможна только на семантической основе и в рамках общей типологии предложения. Необходимо создание исчисления возможных типов предложения в универсальных семантических терминах (например, посредством исчисления возможных способов различения и нейтрализации агенса и пациенса двухместного и одноместного глагола, а также определения избирательных языковых тенденций, актуализующих тот или иной способ). Такой взгляд на эргативные языки позволяет усмотреть в них значительно большую семантическую мотивированность выражения актантных отношений, чем это имеет место в аккузативных языках (с семантической мотивированностью эргативного способа кодирования актантов связано, в частности, отсутствие залоговых противопоставлений, наличие лабильных и аффективных глаголов). А именно: имя, выраженное абсолютивом (или, в другой терминологии, номинативом), является не двумя сущностями (субъектом и объектом), а одной - оно указывает на ближайшего, непосредственного участника описываемой ситуации. Это имя противопоставлено тому актанту, который создает данную ситуацию, а именно агенсу двухместного глагола. Типичный эргативный язык - это язык с фиксированным, иконическим способом выражения актантных ролей, по отношению к которым неприменимы синтаксические термины "субъект" и "объект". В аккузативных языках позиции субъекта и объекта могут замещаться именами с различной семантической ролью. Эти позиции выполняют другую (хотя тоже семантическую) функцию - выражение референциальных свойств именных групп и коммуникативной перспективы высказывания (подробнее об этой проблеме см. часть III).

5. Синтаксическая синонимия

Упомяну еще одну синтаксическую проблему - синтаксической синонимии. Сам факт привлечения внимания лингвистов к этому явлению - положительное явление. Но думается, что размеры существующих в языке синонимических средств сильно преувеличены, и в большинстве случаев отнесение тех или иных конструкций к синонимическим связано с неумением выделить и описать имеющиеся семантические различия. Рассмотрение тех же явлений под углом зрения детального семантического анализа дает много интересных результатов. Так, установленная связь между ("свободным") порядком слов и актуальным членением является одним из подтверждений этого предположения.

6. Об автономности фонетического уровня

Встает вопрос: является ли фонетический уровень автономным от семантического? Можно ли его изучать и описывать независимо? Выясняется, что в ряде случаев это практически невозможно. Ярким примером служит проблема интонации. Совершенно очевидно, что интонация непосредственно кодирует определенные элементы семантического представления (см. [Кодзасов 1989]), но разобщенность усилий фонетистов и семантиков приводит к тому, что как материальные, так и семантические ее характеристики почти не изучены.

7. Обучение языку

Потребность в грамматиках, ориентированных на обучение языку лиц, для которых этот язык не является родным, очевидна. Очевидно также, что в таких грамматиках описание должно идти "от значения к форме": учащемуся важно знать не то, когда он может применить ту или иную форму, а то, какую форму ему нужно выбрать для выражения того или иного смысла. Необходимость построения научно обоснованных курсов обучения русскому языку как неродному выдвигает, в частности, перед русистами актуальную задачу "переписать" русскую грамматику "от значения к форме" (к попыткам такого рода можно отнести недавно вышедшую русскую грамматику [Милославский 1987]).

Оказывается, что это далеко не формальная процедура: в грамматике "от формы к значению" имеется много лакун, незаметных исследователям, пока они не взглянули на свой предмет с точки зрения "от значения к форме", см. [Диксон 1991].

8. Типологические исследования

Метод описания "от значения к форме" находит обоснование в типологических исследованиях. А именно: рассмотрение тех или иных лингвистических объектов с типологической точки зрения всякий раз показывает, что наибольшей степени обобщения мы можем достигнуть на содержательном уровне, уяснив себе функциональную природу объекта.

Действительно, постулат о принципиальной переводимости с языка на язык предполагает тождество или существенную близость их семантической базы. А это значит, что в наибольшей степени языки сопоставимы (единообразно устроены) на семантическом уровне, но в каждом языке происходит специфическое перераспределение между лексическими и грамматическими средствами выражения смысла. Поэтому и сопоставление языков должно происходить в первую очередь на языке семантическо-

го, а не формального представления, то есть путем сравнения того, как языки оформляют то или иное значение, а не того, что значат в разных языках сходные формы. (Ср., например, [Функциональная грамматика 1987].) Ясно, что для типологии такого вида значительно предпочтительнее описание, в котором значения являются исходными объектами. (В силу этого оказывается, в частности, что дескриптивные описания, в основном сосредоточивающиеся на форме, почти бесполезны для таких типологических изысканий.)

9. Историческое языкознание

Описание "от значения к форме" в еще большей степени оказывается предпочтительным с точки зрения исторического языкознания, которое, в частности, призвано устанавливать причины языковых изменений и восстанавливать исходные языковые состояния. Естественно считать, что исходное соотношение между значением и формой более однозначно и непосредственно, чем производное, и что всегда может быть найдено состояние, в котором связь между ними мотивирована. Иными словами, с исторической точки зрения сомнительно наличие в языке немотивированных связей между значением и формой; кажущееся отсутствие мотивации следует объяснять тем, что эта связь стерта, демотивирована, и необходимо найти исходное мотивированное состояние (см. главу 2). Такой подход означал бы формирование содержательной, а не формальной исторической лингвистики.

* * *

Итак, описание "от формы к значению" таксономически ограничено и не в состоянии вскрыть как синхронные структурные и динамические связи, существующие между различными высказываниями, так и причины тенденций исторических изменений языков. Кодирующая техника - это лишь отражение (часто довольно испорченное) исходного образца - глубинного семантического представления.

В рамках обсуждаемой альтернативы "больше правды" в способе описания "от значения к форме". Однако это еще не вся правда. Если выйти за пределы узкого грамматического описания языка и обратиться к языковой деятельности, то тогда оказывается, что значение также не является для лингвиста исходной точкой описания. За значением стоит коммуникативный стимул, созидательная речемыслительная деятельность. Семантическое представление в свою очередь есть лишь способ означивания и оформления мысли, поэтому в действительности нужны модели, описывающие соответствие МЫСЛЬ - СООБЩЕНИЕ. Однако это отдельная большая тема.

ГЛАВА 11

ЧИСЛОВЫЕ ФОРМЫ НЕСЧЕТНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ*

Все дагестанские языки, как известно, имеют развитое морфологическое противопоставление единственного-множественного числа. Это противопоставление естественным образом интерпретируется для существительных, обозначающих счетные предметы, и выражает значение 'один X'-'два или более X', где X - имя предмета, например: ахв. *беча* 'одна змея' - *беч-е* 'две или более змей'. Счетные существительные имеют полную числовую парадигму.

Целью настоящей главы является обратить внимание на разнообразие способов интерпретации в дагестанских языках этой числовой оппозиции применительно к несчетным существительным, то есть к словам, обозначающим сущности, способ счета которых неочевиден.

Под неочевидностью счета могут иметься в виду две различные ситуации.

Внутриязыковая ситуация: предметное значение некоторого слова в данном языке таково, что обозначаемая сущность естественным образом не считается, например русские *пыль, желчь, моль, кал, тмин*, или числовое устройство этой сущности противоречиво, например, в случае счетной совокупности нескольких счетных предметов типа *бусы* (совокупность бусинок).

Ситуация межъязыкового сравнения: словарные эквиваленты некоторых слов в сравниваемых языках таковы, что в одних языках эти слова имеют счетное значение, а в других - несчетное, т. е. в действительности имеет место лишь иллюзия тождества значения в сравниваемых языках.

Иными словами, неочевидность счета может быть связана с фактами одного конкретного языка или с различиями в номинации близких сущностей (то есть с различиями в членении действительности) в близкородственных языках.

Рассмотрим эти случаи по порядку.

1. Типы числовых парадигм несчетных существительных

Дагестанские языки реализуют различные способы включения несчетных существительных в числовую парадигму (об их семантике см. разд. 3)

1. Наиболее распространено отнесение несчетных существительных к ед.числу, то есть наличие группы существительных singularia tantum.

* Опубликовано в: Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985. С. 14-19.

Например, 'медь' анд. *гьир*, ахв.*гьачIа*, чам.*, инх.,цез., гин.*йез*, бежт.,гунз. *бак*, лак. *дусси;* 'соль' анд.*цIон*, ахв. *цIцIани*, чам. *сIа*^{н}, тинд. *ца*^{н}, инх. *ци*^{н}*йо*, цез. *цийо*, гин. *чийо*, бежт. *ца*, гунз. *ца*^{н}, лак. *цIву*; 'гной' чад. *рецIи*, анд. *лохво*, ахв. *рецIцIи*, чам. *а*, тинд. *ххвар*, цез. *лъачIи*, гин. *лъамачIи*, бежт. *жож*, гунз. *жа*^{н}*чI*, лак. *лал.*

2. Некоторые языки изредка используют для этой же цели форму мн. числа, т. е. соответствующие существительные образуют группу pluralia tantum. Существительное pl. t. может иметь показатель множественного числа (в примерах этот показатель выделяется) или относиться к мн.числу на основании согласовательной модели.

Такой способ маркировки несчетных существительных распространен в чирагском диалекте даргинского языка, например: *нергъ-бе* 'слезы', *шерш-не* 'слюни', *тmаIхI-не* 'моча', *баImIбаImI-е* 'понос', *мим-ре* 'малина', *нергъ* 'бульон', *ниг* 'молоко', *маI* 'сыворотка', *чIийа* 'солод', *хур, тIач* 'хмельной напиток'. Отдельные примеры встречаются и в других языках, например арч. *нейней-мул* 'бутень', *зукьIер-тту* 'курага'.

3. В чирагском диалекте наблюдается и третий способ соотнесения несчетных слов с числовой парадигмой: морфологически слово относится к ед. числу, а согласование допускает как по ед.числу, так и по мн.числу. Таковы существительные *баI 'кровь', хъулкье* 'жареное зерно', *къама* 'семя', *ачIе* 'пшеница', *ссуссул* 'рожь', *миче* 'просо' *мухъе* 'ячмень', *хъара* 'горох', *кьар* 'трава', *муцце* 'крапива', *аше* 'тмин', *шаIмул* 'мята', *чIаIгIа* 'камыш', *ссурге* 'чеснок'.

2. Типы числовых парадигм названий совокупности счетных предметов

Данный класс существительных не является для дагестанских языков универсальным, то есть имена со значением совокупности как единого целого характерны лишь для определенного числа дагестанских языков.

1. Singularia tantum. Отнесение слова к парадигме ед.числа встречается довольно редко: оно основано на том компоненте значения, который связан с идеей единичности данной совокупности. Множественного числа у таких слов обычно нет. К ним относится арчинское существительное *лур*, означающее как 'один глаз', так и 'пару глаз'. В ряде дагестанских языков к этому разряду относятся слова 'мелкий рогатый скот' (мн. число отсутствует): чад., бежт. *боцIи*, ахв. *рехьхьетIи*, тинд. *боцар*, инх. *быкьI; 'помет овцы': ахв. шили*, чам. *бусси*, тинд. *гьили*, гунз. *лъар*, лак *шшулу*, а также пометы других животных.

2. Pluralia tantum. Более распространено отнесение таких слов к парадигме мн. числа в связи с идеей множества составляющих

* Без специальных уточнений имеется в виду говор сел. Н.Гаквари.

единую совокупность предметов. Таково существительное со значением 'мелкий рогатый скот' в ряде языков : анд. *хорол*, цез. *беIкьI*, лак., *йатту.*

В арчинском языке выделяется группа слов такого типа: *сотт-ор* 'бусы' (*сот* 'бусинка'), *ссар-ум* 'кладбище' (*ссар* 'могила'), *ихI-мул* 'игра' (*ихI 'шутка'*), *ахъылттыкан* 'обувь', *матахI* 'приданое', *палтал* 'постельные принадлежности', *кIоб* 'костюм, одежда'.

3. В чирагском диалекте зафиксировано слово *дугъу* 'помет овцы', относящееся морфологически к ед.числу, но допускающее согласование по сд. и мн. числу.

4. Особенно интересен факт наличия специального 'собирательного' числа наряду с множественным в будухском языке, ср. *тIилибер* / пальцы на одной руке' - *тIилимбер* 'пальцы на многих руках'; *гIуьлуьбер* 'глаза (у одного человека)' - *гIуьлуьмбер* 'глаза (у нескольких людей)'; *ибример* 'уши (у одного человека)' - *ибримбер* 'уши (у нескольких людей)'; *чIеримбер* 'волосы (у одного человека)' - *чIеримбер* 'волосы (у многих людей)'; *чаьрхимер* 'колеса (у одной машины)' - *чаьрхимбер* 'колеса (вообще)'*.

3. Семантические типы несчетных существительных

Интерес представляет вопрос о том, какие слова с точки зрения указанных в разд. 1 особенностей числовых парадигм попадают в дагестанских языках в разряд несчетных существительных.

1. Имена жидких, массообразных, сыпучих, твердых и газообразных веществ, не предполагающих естественного членения на совокупности: 'вода', 'молоко', 'сыворотка', 'молозиво', 'солод', 'бульон', 'хмельной напиток', 'кровь', 'желчь', 'пот', 'моча', 'понос', 'гной', 'пена', 'плесень', 'роса', 'иней', 'снег', 'лед', 'смола', 'мед', 'тесто', 'масло', 'мясо', 'сыр', 'сало', 'толокно', 'соль', 'мука', 'жареное зерно', 'почва', 'песок', 'грязь', 'пыль', 'зола', 'золото', 'серебро', 'железо', 'медь', 'свинец', 'олово', 'огонь', 'дым', 'свет', и др. Интересно, как в тех или иных языках, относящих эти существительные к ед. числу, осмысляется возможность употребления их во мн. числе.

Так, ахв. *лълъени* 'вода' во мн. числе *лълъе*^{н}*-дила* имеет значение 'сорта воды'/'родники', в хин. *хьу* во мн. числе *хьын-ыбыр* также имеет значение 'сорта воды'. Анд. *шшиву* 'молоко' во мн. числе *шшив-одул* приобретает значение 'порции молока'; анд. *кьIе* 'зола' - *кьIе-лил* 'кучки золы'; чам. (Гигатли) *тIуша* 'свинец' - *тIуш-иб* 'куски свинца', аналогично в ахв. *тIоша - тIош-и*; цах. *йува* 'железо' - *йува-бы* 'железки'; ахв. *гване* 'сало' - *гьане-ла* 'круги сала'; чам. *и*^{н}*са* 'сыр' - *и*^{н}*са-ле* 'головки сыра'; также в инх. *кIоро - кIоро-бо.*

* Возможно, то же происхождение имеют дублеты мн. числа для названий парных предметов в лезгинском языке типа *пIуз* 'губа' - *пIуз-ар/пIуз-ар-ар* 'губы', см. [Мейланова 1985. С. 55].

Некоторые имена допускают осмысление мн. числа в случае нахождения данной сущности в нескольких местах: чам. *цIа* 'огонь' - *цIа-бе* - 'очаги огня', 'огни'; *ссур* 'дым' - *ссур-абе* 'дымы в нескольких местах', аналогично в ахв. *кIкIви*^{н} - *кIкIви*^{н}*-ла*; тинд. *квана* 'свет' - *квана-би* 'огни (вдали)'.

2. Имена веществ, допускающих членение на совокупности: 'мозги' (- 'мозг одного человека'), 'слюни' (- 'плевок'), 'слезы' (- 'слеза'), 'сопли' (- 'сопля') и др. Языки, не выделяющие семантически 'квант' вещества, относят эти слова к sg. t. (ахвахский, чамалинский, тиндинский, лакский) или к pl. t. (чирагский диалект для значений 'сопли', 'слюни'), а выделяющие 'квант' - имеют для этих слов полную числовую парадигму. Например: анд. мокъго 'слеза' - *мокъго-л* 'слезы', *тото* 'плевок' - *тото-л* 'слюни', *мачу* 'сопля' - *мач-одул* 'сопли'.

3. Имена масс однородных веществ, предметов, не функционирующих отдельно: 'зерно', 'семя', 'трава', 'солома', 'мякина', 'древесный уголь', 'дрова', 'пух', 'шерсть', 'моль' и др. В случае наличия мн. числа его осмысление различно: или это множество совокупностей масс, или ед. число переосмысляется как обозначение единичного представителя данной массы. Например:

а) чам. (Гигатли) *джаджа* 'зерно' - *джадж-иб* 'сорта зерна', инх. *ижу* 'семена' - *ижу-бо* 'сорта семян', анд. *ситIа* 'солома' - *ситI-ол* 'кучи соломы', *никку* 'мякина' - *никк-одул* 'кучи мякины';

б) чир. *арссам* 'солома' - *арссм-е* 'соломинки', чам. *гьу*^{н}*чIа* 'трава' - *гьу*^{н}*чIа-бе* 'травинки', *лъунни* 'дрова' - *лъунн-е* 'кучи дров', *гьаб* 'древесный уголь' - *гьаб-е* 'уголья'.

То, что данная группа связана не с предметным миром, а со способом его языкового осмысления, видно на именах насекомых. Слово 'моль' во многих дагестанских языках относится к этой группе, так как не имеет мн. числа (анд. *реси*, ахв. *реше*, чад. *иш*, лак. *нуц* и т.д.), то есть единичное насекомое специального обозначения не имеет. Прочие же насекомые: 'клоп', 'блоха', 'вошь', 'гнида', 'муха', 'комар', 'пчела', 'клещ' - в большинстве языков различают единичного представителя и множество насекомых. Однако это распределение статистическое. Так, к словам sg.t. относятся: чам. (Гигатли) *чIанни* 'блоха', *тIана* 'гнида', анд. *кIкIара* 'комар', тинд. *жунжу* 'муравей', *пера* 'пчела', ахв. *шарашо* 'клещ'.

4. Имена видовых названий деревьев и плодов, злаков, растений, овощей. Эта группа особенно специфична, и разные языки в отношении нее ведут себя по-разному.

Названия деревьев ('береза', 'дуб', 'липа', 'ива', 'орех' и др.) в некоторых языках обозначают класс и не имеют простого обозначения для одного дерева данного вида (в случае необходимости используются словосочетания типа 'березовое дерево'), например: анд. *беху* 'береза', *хьво* 'липа', цез. *нагIу* 'дуб', *ваIхъар* 'грецкий орех'.

Названия плодов ('яблоко', 'груша', 'абрикос', 'слива', 'малина', 'земляника', 'ягода шиповника' и др.) также различаются по языкам. Отсутствуют обозначения единичного плода (что отражается в отсутствии форм мн. числа) в чамалинском (Гигатли), тиндинском, инхокваринском, цезском и др. языках, например: тинд. *ечи* 'яблоко', *гьи*^{н}*гьа* 'груша', *ккуккул* 'абрикос', *ахи* 'виноград', *кванкви* 'слива', *къаракьи* 'земляника', *кIешшу* 'ягода шиповника'. Наоборот, имеют полную числовую парадигму названия плодов в андийском языке, например: *инчи* 'яблоко' - *инчи-л*, *гьи*^{н}*гьи* 'груша' - *гьи*^{н}*гьи-л*, *гIурчи* 'абрикос' - *гIурч-ол*, *чIичIил* 'виноград' - *чIичIил-ол* 'кисти винограда', *кIуркIул* - 'слива' - *кIуркIул-ол*, *ригIригIил* 'земляника' - *ригIригIил-ол*, *гьилмал* 'ягода шиповника' - *гьилмал-ол*.

Названия злаков ('пшеница', 'рожь', 'просо', 'овес', 'ячмень') относятся к sg.t. в подавляющем большинстве языков. В чирагском диалекте они допускают согласование по ед. и мн. числу. В инхокваринском диалекте имеются формы мн. числа, но они обозначают 'участки, засеянные соответствующим злаком': *атI 'пшеница'* - *атI-ба*, *гьуч* 'рожь' - *гьуч-бо*, *боча* 'просо' - *боча-бо*, *ниха* 'овес' - *ниха-ба*, *махъа* 'ячмень' - *махъа-ба*.

Названия растений ('крапива', 'черемша', 'тмин', 'мята', 'камыш', 'сорняк') также обычно не называют индивидуализированные объекты и имеют только ед. число, например, в гунзибском, лакском, ахвахском, тиндинском, бежтинском и др. языках: гунз. *мич* 'крапива', *со* 'черемша', *мучер* 'тмин', *сам* 'мята', *и*^{н}*чIур* 'сорняк'. Иногда встречающееся мн. число переосмысливается индивидуализированно: инх. *мич* 'крапива' - *мич-э* 'кусты крапивы', чам. *тизкIул* "мята' - *тизкIул-ди* 'кусты мяты'.

Названия овощей ('лук', 'чеснок', 'горох' и др.) аналогичны названиям растений и лишь изредка допускают индивидуализированное значение во мн. числе, например: чам. *шахв* 'лук' - *шахв-е* 'луковицы'. Зафиксирована также такая корреляция (в том же языке) *сIими* 'камыш' - *сIим-ди* 'камыши в нескольких местах'. В чирагском диалекте большинство имен растений и овощей допускает согласование по ед. и мн. числу, например: *аше* 'тмин', *шшаIмул* 'мята', *чIаIгIа* 'камыш', *ссурге* 'чеснок', *хъара* 'горох".

ГЛАВА 12

ВЫРАЖЕНИЕ "ОРГАНИЧЕСКОГО" И "ПРОИЗВОДНОГО" СОСТОЯНИЯ В АРЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ*

Семантическая категория состояния, имеющая, вообще говоря, универсальный статус (так как она, будучи противопоставлена процессам

* Проверенный и исправленный вариант статьи, опубликованной в ки.: Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. М., 1980. Вып. 132.

и действиям, является классифицирующим признаком внеязыковых событий, подлежащих номинации языковыми средствами), в арчинском языке непосредственно не маркируется, но выражается опосредованно, преломляясь в системе тех семантических оппозиций, которые в арчинском языке грамматикализованы.

Поэтому задачу настоящей работы я вижу в установлении некоторого соответствия между универсальной языковой сущностью и выражением этой сущности грамматическими средствами конкретного (а именно, арчинского) языка. Отсюда следует и логическая структура главы. Необходимо прежде всего охарактеризовать в общетеоретическом плане, что представляет собой, по крайней мере с авторской точки зрения, данная универсальная семантическая сущность (разд. 1), далее следует обратиться к коррелирующим с этой сущностью семантическим оппозициям арчинского языка и рассмотреть их сначала автономно (разд. 2). и затем в соотнесенности их с категорией состояния, определив, как она себя проявляет в конкретном языке, видимая через призму его грамматических оппозиций (разд. 3, 4).

1. Категория состояния

Вслед за У.Чейфом и А.А.Холодовичем [Чейф 1975/1971. С. 139-146, Холодович 1979. С. 138 и сл.]будем считать, что состояния могут быть "о р г а н и ч е с к и м и" и "п р о и з в о д н ы м и". Органическое состояние внутренне присуще значению предиката: соответствующая ситуация мыслится как являющаяся неотъемлемой характеристикой его основного партиципанта, не возникшей в результате некоторого другого события. Таковы, например, предикаты в высказываниях: *камень тяжелый, трава зеленая, пространство бесконечно.* Органические состояния будем в дальнейшем называть с т а т и в а м и.

Производное состояние, напротив, мыслится как полученное в результате совершения некоторого процесса или действия (везде ниже будем пользоваться термином "действие" в обобщенном значении). Таким образом, действия являются потенциальным источником состояний. Но не всякое действие обладает этим свойством. Действия могут быть п р е д е л ь н ы м и или н е п р е д е л ь н ы м и. Предельные действия органически имеют свое естественное завершение и "позволяют предсказать, что в результате естественного их завершения непременно наступит состояние и этим состоянием будет состояние S_i и только состояние S_i" [Холодович 1979. С. 138], непредельные такого естественного завершения не имеют (в связи с ними можно говорить лишь об их прекращении). Ясно, что источником производных состояний являются предельные действия. Этот класс ситуаций может иметь по крайней мере четыре фазы, значимые с точки зрения теории состояния и арчинской глагольной морфологии.

П е р в а я ф а з а относится к идеальному (мысленному) осуществлению действия, когда реализация данной ситуации лишь целеполагается. Таковы все ситуации, которые не предшествуют моменту речи и не включают его. В т о р а я ф а з а состоит в самом действии до достижения им своего предела. Т р е т ь я ф а з а связана с естественным завершением данного действия; ч е т в е р т а я ф а з а - с достигнутым результирующим состоянием. Эта четвертая фаза и есть производное состояние, которое в дальнейшем мы будем называть р е з у л ь т а т и в о м.

Противопоставление стативов и результативов не является универсально заданным на множестве событий , хотя одни состояния имеют бóльшую вероятность мыслиться как органические, а другие - как производные. Поэтому разные языки могут избирать различную стратегию формирования средств выражения состояний:

1. Все состояния мыслить как производные от предельных действий, то есть как результативы, образуя обозначения состояний посредством результативной деривации. В таком языке в определенном выше смысле стативов не будет и высказывания типа *пространство бесконечно* будут иметь внутреннюю форму типа *пространство ставшее/ сделанное бесконечным есть.*

2. Все состояния мыслить как органические, т.е. как стативы (чему должна соответствовать морфологическая исходность обозначения состояний), а в случае осмысления соответствующих ситуаций как действий обозначать их посредством деривации от обозначений состояний (+ инхоатив ± каузатив, по У.Чейфу). В таком языке, где состояния выражаются только стативами, высказывания типа *Дрова сгорели* и *Петя сжег письмо* будут иметь внутреннюю форму типа *Дрова сгоревшими стали; Петя письмо сгоревшим быть сделал закончил* (где *быть сгоревшим* - стативный предикат).

3. Различать органические и производные состояния, то есть стативы и результативы, кодируя первые непроизводными корнями, а вторые образуя от обозначений соответствующих действий посредством результативной деривации или от стативов посредством цикличной деривации: + инхоатив ± каузатив + результатив. Такова, например, деривация *черный > стал черным > сделал черным > зачернен* (в русском языке каузатив сочетается с результативом, а инхоатив - нет, так как от *стал черным* результатив не образуется).

Подавляющее большинство языков выбирает, по-видимому, третью возможность. При этом граница между производными и органическими

* У.Чейф придерживается противоположной точки зрения [Чейф 1975/1971. С. 142] и для установления природы состояния предлагает прибегать к интроспекции, а не к показаниям морфологической деривации, так как морфологическая деривация может иметь направление, противоположное интроспективной деривации.

состояниями размыта: у разных языков она не совпадает на множестве предикатных значений. Более того, слова с близким значением в одном и том же языке могут иметь разную деривацию, например, в русском языке *быть кривым* - органическое состояние, а *быть согнутым* - производное.

2. Сведения об арчинском языке*

2.1. Типологическая справка. Не стремясь дать всестороннюю типологическую характеристику арчинского языка (это сделано в [Кибрик и др. 1977а. С. 16-31]), отмечу только те особенности, которые бросаются в глаза при разборе примеров.

В фонетическом отношении арчинский язык является типичным представителем дагестанских языков и содержит, во-первых, нетипичные для европейских языков ряды шумных латералов (спирант *лъ*, аффриката *лI* и абруптивный *кьI)*, эмфатических ларингалов (звонкий *гI* и глухой *хI*) и увулярных (спирант звонкий *гь* и глухой *х*, смычный придыхательный *хъ* и абруптивный *кь*), во-вторых, значительное количество "экзотических" коррелятивных признаков: абруптивности, силы (обозначается двойным написанием), лабиализации (обозначается буквой в), фарингализацией (обозначается знаком I при гласном).

В морфологическом отношении арчинский язык относится к языкам с богатым словоизменением, агглютинативным способом аффиксации, развитыми аналитическими средствами и сложной морфонологией. Субстантив имеет категорию падежа (для дальнейшего изложения наиболее важными являются падежи: номинатив, эргатив и датив), числа и класса. Последняя категория проявляется в правилах согласования глагола и адъектива с субстантивами. О морфологии см. следующий раздел.

В синтаксическом отношении арчинский язык характеризуется как семантически эргативный, с развитым согласованием и свободным порядком слов.

Семантическая эргативность арчинского языка заключается в следующем: Агенс и Фактитив имеют фиксированный способ кодирования (эргатив и номинатив соответственно, все исключения определяются словарно по словарной статье глагола) и почти никогда этого способа н е м е н я ю т. Главным, обязательным актантом является Фактитив (по нему идет, в частности, глагольное согласование), в то время как Агенс может быть легко опущен: это опущение или придает предложению неопределенно-личный статус типа *Дом построили*, или полностью устраняет Агенс из содержания высказывания - таковы так называемые лабиальные глаголы типа уккас 'жечь (кто, что)' - 'гореть (что)', *цахас* 'кидать (кто, что)', - 'падать (что/кто)', *хашас* 'рвать (кто, что)', - 'рваться (что)'. Следует помнить, что устранение Агенса никакой перестройки предложения не требует, ср.: *Зари хоIшон б-охчо* 'Я (эрг) рубаху (ном) порвал'; *ХоIшон б-охчо* 'Рубаха (ном) порвалась'. Фактитив 'рубаха' стоит в обоих предложениях в номинативе и глагол согласуется (показ. б) по III классу с Фактитивом 'рубаха'.

* Подробное описание арчинского языка см. [Кибрик 1977а, Кибрик 1977б].

В связи с этим я считаю, что для языка типа арчинского не приходится говорить: 1) о мене диатез (диатеза имеется только одна); 2) о субъектно-объектных отношениях (они типичны для синтаксически-аккузативных языков), которым в арчинском языке ничего не соответствует, если не опираться на переводные эквиваленты, а вместо них действуют сущности Фактитив и Агенс (подробнее см. часть III).

2.2. Арчинский глагол: грамматические категории. Арчинский язык располагает чрезвычайно развитой системой глагольных форм, дающей возможность породить от одной лексемы более миллиона словоформ, см. [Кибрик 1977б. С. 35-37].

Форма каждого финитного глагола характеризуется следующими обязательными грамматическими категориями: вида, времени, отрицания, наклонения, класса, числа, а также частными (то есть совместимыми с некоторым подмножеством форм) категориями континуальности и заглазности.

Глагольные категории принимают следующие значения:
вид = дуратив, терминатив, потенциалис, финалис*
время = нейтральное, настоящее, прошедшее
отрицание = отрицательность, неотрицательность
наклонение = индикатив, интеррогатив, дубитатив, аппробатив, конъюнктив, поссибилитив, императив, когоратив, прохибитив, оптатив**
класс = I, II, III, IV***
число = единственное, множественное
континуальность = континуальность, неконтинуальность
заглазность = заглазность, незаглазность.****

* С целью упрощения изложения не указывается интератив, см. о нем [Кибрик 1977а. С. 191-192]. Здесь принята иная трактовка категории континуальности, нежели в указанной работе, где она рассматривается как значение категории вида.

** О значениях наклонений см. [Кибрик 1977а. С. 208-228, Кибрик 1977б. С. 119-129].

*** Вообще говоря, в арчинском языке выделяются еще четыре дополнительных согласовательных класса, см. [Кибрик и др. 1977. С. 63]. Показатели классов следующие: в ед. числе I - *в*, II - *д/р*, III - *б*, IV - *ø*; во мн. числе I-II - *б*, III-IV - *ø*. Эти показатели занимают в глаголе префиксальную или суффиксальную позицию: *в-и/д-и/б-и/ø-и*, 'есть (I/II/III/IV)'. *-е-в-ди/е-р-ди/е-б-ди/еди<е-ø-ди* 'был (I/II/III/IV)', а в адъективе - суффиксальную: *мутту<мутту-в/мутту-р/мутту-б/мутту-т* 'красивый (I/II/III/IV)' - у адъективов показатель IV класса *-т*. Следует иметь в виду, что некоторые глаголы по морфологическим условиям не имеют позиции для классно-числового показателя. В этом случае они не согласуются с Фактитивом.

**** О категории заглазности см. [Кибрик 1977а. С. 228-231, Кибрик 1977б. С7 143].

Важными для нашей темы являются категории вида, времени и континуальности. Поэтому про остальные категории достаточно знать, что они существуют и что одно из значений каждой из них выражается нулевым показателем: для отрицания это неотрицательность, для наклонения - индикатив, для класса - IV, для числа - единственное число, для заглазности - незаглазность. Как правило, лексические (не сентенциальные) примеры видовременных форм будут приводиться именно с этими дополнительными категориальными значениями.

2.3. Морфемная структура видовременных форм. Морфологически наиболее тесно примыкают к корневой морфеме морфемы вида. В образовании видовых основ имеется много исключений и неправильностей (подробнее их описание см. [Кибрик 1977а. С. 63-78]), но регулярными показателями являются следующие: трансфикс *-р-р* для дуратива, например, от корня *аха* - 'ложиться' дуратив будет *а-р-ха-р*; суффикс *-в* для терминатива, например *аху* <* *аха-в*; суффикс *-с* для финалиса, например *аха-с*, и суффикс *-хъи* (который присоединяется к основе терминатива) для потенциалиса, например *аху-хъи* <* *аха-в-хъи.*

Что касается временных показателей, то нейтральное время оформляется нулевой морфемой, а настоящее и прошедшее - аналитически, а именно: от соответствующей основы глагола образуется вспомогательное деепричастие, к которому добавляется вспомогательный глагол 'быть' в форме *и* (для настоящего времени) или *еди* (для прошедшего времени). Вспомогательное деепричастие для дуратива и потенциалиса имеет показатель *-ши* (*архар-ши* - деепричастие от дуратива, *ахухъи-ши* - от потенциалиса), для терминатива *-ли* (*аху-ли*) и для финалиса *-ø* (*ахас*).

От основы дуратива и терминатива возможно также образование континуального деепричастия - показатель *-мат* (соответственно *архар-мат, аху-мат*). В итоге получается 16 видовременных форм, приведенных в таблице 1 (о значениях этих форм см. ниже).

Таблица показывает, что при имеющихся категориях и сопутствующих сочетаемостных ограничениях (касающихся в основном континуалиса) максимально реализуется возможное число видовременных форм.

Как видно из таблицы, внутреннее строение каждой формы задается покомпонентно столбцом и строкой, на пересечении которых находится клетка, представляющая данную форму. Например, констатив *архар* образуется присоединением к корню показателя дуратива *-р-р* и нейтрального времени *ø*, перфект 2 *ахумат и* - присоединением к корню показателя терминатива *-в*, континуалиса *-мат* (этот показатель занимает в словоформе позицию деепричастного показателя) и настоящего времени - вспомогательного глагола *и* 'быть'.

2.4. Семантика видовременных форм. Такое признаковое, компонентное морфологическое устройство данных форм не является случайным: оно иконически отображает лежащую в их основе семантическую

Таблица 1

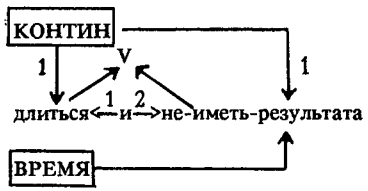
Видовременные формы от глагола *ахас* 'ложиться' (индикатив, IV класс единственного числа)

Время	Дур(атив): *- р - р*		Терм(инатив): *- в*		Пот(енциалис): *- хъи*	Фин(алис): *- с*
		+ континуалис: *- мат*		+ континуалис: *- мат*		
нейтр(альное): *ø*	а—р—ха—р—*ø* конст(атив)		аху—*ø* < *аха—в* —*ø* аор(ист)		аху—хъи—*ø* фут(урум)	аха—с—*ø* инф(инитив)
наст(оящее): деепр + *и*	архар—ши и през(енс) 1	архар—мат и през(енс) 2	аху—ли и перф(ект) 1	аху—мат и перф(ект) 2	ахухъи—ши и инц(септив)	ахас—*ø* и деб(итив)
прошед(шее): деепр + *еди*	архар—ши . еди имп(ерфект) 1	архар—мат еди имп(ерфект) 2	аху—ли еди плюскв(амперфект) 1	аху—мат еди плюскв(амперфект) 2	аху—хъи—ши еди пастинц(септив)	ахас—*ø* еди деб(итив)

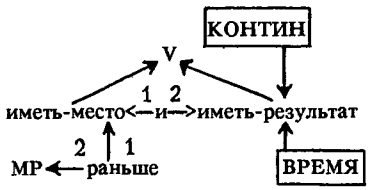
систему грамматических категорий. Описывать категориальные значения я буду, во-первых, посредством толкований и, во-вторых, при помощи семантических графов. Первый способ удобен тем, что он использует средства естественного языка, а второй - своей наглядностью. Оба способа согласованы друг с другом, и толкования представляют собой "считывание" семантических графов, перевод их на естественный язык.

Семантические графы* основных видовых значений следующие:

Дуратив:

Терминатив:

Потенциалис:

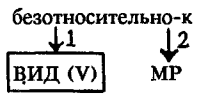
Финалис:

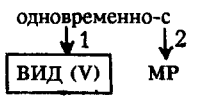
Толкование** видовых значений: д у р а т и в = 'действие V длительно и не имеет результата', т е р м и н а т и в = 'действие V имеет место до момента речи и имеет результат', п о т е н ц и а л и с = 'действие V может иметь место', ф и н а л и с = 'должно иметь место действие V'*.

Семантические графы временных значений следующие:

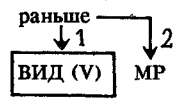
Нейтральное:

Настоящее:

Прошедшее:

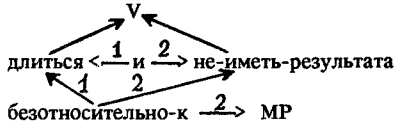

Толкуются эти значения так: н е й т р а л ь н о е время = 'видовое значение действия V не соотнесено с моментом речи', н а с т о я щ е е время = 'видовое значение действия V реализуется одновременно с моментом речи', п р о ш е д ш е е время = 'видовое значение действия V реализуется до момента речи'.

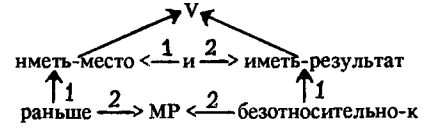
Сочетание данных видовых и временных значений дает 12 видовременных форм (о 'вторых' временах с континуальным значением см. ниже).

Приведу значения некоторых видовременных форм (в первую очередь образованных от дуратива и терминатива), так как именно с ними связано значение состояния, являющееся темой данной работы.

Констатив:

Аорист:

К о н с т а т и в = 'действие V длится и не имеет результата безотносительно к моменту речи', то есть 'действие V обыкновенно имеет место'. Например:

(1)

Дунаала	ерхирттиб	ххеIлумчай	деIкъшул
много	идти,конст,прич	дождь,мн,эрг	дорога,мн,ном
ли	*ар***		
плохой	делать, конст		

'Длительные (=много идущие) дожди *портят* (=плохими делают) дороги'.

А о р и с т = 'действие V имеет место до момента речи и имеет результат, не определенный относительно момента речи', то есть 'действие V имело место и завершилось' (более точное определение аориста см. [Кибрик 1977б. С. 102]). Например:

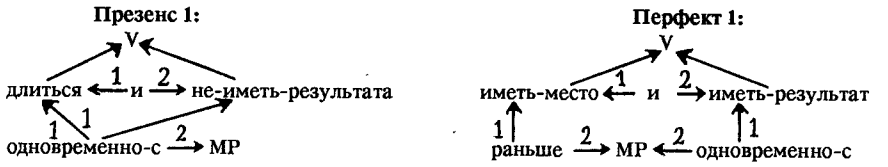
* Семантические графы имеют вид, как это принято в [Кибрик 1977б]. Осиовные замечания о принятых обозначеннях следующие: стрелка указывает направление семантической зависимости, имеющейся между узлами; в узлах содержатся выраженнн, семантическое членение которых для функционирования данного семантического графа несущественно (при этом не имеется в виду, что эти выражения элементарны); если из узла выходит более одной стрелки, они нумеруются (тождество номеров указывает на тождество семантических отношений); V - лексическое значение глагола; МР - момент речи; ВРЕМЯ - обобщенный граф категории времени, с которым сочетается граф категории вида; КОНТИН - обобщенное обозначение графа континуалнса; части графа, помещенные в рамку, не относятся к значению данного графа, а лишь указывают способ его соединения с графом соответствующего категориального значения. Для правильного применения видового семантического графа существенно, вообще говоря, знать, с какими его компонентамн связано значение отрицания, но эта информация опущена, чтобы не загромождать изложение несущественнымн деталями (найти их можно в [Кибрик 1977б. С. 96-100])

** Приводимые ниже толкованнн не учитывают возможность (и не указывают способа) сочетания видовых значеннй с отрицательностью, т.е. как бы предполагают неотрицательную модификацию категории отрицанння.

* Значение терминатива и финалиса в действительности имеет две модификацин, см. [Кибрик 1977б. С. 97-99], которые для нас несущественны.

** Это аналитический каузатив от статива *ли* 'быть плохим', образованный при помощи глагола *ас* 'делать'. Корень этого глагола *а*, в констативе реализуется только суффиксальная часть трансфикса *-р-р*.

(2) Хитта теймай кьвеIнниб, обсдили, лагум
потом они, эрг вдвоем стоять, терм, деепр песня, ном
хабу < *хабо-в
петь, аор
'Потом они вдвоем стоя *запели* песню'.

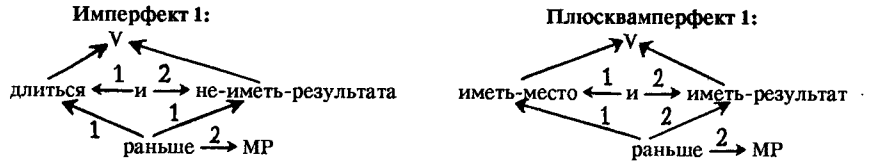

Презенс 1 = 'действие V длится и не имеет результата одновременно с моментом речи', то есть 'действие V имеет место в момент речи'. Например:

(3) КIумкIумлиттиш гьил *ххар-ши* *и*
котел,лок пар,ном подниматься,дур, деепр быть, наст
'От котла *поднимается* пар'.

Перфект 1 = 'действие V имело место до момента речи и имеет результат одновременно с моментом речи'. Например:

(4) НоIш заболлирши *ебтIни-ли* би
лошадь,ном забор,лок привязывать,терм,деепр быть,наст
'Лошадь *привязана* к забору'.

Имперфект 1 = 'действие V длится и не имеет результата до момента речи'. Например:

(5) Ссангъи ецуна ххеIл *ерхир-ши* *еди*
вчера дождь,ном идти,дур,деепр быть,прош
'Вчера *шел* проливной дождь'

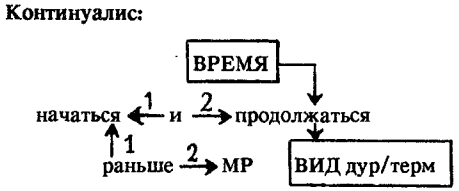
* Помета лок(атив) указывает (без дальнейшей конкретизации) на пространственное падежное значение данной формы.

** Глагол *етIмус* 'привязывать' неправильный. Терминатив имеет форму *етIни*. Инфиксальное *-б-* - классно-чнсловой показатель, так же как и при вспомогательном глаголе *и* 'быть'.

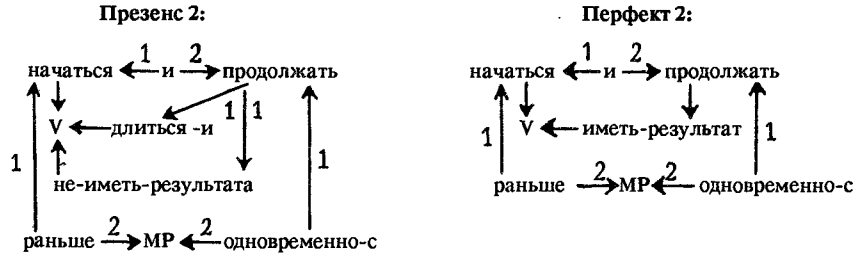
Плюсквамперфект 1 = 'действие V имело место и имело результат до момента речи', то есть 'V завершено и до момента речи имелся результат этого V'. Например:

(6) Йат *ов-ли* *еди*
это делать, терм,деепр быть,прош
'Это *было сделано*'.

Как указывалось выше, дуратив и терминатив могут модифицироваться континуалисом = 'действие V началось до момента речи и продолжается'. Его семантический граф имеет следующий вид:

То есть компонент 'продолжаться' непосредственно зависит от временного значения и непосредственно модифицирует видовое значение глагола. Для примера приведем значения континуальных форм настоящего времени. От презенса 2 и перфекта 2 имперфект 2 и плюсквамперфект 2 отличаются соответственно только значением временного компонента, то есть 'одновременно с' заменяется на 'раньше':

Презенс 2 = 'действие V началось до момента речи и продолжает длиться и не иметь результата в момент речи'. Например:

(7) Тов устар нокьI *ар-мат* в-и
тот мастер,ном дом,ном делать,дур, контин,IV быть,наст,I
'Тот мастер *продолжает строить* дом'.

* Глагол *ас* 'делать' - единственный, в котором сохраняется показатель терминатива *-в*: *ов* < *ав*.

** Континуалис от глагола *ас* 'делать'. Значимый глагол *армат* согласуется по IV классу с Фактитивом *нокьI* 'дом', а вспомогательный *ви* - по I классу с именем *устар* 'мастер', также в этой конструкции стоящим в номинативе.

Перфект 2 = 'действие V началось до момента речи и продолжает иметь результат в момент речи'. Например:

(8) ШшеІнт *е-б-лълъу-мат* *б-и*
стул,ном класть,терм,контин,III быть,наст,III

'Стул *лежит* (=положенный есть)' (то есть его раньше положили и он лежит).

Итак, была рассмотрена система видовременных форм арчинского языка как с морфологической, так и с семантической точки зрения. Теперь обратимся к вопросу о том, как в эту систему вписываются (как на нее отображаются) различные виды внеязыковых событий, из которых главными для нас являются состояния.

3. Органические состояния (стативы)

3.1. Морфологическая специфика стативов. В арчинском языке имеется такой класс предикатных слов, которые формально характеризуются тем, что к их корням как бы не добавляются видовые показатели. Вместе с тем они образуют полный комплект временных форм. Так, предикат со значением 'быть длинным' имеет формы: нейтрального времени - *ахъа*, настоящего времени - *ахъаши и* и *ахъамат и*, прошедшего времени *ахъаши еди* и *ахъамат еди*. В связи с этим мы имеем две возможности:

- ввести в нашу таблицу еще одну, - пятую (вневидовую) колонку;
- соотнести приведенный ряд форм с одной из имеющихся колонок.

Ясно, что вторая возможность предпочтительнее первой, так как не увеличивает число грамматических объектов. Оказывается, что это можно сделать, несмотря на отсутствие видового показателя, опираясь на временны́е показатели. А именно: формы на *-мат* указывают, что видовая характеристика корня должна быть ограничена дуративом или терминативом: только с этими видами сочетается континуалис (тем самым связь с финалисом или потенциалисом отпадает), а формы на *-ши* однозначно соотносят корень с дуративом, так как вспомогательное деепричастие терминатива имеет показатель *-ли*, а формы типа **ахъа-ли и* невозможны. Итак, если считать, что дуратив у предикатов этого класса имеет нулевой показатель, то их временные формы естественно вписываются в колонку дуратива, в результате чего имеем: *ахъа* - констатив, *ахъаши и* - презенс 1, *ахъамат и* - презенс 2, *ахъаши еди* - имперфект 1, *ахъамат еди* - имперфект 2.

Чем, однако, объясняется такая морфологическая дефектность этих предикатов? Причина ее состоит как раз в том, что этот класс предикатов содержит обозначения органических состояний - стативы, семантика которых естественно сочетается лишь с дуративом, а с прочими видовыми значениями вступает в непримиримые противоречия:

- неотъемлемая характеристика партиципанта не может иметь предел (терминатив);
- она не совместима с пониманием ее как возможной (потенциалис) или долженствующей быть (финалис).

Таким образом, отсутствие соответствующих видовых форм у этих предикатов есть не их словарная аномалия, а следствие их семантики. Отсюда становится понятным нулевое выражение дуративного вида: материальное его выражение избыточно. Более того, можно утверждать, что основа стативов неотделима от видового значения, т.е. что стативы не имеют чистой вневидовой основы. Это подтверждается, по крайней мере, тремя обстоятельствами:

- стативы не имеют императива, хотя императив - единственная глагольная форма, образуемая от чистой вневидовой основы, см. [Кибрик 1977а. С. 93];
- стативы образуют масдар при помощи показателя - *кул: кьІан* 'любить' - *кьІан-кул* 'любовь' при том, что масдар от динамических глаголов образуется двояко: при помощи показателя -мул от вневидовой основы, например *акка-с* 'уходить' - *ак-мул* 'уход', и при помощи показателя *-кул* от видовременной основы: *хъаІmІу* 'не пришел (аорист+отрицание)' - *хъаІmІу-кул* 'неприход', см. [Кибрик 12977а. С. 110-112];
- адъективизатор *-mmy*, общий для стативных и динамических глаголов, о котором см. ниже, присоединяется к видовременным формам динамических глаголов и не сочетается с чистой основой, см. [Кибрик 1977а. С. 108-109].

3.2. Лексическая семантика стативов. Стативы распадаются на две группы (в качестве их типичных представителей возьмем *кьІан* 'любить', с одной стороны, и *му* 'быть красивым" - с другой), во-первых, на основании различий в их традиционной интерпретации и, во-вторых, на основании различий в синтаксическом потенциале их использования. А именно, если первая группа никакой интерпретации в традиционных описаниях не имеет (она просто не учтена), то вторая описывается как отдельная часть речи - прилагательное; если первая группа употребляется в основном предикативно, то вторая - в основном атрибутивно. Как думается, первое различие предопределяется вторым, а второе в свою очередь не является исходным, а мотивировано семантическими факторами. Не имея возможности исследовать их во всей полноте, укажу лишь на то, что стативы этих двух групп отвечают на разные вопросы: "В каком состоянии находится X?" - "X любит"; "Каков X?" - "X красив", а не наоборот, что связано с тем, что группа стативов типа 'быть красивым' обозначает, в отличие от статива типа 'любить', качественное состояние.

Ниже я рассмотрю лексический состав этих двух групп, а затем остановлюсь на целесообразности включения в описание арчинского язы-

ка класса стативных глаголов и исключения из описания класса прилагательных.

Начнем со стативных глаголов, употребляющихся преимущественно предикативно. Глаголы этого типа различаются по числу и семантике актантов. Возможны:

а) одноместные предикаты: *аццIар* 'болеть', *сагъ* 'быть здоровым', *иIкьа* 'быть голодным', *мукьа* 'жаждать', *тIала* 'быть правым';

б) двухместные с адресатно-фактитивными валентностями: *аIх* 'быть достаточно', *бала* 'быть трудно', *хьулей* 'быть удобно', *тIибир* 'быть жалко', *кватI 'быть нужно'*, *кьIан* 'любить', *йаIкьан* 'понимать', *сини* 'знать';

в) двухместные с прочими валентностями: *ах* 'быть далеко', *кIолма* 'быть отдельно', *ххоIро* 'отличаться', *лиIбх* 'стесняться', *кьIинчIар* 'бояться' *маIрш* 'завидовать', *мухIаттал* 'удивляться', *шшак* 'сомневаться', *вих* 'верить', *ххвара* 'быть рад'*.

Эти глаголы употребляются во всех видовременных формах, возможных от дуратива.

(9) Дез лълъонноолу д-аIх лълъаннас зоону
я,дат и-жена ном,I достаточно,II жена,дат и-я,ном,I
в-аIх
достаточно, I
'И мне жена *достаточна*, и жене я *достаточен*',
то есть 'И я женой доволен, и она мной довольна' (*д-* и *в-* являются классными показателями, сам глагол *аIх* стоит в констативе).

(10) Ис кул *аццIар-ши* *и*
я,ген,IV рука,ном,IV болеть,деепр быть,наст,IV
'У меня рука *болит*'**,
где от глагола *аццIар* образован презенс I.

(11) Ос гьавали е-б-кас а-б-у
одна,ном,III ветер,эрг валить,инф,III делать,аор,III
оссуб *сагь-мат* *е-б-ди*
другая,ном,Ш здоров,контин быть,прош,III

* Легко видеть по переводным эквивалентам, что этот класс слов пересекается с русскими предикативами, составляющими большую трудность для описательной русистики: *болен, здоров, голоден, прав, трудно, легко, удобно, жаль, нужно, рад* и т.п. В связи с этими словами, а также с краткими формами прилагательных, о которых см. ниже, возникло введенное в [Щерба 1928] понятие "категория состояния", полупризнаваемое, но окончательно не признанное, см. [Виноградов 1972. С. 319-336].

** Букв. "Моя рука болит". Генитив ис от местоимения *зон* 'я' (образуется супплетивно) зависит синтаксически от слова *кул* 'рука' и согласуется с ним по IV классу (в I классе было бы *в-ис*, во II - *д-ис*).

'Одну (палатку) повалило ветром, другая *продолжала оставаться здоровой* (=целой)'.

В этом предложении, взятом из текста, от статива *сагъ* 'быть здоровым' образован имперфект 2, *сагъмат ебди*, согласованный по III классу с Фактитивом *оссуб* 'другая (палатка)'.

(12) Годор лълъаннакьIиш нентIу *кьIинчIар-тI-ра*?
тот,II женщина,лок,II мы,ном бояться,отр,интерр,конст
'*Не боимся ли* мы той женщины?'

В (12) от статива *кьIинчIар* 'бояться' образован интеррогатив (показатель *-ра*) в отрицательной форме (*-тIу*). Итак, можно видеть, что этот класс слов ведет себя как нормальный финитный глагол в дуративе.

Наряду со стативами характеризующего типа в арчинском языке, как указывалось выше, имеется группа качественных стативов. Это слова, обозначающие качества, свойства предметов, такие, как *ахъа* 'быть длинным', *агъ* 'быть глуховатым', *бай* 'быть старым', *кьIелI* 'быть кривым', *чIуIбаI* 'быть белым', *му* 'быть красивым', *ххара* 'быть дорогим' и др. Чаще всего слова этой группы имеют суффиксальный показатель *-тту*, за которым следует классный показатель, и употребляются в атрибутивной функции, например: *ахъа-тту-б деIкь* 'длинная дорога', *агь-ду бошор* 'глуховатый мужчина", *мутту-р ло* 'красивая девушка' и т.п. В связи с этим данная группа слов обычно выделяется, по аналогии с европейской традицией, в особую часть речи — прилагательные, см. [Микаилов 1967. С. 67-74, Хайдаков 1967. С. 613-614, Кахадзе 1973. С. 475].

Ввиду того что предлагаемое мной включение во всеми признаваемую часть речи глаголов подкласса стативных глаголов (в связи с чем традиционные глаголы называются мной динамическими - выражающими действия в широком смысле) противоречит традиции, необходимо привести убедительные аргументы в защиту такой точки зрения.

3.3. О грамматическом статусе стативов. Оставляя в стороне общетеоретические предпосылки (что прилагательное не входит в состав обязательных, универсальных частей речи, что на семантическом уровне оно всегда является предикатом, что события внешнего мира поддаются семантической классификации типа приведенной в разд. 1 и т.п.), я укажу на грамматические факты арчинского языка, подтверждающие тезис об объективном существовании в нем класса стативных глаголов.

1. Хотя так называемые прилагательные употребляются преимущественно атрибутивно, они тем не менее могут выступать и в предикативной позиции, естественно, без показателя *-тту* (однако см. [Кибрик 1977а. С. 305-309]). Приведу примеры:

(13) Тов *агъ*
он, ном глухой,конст

* Из **агь-тту-в:* после звонкого согласного *тту* переходит в *ду*, а конечный классный показатель *-в* после *у* отпадает.

'Он *глуховат*'.

(14) Тов захур *ахъа*
он,ном я,компар длинный,конст
'Он *длиннее* (=выше) меня'.

В (14) предикативное употребление статива связано со спецификой сравнительной конструкции арчинского языка, смысл которой выражается не степенями сравнения, а специальным падежом-компаративом (показатель *-хур*, см. [Кибрик 1977а. С. 153]), в котором стоит имя участника ситуации, обладающего данным качеством в меньшей степени. Иными словами, идея сравнения может быть выражена только предикативным употреблением* 'прилагательного'.

Обычно такая форма без показателя *-тту* называется краткой формой, хотя это и не вполне правомерно: как указывалось выше, это лишь одна из форм (ей приписывается значение констатива), возможных в предикативной позиции.

(15) Лобур, хали гьанжугур б-и? - *Ххал-ши*
дети семья,ном,III как есть,III плохо, деепр
б-и-тIу
есть,наст,отр,III
'Дети, семья как живут? - *Не плохо*'

(16) ЧIеIп *биIкьв-ши* *е-б-ди-ли* лап
люлька,ном,III быть-тяжелым,деепр,III быть,прош,III,загл очень
'Люлька *была* очень *тяжелая*'.

(17) *КIоб* *чах-мат* *еди*
одежда,ном,IV быть-мокрым,контин быть,прош,IV
'Одежда *продолжала оставаться мокрой*'.

В (15) употреблен презенс 1 в сочетании с показателем отрицания *-тIу* от *ххал* 'быть плохим', в (16) - имперфект 1 в сочетании с показателем заглазности *-ли* от *биIкьв* 'быть тяжелым', в (17) - имперфект 2 от *чах* 'быть мокрым'.

2. Как и динамические глаголы, стативы (в том числе и качественные) допускают образование форм деепричастий, союзных деепричастий, масдаров.

(18) Б-акква *доIз-ши* *абтIулла***
показывать,импт,III быть-большим,деепр резать,аор,загл,
интерр,III
'Покажи, *сильно* порезала ли (палец)?'

* Кстати, в русском языке сравнительная степень прилагательного также всегда употребляется предикативно, что создает известные описательные сложности.

** От глагола *атIас* 'резать' данная словоформа имеет исходное морфологическое представление *а-б-тIу-в-ли-ра*, где *б* - классный показатель, *-в* - показатель терминатива, *-ли* - показатель заглазности, *-ра* - интеррогатива.

(19) Йамум устуллин ранг *беIххе-мат* ехху
этот стол,ген цвет,ном,IV быть-черным, контин оставаться,
аор, IV
'Цвет этого стола остался *черным* (букв. продолжая-быть-черным)'.

В (18) мы имеем деепричастие одновременности от *доIз* 'быть большим' в (19) - континуальное деепричастие от *беIххе* 'быть черным'.

(20) АкьI *мацIа-шав* ххара-ши и
мясо,ном,IV быть-свежим,уступ быть-дорогим,деепр быть,
наст,IV
'Мясо *хотя и свежее*, но дорогое'.

В этом примере от *мацIа* 'быть свежим' образовано при помощи показателя *-шав* связанно-уступительное союзное деепричастие, а от *ххара* 'быть дорогим' - форма презенса 1.

(21) хитта йовму йансав *ах-маши* тIалабули
потом он,эрг еще быть-далеко,местн.деепр посылать, аор,
гIарза загл
жалоба, ном
'Потом он еще послал жалобу *далеко*'.

(22) Йат шаIттилин *лааха-кул* асин
этот бревно,ген быть-длинным,масдар мерить, импт
'Измерь *длину* этого бревна'.

В (21) форма *ах-маши* является местным союзным деепричастием от *ах* 'быть далеко' (об этих деепричастиях см. [Кибрик 1977а. С. 293]), в (22) форма *лааха-кул* - масдаром от *лааха* 'быть длинным' (о масдарах см. [Кибрик 1977а. С. 311]).

3. Характеризующие стативы типа *кьIан* 'любить' в свою очередь могут употребляться в атрибутивной функции, присоединяя показатель *-тту*: *муккьа* 'жаждать' - *муккьа-тту бошор* 'жаждущий мужчина', *кватI* 'быть нужно' - *кватту* <* *кватI-тту бошор* 'нужный мужчина', *кьIан* 'любить' - *кьIанну* <* *кьIан-тту бошор* 'любящий/любимый мужчина'.

Поэтому различия в синтаксическом употреблении двух групп стативных глаголов не являются принципиальными: они обусловлены лишь статистическими различиями в предпочтении предикативных и атрибутивных форм.

4. Показатель *-тту* не является специфическим для стативных глаголов: в той же адъективизирующей функции он присоединяется и к динамическим глаголам: *ахас* 'ложиться' - *аху-тту-т* 'легший' (образовано от аориста), *ахули и-тту-т* 'лежащий' (образовано от презенса 1), *ахас-ду-т* 'тот, который должен лечь' (образовано от инфинитива). Поэтому целесообразно считать так называемые полные формы прилагательных п р и ч а с т и я м и. Отмечу, кстати, что, хотя ввиду своей семантики стативы явно предпочитают причастные образования от констатива

(типа *му-ттту-т* 'красивый'), тем не менее возможна их деривация от прочих временных форм, например *муши еди-ттту-т* 'бывший красивым'. Формы такого типа не поддаются традиционной интерпретации.

5. Наконец, стативы, как и прочие глаголы, имеют модель управления, которую они, как и прочие глаголы, сохраняют при переходе в разряд причастий. Здесь следует вкратце отметить, что причастный оборот - единственное средство выражения придаточного относительного в арчинском языке, поэтому в нем не накладывается ограничений на статус той именной группы в придаточном относительном, которая кореферентна вершинной именной группе (как в русском языке - требование, чтобы эта именная группа была подлежащим: *мальчик, купивший (мальчик) книгу; книга, купленная (книга) мальчиком,* ср. с: *магазин, в котором (в магазине) мальчик купил книгу*, где невозможно построить причастный оборот при кореферентности неподлежащной именной группы). При этом все присутствующие актанты причастия сохраняют свою кодирующую технику. Например, из предложения

(23) Лълъанна хабар б-артир
женщина, эрг сказка,ном,III пускать,конст,III
'Женщина рассказывает сказку'

образуются как

(24) Хабар бартир-ттту-р лълъоннол
сказка,ном,III пускать,прич,II женщина,II
'Женщина, рассказывающая сказку'.

(в причастном обороте сохранен Пациенс *хабар* 'сказка' и опущен кореферентный Агенс *лълъанна* 'женщина' (эрг)), так и

(25) Лълъанна бартир-ттту-б хабар
женщина,эрг пускать,прич,III сказка,III
'Сказка, рассказываемая женщиной'

(сохранен Агенс и опущен кореферентный Пациенс).

В (24-25) вершинная именная группа (*лълъоннол и хабар* соответственно) является контролером релятивизации, а мишенью - подвергающаяся опущению кореферентная ей именная группа, являющаяся актантом предиката *бартир*, становящегося причастием. Возможны, однако, и более разнообразные именные группы, вступающие в отношения кореферентности. Так, из выражений

(26) а. ХаIван букьIу
баран,ном,III резать,аор,III
'Барана зарезали',
б. ХаIваннин акьI лIотIу
баран,ген мясо,ном,IV давать,аор,отр,IV
'Не дали бараньего мяса'

может быть построено предложение (оно взято из спонтанного текста) с причастным оборотом:

(27) ХаIван букьIу-ттту-т акьI лIотIу
баран,ном резать,аор,прич,IV мясо,ном,IV давать,аор,отр,IV
'Не дали мяса зарезанного барана'.

Русский перевод совершенно не отражает синтаксической специфики оригинала*. В отношении кореферентности находятся: Фактитив вставленного предложения (*хаIван* 'баран') и опущенный посессор в вершинной именной группе: *хаIваннин акьI 'баранье мясо'*.

Что касается стативных глаголов, то они в атрибутивной функции обычно таковы, что их единственный актант кореферентен вершинной именной группе: *му-ттту-р ло* 'красивая девочка', то есть 'девочка, которая (девочка) красива', поэтому *ло* 'девочка' как актант статива *му* 'красива' опущена. Однако так бывает не всегда. Например, в выражении

(28) Нодо каба-ттту-б хоIн
лоб,ном быть-с-белой-отметиной,прич,III корова,III
'Корова с белой отметиной на лбу**',

причастный оборот *нодо кабаттуб* восходит к предикативному высказыванию

(29) ХаIннан нодо каба
корова,ген лоб,ном быть-с-белой отметиной,конст
'Коровий (=У коровы) лоб с белой отметиной',

в котором *нодо* 'лоб' - единственный актант предиката *каба* 'быть с белой отметиной', - стоит в номинативе. Эта модель управления сохраняется и в причастном обороте, что и объясняет наличие в нем слова *нодо* 'лоб' в номинативе.

Итак, введение особого семантического класса стативных глаголов избавляет грамматическое описание от многократных повторений, делает его значительно более компактным и содержательно объясняет соотношение этого класса с системой видовременных противопоставлений.

---

* Русскому переводу соответствовало бы арчинское предложение *БукьIуттту-б хаIваннин акьI лIотIу*.

** Кстати, данная арчинская конструкция проливает свет на русские обороты с так называемыми несогласованными определениями. Данные арчинского языка показывают, что природа таких определений та же, что и согласованных типа *белый лоб*. В русском языке класс несогласованных определений возникает из-за того, что отсутствует единое морфологическое средство адъективизации типа арчинского показателя -ттту. Для прилагательных адъективизацию обеспечивает перевод краткой формы типа *Лоб высок* в полную типа *высокий лоб*, для глаголов перевод личной формы *Человек пьет* в причастие *пьющий человек* (см. [Бэбби 1985/1973]), а для предикативных предложно-падежных групп типа *Эта девочка с косичками* морфологическая адъективизация отсутствует. При адъективизации предикат *с косичками* переходит в разряд определений при помощи конверсии (если не учитывать такого средства, как фиксированный в данном случае порядок слов).

4. Производные состояния (результатив)

В арчинском языке имеется несколько способов выражения производного состояния. В о - п е р в ы х, стандартным средством выражения фактитивного результатива от предельного действия являются перфект и (частично) плюсквамперфект - элементы видовременной парадигмы, в о - в т о р ы х, возможно существование специального способа выражения агентивного результатива, и, в - т р е т ь и х, наряду с результативами от предельных действий допускается образование результативов от стативов посредством инхоативной (+ каузатив) и результативной деривации. Рассмотрим эти способы подробнее.

4.1. Нерезультативные фазы предельных действий. Производные состояния, как указывалось в разд.1, связаны с предельными действиями, в реализации которых выделялись четыре фазы. Каковы средства выражения этих фаз в арчинском языке? Первая - идеальная - фаза находит свое воплощение в серии видовременных форм, образуемых от потенциалиса и финалиса. Приведу некоторые примеры.

Ф у т у р у м (текстовой пример):

(30) Зари жвен ос ихъна еIммус *ов-хъи*
я,эрг вы,ном один день,лок плакать,инф делать,фут
'Я вас однажды (букв. 'в один день') *заставлю* плакать'.

Ситуация *овхъи* 'заставлю' (букв. 'сделаю') мыслится лишь как целеположенная.

И н ц е п т и в (текстовой пример):

(31) Ун зон даши *тIалов-хъи-ши* *в-и*?
ты,эрг я,ном,I куда посылать,пот,деепр быть,наст,I
'Куда ты меня *посылаешь*?'

Ситуация *тIаловхъиши ви* 'посылаешь' начинает совершаться, так как она предрешена адресатом речи в момент речи (инцептив - форма настоящего времени), но говорящий на самом деле еще никуда не отправился, он лишь только получил приказание.

П а с т - и н ц е п т и в (текстовой пример):

(32) Зон вас хир* *в-еI-хъи-ши* *е-в-ди*
я,ном,I ты,дат за прийти,пот,деепр,I быть,прош,I
'Я *хотел приехать* за тобой'.

Ситуация *веIхъиши евди* 'хотел/собирался приехать' была целеположена говорящим до момента речи, то есть являлась идеальной ситуацией в прошлом (паст-инцептив - прошедшее время).

Д е б и т и в (текстовой пример):

(33) Зон дуIххаттак *д-еIхъе-с* *д-и*
я,ном,II мельница,лок идти,фин,II быть,наст,II

* Послелог *хир* 'за (кем/чем)' требует дательного падежа: *ва-с хир* 'за тобой'

'Мне (женщине) *надо пойти* на мельницу'.

Дебитив (настоящее время) обозначает здесь необходимость действия, осознаваемую говорящим в момент речи.

Итак, первая фаза выражается шестью видовременными формами в зависимости от того, как модально окрашено и как соотносится с моментом речи это идеальное действие.

Вторая фаза - фаза реального осуществления предельных действий - выражается формами дуратива. Приведу примеры.

К о н с т а т и в:

(34) Супунни маIмырчи кургъул *чучо-р*
мыло,эрг лицо,ном руки,ном мыть,конст
'Лицо (и) руки *моют* мылом'.

Утверждается общий реальный факт, не исключающий из рассмотрения момент речи.

П р е з е н с 1:

(35) Зон букь *б-е-р-кIу-р-ши* *в-и*
я,ном,I зерно,ном,III выбирать,дур,деепр,III быть,наст,I
'Я *выбираю* (=чищу) зерно'.

Действие очистки зерна осуществляется в момент речи и не завершено.

П р е з е н с 2:

(36) То-р лълъоннол кьонкь *е-р-лIим-мат*
тот,II женщина,ном,II книга,ном,IV читать,дур,контин,IV
д-и
быть,наст,II
'Та женщина *читает* книгу',

то есть раньше начала читать и сейчас читает. В данном случае подчеркивается, что у данного действия имелась начальная точка и к моменту речи действие не прекратилось и не завершилось.

И м п е р ф е к т 1:

(37) Зон ссангъи гел-кIочIо *чучо-р-ши* *е-в-ди,*
я,ном,I вчера посуда,ном мыть,дур,деепр быть,прош,I
аммо гвейтIу чучыбо етти-тIу
но весь,ном,IV мыть,аор стать-мочь,аор,отр,IV
'Я вчера посуду *мыл*, но всю вымыть не смог'.

Указывается на реальное протяженное действие в прошлом, которое прекратилось, но естественного завершения не имело.

Третья фаза - фаза достижения результата - имеет специальную видовременную форму: а о р и с т. Следует отметить, что в текстах это самая употребительная форма.

(38) Б-оло дувразла хъватIи *б-укьре*
мы,ген,III двор,лок,III дерево,ном,III сохнуть,аор,III
'У нас во дворе (букв. = В нашем дворе) *засохло* дерево'.

4.2. Результативное состояние. Наконец, четвертая, наиболее существенная для нас фаза - результативное состояние - выражена в основном перфектом. Напомню значение перфекта 1: 'действие v имело место до момента речи и имеет результат одновременно с моментом речи'. Это значение практически совпадает со значением результатива - 'достигнуто состояние, являющееся результатом предшествующего действия' (см. [Недялков-Яхонтов 1983. С. 7]). Для результирующего состояния, в отличие от органического, существенной является временная привязка, поскольку это состояние не постоянное, а приобретенное. Перфект фиксирует наличие этого состояния в момент речи.

Наиболее употребительны формы перфекта от тех глаголов, лексическое значение которых процессуально, а описываемые ими ситуации - результативны. Таковы, в частности, глаголы *оцис* 'останавливаться' - *осдили** *и* 'стоит', *кьеIйкьис* 'садиться' - *кьеIйдили и* 'сидит', *ахас* 'ложиться'** - *ахули и* 'лежит', *елълъас* 'класть' - *елълъули и* 'лежит'. Значение 'сидит' в арчинском языке имеет внутреннюю форму 'севши есть', то есть 'сел и находится в сидячем состоянии'. Например:

(39) МахIоммад устуллит *кьо-в-ди-ли**** *в-и*
Магомед,ном,I стул,лок садиться,терм,деепр,I быть,наст,I
'Магомед на стуле *сидит*'.

Интересно отметить два перфекта со значением 'лежит': *ахули и* и *елълъули и*. Первая лексема восходит к одноместному глаголу *ахас* 'ложиться', предполагающему одушевленный, агентивный актант, вторая - к двухместному глаголу *елълъас* 'класть'. Перфект *елълъули и* указывает на результирующее состояние Пациенса данного действия. Таким образом, состояние 'лежать' мыслится по-арчински двояко в зависимости от того, принимает ли партиципант участие в достижении данной ситуации:

(40) Зон *о-в-хули* *в-и*
я,ном,I ложиться,терм,деепр,I быть,наст,I
'Я лежу'.

или не принимает:

(41) ЧIеле *е-б-лълъули* *б-и*
камень,ном,III класть,терм,деепр,III быть,наст,III
'Камень *лежит*'.

Ограничения на перфектное оформление:

* Этот глагол образует терминатив при помощи показателя *-тте*. Реальная форма получается в результате процесса типа **оцитте* > **оцтте* > **остте* > **остти* > *осди*.

** К сожалению, этим глаголам часто дают неправильное словарное толкование: 'сидеть', 'стоять', 'лежать', что совершенно затемняет суть семантических приращений, связанных с конкретными видовременными формами.

*** Неправильный глагол. Образует формы нерегулярно.

- непредельные действия неупотребительны в перфекте по семантическим основаниям. Таковы предикаты *гьубус* 'дуть', *хъебус* 'танцевать', *ассас* 'дрожать', *саккас* 'смотреть', *аргьас* 'думать', *олълъас* 'молчать', *доркьас* 'причитать', *квеккис* 'кружиться', *ирхвмус* 'работать' и др.;

- перфектное употребление двухместных агентивных глаголов всегда связано с Пациенсом (так называемый 'объектный результатив'), который непосредственно затрагивается действием и приобретает результирующее состояние. Так называемый 'субъектный результатив от переходных глаголов' [Недялков - Яхонтов 1983. С.9], как правило, невозможен (думается, что тоже по семантическим основаниям, однако см. разд.4.4), и, более того, при перфектном употреблении глагола нежелательно наличие имени Агенса в высказывании. Это также не формальное, а содержательное ограничение, ср. аналогичные ограничения в русском языке: *руки у старика сморщены* (*кем?), *кинжал вдет в ножны* (*кем?). Таким образом, в арчинском языке перфектный результатив ориентирован на тот актант, который соответствует гиперроли Фактитива*.

Перфектные формы, как и другие видовременные формы, могут быть осложнены косвенными модальностями, отрицанием, а также деепричастными и причастными показателями (соответствующие морфемы присоединяются к вспомогательному глаголу). Перфектное значение при этом сохраняется. Приведу некоторые примеры.

Конъюнктив (показатель *-кини*):

(42) Дунил *датти-ли* *и-кини*
небо,ном,I проясняться, терм,деепр быть,наст,конъ,IV
'*Если бы* небо *прояснилось*!'

Дубитатив (показатель *-чугу*):

(43) *О-в-ху-ли* *в-и-чугу* тов
засыпать, терм,деепр,I быть,наст,дубит,I он,ном,I
йаб лълъеттуб ригилит
этот поздний время,лок
'Вряд ли он *спит* в это позднее время'.

Аппробатив** (показатель *-ди*):

(44) Ун оломаши *хъваI-ли* *в-и-ди*,
ты,ном,I мы,лок приходить,терм,деепр,I быть,наст,аппр,I
тову хъваI-ли в-и-кини
и-он,ном,I приходить,терм,деепр,I быть,наст,конъ,I

* Это одна из универсальных семантических импликаций Фактитива: быть естественным главным актантом результатива наряду с семантическими импликациями Актора типа "быть естественным адресатом императива".

** Одобрительное наклонение, выражающее положительную оценку говорящим данного события. Прн этом данное событие противопоставляется другому, противопоставленному по оценке.

'Ты к нам *пришел* (то есть мы хотели этого - и достигнуто желаемое состояние), (так) если бы и он пришел'.

В (44) имеется также перфектный конъюнктив *хъваIли викини.*

Несвязанно-уступительное деепричастие (показатель *-шав*):

(45) Дийа *кьаIс-е-в-ттти-ли* *в-и-шав,*
отец,ном,I уставать,терм,деепр,I быть,наст,уступ.деепр
нокьIа веж товму кумак а-б-у-хъи
дома вы,дат он,эрг помощь,ном,III делать,фут,III
'*Хотя* отец и *устал*, он вам дома помощь сделает (=поможет)'.

Противительное деепричастие (показатель -еена):

(46) Йа-б ч'Тут лълъенне *а-б-цу-ли*
этот,III кувшин,ном,III вода,эрг наполнять,терм,деепр,III
б-и-тI-оона, даки йаб йелла
быть,наст,III,отр,против.деепр почему он,ном,III так
б-иIкьв?
тяжел,конст,III
'*Ведь* этот кувшин *не наполнен* водой, почему он так тяжел?'

В (46) в перфектной форме присутствует также показатель отрицания *тIу* (*тIу* + *еена* → *тIоона*).

Условное деепричастие (показатель - *енчIиш*):

(47) Валлагь, *даазе-р-хху-ли* *д-и-нчIиш,*
Валлах доставаться,терм,деепр,II быть,наст,усл.деепр.II
зари йамур д-укне-на тIала-р-у-хъи-ши
я,эрг она,ном есть,терм,деепр,III пускать,пот,деепр,II
е-р-ди
быть,прош,IV
'Ей-Богу, *если бы* (она мне) *досталась,* я ее съел бы (букв. съев пустил)'.

В этом примере, взятом из текста сказки, имеется в виду условие: 'если бы она (девушка) имелась в моем распоряжении в момент речи'.

(48) Йасхъи марххыла *а-б-у-ли* *б-и-нчIиш,*
сегодня снег,ном,III делать,терм,деепр,III быть,наст,усл.деепр,III
ба-хал-ши е-б-ди
быть-лучше,конст,деепр,III быть,прош,III
'*Если бы* сегодня снег *был выпавшим* (букв. сделанным), было бы лучше'.

Местное деепричастие (показатель *-ма*):

(49) Ун *кь-о-в-ди-ли* *в-и-ма*
ты,ном садиться,терм,деепр,I быть,наст,местн.деепр,I
кьеI-б-кьи-с кьIанниб наакьукан е-б-ди
садиться,инф,I-II,мн хотеть,прич,мн много быть, прош, I-II,мн
'Там, где ты *сидишь*, сидеть много было хотевших'.

Причастие (показатель *-ттту*):

(50) Санна дикьIинна *кьа-р-ди-ли* *д-и-ттту-р*
пока двор,лок садиться,терм,деепр,II быть,наст,прич,II
лълъоннол хир ухаши ха-р-тти
женщина,ном потом поле,лок идти,фут,II
'Пока на дворе *сидящая* женщина потом пойдет в поле'.

Перфект 2 отличается от перфекта 1 подчеркиванием того факта, что результирующее состояние началось и продолжается в момент речи, т.е. он также совместим с результативом. Значение перфекта 2 хорошо проявляется в контексте следующего предложения:

(51) Адамчай марххыла *а-б-у-мат* *б-и*
люди,эрг снег,ном,III делать,терм,контин.деепр,III быть,наст,III
бо-шав, б-ез тоб бо-цуIо-кул
говорить,аор,уступ.деепр я,дат,III он,ном,III таять,аор,масд,III
б-акку
видеть,аор,III
'Хотя люди говорили, что снег *продолжает оставаться выпавшим*, я видел, что он растаял (букв. его таяние)'.

Перфект 1 *абули би* в (48) означает, что снег 'является выпавшим', а перфект 2 *абумат би* в (51) - что снег 'продолжает быть выпавшим': подчеркивается, что результат снегопада сохраняется к моменту речи, что снег не растаял.

Перфект 2 имеет ту же сочетаемость с прочими глагольными категориями, что и перфект 1. Например:

(52) Тов гьинц *о-в-ху-мат* *в-и-нчIиш,*
он,I сейчас ложиться,терм,контин.деепр,I быть,наст,усл. деепр,I
зарак товму тилипунна аIъбо-хъи-ши еди
я,лок он,эрг телефон,лок звонить,пот,деепр быть,наст,IV
'*Если бы* он сейчас *продолжал лежать*, он позвонил бы мне по телефону'.

В (52) от перфекта образовано условное деепричастие *овхумат винчIиш.*

4.3. Плюсквамперфект. Функции плюсквамперфекта 1 (см. [Кибрик 1977а. С. 196-197]) не однородны: он противопоставлен как перфекту, так и аористу. В соотношении с перфектом плюсквамперфект 1 также является результативом, но в плане прошлого. Например (текстовой пример):

(53) Товмут *ачу-ли* гьанжар *еди,*
он,лок висеть,терм,деепр,IV кинжал,ном,IV быть,прош,IV
етIни-ли арсин кьоIтIол *еди*
повязывать,терм,деепр,IV серебро,ген пояс,ном,IV быть,прош,IV
'Он был при кинжале, с повязанным серебряным поясом (букв. На нем *вися* кинжал *был, повязан* серебряный пояс *был*)'.

Состояния кинжала и серебряного пояса, выраженные формами плюсквамперфекта 1 *ачули еди* и *етIнили еди**, рассматриваются в (53) как имевшие место в прошлом. Аналогичны и нижеследующие текстовые употребления плюсквамперфекта 1:

(54) Лълъеттен ссобтта *кьеI-б-ди-ли*
море,ген берег,лок садиться,терм,деепр,I-II,мн
е-б-ди-ли ...хонхли-с харак *аху-ли*
быть,прош,II-I,мн большой-камень,дат сзади лежать,терм, деепр,IV
еди-ли йаму-т ло
быть,прош,IV этот,1V мальчик,IV
'(Они) *сидели* на берегу моря ...(а) этот мальчик *лежал* за большим камнем'.

(55) Кулуши *е-б-лълъу-ли* *е-б-ди-ли*
быть-сиротой,деепр оставаться,терм,деепр,I-IIмн быть,прош, загл,I-IIмн
'(Они) *остались* сиротами'.

В (55) форма плюсквамперфекта 1 *еблълъули ебди-ли* осложнена показателем заглазности *-ли*.

Результативный плюсквамперфект 1 сочетается с прочими грамматическими категориями подобно перфекту. А п п р о б а т и в (показатель *-(л)ди***):

(56) Зарак товму-н гьороокейбу кагъыра *б-аIхъа-ли*
я,лок он,ген давно письмо,ном,III приходить,терм, деепр,III
е-б-ди-лди, зари ансав шиа-б-у-тIу
быть,прош,III,аппр я,эрг еще писать,аор,отр,III
'Его письмо ко мне давно *пришло* (и я рад этому), (а) я еще (ему) не написал'.

П р и ч а с т и е (показатель *-тту*):

(57) Зари *о-б-сди-ли* *е-б-ди-ттy-б*
я,эрг останавливаться,терм,деепр,III быть,прош,III,прич,III
баIъхха-с туманк камму
тур,дат ружье,ном бросать,аор
'Я в *стоявшего* (теперь тур уже не стоит) тура выстрелил (букв. ружье бросил)'.

Плюсквамперфект 1 может быть противопоставлен также аористу как временна́я форма невременно́й. Например:

(58) Зон ссангъи ЦIураши *уIхъа-ли* *евди*
я,ном,I вчера Цуриб,лок идти,терм,деепр,I быть,прош,I
'Вчера я *ездил* в Цуриб'.
(В момент речи говорящий находится не в Цурибе, а где-то в другом месте.)

Ввиду возможности коррелировать с аористом, то есть иметь нерезультативную интерпретацию, плюсквамперфект 1, в отличие от перфекта, может сочетаться с Агенсом, например:

(59) Зари лълъассеени синтIу кьонкь *лъо-ли*
я,эрг кто-то,дат знать,отр книга,ном,IV давать,терм,деепр
еди
быть,прош,IV
'Я кому-то (букв. кому не знаю) книгу *давал*'.
(Может быть, сейчас эта книга находится у меня: плюсквамперфект подчеркивает, что это событие имело место в прошлом.)

(60) Зари шваIш кьон *б-укьIу-ли*
я,эрг в-прошлом-году козел,ном,III резать,терм,деепр,III
е-б-ды
быть прош,III
'Я в прошлом году козла *зарезал*'.

П л ю с к в а м п е р ф е к т 2, видимо, всегда является результативным:

(61) Тов гьараашо-ву кьо-в-ди-ли е-в-ди-шав,
он,ном,I и-раньше садиться,терм,деепр,I быть,прош,I, уступ.деепр
нен ишколлаш хъаI-тта-ву *к ьо-в-ди-мат*
мы школа,лок и-приходить,аор,врем.деепр садиться,терм, контин,I
е-в-ди
быть,прош,I
'Хотя он и раньше сидел, (но) когда мы пришли из школы, (он) *продолжал сидеть*'.

В (61) кроме плюсквамперфекта 2 *кьовдимат евди* присутствует плюсквамперфект 1 в сочетании с показателем условного деепричастия *кьовдили евдишав*. В отличие от перфекта 2 состояние в плюсквамперфекте 2 относится ко времени в прошлом.

В связи с тем что плюсквамперфект может быть соотнесен как с перфектом, так и с аористом, встает следующий вопрос: а может ли в арчинском языке морфологически сниматься противопоставление аориста и перфекта? Вообще говоря, отглагольная деривация в арчинском языке такова, что и причастия и деепричастия образуются от видовременных форм, и это позволяет различать аорист и перфект во всех таких случаях. Но имеется также класс отглагольных форм с морфологически снятым

* В этом примере аналитические формы плюсквамперфекта разрываются именными группами (порядок слов в арчинском языке свободный).

** Вариант *-лди* возможен (но не обязателен) при формах прошедшего времени.

временным противопоставлением, а именно (собственно) деепричастия (см. [Кибрик 1977а. С. 247-260]), которые образуются от видовых, а не от видовременных основ. Деепричастия от основы дуратива, потенциалиса и финалиса я не рассматриваю, так как эти виды не связаны с выражением производного состояния. Что касается деепричастий от основы терминатива, то они делятся на деепричастия одновременности и континуальные. Показатель деепричастий одновременности *-ли/на* в положительной форме и *-тIав* в отрицательной. Выбор показателя *-ли* или *-на* зависит от того, является ли главное действие реальным (происходящим до момента речи или в момент речи) или нет. Так как деепричастия одновременности указывают на совпадение во времени видовых характеристик второстепенного (выраженного деепричастием) и главного действия, то деепричастия от основы терминатива означают: "второстепенное действие V имело место до момента речи и имеет результат одновременно с главным действием". В большинстве случаев аористно-перфектное противопоставление в этих деепричастиях снято, например:

(62) Тор хъватIилиттик *е-р-хди-ли,*
она,ном,II дерево,лок забираться,терм,деепр,II
кьа-р-ди-ли е-р-ди-ли
садиться,терм,деепр,II быть,прош,II,загл
'Она, *забравшись* на дерево, сидела'.

Неясно, соотносится ли деепричастие с аористом *ерхди* или перфектом *ерхдили ди*, т.е. одновременен ли момент достижения результата или момент пребывания в достигнутом состоянии. В некоторых случаях очевидно аористное значение деепричастия:

(63) Зон *хъебу-ли* кьо-в-ди
я,ном,I танцевать,терм,деепр садиться,аор,I
'Я *станцевав* сел',

так как глагол 'танцевать' непредельный. Однако в ряде случаев очевидно перфектное значение деепричастия:

(64) В-ез тов *о-в-ху-ли* в-акку
я,дат,I он,I ложиться,терм,деепр,I видеть,аор,I
'Я его увидел *лежащим*',

т.е. 'Я увидел, что он лежит'. Здесь деепричастие *овхули* имеет значение перфекта *овхули ви* 'он лежит'.

(65) Ун, йамум ниIшит *уди-на*
ты,ном этот лошадь,лок садиться-на-лошадь,терм,деепр,I
ешши е-в-дихъи-ши е-в-ди-тIу
сюда доехать,пот,деепр,I быть,прош,отр,I
'Ты, *сидя* на этой лошади, сюда не доехал бы'

Глагол *окьис* 'садиться (на лошадь)', образующий терминатив неправильно (*оди*), имеет показатель деепричастия *-на*, так как главное

действие нереальное (выражено паст-инцептивом *евдихъиши евди*). Семантика этого глагола такова, что очевидно перфектное значение данного деепричастия. Таково же употребление деепричастия *обсди-ли* 'стоя' в (2).

Что касается континуального деепричастия на *-мат*, то его семантика весьма близка к перфектному значению: 'второстепенное действие V завершено и результат его продолжает иметь место в момент совершения главного действия'. Континуальное деепричастие выражает результативное состояние, одновременное с главным действием. Например (текстовые примеры):

(66) Йар лагьа-с ...йов дуIххан-гьаллу *кьо-в-ди-мат*
та девушка,дат тот мельник,ном,I садиться,терм,контин, деепр,I
кIва-ли ху-ли
умирать,терм,деепр находить,аор,загл,I
'Эта девушка... нашла этого мельника умершим, *продолжающим находиться в сидячем состоянии*'.

Континуальное деепричастие *кьовдимат* в (65) буквально означает 'сидеть продолжая'.

(67) Йейме-с ос, кура гьанжар-у *со-мат*,
они,дат один,ном рука,лок и-кинжал,ном держать,терм, контин.деепр
о-в-чу-тту бошор ху-ли
убивать,аор,I,прич мужчина,ном,I находить,аор,I,загл
'Они нашли одного убитого человека, *продолжающего держать* в руке кинжал'.

(То есть убитый лежал, не выпуская из руки кинжал, и это состояние выражено континуальным деепричастием *со-мат*.)

Может возникнуть еще один вопрос: а выразимо ли значение результирующего состояния в будущем? Средствами имеющихся видовременных форм это сделать невозможно (см. выше о значении потенциалиса и финалиса), но имеется полуграмматикализованная конструкция с глаголом *хос* 'находить, заставать', называемая адмиративом (см. о нем подробно [Кибрик 1977а. С. 238-243, Кибрик 1977б. С. 145]), которая, по-видимому, создает эту возможность. Значение адмиратива следующее: 'некто становится свидетелем части или результата действия V'. Так вот, выражение интересующего нас значения возможно посредством адмиратива, если значимый глагол оформлен деепричастием от терминатива, а вспомогательный глагол *хос* стоит в футуруме: *хохъи*. Деепричастие одновременности от значимого глагола имеет показатель *-на*, так как ситуация является нереальной.

(68) НентIу тееншu oIхъа-тта, хъватте-с
мы,ном туда ехать,аор,врем.деепр деревья,дат
mIeIачу-на *хохъи*
цвести,терм,деепр адмиратив
'Когда мы туда поедем, деревья *уже будут цвести* (как мы обнаружим)'.

Сложный глагол *mIeI ачас* 'зацветать' (букв. 'цветам появляться') стоит в форме деепричастия на *-на*, и вся конструкция *mIeIачуна хохъи* означает, что к моменту нашего приезда результирующее состояние, связанное с зацветанием, будет уже иметь место и будет нами обнаружено. Интересно, что произойдет при замене деепричастия одновременности на континуальное деепричастие *mIeIачумат хохъи*:

(69) НентIу ттенши oIхъа-тта, хъваттес *mIeIачу-мат*
цвести,терм,контин.деепр
хохъи
адмиратив
'Когда мы туда поедем, деревья *еще будут цвести*'.

(То есть они расцвели до момента нашего приезда и будут продолжать цвести в момент приезда.)

4.4. О возможности агентивного и экспериенциального результатива. Допущение о естественной корреляции результатива с Фактитивом не противоречит возможности реализации таких коммуникативных ситуаций, при которых завершение некоторого действия, так сказать, 'влияет на дальнейшую судьбу' не Фактитива, а Агенса (агентивного глагола) или Экспериенцера (аффективного глагола). В этой нетипичной ситуации могут иметься языковые средства приписать результирующее состояние данному нетипичному партиципанту. У меня складывается впечатление, что именно для этой цели в арчинском языке имеются перифрастические конструкции с глаголами *кьеIйкьис* 'садиться' и *еххас* 'оставаться' (см. [Кибрик и др. 1977. С. 78-79]). К сожалению, я располагаю малым количеством примеров для того, чтобы делать окончательные утверждения, но тем не менее обращает на себя внимание существование таких выражений с указанными глаголами, в которых эти глаголы не поддаются непосредственному переводу: они вносят в высказывание некоторый дополнительный смысл, определяемый всей конструкцией.

Глагол *кьеIйкьис* 'садиться' сочетается с терминативным деепричастием агентивного глагола, придавая высказыванию примерно следующее значение: 'совершив данное действие, его Агенс пользуется его результатами'. Приведу текстовые примеры.

(70) Йамур ло, дуIххат хо-он-ни-б
эта девушка,ном,II мельница,лок находить,прич,всеобщ*, мн
кьIутталло-ву охха-ли жессатIу, тов
и-мешки,ном уносить, терм,деепр возвр,дат тот
дуIххан-гьалму-н хоос-у *охха-ли*
мельник,ген и-богатство,ном,IV уносить,терм,деепр,IV
кьа-р-ди-ли
садиться,аор,II,загл
'Эта девушка, унеся к себе все найденные на мельнице мешки, богатством того мельника овладела (букв. *унеся села*)'.

Выражение 'девушка ...богатство *унеся села*' означает, что она стала обладателем взятого ею богатства, то есть что она находится в состоянии владения, являющегося результатом ее предшествующего действия (выраженного агентивным глаголом 'уносить'). Своего лексического значения глагол *кьеIйкьис* 'садиться' здесь явно не имеет.

(71) Йасса *ов-ли* оохъ-у *кьеI-б-ди-ли*
теперь делать,терм,деепр и-свадьба,ном садиться,аор,I-II, мн,загл
'Теперь *сделав* свадьбу *сели*'.

Агенс данного действия мыслится неопределенно-лично, но его наличие видно по согласованию в глаголе *кьеI-б-дили*, где инфиксальное *-б-* является показателем I-II класса мн.числа (люди). Состояние, достигнутое в результате имевшей место свадьбы, приписывается агентивному актанту.

(72) Йамум б-оло чIаан-у б-укьIу-ли,
этот мы,ген,III и-овца,ном,III резать,терм,деепр,III
йамумми-н акьI-у *кунне-ли* тов
она,ген,III и-мясо,ном есть,терм,деепр он,ном,I
кьо-в-ди-ли
садиться,аор,I,загл
'Эту нашу овцу зарезав, он ее мясо *поев сел*'.

Выражение 'он мясо поев сел' имеет значение 'он насытился этим мясом и приобрел состояние сытости'.

Глагол *еххас* сочетается с терминативным деепричастием аффективных глаголов**, приписывая результирующее состояние Экспериенцеру.

* Показатель всеобщности *-ен* в составе причастия характеризует вершинное имя: *все найденные мешки*.

** Аффективные глаголы в арчинском языке кодируют Экспериенцер дативом.

(73) Тов бошор в-ирххвин-ши е-в-ди-л-еена
тот мужчина,ном,I работать,дур,деепр,I быть,прош,I, загл,против.деепр*
в-еж ко-тIав гьанжугур *ехху*?
вы,дат слышать,терм,отриц,деепр как оставаться, аор
'Ведь тот мужчина работал, как же вы *не слышали*?'

Аффективный глагол *кос* 'слышать' в форме отрицательного терминативного деепричастия (показатель *-тIав*) сочетается с глаголом *ехха*с 'оставаться'. Выражение 'вам не слышав как оказалось' имеет значение 'как вы об этом не знали', где состояние знания понимается как результат получения информации.

(74) ШваIш кьот, лагьа-с кIоб нокьIа
в-прошлом-году зимой парень,дат одежда,ном,IV дома
ехни-ли *ехху-ли,*
забывать,терм,деепр,IV оставаться,терм,деепр,IV
хеI е-в-тти
быть-замерзшим становиться,аор,I
'В прошлом году зимой парень, забыв дома одежду, замерз'.

То, что одежда была забыта, было существенно в данной ситуации для Экспериенцера 'парень', а не для Фактитива 'одежда'. Наряду с указанными конструкциями зафиксирован один текстовый пример с агентивным результативом, выраженным континуальным деепричастием на *-мат*:

(75) Йейме-с ос, кура гьанжаар-у со-мат,
они,дат один,ном рука,лок и-кинжал,ном,IV держать,терм, контин,IV
о-в-чу-тту бошор ху-ли
убивать,терм,прич,I мужчина,ном,I находить,аор,загл,I
'Они нашли одного убитого человека, *продолжающего держать* в руке кинжал'.

(То есть убитый лежал, не выпуская из руки кинжал, и это состояние выражено континуальным деепричастием.)

Для более категорических утверждений о данных конструкциях необходимо проведение дополнительных исследований.

4.5. Инхоатив + каузатив + перфект. Как указывалось в разд.1, производное состояние может быть получено не только из имени предельного действия, но и из имени органического состояния. Для этого необходимо прежде всего предикатный корень превратить в обозначение предельного действия. Для этого в арчинском языке есть две возможности:

* Форма противительного деепричастия (*-еена*) означает, что истинностное значение главного действия противоречит пресуппозициям, вытекающим из значения деепричастного оборота.

инхоатив и каузатив (подробнее об этих деривациях см. [Кибрик и др. 1977. С. 100-101, Кибрик 1977б. С. 172-175]).

И н х о а т и в является деривацией от стативного глагола при помощи вспомогательного глагола *кес* 'становиться' (основа дуратива *кер*, терминатива *етти*)*. Конструкция V статив + *кес* означает 'начало процесса, результатом которого является V'. Видовременная форма глагола *кес* указывает на фазу этого процесса. Например: от *бец* 'быть слепым' образуется *бец керши* и 'слепнет (сейчас)' - презенс 1, процесс начался и происходит в момент речи (вторая фаза); *бец етти* 'ослеп' - аорист, процесс начался и завершился (третья фаза); *бец еттили и* 'является ослепшим' - перфект 1, процесс начался, завершился и его результат имеется в момент речи (четвертая фаза). Итак, перфект от инхоатива дает производное состояние, но осмысленное через обозначение органического состояния. Например:

(76) Гъили етти-ли и-кини!
'Если бы стало тепло!'

От статива *гъили* 'быть тепло' образован инхоатив *гъили кес* 'становиться тепло', от которого в свою очередь получен перфект *гъили еттили и*, а затем конъюнктив *гъили еттили икини*.

(77) Хитта йамур лълъоннол йемим лълъваче-с
потом этот,II женщина,ном,II эти чабаны,дат
гьан ов-шав, *муIтIугь*
что делать,аор,уступ.деепр быть-покорным
е-р-тти-ли *е-р-ди-ли* *д-и-тIу*
становиться, терм,деепр,II быть,прош,загл,II быть,наст,отр,II
'Затем эта женщина этим чабанам (которые ее украли), что (они) ни делали, *не покорилась*'.

Интересующая нас форма в (77) получена следующим образом: *муIтIугь* статив 'быть покорным', *муIтIугь кес* инхоатив 'становиться покорным', *муIтIугь ерттили ерди* плюсквамперфект, то есть результатив в прошлом; *муIтIугь ерттили ердили* плюсквамперфект ‡ заглазность (показатель *-ли*) и, наконец, *муIтIугь ерттили ердили дитIу* плюсквамперфект + заглазность + отрицание (носителем отрицания является вспомогательный глагол *и* 'быть', к которому присоединяется показатель отрицания *-тIу*).

От стативного глагола (семантически - через стадию инхоатива) может быть образован к а у з а т и в при помощи глагола *ас* 'делать',

* Этот глагол участвует также в конструкции, состоящей из деепричастия одновременности динамического глагола +*кес*. Положительная форма деепричастия (образуется от основы дуратива) означает начало действия: *аккур-ши етти* 'стал внден', а отрицательная (образуется от основы потенциалиса) - прекращение процесса: *акко-отIу-ши етти* 'стал не виден', т.е. 'перестал быть виден'. Подробнее см. [Кибрик 1977а. С. 244-245].

например *бец* 'быть слепым', *бец кес* 'становиться слепым', *бец ас* 'ослеплять' ('*X* делает так, что *Y* становится слепым'). А в результате этой деривации также образуется предельное действие. Видовременная форма глагола *ас* 'делать' выражает фазу данного действия. Аорист указывает на достижение результата:

(78) Душман-ни то-в *бец* *ов-ли*
враг,эрг он,ном быть-слепым делать,аор,загл,I
'Враг его *ослепил*',

а перфект - на результирующее состояние:

(79) Тов *бец* *ов-ли* *в-и*
он,ном,I быть-слепым делать,терм,деепр,I быть,наст,I
'Он ослеплен'.

Если статив указывает на органическое состояние, то перфект от каузатива подчеркивает значение некоторого каузатора, стимулировавшего приобретение партиципантом данного состояния. Напомню, что результатив от агентивного глагола не предполагает в семантически эргативном языке мены диатезы: основным актантом является Фактитив, представленный Пациенсом агентивного двухместного и аргументом одноместного глагола.

ГЛАВА 13

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Принципы полевого сопоставительного изучения лексики*

В настоящей публикации мы предполагаем обобщить опыт, накопленный нами в процессе многолетней работы над сопоставительным словарем дагестанских языков.

В общем случае сопоставительный словарь по некоторой группе языков многофункционален. Он может служить основой для реконструкции фонетического, грамматического и лексического прасостояния, для типологического сравнения конкретных языков в их синхронном состоянии, для наблюдения ареальных связей, судьбы заимствований и т.д. Устройство и состав материалов словаря может сильно зависеть от преимущественного внимания автора к той или иной его функции. Мы исходили из презумпции многофункциональности, однако ведущим в нашей работе был типологический аспект.

Известно, что дагестанские языки представляют поистине уникальные возможности для типологических исследований, до настоящего времени типологами недостаточно оцененные. Дагестанская языковая общность характеризуется следующими типологически важными параметрами:

* Разд.1 написан в соавторстве с С.В.Кодзасовым.

- родство дагестанских языков, то есть их прямое восхождение к единому прасостоянию, неоспоримо, столь же очевидно функциональное сходство их структурных черт;

- между современными дагестанскими языками, а также их диалектами имеются весьма значительные расхождения на всех уровнях языковой структуры;

- дагестанские языки весьма многочисленны (по официальной номенклатуре их 26, в действительности же число типологически значимых идиомов значительно больше).

Указанные свойства делают дагестанские языки чрезвычайно благодатным материалом для типологических исследований. Типолог, с одной стороны, может без труда выявить архетип, восходящий к праязыковому единству, с другой стороны, наблюдать возможные варианты развития этого типа в отдельных языках, причем варианты многочисленные и разнообразные. Последнее обстоятельство, однако, до сих пор не было использовано в полной мере ввиду практической трудоемкости достижения полного покрытия всех сопоставительно значимых идиомов.

Предшествующие работы по составлению сравнительного словаря дагестанских языков [Сравнительная лексика 1971, Хайдаков 1973] внесли существенный вклад как в теорию, так и в практику такого рода разработок. Оценка их дана в соответствующих рецензиях [Кибрик-Климов 1972, Кибрик-Оловянникова 1978], и нет необходимости ее повторять. При всех достоинствах этих работ сразу же после выхода их в свет стала очевидной необходимость продолжить такого рода исследования, несколько изменив их направление и подняв их на новый методический и исполнительский уровень.

Работа по решению этой задачи около пятнадцати лет велась на филологическом факультете МГУ.

В самом начале исследования нужно было определить его программу, лежащие в его основе теоретические принципы и используемые практические методики. Естественно, что в процессе работы многие исходные установки уточнялись, развивались, некоторые из них изменялись весьма существенно (и это зачастую очень затрудняло исследование), но сейчас уже нет нужды детально протоколировать всю историю вопроса, и мы попытаемся в кратком виде суммировать некие окончательные представления о том, как должно организовываться сопоставительное исследование такого рода (применительно именно к дагестанскому ареалу). Одновременно эти заметки являются и изложением тех принципов, на которых строится уже проведенное и законченное нами исследование [Кибрик-Кодзасов 1988, Кибрик-Кодзасов 1990].

1.1. Основание сопоставления. Первостепенное значение для всего исследования имеет выбор базового принципа, в соответствии с которым организуется межъязыковое сопоставление. В упомянутых выше работах наших предшественников в основе сопоставления лежал принцип материального единства прадагестанских корневых морфем, поскольку этого требовали нужды сравнительно-исторического дагестанского языкознания. Этот принцип в действительности требует реконструкции прадагестанских корней, которые и должны тогда служить входами в соответст-

вующие словарные статьи (так устроен, например, сравнительный словарь ностратических языков Иллича-Свитыча, см. [Иллич-Свитыч 1971]). Однако состояние дагестанской компаративистики не позволило этого сделать, и зачастую авторам приходилось довольствоваться интуитивным ощущением материального единства наблюдаемых в современных языках лексем, не подкрепляя эти ощущения строгими правилами фонетических соответствий. В то же время сбор лексики практически велся от некоторых базовых значений, предположительно выражаемых общедагестанской лексикой. Поэтому оба словаря организованы по тезаурусному принципу, а уже внутри каждой словарной статьи - по принципу материальной общности корневых морфем.

Мы считали необходимым разграничить по мере возможности этапы синхронного и исторического сопоставления. Синхронное сопоставление в принципе автономно, хотя его целесообразно вести с учетом потенциального использования в дальнейшем для нужд компаративистики, историческое же сопоставление невозможно, если синхронные ряды лексем с тождественным или близким значением не собраны.

Исходя из презумпции многофункциональности сравнительного словаря, мы считали его главной задачей отражение синхронного состояния сопоставимой дагестанской лексики, то есть точную фиксацию значения, грамматических характеристик и звучания тех слов, сравнение которых может представлять интерес.

В этом случае за основание сопоставления естественно принять некоторые базовые значения, наиболее последовательно отраженные в словарях конкретных дагестанских языков. Тогда первейшей целью исследования является выявление лексической "картины мира" дагестанца, то есть тех лексических значений, которые отражают понятийную категоризацию действительности дагестанскими языками. Системная иерархия таких лексических значений задается тезаурусом.

Тезаурус является оптимальным способом организации значений как в результирующем описании (сопоставительном словаре), так и в процессе сбора лексики, поскольку слова, близкие, но не совпадающие по смыслу, оказываются расположенными рядом. Такое расположение очень выпукло показывает парадигматические отношения лексем, что позволяет более точно определить их семантику.

Поучительно, что составленный предварительно тезаурус, несмотря на использование предшествующих работ, претерпевал в плане как его внутренней организации, так и конкретного семантического наполнения зон постоянные изменения под давлением собираемого лексического материала и принял окончательную (весьма далекую от исходной) форму лишь на самом последнем этапе работы.

Какие значения следует считать базовыми для сопоставительного словаря данного типа? Мы исходили из того, что базовые значения должны обладать следующими свойствами:

- базовые значения отражают сходство социально-исторических, географических и бытовых условий жизни дагестанцев, поэтому они должны достаточно полно покрывать предметно-понятийные сферы общедагестанского тезауруса;

- базовые значения включают наиболее древние пласты лексики, поэтому лексемы, родственные в большинстве или в представительной части дагестанских языков, являются носителями базовых значений;

- для базовых значений лексические соответствия в большинстве конкретных языков подбираются сравнительно естественно и легко.

Поскольку данные критерии "базовости", опирающиеся на качественные и количественные характеристики, не являются жесткими, на практике должны были встречаться пограничные случаи. В целях полноты картины мы, как правило, стремились скорее включить такое "неполноценное" значение в тезаурус, если это лексическое воплощение в той или иной подгруппе дагестанских языков характеризовалось интересными (в том или ином отношении) свойствами.

1.2. Семантические проблемы. Описанный выше метод сопоставления через общедагестанский тезаурус и составляющие его базовые значения основаны на предположении, что такой тезаурус отражает реальную близость "лексических картин мира" дагестанцев, говорящих на разных языках, и возможность системного соотнесения через него этих "миров". Действительно, значительное число базовых значений находится в отношении эквивалентности со значениями соответствующих лексем всех дагестанских языков, то есть для всех этих лексем базовые значения являются их смысловым переводным эквивалентом. Однако так обстоит дело далеко не всегда.

Между лексическими системами дагестанских языков существуют довольно значительные расхождения даже в базовой лексике. Отклонения от базового значения могут быть нескольких типов.

(а) В конкретном языке базовое значение не лексикализовано. Обычно это связано с отсутствием в зоне распространения данного языка соответствующей реалии. Например, в ряде лезгинских языков отсутствует лексема со значением 'каток для крыши' (цилиндрический камень, служащий для укатывания земли на крыше) в связи с исчезновением соответствующего приспособления, в безлесных ареалах отсутствуют названия для некоторых деревьев и т.д.

(б) В конкретном языке имеется близкое, но не тождественное значение; это связано с иной тезаурусной организацией лексики. Например, некоторые языки не знают названия для губы, имея специальную лексему для обозначения губ и окологубной части лица, в северотабасаранском диалекте отсутствует название подбородка, но есть название для подбородка и нижней челюсти вместе.

(в) В некотором языке единому базовому смыслу соответствуют более конкретные смыслы, для которых этот базовый является отсутствующим родовым понятием. Например, многие языки различают сплошную и трубчатую кость, толстую и тонкую кишку при отсутствии родовых терминов. Как правило, имеется множество названий для таких предметов материальной культуры, как мешок, кувшин, веревка, которые обозначают их конкретные разновидности; родовые понятия при этом отсутствуют.

(г) Напротив, некоторые языки не различают сходных объектов, которые большинство дагестанских языков понятийно разделяет: бровь и ресница, нос и клюв и др.

Перечисленные отклонения от базового значения могут быть как единичными (касаться отдельных языков), так и групповыми (затрагивать подгруппу языков). Так, только в арчинском языке название головы женщины (и животного) не совпадает с названием головы мужчины, но во всех андийских языках нет названия для поясницы. В практической работе указанные отклонения иногда приводили к необходимости пересмотреть некоторые базовые значения. Например, если случай (а) охватывал значительное количество языков, то это могло служить (хотя необязательно служило) основанием для исключения данного значения из числа базовых.

Случай (в) мог приводить к расщеплению априорного базового значения или к выделению в его составе регулярных подвидов. Например, единая словарная статья 'лестница' была разделена на две: 'каменная лестница, ступенька' и 'приставная лестница', а в статье 'кость' было выделено два подзначения: 'трубчатая кость' и 'сплошная кость'.

Следует подчеркнуть, что тождество базовых значений очерчивает контуры общедагестанского семантического инварианта, а отклонения - дивергентные тенденции, регистрация которых представляет специальный исторический и типологический интерес (подробнее см. разд. 2).

1.3. Грамматические проблемы. Известно, что в языковой системе словарь и грамматика очень тесно взаимодействуют. Более того, связь многих компонентов грамматики друг с другом осуществляется через словарь (например, в дагестанских языках морфологическая структура глагольной словоформы и синтаксические правила согласования предопределяются словарной информацией, приписываемой существительным). Иными словами, с одной стороны, невозможно описать грамматику языка, не говоря о том, какие типы грамматической информации приписаны тем или иным разрядам слов в словаре, с другой стороны, невозможно описывать лексический фонд языка, не зная, как слова функционируют в высказываниях и каким преобразованиям при этом подвергаются. Более того, морфологическая структура некоторых разрядов слов (например, дагестанских глаголов) такова, что выделение чистой основы, не осложненной теми или иными конкретными грамматическими показателями, затруднительно или вовсе невозможно. Из этого следует, что словарь языка должен быть 'согласован' с его грамматикой, а словарная информация к лексеме должна не только фиксировать ее значение и звучание, но и предсказывать синтаксическое и морфологическое поведение.

Каков состав минимальной грамматической информации, которая должна вводиться в словарь дагестанского языка, в том числе и в сопоставительный?

Прежде всего нужна морфологическая зона, в которой указывается, какова исходная основа слова и каким морфонологическим изменениям она может подвергаться. Для этого необходимо выявление минимального состава диагностических форм, по которым можно сформулировать соответствующие морфонологические правила. Необходимость в такой словарной зоне для дагестанских языков, характеризующихся богатством морфонологических процессов и значительными нерегулярностями, представляется очевидной. Кроме того, каждая словоформа должна быть снабжена пометами, какие грамматические значения в этой словоформе представлены. Для существительного это падеж и число, для глагола - время, наклонение и класс/число (а иногда и лицо).

В каждой словарной статье нужна также зона, обслуживающая синтаксический компонент грамматики. Для существительных это информация об их классной принадлежности, для глаголов - об их модели управления.

Грамматическая информация, вводящаяся в словарь, является существенной характеристикой лексем, она не только уточняет наши традиционные представления о слове (о его исходной фонетической оболочке и составе морфем), но и значительно расширяет возможности сопоставительно-типологических наблюдений.

1.4. Фонетические проблемы. Очевидным исходным принципом являлась точная фиксация звукового облика словоформ, позволяющая однозначно воспроизвести их правильное произнесение. Такая запись в первую очередь требует установления 'пространства звуковых возможностей' для всех дагестанских языков и выработки соответствующего набора транскрипционных знаков. Наши первоначальные представления в этой области [Кибрик-Кодзасов 1970], основанные на литературных данных, в процессе полевых исследований претерпели ряд изменений. Во-первых, были обнаружены некоторые неизвестные ранее сегментные фонемы (фарингальные спиранты в агульских диалектах, третий эмфатический ларингал в будухском и агульском). Во-вторых, была изменена фонологическая интерпретация фарингализации (обычно это просодический признак). В-третьих, во многих языках были обнаружены тональные различия (при отсутствии словесного ударения) [Кибрик и др. 1978]. Эти открытия, конечно, повлияли на транскрипционную систему, потребовав расширения инвентаря знаков.

Принципиальным моментом, однако, является отказ от сугубо сегментной ориентации при изучении дагестанской фонетики, которая господствовала ранее. (Характерно, что во всех сопоставительных словарях до сих пор не отмечалось ударение даже в тех языках, где оно зафиксировано.) Тон и другие просодические компоненты слова требуют тщательного изучения как для целей синхронного описания, так и для целей точной фонетической реконструкции (некоторые сегментные исторические изменения, возможно, мотивированы просодическим контекстом).

1.5. Методика сбора материалов. Из описанной выше программы и принципов исследования становится очевидным, что получить исходный языковой материал непосредственно из имеющихся публикаций невозможно. Необходимо было извлечение соответствующих языковых данных методами полевой лингвистики. С этой целью в период с 1973 по 1984 г. в горных районах Дагестана, Азербайджана и Грузии побывало тринадцать лингвистических экспедиций МГУ (см. главу 6), в которых первичным сбором языковых данных занималось в общей сложности около двухсот человек.

Не останавливаясь на общих методах полевой работы (см. главу 18), укажем лишь на те проблемы, которые существенны именно в данном языковом ареале.

а) Лингвогеографическая ситуация в Дагестане такова, что почти каждое селение имеет свой специфический говор, представляющий собой цельную систему. Поэтому нельзя сведения, полученные в одном селении, распространять на говор другого селения. Иными словами, недопустимо смешение в пределах одного языка данных, полученных в разных населенных пунктах. Поэтому сбор словарного материала наиболее удобно производить в месте массового проживания носителей данного говора. Кроме того, важно учитывать место рождения каждого информанта и характер его языковых контактов с представителями других говоров, с тем чтобы устранить возможность проникновения в словарный материал инородных данных.

б) Полнота охвата говоров - важный параметр сопоставительного исследования. В то же время фронтально изучить лексику говоров всех населенных пунктов - чрезвычайно трудоемкая задача. В идеале желательно обследовать такое число населенных пунктов, которое давало бы уверенность в том, что никакая типологически значимая словарная информация (семантическая, синтаксическая, морфологическая, фонетическая) не осталась неучтенной. Для этого надо было бы иметь релевантную лексико-грамматическую характеристику всех говоров с тем, чтобы говоры, отобранные для исследования, равномерно покрывали пространство типологических возможностей дагестанской языковой общности: дело в том, что традиционное членение на языки опирается в значительной мере на экстралингвистические факторы, в связи с чем лингвистическое расстояние между диалектами некоторых языков значительно больше, чем между отдельными языками.

К сожалению, такая "паспортизация" говоров пока еще отсутствует. Кроме того, экспедиционная деятельность также зачастую регламентируется внешними факторами, поэтому достичь идеального охвата говоров нам не удалось. Мы стремились как минимум к тому, чтобы все языки, характеризующиеся достаточной лингвистической индивидуальностью, попали в поле нашего зрения. Кроме того, по мере возможности некоторые из языков были представлены несколькими говорами. К наиболее существенным пробелам в нашем исследовании относится отсутствие данных по диалектам аварского и даргинского языков (каждый из этих языков представлен всего одним говором, несмотря на их исключительное диалектное разнообразие).

в) Полевой метод сбора материала, особенно в условиях коллективной работы, требует очень тщательно организованной, многократной проверки всех видов собранной словарной информации с целью исключения (или, во всяком случае, сведения к минимуму) возможных ошибок в материале: его фактографическая ненадежность может свести на нет результат многолетней трудоемкой работы. Верификация данных достигается совместным использованием разных методик. Сюда относится: многократный опрос разных информантов, повторение работы разными исследователями, учет парадигматических соответствий различных параметров словаря в пределах каждого говора и межъязыковых и межговорных сравнений (системность соответствий на всех языковых уровнях в

синхронном и диахроническом планах), и, наконец, сравнение с опубликованными результатами других исследователей.

* * *

Естественно, что теоретические принципы, положенные в основу нашего сопоставительного словаря, в определенной степени превышали практические возможности, имевшиеся при его создании. Поэтому работа в данном направлении должна быть, несомненно, продолжена. Если наши результаты будут стимулировать дальнейшее расширение сопоставительных исследований дагестанских языков, мы будем считать свою задачу в известной мере выполненной.

2. Семантическая организация общедагестанского именного тезауруса

Как отмечалось выше, сопоставительный словарь дагестанских языков отражает в плане семантики общедагестанскую картину мира, засвидетельствованную исконной лексикой. Но одновременно он фиксирует и всевозможные отклонения от архаического прадагестанского состояния, индивидуальную историю разных подгрупп языков, отдельных языков и даже конкретных говоров. Далее я хочу продемонстрировать на примере именной лексики, какого типа семантическую информацию может предоставить читателю данный словарь.

Если бы все идиомы были последовательным продолжением прадагестанского словарного наследия, сопоставительный словарь имел бы достаточно простую структуру. Во главе словарной статьи стоит некоторое значение, например ‘солнце‘, и каждый язык имеет в точности по одному слову, имеющему в точности данное значение.

Однако таких ‘хороших‘ слов в словаре сравнительно немного, хотя, думается, их семантика и прагматика весьма многозначительны. Наряду с ‘солнцем‘ в группу ‘хороших‘ слов попадают: ‘молоко‘, ‘мед‘, ‘крапива‘, ‘яблоко‘, ‘овес‘, ‘соха‘, ‘молотильная доска‘, ‘коса‘, ‘дорога‘, ‘мост‘, ‘песок‘.

Следует иметь в виду, что каждое из этих значений не обязательно выражено единым прадагестанским корнем (ср. ‘молоко‘ анд. *шиву*, арч. *наIкьI*, цез. *гъаI)*. Семантически ‘хорошие‘ слова, видимо, являются наиболее надежным критерием отнесения соответствующего значения к базовому дагестанскому фонду. Более тонкий анализ должен учитывать степень близости данного значения к идеальному базовому. Так, значения ‘луна‘ и ‘звезда‘ имеют, в отличие от значения ‘солнце‘, в отдельных языках некоторые словарные особенности. В цахурском языке слово *ваз* означает не только ‘луну‘, но и ‘подкову‘, а в арчинском ‘звезда‘ выражена сложным словом *хоIлош-хъаIн* букв. ‘с неба *хъаIн*‘.

Вообще говоря, все значения, отобранные в окончательной редакции словаря в качестве заглавных единиц, претендуют на общедагестанскую значимость. Это значит, что для представительной части дагестанских языков данное значение характерно, оно легко, естественно выделяется. Однако имеются и всевозможного рода отклонения, которые мы

стремились аккуратно фиксировать и которые свидетельствуют о реальных семантических процессах, формирующих семантическую ткань языка.

Не претендуя на широкие обобщения, остановлюсь вкратце на некоторых типичных явлениях.

2.1. Особенности именной категоризации. Тезаурусные заглавные значения отражают категоризацию объектов и явлений, наиболее типичную для картины мира дагестанца. Вместе с тем наблюдаются многочисленные локальные различия в категоризации.

Довольно значительная группа значений частично различается по параметру 'величина'. Например, в большинстве языков имеется одна лексема со значением 'борода', а в гунзибском различаются *билажба* 'борода' и *баб* 'большая борода', в говоре селения Фите (агульский язык) значение 'кость' выражается словом *иркк*, но имеется еще особое слово *кIараб* со значением 'маленькая кость', в крызском языке имеется пара *йокI 'топор' - наьджаьх* 'маленький топор'. В ряде случаев заглавное значение X имеет дополнительную пару 'большой X' - 'маленький X'. Таковы значения: 'кол' (~ 'большой кол' ~ 'маленький кол'), 'клин', 'глиняный котел', 'ковер', 'дверь', 'юла', 'ноша', 'река', 'яма'.

Таким образом, хотя значение деминутива ~ аугментатива в дагестанских языках не грамматикализовано, но локальные лексические оппозиции, по существу, являются их реализацией.

Ряд субстанциальных значений локально фиксирует материал, например, значение 'ложка' в ряде языков различает 'металлическую' и 'деревянную ложку', аналогична оппозиция 'деревянный' и 'железный гвоздь', 'деревянный' и 'каменный опорный столб', 'деревянное' и 'каменное корыто', 'деревянная' и 'каменная ступенька', 'чугунный', 'металлический' и 'глиняный котел', 'кожаная' ~ 'шерстяная' ~ 'из козьей шерсти' ~ 'волосяная' ~ 'конопляная веревка'.

Распространена также субкатегоризация по форме предмета:

'точило' - 'плоское' ~ 'круглое',

'котел' - 'сферический' ~ 'цилиндрический',

'корыто' - 'круглое корыто',

'веревка' - 'тонкая' ~ 'толстая' ~ 'плоская' ~ 'короткая',

'толстая' ~ 'тонкая кишка'.

Лексически фиксируются иногда функциональные различия, например:

'корыто' - 'для теста' ~ 'для очистки зерна' ~ 'для стирки' ~ 'для скота',

'гвоздь' ~ 'гвоздь для подковы',

'палка' ~ 'посох' ~ 'посох чабана' ~ 'посох старика' ~ 'шест'~ 'скалка' ~ 'палка для выделки кожи'.

Интересны индивидуальные особенности реализации некоторых значений. Так, значение 'угол' в большинстве языков представлено одним словом, например в ахвахском *мекIу*. Некоторые языки различают 'внутренний угол' и 'внешний угол', например в цахурском соответственно *хьошше ~ вут*, в цезском *цеми ~ чIиму*. В арчинском языке кроме слова *меццIе* 'угол' есть слово *бичIни* 'угол мешка', аналогично в табасаранском

(с. Кондик) *мурцв ~ nIunI*. Значение 'бок' в одних языках реализовано одной лексемой (андийский язык *исиб*, агульский (с.Рича) *ххъвал*), в других - двумя с детализацией значений: 'реберная' ~ 'мягкая часть бока' (цахурский язык *мыгыл ~ акIва*, аварский язык (с.Чадоколоб) *хьибил~ ~цIотI*).

Значение 'лист' в агульском языке (с.Рича) расщепляется на *nIaIж* 'лист дерева' и *цIав* 'лист растения'.

Значеиие 'жир' в ряде языков имеет подзначение 'жир на мясе'~ ~ 'жир нутряной' ~ 'жир растопленный' ~ 'сало' ~ 'слой жира', например: аварский язык (с.Чадоколоб): *кьIарати* 'сало' ~ *регь* 'растопленный жир' ~ *тIатIи* 'нутряной жир'; цахурский язык: *маъа* 'жир' ~ *йыIх* 'растопленный жир' ~ *чоз* 'нутряной жир' ~ *хымыл* 'слой жира'.

Значение 'ноша' в удинском языке выражается словом *багъ*, но имеется еще лексема *шалаххъ* 'груз для одного человека', в агульском языке (с.Фите) имеются *ххъа ххъ* 'ноша' = '*вьюк*', *магъ* 'вязанка травы или хвороста', *дуч* 'вязанка дров'

В большинстве языков имеются отдельные лексемы со значениями 'сухожилие' и 'кровеносный сосуд', например в лезгинском: *таб~дам*, в арчинском: *дам ~ бух*, в цезском: *херо ~ миша*, а в ряде языков эти два объекта выражаются одним словом со значеним 'жила': *дамар* (цахурский, будухский, хиналугский языки), *шIекIи* (андийский).

Специфическая категоризация в отдельных дагестанских языках проявляется в отношении реалий:

'пастбище' - 'летнее' ~ 'зимнее',

'склон' - 'солнечный' ~ 'теневой',

'яма" - 'глубокая' ~ 'неглубокая' ~ 'углубление в камне'.

2.2. Переносы значений. Весьма часто то или иное базисное значение, то есть значение, в большинстве языков представленное самостоятельным словом, в конкретном языке не имеет специального корня, а используется корень с другим базисным значением. Каждый такой перенос семантически мотивирован и отражает потенциальные тенденции развития значений. Приведу некоторые примеры (направление переноса, как правило, можно установить по значению родственного корня в других языках):

'сосок (женской груди)' ←= 'цветок': *цицик* (удинский яз.),

'червь' ← = 'змея': *берча* (андийский яз.),

'червь' → = 'пиявка': *мила1ххъв* (чирагский яз.),

'ус' → = 'ость колоса': *сумпил* (табасаранский яз., с.Кондик),

'мука' →= 'тесто': *гьатI* (чамалинский яз.),

'мука' ←= 'пшеница': *атI* (гинухский яз.),

'сметана' → = 'крыша': *гьархъ* (арчинский яз.),

'цепь' → = 'браслет': *зынджыр* (цахурский яз., с.Микик),

'вязальная спица' ← = 'игла': *межу* (ахвахский яз.),

'вязальная спица' ← = 'прут': *тIул* (табасаранский яз., с.Кондик),

'вязальная спица' ←= 'шило': *риб* (табасаранский яз., с.Кондик),

'вязальная спица' ← = 'колючка': *заз* (агульский яз., с.Фите),

'вязальная спица' ← = 'вилка' = 'проволока': *чIала* (чирагский яз.).

Как видно, в разных языках представлены разнообразные мотивационные пути обозначения артефакта (вязальная спица).

Со значением 'колесо' мотивация возможна в разные стороны:

'колесо' ← = 'глаз': *бер* (аварский яз., с.Чадоколоб),

'колесо' ←= 'жернов': *гIаIгъур* (цезский яз.),

'колесо' → = 'стог': *фур* (агульский яз., с.Бурщаг),

'колесо' → = 'точило': *чарх* (рутульский яз.).

Одно и то же значение может быть основанием для разных семантических переносов:

'сердце' → = 'косточка': *йикI'* (рутульский яз.)

'сердце' → = 'корень': *рокIе* (гинухский яз.).

Иногда на множестве языков возникают цепочки переносов, образующие своеобразное поле значений. Например:

'нос' → = 'клюв': *магьер* (андийский яз.),

'губа' → = 'клюв': *бокI* (цахурский яз., с.Гельмец),

'губа' ← = 'клюв': *муъул* (агульский яз., с.Рича),

'рот' ← = 'клюв' → = 'губа': *маIкьу* (хваршинский яз., с.Инхоквари).

Значения 'клюв', 'нос', 'губа', 'рот', в разных комбинациях, нейтрализуясь друг с другом, создают единое поле.

2.3. "Трудные" базисные значения. Отдельно следует указать на некоторые базисные значения, семантическая организация которых в словаре отличается от стандартной. Рассмотрим словарную статью 'хищная птица'. Во многих языках в нее входят три слова, обозначающие следующих птиц: 'орел', 'сокол', 'ястреб'. Казалось бы, надо было иметь три базисных значения и три словарные статьи. Однако в ряде случаев оказалось невозможным однозначно установить значения соответствующих лексем: возникали затруднения у информантов, противоречащие ответы. Более того, в ряде случаев наблюдалось устойчивое отнесение слов с единым прадагестанским корнем к разным значениям. Аналогичны словарные статьи 'черная птица' (куда входят 'галка', 'грач', 'скворец'), 'длинноногая птица' ('журавль', 'цапля', 'аист'), 'хищная ночная птица' ('сова', 'филин') и некоторые другие.

Имеется несколько словарных статей из поля предметов домашнего обихода, в которых конкретные подзначения идентифицировать не удалось. Это значения: 'кувшин', 'сундук', 'корзина', 'мешок', 'мерка для муки'. В дагестанской культуре имеются многочисленные разновидности данных предметов, но их вербальная классификация в разных языках различна, и без специального исследования произвести точную атрибуцию значений нам просто не удалось. Аналогичное положение со статьями 'хлеб' и 'хлебное изделие с начинкой'.

* * *

Ограничусь этими примерами, хотя их число можно было бы значительно увеличить. Имеющихся иллюстраций, как мне кажется, достаточно, чтобы продемонстрировать богатство семантической и культурологической информации, зафиксированной в сопоставительном словаре дагестанских языков.

ЧАСТЬ III

ТИПОЛОГИЯ ЭРГАТИВНОСТИ

ГЛАВА 14

ПОДЛЕЖАЩЕЕ И ПРОБЛЕМА УНИВЕРСАЛЬНОЙ МОДЕЛИ ЯЗЫКА*

1. Трудности определения подлежащего в подлежащных языках

В традиционном синтаксисе основное членение структуры предложения задается при помощи понятийного аппарата членов предложения. В тех языках, наблюдение над которыми формировало основу лингвистической традиции, синтаксические сущности - субъект (подлежащее) и объект (прямое дополнение) - действительно играют в грамматике значительную роль, являясь полезными описательными и объяснительными понятиями. Вместе с тем попытка превратить эти понятия в безусловные теоретические конструкты при описании даже таких языков, как русский, для которого полезность этих понятий не вызывает сомнений, наталкивается на весьма серьезные затруднения. Сошлюсь для примера на разногласия в трактовке так называемых односоставных предложений.

Односоставные предложения считаются не имеющими подлежащего (*Так не поступают* - неопределенно-личное предложение, *Поля побило градом, Мне жаль тебя* - безличные предложения, *Ему ли ворчать* - (безличное) инфинитивное предложение), так как в их структуре отсутствует материализованное имя в именительном падеже, с которым согласовывалось бы сказуемое. В этом случае понятие подлежащего привлекается как описательная (классифицирующая) категория. Однако бесподлежащная трактовка приведенных выше предложений вступает в противоречие с объяснительными функциями понятия подлежащего. Дело в том, что понятие подлежащего неоднократно используется в грамматике русского языка в ряде синтаксических правил, обеспечивающих построение грамматически правильных предложений, и с его помощью удается обобщить и единообразно объяснить многочисленные конкретные запреты и

*Переработанный и расширенный вариант статьи, опубликованной в журн.: Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1979. N 4.

разрешения, в противном случае представимые лишь как случайные и нерегулируемые.

Таково, например, правило присоединения деепричастных оборотов, согласно которому "субъект действия, обозначаемого деепричастием, совпадает с субъектом действия, обозначаемого глагольным сказуемым"*. Подобное ограничение, запрещающее предложения типа *Подъезжая к городу, у меня слетела шляпа*, где субъекты двух предикатов различны, не должно, вообще говоря, допускать и присоединения деепричастного оборота к односоставным, т.е. традиционно считающимся бесподлежащными, предложениям, в которых у глагольного сказуемого, по определению, нет субъекта (= подлежащего). Однако такое присоединение возможно: *Снявши голову, по волосам не плачут, Опять с грохотом и страстью пронесло лед, нагромоздив на берега торосы* (В.Распутин), *Мне ли было этого не знать, занимаясь литературой* (А.Битов). Значит, нужно или особым образом описывать присоединение деепричастных оборотов в таких случаях (усложняя тем самым грамматику), или считать традиционные односоставные предложения подлежащными. В последнем случае уместно говорить о нулевых подлежащих, см. [Мельчук 1974б].

Аналогичная альтернатива возникает в связи с правилом рефлексивизации. В пределах простого предложения рефлексивизация контролируется подлежащим**: *Швейцар представил себя повешенным на фор-марса-рее* (М.Булгаков); при этом она возможна и в "односоставных" предложениях: *Так не поступают со своими друзьями, Мне жаль себя, Ему ли ворчать на свою мать.*

Не меньшие сложности вызывают так называемые инфинитивные подлежащие (в предложениях типа *Кататься - весело, Весело кататься* и пр.), которые, кстати, не допускают присоединения деепричастной конструкции и рефлексивизацию. В русистике давно продолжается неразрешимый спор между сторонниками и противниками подлежащности инфинитива (см., в частности, [Шмелев 1976. С. 29-31]).

Иными словами, в русском языке, как только мы выходим за пределы предложений, имеющих в своем составе имя в именительном падеже,

* [Грамматика 1960. Т. II. Ч. 1. С. 651]. В цитируемом правиле, кстати, фигурирует понятие "субъект действия, выраженного деепричастием", хотя соответствующее имя в деепричастном обороте отсутствует.

** Правило рефлексивизации устроено несколько сложнее, см. по этому поводу работы А.Тимберлейка, например [Тимберлейк 1982/1980], но для данных примеров аргументация остается в силе.

возникают затруднения в идентификации подлежащего, не преодоленные по сей день и связанные с тем, что мы не располагаем общетеоретическим пониманием этой сущности, не привязанным к конкретным морфологическим характеристикам*.

2. Проблема эргативных языков

Еще большие трудности встречает применение понятий подлежащего к так называемым неноминативным=неаккузативным языкам. Среди неноминативных языков наибольшей известностью пользуются эргативные языки, специфика которых обычно описывается таким образом: в них объект переходного глагола оформляется так же, как субъект непереходного, а субъект переходного глагола оформляется иначе, чем субъект непереходного. Чем плохо такого рода описание? В о - п е р в ы х, тем, что используемые в качестве универсальных понятия субъекта и объекта не предсказывают возможности существования языка такого типа. Иными словами, существование эргативных языков неожиданно с точки зрения субъектно-объектной классификации. В о - в т о р ы х, тем, что эти понятия не только не объясняют суть эргативности, но, наоборот, всячески ее затемняют, так как в эргативном типе объединено то, что призвана различать данная терминология, и разъединено то, что она призвана объединять.

В связи с этим соотнесение данных понятий с эргативным типом (если исходить из презумпции о единстве такого типа) возможно трояко рода:

1) считать субъектом и объектом в эргативном языке те же именные группы, которые переводятся как субъект и объект в номинативном языке**;

2) считать субъектом переходного глагола ту именную группу, в которой имеется тот же способ кодирования, что и в субъекте непереходного глагола***; при этой интерпретации у переходного глагола выделяется также агентивное дополнение, объект отсутствует;

* Этим определяется, в сущности, пафос статьи Г.А.Золотовой, призывающей "обойтись без учения о членах предложения в том виде, в каком оно существует" [Золотова 1979. С. 22].

** Эта точка зрения является наиболее распространенной. Ее, в частности, разделяют [Кацнельсон 1936, Мещанинов 1963, Чикобава 1967, Климов 1973, Андерсон 1976].

*** Эта интерпретация была предложена еще на заре изучения эргативных языков П.К.Усларом [Услар 1889].

3) считать, что понятия "субъект" и "объект" не применимы к эргативному типу языка*.

3. Попытки универсального определения подлежащего

Дилемма состоит в следующем: либо попытаться обосновать универсальность понятий "субъект" и "объект", обобщив их до уровня теоретической сущности, либо отказаться от такого рода попыток и вскрыть причину их несостоятельности.

Вообще говоря, иметь универсально определяемые синтаксические понятия удобно с точки зрения общей лингвистической теории: с их помощью возможно было бы сравнение языков различных типов, например, при установлении закономерностей порядка слов**, закономерностей образования относительного предложения*** и т.п. Это, в частности, является одним из основных стимулов развития "реляционной грамматики", предложенной П.Посталом, Д.Перлмуттером и Д.Джонсоном [Кибрик 1982]. В реляционной грамматике субъект и объект являются синтаксическими примитивами, что явно не может удовлетворять тех, кто знаком со сложностями применения этих понятий. Ясно, что в рамках универсального подхода необходимы поиски соответствующих определений.

Попытка дать "многофакторное" определение подлежащего, выделяющего в базисных (не сводимых ни к каким более базисным) предложениях подлежащно-подобные именные группы, была осуществлена Э.Кинэном [Кинэн 1982/1976]. Несмотря на то что Э.Кинэн в значительной степени эксплицировал признаки подлежащего, признаваемого лингвистической традицией, он не только не рассеял, но еще больше усилил сомнения в единой природе этого синтаксического объекта.

Вслед за его статьей появился целый ряд работ, подвергающих сомнению тезис об универсальности подлежащего. Так, П.Шахтер [Шахтер 1976, Шахтер 1982/1977] показал, что в тагальском языке типичные свойства подлежащего распределены между двумя сущностями: семантической ролью Актора (главного действующего лица) и топиком (определенной, референтной именной группой), которые могут в пределах предложения как совмещаться в одной именной группе, так и соотноситься с различными именными группами.

* Такая точка зрения, естественно, возникает лишь при допущении неуниверсальности данных понятий. Ее придерживаются, в частности, [Мартине 1967, Ван Валин 1977].

** Такова классификация Дж. Гринберга в терминах S - субъект, O - объект, V - глагол [Гринберг 1970. С. 118 и сл.]. (В рамках этой же классификации произведено также в последнее время фундаментальное исследование [Томлин 1986].)

*** Ср. широко известную "Иерархию доступности", сформулированную в терминах членов предложения в работе [Кинэн - Комри 1982/1977].

Связь подлежащего с ролевыми и референциальными свойствами именных групп, которые могут реализоваться в естественных языках и вместе, и независимо друг от друга, анализировались Ч.Ли и С.Томпсон [Ли -Томпсон 1982/1976], У.Фоли и Р.Ван Валином [Фоли - Ван Валин 1977], М.Нунэном [Нунэн 1982/1976], Й. Фаарлундом [Фаарлунд 1988] и др.

В итоге можно считать тезис об универсальности реляционных синтаксических понятий в значительной степени поколебленным (что касается термина п е р е х о д н о с т ь, то он, означая, в сущности, лишь класс глаголов с субъектной и объектной валентностями, является производным от этих понятий и также не должен фигурировать как универсальное понятие*.

4. Постановка задачи

Признание такого положения вещей в современной лингвистической теории означает необходимость поиска такой модели языка, в которой, по крайней мере:

1) нашла бы естественное объяснение возможность существования различных синтаксических языковых типов;

2) исчислялись бы все такого рода типы;

3) определялось место субъектно-объектных языков.

Попытка наметить общие контуры такой модели предлагается ниже**.

В качестве отправного пункта для ее построения предлагается не исчисление тех или иных априорно постулируемых формальных структур, а обращение к таким универсальным семантическим сущностям, которые должны быть отображены в формальной структуре всякого естественного языка и которые являются "входом" для правил, ведающих построением "базисных синтаксических структур". В связи с этим необходимо обратиться к структуре семантического представления, выделив в нем наиболее важные составляющие (компоненты/слои/сферы).

* Здесь речь не идет о широкой теории переходности П.Хоппера и С.Томпсон [Хоппер - Томпсон 1980], вводящей понятие высокой/низкой степени переходности, определяемое множеством разноплановых признаков. В этой теории предикаты делятся не дихотомически на переходные/непереходные, а располагаются на континуальной шкале, характеризуясь степенью переходности.

** В значительной степени позиция автора связана с идеями Ч.Филлмора, известного как основоположника "падежной грамматики" [Филлмор 1981/1968, Филлмор 1981/1977]. В некоторых существенных отношениях сходные взгляды выражаются в "референциально-ролевой грамматике" Р.Ван Валина и У.Фоли [Ван Валин - Фоли 1982/1980, Фоли - Ван Валин 1984].

5. Компоненты семантического представления

Не стремясь к полноте и системности, перечислю некоторые из этих компонентов. (Во избежание возможных недоразумений следует подчеркнуть, что я исхожу из далеко не всеми разделяемого положения, что в семантическом представлении высказывания должна отображаться вся информация, имеющая отношение к правильной интерпретации этого высказывания, см. постулат О ГРАНИЦАХ СЕМАНТИКИ в главе 2. В связи с этим противопоставление семантики и прагматики, лишающее прагматику смыслового статуса, кажется мне неправомерным.)

а. Ситуационный компонент составляет ту часть семантического представления, которая предназначена (в норме) выражать основное информационное содержание, отображающее некоторую внешнюю (по отношению к самому сообщению и акту речи) ситуацию. Этот компонент, несомненно, занимает наиболее престижную позицию в иерархии компонентов. Не случайно поэтому именно он постоянно (и почти исключительно) находится в центре внимания семантических исследований (так называемая слабая семантика, см. [Падучева 1985. С. 48], не случайно именно для его языкового выражения приспособлена основная единица синтаксического уровня - предложение.

Элементарная внеязыковая ситуация состоит из некоторого типового события и его участников (партиципантов). На семантико-синтаксическом уровне такую внеязыковую ситуацию отображает пропозиция, состоящая из предиката и его аргументов. Среди аргументов предиката наиболее важны те, которые соответствуют его семантическим валентностям (переменным в толковании), - актантам (о которых в дальнейшем и пойдет речь), см. [Мельчук 1974а. С. 85].

б. Дейктический (акто-речевой) компонент соотносит ситуационное содержание высказывания с координатами акта речи, воспринимаемого обоими его участниками. Акт речи не является внешним по отношению к сообщению, как, например, телефонный провод к содержанию телефонного разговора, а выполняет функцию системы координат - грубо говоря, устанавливает некоторую иерархию ценностей, соотносимую с ситуацией акта речи, в соответствии с принципом: сущность тем значимее, чем она ближе к соответствующей сущности акта речи. Так, говорящий важнее, чем слушающий*, а они вместе важнее, чем все остальные объекты внешнего мира; все события ориентируются во времени и пространстве по времени и месту протекания акта речи (т.е. относительно СЕЙЧАС и ЗДЕСЬ) и т.д. Существенно также, совпадает ли внеязыковая ситуация (хотя бы частично) или нет с актом речи, т.е. наблюдается ли она участниками акта речи и вовлечены ли они в нее.

* Частный случай этого принципа - принцип "Я первый" У.Купера и Дж.Росса [Купер - Росс 1975].

Смысл, соответствующий обстоятельствам протекания акта речи, известен обоим участникам речи, и говорящий может на него опираться как на общую основу того, что сообщается. Его нельзя исключать из смысла высказывания, как это обычно делается; наоборот, надо уметь видеть, в какой форме и в каких ситуациях он материализуется в сообщении*. Трудность его вычленения состоит в его неполной материальной выраженности: он имеет, кроме того, тенденцию наслаиваться на те средства выражения, которые в основном предназначены для ситуационного компонента, вызывая тем самым возмущающее воздействие, нарушающее "правильность" использования кодирующих средств. Особенно это сказывается в интересующем нас отношении на "аномалиях" в поведении личных местоимений - аномалиях, которые в последнее время связывают с иерархией одушевленности, см. [Сильверстейн 1976].

в. Коммуникативный ("упаковочный") компонент соотносит каждое конкретное высказывание как часть дискурса со всем дискурсом. Он предопределяет стратегии говорящего при материализации "смыслового задания". Важность этого компонента обусловлена принципиально нелинейным характером смысла и связанными с этим нарративными проблемами. Нелинейный смысл можно означить и "вытянуть" в линейную цепочку множеством различных способов, но произвольность выбора (случайность) в конкретном акте речи в высшей степени проблематична. Коммуникативный компонент должен не только текущим образом согласовывать порождаемое сообщение с предшествующим текстом, но и одновременно как бы отслеживать текст с точки зрения удобства восприятия слушающего. Этот компонент частично совпадает с тем, что именуется актуальным членением предложения. (Единицы этого компонента: тема - рема, старая/новая информация, топик, эмпатия, различного рода анафорические выражения, носители коммуникативной информации - порядок слов и интонация.)

г. Референциальный компонент является реляционным: его назначение - соотносить элементы текста с представлениями об элементах действительности, производить их отождествление, актуализовать высказывательную форму. Семантическое представление, из которого изъят референциальный компонент, не может быть правильно проинтерпретировано (см. [Падучева 1985]). (Типичные носители референциальных значений - артикли, число, указательные и кванторные местоимения типа *этот, один, некоторый, всякий,* маркеры контрастивности типа лексемы *именно,* интонация.)

д. Модальный компонент, будучи также реляционным, соотносит пропозицию с действительностью. Это соотношение выражает степень

* О влиянии этого компонента на формирование грамматических категорий см. [Бехерт 1977б]

уверенности говорящего в реальности (ирреальности) пропозиции, имеющей, вообще говоря, не дискретный, а континуальный характер. На одном конце шкалы модальности находится значение реальности (ирреальности), на другом - неопределенности, а посередине располагаются различные оттенки степени уверенности говорящего в реальности/ирреальности. (Типичные выразители модальных значений - наклонение, модальные глаголы, вводные модальные слова, интонация.)

е. Логический компонент соотносит, согласовывает текст со знаниями, представлениями говорящего и слушающего о мире, обеспечивает переход от старого знания к новому, отвечает за смысловую правильность текста. (Существенными элементами его являются: субъектно-предикатная структура суждения, распределение содержания высказывания на презумптивную и ассертивную части.)

ж. Эмоциональный компонент соотносит содержание с личностью говорящего, его желаниями, оценками (хорошо-плохо), психофизическим состоянием. (Выражается обычно, хотя и не только, просодически.)

з. Интенционный (иллокутивный) компонент соотносит высказывание с речевыми намерениями говорящего: информировать слушающего, воздействовать на его поведение, поступки, стимулировать его эмоциональную, речевую, мыслительную реакцию и т.д., с чем обычно связано понятие иллокутивной функции (illocutionary force).

О чем говорит этот (видимо, неполный) перечень? О том, что становится очевидной объективная невозможность для естественных языков автономного, независимого поверхностного выражения различных компонентов семантического представления и вызываемая этим необходимость их амальгамирования. Именно это и имеет место в практике всех естественных языков, хотя степень автономности тех или иных компонентов может в разных типах языков быть различной.

Что касается субъектно-объектных отношений, то, с одной стороны, они, несомненно, самым тесным образом связаны со структурой семантического представления; в то же время эта связь носит весьма опосредованный характер и прямое соотношение субъектно-объектных отношений с элементами тех или иных семантических компонентов, видимо, невозможно. Поэтому обратимся к элементам семантического представления как к исходным сущностям и от них попытаемся перейти к единицам более поверхностных уровней.

6. Исчисление базовых конструкций предложения

Вернемся снова к устройству ситуационного компонента. Как указывалось выше, элементарный и важнейший с точки зрения семантики и синтаксиса блок построения высказывания - это предикат (глагол) с его валентностями (актантами). Естественно искать потенции будущих различий синтаксических конструкций в семантических различиях этих блоков. Для нас в этой связи существенно будет понятие "падежной рамки", которая описывает в терминах типовых семантических ролей актанты глагола. Наиболее важными семантическими ролями являются роли Агенса и Пациенса, которые мы считаем универсальными (т.е. предполагаем, что смыслы многих, хотя и далеко не всех глаголов естественных языков могут быть единообразно представлены на таком уровне семантического представления, на котором их семантические валентности будут интерпретироваться в терминах Агенса и/или Пациенса*). Возможны глаголы со следующими падежными рамками:

<Агенс> (одноместный глагол с единственной агентивной валентностью, например: *идти* + *кто*, *работать*+ *кто*);

<Пациенс> (одноместный глагол с единственной пациенсной валентностью, например: *лежать* + *кто/что*, *быть сухим* + *кто/что*);

<Агенс, Пациенс> (двухместный глагол, например: *класть* + *кто* + *кого/что*, *мыть* + *кто* + *кого/что*).

Если "отмыслиться" от содержательных характеристик именных актантов для глаголов указанных трех типов, то существует 15 способов их формального противопоставления/объединения (см. схему 1), т.е. 15

Схема 1

Формальное исчисление базовых конструкций предложения

* О базовости этих понятий говорит также гипотеза Хоппера - Томпсон [Хоппер - Томпсон 1980] о шкале переходности, в которой наиболее переходными являются глаголы с агентивным и пациенсным актантами, а наименее переходными - глаголы с единственным актантом - Пациенсом.

типов стратегий (под стратегией здесь и ниже имеется в виду определенным образом организованный способ кодирования актантов на фиксированном множестве падежных рамок). На схеме в каждой конструкции объединяются те актанты, которые имеют одинаковый способ кодирования.

Если бы кодирование актантов глаголов было произвольным (в частности, не зависело бы от их семантических ролей), то в языках мира равновероятно встречались бы все 15 типов стратегий. Этого, однако, не происходит. Реально засвидетельствованы лишь первые пять типов, а бóльшая часть стратегий не встречается ни в одном языке.

Если бы кодирование актантов целиком и полностью зависело от их семантических ролей, то реализовалась бы только одна стратегия, а именно - стратегия N 3. Хотя такая стратегия засвидетельствована, она не только не является единственной, но и не занимает ведущего места в языках мира. (Вместе с тем факт ее существования знаменателен; это весомый довод в пользу гипотезы об универсальном статусе элементарных семантических ролей и их значений для построения полной типологии предложения.)

Чем может объясняться именно такая избирательность формальных типов стратегий? Видимо, некоторыми универсальными тенденциями языкового кодирования, которые должны иметь достаточно общий характер и проявляться не только в ограничениях на базовую структуру предложения, но и во многих прочих звеньях языковой системы, связывающей значения с формами.

7. Базовые принципы кодирования

Для объяснения эмпирически наблюдаемых избирательных ограничений рассмотрим прежде всего следующие фундаментальные принципы, лежащие в основе механизмов языкового кодирования:

- тенденция к семантической мотивированности (семантически одинаковое кодировать тождественно, семантически различное - по-разному);

- тенденция к экономичности (нейтрализовать семантические противопоставления, если они могут быть восстановлены косвенным образом). Это относится в первую очередь к контекстно связанным парадигматическим противопоставлениям;

- тенденция к различительности (различать такие семантические противопоставления, которые косвенным образом восстановить трудно: это относится в первую очередь к синтагматическим противопоставлениям, а также к контекстно-свободным парадигматическим).

Данные принципы действуют независимо и иногда могут вступать в конфликт между собой (следование одному принципу нарушает другой

и наоборот). Конфликтные ситуации разрешаются в пользу того из принципов, осуществление которого в большей степени соответствует или в меньшей степени противоречит другим частям языковой системы. Рассмотрим реально представленные типы с точки зрения их соответствия указанным принципам.

Аккузативная и эргативная стратегии различительны (они различают актанты двухместных глаголов) и экономичны (ограничиваются противопоставлением с минимальным числом членов). Вопрос об их семантичности требует особого рассмотрения. Как станет ясно из дальнейшего, объединение элементарных семантических ролей по аккузативной и эргативной модели базируется на семантических факторах. Если это так, то данные стратегии удовлетворяют также принципу семантической мотивированности.

Аккузативную стратегию построения предложения воплощает русский язык (*Петр* (А:им) *бежит, Иван* (П:им) *мертв, Петр* (А:им) *убил Ивана* (П:вин)). Это наиболее распространенная в языках мира стратегия, и долгое время она считалась единственно возможной. Данное убеждение и лежит в основе тезиса об универсальности субъектно-объектной структуры предложения.

Эргативная стратегия представлена также достаточно большим числом языков. Условно ее можно проиллюстрировать примерами типа: *Петр* (А:им) *бежит, Иван* (П:им) *мертв, Иван* (П:им) *убит Петром* (А:тв). В связи с этим следует отметить, что, опираясь на такого рода аналогию, исследователи эргативных языков связывали эргативный способ построения предложения с "пассивным характером глаголов" в этих языках, см., например [Шухардт 1950, Уленбек 1950].

Активная стратегия с точки зрения базовых семантических единиц Агенса и Пациенса максимально семантически мотивирована: противопоставление актантов ориентировано именно на эти семантические роли. В то же время эта стратегия различительна. Ее слабостью является недостаточная экономичность: избыточно различаются ролевые свойства актантов одноместных глаголов, хотя эти свойства, как правило, однозначно выводятся из глагольной семантики. Во всяком случае Агенсы и Пациенсы одноместных глаголов противопоставлены друг другу лишь парадигматически и в конкретных высказываниях не возникает неоднозначности интерпретации статуса именных групп.

Активную стратегию условно можно проиллюстрировать такой группой выражений: *Петр* (А:им) *бежит, Ивана* (П:вин) *качает, Петр* (А:им) *убил Ивана* (П:вин). Эта стратегия распространена значительно меньше, чем аккузативная и эргативная, и ее часто смешивали с эргативной стратегией, см. по этому поводу [Климов 1977]. Активная стратегия засвидетельствована в ряде индейских языков, например камаюра [Секи 1990], в бацбийском языке, относящемся к нахской подгруппе северокав-

казских языков [Холиски 1987]. Высказывается гипотеза о том, что индоевропейский праязык характеризовался активной стратегией построения предложения [Гамкрелидзе - Иванов 1984].

Контрастивная стратегия различительна и частично семантична (действительно, ни Агенс, ни Пациенс двухместного глагола, строго говоря, не тождественны роли актанта одноместного глагола). Эта стратегия также нейтрализует семантические различия между актантами одноместного глагола, но в целом она неэкономична (избыточно вводит трехчленное противопоставление).

Условной иллюстрацией контрастивной стратегии может служить группа выражений: *Петр* (А:им) *бежит, Иван* (П:им) *мертв, На Ивана* (П: *на* + вин) *было указано Петром* (А:тв). Контрастивная стратегия вследствие своей неэкономичности структурно-неустойчива. Обычно она является переходным звеном между эргативной и аккузативной стратегиями, как, например, в варташенском диалекте удинского языка [Панчвидзе 1940], где Пациенс двухместного глагола оформляется дативом, Агенс - эргативом, а актант одноместного глагола - номинативом. Языком с такой моделью построения предложения является, видимо, также язык моту, если судить по скудным сведениям о морфологическом оформлении глагольных актантов, см. [Кэпелл 1969].

Нейтральная стратегия не различительна и асемантична, но она максимально экономична. Ее можно проиллюстрировать примером: *Дочь* (А, им/вин) *идет, Мать* (П, им/вин) *мертва, Дочь* (А, им/вин) *зовет мать* (П, им/вин), где формы именительного и винительного падежей омонимичны. Нейтральная стратегия как ведущий способ кодирования актантов засвидетельствована только в языке лису [Ли - Томпсон 1982/1976. С. 205], однако она часто используется в качестве дополнительной стратегии, действующей в некоторых фрагментах языковой системы*.

Как мы видим, эти стратегии удовлетворяют всем или некоторым базовым принципам кодирования и степень их распространенности есть функция от их соответствия данным принципам.

А что можно сказать о прочих десяти теоретически мыслимых стратегиях, которые не засвидетельствованы в языках мира?

Тип 6 удовлетворяет только принципу различительности. Семантически он каждый из четырех актантов толкует как особую сущность. Этот тип в то же время максимально неэкономичен.

Типы 7 и 8 также неэкономичны и семантически мало мотивированы.

* Наиболее типичное проявление этой стратегии - нечувствительность тех или иных синтаксических процессов к ролевым статусам именных аргументов глагола, например при релятивизации в арчинском языке, см. ниже.

Тип 9 семантически противоестествен (объединяет Агенсы и Пациенсы, ролевое основание оппозиции отсутствует), хотя принципу различительности и экономичности удовлетворяет.

Типы 10 и 11 отличаются от типа 5 дополнительной неэкономичностью.

Типы 12, 13, 14 неразличительны и семантически не мотивированы. В то же время они экономичны лишь формально, поскольку для введения двухчленного противопоставления отсутствуют содержательные основания.

Тип 15 обладает отрицательными свойствами предыдущего класса, к тому же неэкономичен.

Итак, противопоставление засвидетельствованных стратегий незасвидетельствованным хорошо мотивировано базовыми принципами кодирования, что говорит об их объяснительной силе. Перейдем теперь к более подробному анализу ролевых характеристик актантов и их вкладу в формирование стратегий построения базовой структуры предложения.

Как уже было отмечено выше, идеально отражает оппозицию Агенса/Пациенса активная стратегия, а игнорирует ее - нейтральная. Контрастивная стратегия противопоставляет Агенс Пациенсу в предложениях, требующих их различения (с двухместным глаголом), и в то же время как бы создает третью роль - единственного участника ситуации. Маргинальное место этой стратегии и недостаточная ее исследованность в тех языках, где она засвидетельствована, не позволяют высказываться о ней сколько-нибудь подробно.

Обратимся теперь к основным стратегиям - аккузативной и эргативной. Что стоит за объединением актанта одноместного глагола с ролью Агенса в аккузативной стратегии и Пациенса в эргативной? Есть для этого, кроме соображений экономики, собственно семантические основания?

8. Обоснование эргативной стратегии

Многие исследователи эргативных языков независимо друг от друга приходят к мысли, что эргативная стратегия объединения актантов семантически мотивирована и ориентирована на их ролевое единство. Так, Чарчворд, обсуждая единство формы Пациенса и актанта одноместного глагола, приходит к выводу: "Наиболее вероятно, что для носителей языка тонга здесь выступает (как мне кажется) не два значения, а одно" [Чарчворд 1953. С. 106]. Чарчворд предлагает для этой единой сущности термин proximative. Й.Бехерт [Бехерт 1977а] также вводит аналогичное понятие, называемое им Patiens^{GR}. Уилбур [Уилбур 1970] говорит о роли objective. В основе такого рода объединений лежит предположение, что наряду с элементарными типовыми ролями Агенса и Пациенса существуют также, так сказать, гиперроли - определенным образом мотивированные конгло

мерации элементарных ролей, сливающиеся в единую роль со своим обобщенным значением. В эргативной конструкции такую гиперроль будем называть Фактитивом (не тождественным термину Ч.Филлмора), которому соответствует значение: "Актант, обозначающий непосредственного, ближайшего, наиболее затрагиваемого участника ситуации". Подробно исследованы семантические свойства Фактитива в статье [Кинэн 1984].

Базовым свойством Фактитива является его тесная связь с семантикой предиката: во-первых, значение предиката обычно накладывает сильные ограничения на класс Актанта-Фактитива, например: *быть пасмурным* (день, погода), *мычать* (корова), *штопать* (носки, рукав, брюки), в то время как ограничения на Агенс являются весьма общими (обычно связаны с признаками 'одушевленность', 'лицо'); во-вторых, значение многозначных предикатов обычно уточняется, в первую очередь в контексте Фактитива, а не Агенса, например: *Иван бежит, Часы бегут; Иван снял трубку/рубаху/грим/яблоки/министра/свою кандидатуру/копию/кинокартину/дачу*; в-третьих, существование Фактитива обычно зависит от ситуации, обозначаемой предикатом, в то время как Агенс обычно существует независимо от ситуации. Например: *Собралась толпа, Подул ветер, Иван совершил ошибку, Иван построил дом, Иван зажег огонь.*

Далее, локативная и направительная составляющие предложения пространственно ориентируют в первую очередь Фактитив: *Дом стоит в лесу, Иван поехал в деревню, Иван послал Петра в деревню, Иван вызвал Петра из деревни.* Агенс включается в направительную перспективу лишь в том случае, если в нее также включен Фактитив: *Иван повез Петра в деревню.*

Можно отметить также следующие семантические и формальные корреляции с Фактитивом. Распределительное значение глагола характеризует множественный Фактитив, а не Агенс: *Дети разбежались, Иван раскидал камни.* Языки с инкорпорацией именных групп инкорпорируют только Фактитив, см., например, в чукотском и корякском языках конструкции типа: *У меня живот болит - Я животоболею, Я купил книгу - Я книгокупил*, см. примеры в [Недялков 1977].

В языках, допускающих номинализацию, Фактитив может включаться в сложное отглагольное имя, а Агенс - нет. Например, *солнцестояние* (из *солнце стоит*), *сенокос (косят сено)*. Прилагательные-копредикаты обычно определяют Фактитив, а не Агенс: *Иван вернулся усталый, Петр застал Ивана усталым* (*Иван усталый*, а не * *Петр усталый*), то же относится и к субъектам инфинитивных оборотов: *Иван хочет работать (Иван работает), Петр просит Ивана работать (Иван работает*, а не **Петр работает*). Эти свойства Фактитива характеризуют не собственно эргативные языки, они существуют повсеместно и являются косвенным свидетельством универсальной значимости этой семантической сущности.

9. Обоснование аккузативной стратегии

Имеются также основания для выделения особой гиперроли, объединяющей актант одноместного глагола с Агенсом двухместного. Мы будем называть эту гиперроль Протагонистом - "Актант, обозначающий главного участника, "героя" ситуации". Действительно, при ситуации с одним партиципантом у него независимо от степени его активности других конкурентов на роль "главного действующего лица" нет, а в ситуации с несколькими участниками наибольший вклад в ситуацию вносит участник с ролью Агенса как наиболее активный и в наибольшей степени ответственный за существование данной ситуации.

Итак, аккузативная стратегия также может быть ориентирована на ролевые свойства именных групп, выделяя среди участников "главное действующее лицо", Протагониста ситуации.

10. Взаимодействие кодирующих стратегий

Следует иметь в виду, что в пределах одного и того же языка могут проявляться различные ролевые ориентации. Например, в языке дирбал [Диксон 1972] падежное кодирование в основном подчиняется эргативной стратегии: номинатив кодирует Фактитив, в оппозиции к эргативу - Агенсу двухместного глагола. Однако в системе дейктических имен-местоимений - номинатив-Протагонист противопоставляется аккузативу-Пациенсу двухместного глагола. Во многих дагестанских языках личные местоимения, в отличие от прочих имен, не различают номинатива и эргатива, то есть падежное кодирование в этом случае нейтрально.

В даргинском языке ролевые характеристики выражаются несколькими средствами: падежами, классным согласованием и личным согласованием. Если первые два средства подчиняются эргативной стратегии, то личное согласование - аккузативной [Кибрик 1979 - 1981. Вып. 127. С. 29]. В лакском языке, где также имеется личное согласование, оно ориентировано не только на семантические роли, но также на дейктические характеристики: согласование идет с тем актантом, который дейктически более выделен в соответствии с иерархией лиц: 1 > 2 > 3. То есть в предложениях *Я тебя избил* и *Ты меня избил* глагол в обоих случаях согласуется по 1-му лицу, см. [Кибрик 1979-1981. Вып. 127. С. 6-7].

До сих пор, говоря о типе конструкции, мы рассматривали весьма ограниченный набор падежных рамок. Однако языковая реальность на-

много разнообразнее. Значительное число глаголов имеет актанты с ролями Экспериенцера, Реципиента, Стимула, Цели, Причины, Инструмента, Средства и др. Для характеристики языка существенно, как организуется и их кодирование. Наряду с тенденцией семантической мотивированности, требующей особого их кодирования, значительное влияние оказывает тенденция экономичности, приводящая к их частичной нейтрализации (образованию новых гиперролей) или слиянию с уже имеющимися ролями. В качестве распространенной гиперроли такого рода можно выделить А д р е с а т, объединяющий роли Экспериенцера, Реципиента и Цели и часто имеющий единый падежный показатель - датив. В русском языке можно наблюдать следующие проявления особенностей в кодировании роли Адресата. С одной стороны, возможно единообразное кодирование актанта с такой ролью дательным падежом, например: *Петру* (Адр=Эк,дат) *холодно, Петру* (Адр= Эк,дат) *нравится Маша, Петр дал Маше* (Адр= Рецип, дат) *книгу.* С другой стороны, Адресат может объединяться с Протагонисом: Петр (Адр= Эк, им) *мерзнет, Петр* (Адр= Эк,им) *любит Машу.* Возможно также объединение Адресата с Фактитивом: *Петра* (Адр= Эк,вин) *знобит, Иван ударил Петра* (Адр= Ре, вин), *Иван обманул Петра* (Адр= Эк,вин).

Степень формальной самостоятельности Адресата в том или ином языке зависит от того, как в целом этот язык решает проблему поверхностного кодирования семантических ролей.

11. Ролевая ориентация

Как было показано, наиболее распространенные стратегии кодирования - аккузативная, эргативная и активная - в своей основе семантически мотивированы ролевыми характеристиками актантов. Выбор альтернативы зависит от того, какое ролевое членение доминирует: Протагонист/прочее, Фактитив/прочее или Агенс/Пациенс/прочее. При этом важно иметь в виду, что каждая из этих альтернатив универсально значима и выбор одной из них как доминирующей не аннулирует другие семантические оппозиции: они так или иначе проявляются в периферийных областях грамматики всякого языка, но как скрытые, а не грамматикализованные категории.

Если язык при кодировании актантов ориентируется в первую очередь на их семантические роли, то такой язык мы будем называть р о л е в ы м или языком с семантической (ролевой) ориентацией. Ролевая ориентация языка означает, что имеется однозначное соответствие между семантической ролью актанта и его формальным выражением.

Какова предрасположенность различных стратегий кодирования к ролевой ориентации? Очевидно, нейтральная стратегия несовместима с такой стратегией языка. Напротив, наиболее гармонирует с ролевой ориентацией активная стратегия: семантическая основа кодирования наиболее прозрачна, она сильнее даже тенденции к экономии средств. Контрастивная стратегия противопоставляет маркированную позицию, различающую Агенс и Пациенс, немаркированной и видимо, всегда предопределяет ролевую ориентацию языка. Что касается эргативной стратегии, то она также весьма тесно связана с ролевой ориентацией, хотя обнаружены эргативные языки, в которых ролевая доминанта ослаблена (например, ставший знаменитым австралийский язык дирбал, см. по этому поводу [Диксон 1972]).

Напротив, аккузативные языки весьма редко являются последовательно ролевыми: ролевая ориентация существенна для них обычно лишь на уровне глубинной синтаксической структуры, то есть при выборе исходной диатезы. Однако этот вопрос надо рассмотреть подробнее.

12. От прагматической к реляционной ориентации

До сих пор мы ограничивались рассмотрением той части семантического представления, которая была выделена выше как его ситуационный компонент.

Однако наряду с ролевыми характеристиками именных групп большое значение имеют также их к о м м у н и к а т и в н ы е и р е ф е р е н ц и а л ь н ы е свойства. Если для выражения этих свойств в языке выработаны соответствующие грамматические средства, то такой язык можно считать п р а г м а т и ч е с к и (коммуникативно и/или референциально) ориентированным. Думается, что наиболее естественна такая ориентация для языка с нейтральной стратегией кодирования актантных отношений, так как в этом случае актантные отношения не грамматикализованы (и действительно, в языке лису, использующем нейтральную стратегию кодирования актантов, развита топикальная (т.е. коммуникативная) ориентация, см. [Ли - Томпсон 1982/1976. С. 205].

Что касается активной и эргативной стратегий, то выделяемые ими сущности мало коррелируют с прагматическими параметрами именных групп. Поэтому здесь возможны такие варианты:

- в языке доминирует ролевая ориентация, а коммуникативно-референциальные характеристики слабо грамматикализованы;
- в языке имеются две независимые ориентации: ролевая и прагматическая, использующие разные средства кодирования.

Особое положение относительно прагматической ориентации занимает аккузативная стратегия. Дело в том, что роль Протагониста статистически устойчиво коррелирует с референциальными и коммуникативными свойствами именных групп: именная группа с ролью Протагониста часто бывает автономно-референтной, определенной, топиком, фокусом эмпатии, ср. [Гивон 1979. С. 52]. Часто она совпадает также с логическим

субъектом суждения, существенным для логического компонента. Поэтому ролевая аккузативная ориентация более естественно совмещается с прагматической ориентацией, давая следующие варианты:

- в языке имеются обе ориентации, использующие совмещенную систему формальных средств;
- в языке имеются обе ориентации, каждая из которых использует свою систему средств.

Надо сказать, что вторая альтернатива реализуется, видимо, довольно редко. Примером такой ориентации является тагальский язык, детально описанный в работах П.Шахтера [Шахтер 1976, Шахтер 1982/1977].

В то же время первая альтернатива чрезвычайно широко распространена в языках мира и именно в связи с ней возникает тот феномен, который известен под именем подлежащего (и шире - субъектно-объектных отношений). Средства актантного кодирования в этом случае выражают как постоянные ролевые характеристики актанта, так и зависящие от конкретного речевого акта их переменные прагматические характеристики. В аккузативных прагматически ориентированных языках подлежащее обычно есть статистически преобладающий случай совмещения семантической роли Протагониста и ряда приоритетных прагматических характеристик. Однако полное тождество Потагониста с прагматическими характеристиками невозможно. В соответствии с принципом Приоритета, см. [Бергельсон - Кибрик 1981], предпочитающим ситуативные стратегии кодирования постоянным стратегиям, позицию подлежащего может занимать именная группа, обладающая необходимыми прагматическими свойствами, но не являющаяся Протагонистом. Например: *И в а н убит Петром.* Склеивание ролевых и прагматических свойств в одной языковой форме приводит неизбежно к ослаблению ролевой мотивации данной формы. Данная форма, перестав быть семантически однородной, формализуется, вследствие чего она начинает фигурировать не только в соответствии с ролевой и прагматической ориентацией, но также в составе или в условии применимости тех или иных синтаксических правил, например кореферентного опущения именных групп, сочинительного сокращения, образования относительного предложения, рефлексивизации и т.д. Такова судьба гиперроли Протагониста в большинстве индоевропейских (аккузативных) языков, известного под именем подлежащего (субъекта) в качестве синтаксической, а не семантической сущности.

Коль скоро подлежащее накладывает формальные ограничения на построение предложений, возникает необходимость создавать средства преодоления этих ограничений. Наиболее радикальным является формирование залоговых трансформаций, продвигающих имена с другими семантическими ролями в позицию подлежащего (таков, например, п а с с и в). В русском языке применение производных диатез, приводящих к перемещению некоторой именной группы в позицию подлежащего, зачастую обусловлено именно синтаксическими ограничениями. Например, такова природа пассивного преобразования в: *Я пришел через две недели и был принят какой-то девицей со скошенными к носу от постоянного вранья глазами* (Булгаков). Переход от активной диатезы *Девица приняла меня* к пассивной *Я был принят девицей* необходим для применения правила сочинительного сокращения, устраняющего второе подлежащее и преобразующего сложносочиненное предложение в предложение с однородными сказуемыми.

По мере включения в грамматику языка подобного рода преобразований подлежащее во все большей степени теряет свойство гомогенной семантической мотивированности, поскольку оно уже связано не только с ролью Протагониста и фиксированными прагматическими характеристиками, но и с другими (окказионально приобретающими кодирующую технику Протагониста) обстоятельствами, влияющими на поверхностную форму высказывания. В этом случае мы имеем класс языков с р с л я ц и о н н о й о р и е н т а ц и е й.

13. Заключение

Итак, разнообразие синтаксических типов предопределяется следующими факторами:

1) способом кодирования актантов предиката, связанным с ситуационным компонентом;

2) степенью совмещенности актантного кодирования с кодирующими средствами коммуникативного и референциального, а иногда и дейктического компонентов;

3) степенью грамматикализации указанного совмещения.

О наличии в языке субъектно-объектных (то есть в первую очередь формальных, синтаксических) отношений следует говорить лишь в случае грамматикализованности совмещенного способа кодирования ролевых и прагматических свойств именных групп. Вместе с тем важно подчеркнуть, что не для всех языков релевантно понятие подлежащего: семантически эргативные (так же как семантически аккузативные) языки нейтральны к этому синтаксическому конструкту.

Вопрос о статусе подлежащего в активных, контрастивных и нейтральных языках нуждается в дополнительном исследовании, но, по всей видимости, возможность существования подлежащных языков такого типа должна специально доказываться, а не специально опровергаться.

ГЛАВА 15

ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СЕМАНТИЧЕСКИ ЭРГАТИВНЫХ ЯЗЫКАХ*

Содержание настоящей главы состоит из двух частей. В первой части кратко суммируются представления об универсальной природе предиката и его месте в структуре языка, на которые я опираюсь при анализе эргативных языков. Вспомогательный и неисториографический характер этого в значительной мере компилятивного раздела избавляет меня от необходимости фиксировать все первоисточники и устанавливать приоритеты**. Этот раздел следует рассматривать как тему по отношению ко второй, рематической части, посвященной специфике выражения предикатно-аргументных отношений в так называемых семантически эргативных языках (см. главу 14).

I. МЕСТО ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СТРУКТУРЕ ЯЗЫКА

1. Язык - мышление - действительность

Универсальные свойства языка определяются в конечном счете не едиными формальными ограничениями на инвентарь "кодирующих стратегий" (об этом понятии см. ниже), а единством его функциональной природы. Функциональная природа языка реализуется в языковой деятельности, которая является посредствующим звеном между действительностью, мышлением и языком. Максимально приближен язык к мышлению и внеязыковой действительности на семантическом уровне. Естественно допустить, что структура семантического уровня не должна иметь свойства, принципиально отличные от мыслительных структур, а те в свою очередь являются отражением структуры внеязыковой действительности. Поэтому можно полагать, что структура высказывания на семантическом уровне отражает (повторяет до известной степени) структуру той внеязыковой ситуации, информация о которой в данном высказывании содержится.

Внеязыковая ситуация состоит из некоторого с о б ы т и я (процесса, действия, состояния, свойства) и его п а р т и ц и п а н т о в (участников). В семантическом представлении такую внеязыковую ситуацию отражает пропозиция, состоящая из п р е д и к а т а (⇔событие) и его а р г у м е н т о в (⇐⇒партиципанты). Итак, семантическая природа предиката предопределяется способом мыслительного членения действительности на ситуации.

* Переработанный вариант статьи, опубликованной в журн.: Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. N 4. С. 324-335.

** Отмечу только, что излагаемая ниже концепция в значительной мере формировалась под влиянием работ Ю.Д.Апресяна, И.А.Мельчука, Н.Д.Арутюновой, А.А.Холодовича, Т.Винограда, Ч.Филлмора, У.Чейфа, Р.Шенка и др.

2. Членение действительности на ситуации

Способ членения действительности на систему ситуаций не однозначен. Один и тот же фрагмент действительности может рассматриваться как одна ситуация или как совокупность ситуаций, то есть о б ъ е м ситуации зависит от избранного масштаба рассмотрения. Из бесконечного множества возможных масштабов для лингвистики принципиально важными являются два: а) масштаб элементарной ситуации; б) масштаб лексикализованной ситуации.

Масштаб л е к с и к а л и з о в а н н о й с и т у а ц и и - это масштаб, при котором одному событию соответствует закрепленная данной языковой нормой называющая его лексема-предикат. Каждый язык имеет свой инвентарь типовых событий, отраженных в его словаре. Предполагается, что лексикализованная ситуация, как правило, неэлементарна и состоит из системы вложенных в нее более мелких ситуаций (ср. классический анализ значения *убивать* как 'X каузирует, чтобы Y стал быть мертвым'). Такое вложение имеет циклический характер (дальнейшему разложению могут подвергнуться предикаты *каузировать, стать, быть мертвым*). Можно тем не менее дойти до такого масштаба рассмотрения ситуаций, когда дальнейшее вложение наблюдать уже невозможно. Это и будет масштаб э л е м е н т а р н ы х с и т у а ц и й. Элементарным ситуациям соответствуют пропозиции, состоящие из предиката и одного (максимум двух) характеризуемых этим предикатом актантов. Л е к с е м а - п р е д и к а т - это синонимический заменитель устойчивой, закрепленной в языковой норме конфигурации элементарных предикатов. В структуру этой конфигурации входят кроме самых элементарных предикатов их актантные переменные, заполняемые термами (именами о б ъ е к т о в) или предикатами, и связки, обеспечивающие логическое соединение предикатов. Лексемы-предикаты устроены аналогично элементарным предикатам в том отношении, что они также имеют при себе актантные переменные. Актантная структура лексемы-предиката является обобщенным отображением системы актантов, представленных в синонимичной данной лексеме конфигурации элементарных предикатов, и множеству референциально тождественных актантов этих элементарных предикатов соответствует обычно один актант лексемы-предиката.

Далее, определенные части конфигурации элементарных предикатов, характеризующие тип описываемой ситуации и основные свойства ее партиципантов, "конденсируются" в пропозиции с данной лексемой-предикатом как с е м а н т и ч е с к и е р о л и соответствующих актантов. Семантическая роль - это тоже некоторая языковая подстановка, обобща-

ющая типовые фрагменты индивидуальных конфигураций. Агенс при лексемах-предикатах *бежать, бить, покупать* не является семантически идентичным*, но тем не менее это необходимая типизированная семантическая сущность на уровне лексемных реализаций значений, реальность которой подтверждается множеством косвенных свидетельств.

Итак, пропозиция состоит из предиката и аргументов. Среди аргументов выделяются актанты - обязательные участники данного события, и сирконстанты - факультативные участники события. Обязательные участники - те, которые присутствуют в качестве переменных хотя бы при одном из элементарных предикатов, составляющих конфигурацию, синонимичную данной лексеме-предикату. Иными словами, актанты заполняют семантические валентности данного предиката.

3. Структура пропозиции - части речи - члены предложения

В связи с рассмотренной предикатно-аргументной структурой становится ясным, что глаголы как часть речи - это грамматикализованные предикаты, а существительные - грамматикализованные термы. Вместе с тем соотношения между семантическими единицами и частями речи далеко не однозначные. Так, многие существительные являются номинализованными предикатами. Тем не менее лингвисты, выдвигающие тезис об универсальности противопоставления глаголов и существительных, видимо, имплицитно опираются на универсальность семантического противопоставления предикатов и термов.

Прочие обычно выделяемые части речи, такие, как прилагательное, наречие, не имеют индивидуальных аналогов в семантическом представлении: им, как и глаголам, соответствуют предикаты. С этим связаны: отсутствие класса прилагательных во многих языках или же его большое сходство с причастиями; сходство наречий с деепричастиями или их морфологическая неоформленность; неразличение прилагательных и наречий или же регулярность перехода из прилагательных в наречие и обратно и многие другие наблюдаемые свойства этих поверхностных частей речи.

Иными словами, излагаемые взгляды на семантическую природу предикатно-аргументных отношений лишают теорию частей речи ее абсолютного таксономического содержания и заставляют взглянуть на нее с точки зрения тех языковых преобразований, которые используют языки при переходе от семантического представления к реальным высказываниям.

Пропозиция - это зародыш, ядро предложения, формирующегося на синтаксическом уровне. Ее предикат - это прототипическое сказуемое, актанты предиката - это прототипические подлежащее и дополнения, сирконстанты - прототипические обстоятельства. Существенно, что аргументы в пропозиции могут быть представлены как термами - прототипическими существительными, так и предикатами - прототипическими придаточными предложениями. Разумеется, прототип реализуется в соответствующий синтаксический объект не всегда, иначе не возникло бы необходимости в самостоятельном синтаксическом уровне и в особых его единицах.

* См., например, 14 (!) прототипических агентивных свойств в [Лаков 1981/1977].

4. Концептуальные сферы смысла

Какую информацию содержит предложение? Во-первых, информацию о некотором фрагменте (реальной или воображаемой) действительности, осмысляемой говорящим. Именно эта информация в синтаксисе представляется в виде синтаксической структуры предложения, формализуемой средствами дерева подчинения, дерева составляющих и т.п. Назовем эту информацию Ситуационным компонентом смысла.

Однако информация о внеязыковой действительности неотделима от личности, сознания, воли говорящего. Его речевая деятельность состоит не только в творческом осмыслении действительности, но и в творческом преобразовании континуального многомерного представления о действительности в его дискретный двухмерный (линеаризованный) образ - текст. Механизм компоновки, "упаковки" информации требует учета многих факторов, в частности квалификации событий по важности, новизне, желательности, близости и т.п. как в отношении себя, так и в отношении слушающего. Такого рода информация о коммуникативных намерениях говорящего относится к Коммуникативному компоненту смысла.

Необходимым условием успешного речевого акта является актуализация в мозгу слушающего той модели действительности, которую имеет в виду говорящий. В частности, нужно, чтобы слушающий правильно идентифицировал референты имен, время и место описываемого события, совместив описание этого события с системой координат, в центре которой находится сам акт речи. Информацию такого рода назовем Референциальным и Дейктическим компонентами.

В литературе распространено противопоставление семантики (=Ситуационный компонент) и прагматики (=Коммуникативный, Референциальный и Дейктический компоненты), а в предлагаемом понимании прагматика столь же семантична, как и традиционная семантика, хотя единое семантическое представление может быть разделено на различные кон-

цептуальные сферы (о прочих компонентах семантического представления см. главу 14).

В семантическом представлении информация, относящаяся к указанным компонентам, представлена единообразно в виде предикатно-аргументной структуры, но лексикализуются в первую очередь пропозиции Ситуационного компонента. Лексикализация же (и непосредственное встраивание в синтаксическую структуру) пропозиций прочих компонентов происходит только в том случае, если соответствующая информация представляется особенно важной (например, вводные высказывания типа *Особо следует подчеркнуть то обстоятельство, что..., Общеизвестно, что..., Я не вполне уверен в том, что...* лексикализуют элементы Коммуникативного компонента).

Более того, оказывается возможным, если содержание высказывания состоит (почти) исключительно из одного вспомогательного компонента, отказаться от несущего Ситуационного компонента и использовать формы высказывания, не сводимые к обычной предикатно-аргументной структуре. Так, выразителем иллокутивно-дейктического значения является высказывание *Ау-у-у*! 'Я сообщаю, что я нахожусь там, откуда исходит звук моего голоса, и прошу тебя сообщить, где находишься ты', выразителем эмоционального значения - *Ой*! 'Я испытываю неприятное физическое ощущение', выразителем модального значения - *Ой ли*?! 'Я сомневаюсь в истинности твоего высказывания'. Такие специфичные высказывания, несводимые к стандартным структурным схемам, становятся понятными и естественными, если учитывать их особый семантический статус.

5. Кодирующие стратегии

Семантическое представление - это базисная структура, в которой в принципе имеются все составляющие, необходимые для соотнесения с единицами синтаксического уровня, но в этой структуре соотношения между ее элементами и их значениями еще достаточно прозрачные, мотивированные. Основные структурные различия между языками имеются не на уровне этих базисных семантических структур, принципиальное устройство которых предполагается идентичным (этот тезис не значит, что конкретное выражение на некотором языке и его переводной эквивалент на другом языке имеют одинаковую семантическую структуру - ведь эта структура всякий раз словарно ориентирована на определенный язык). Поразительное разнообразие языков наблюдается в их кодирующих стратегиях, то есть в отношении того, каким синтаксическим преобразованиям подвергается семантическое представление на пути к поверхностной манифестации языковых выражений, которую мы все наблюдаем, а многие из нас и принимают за язык.

В рамках излагаемой концепции достаточно широко распространен взгляд, что для всех языков синтаксическое расстояние между семантическим представлением и поверхностной манифестацией столь велико, что вряд ли может быть преувеличено. Этот взгляд представляется мне необоснованным. Обратимся к морфологической аналогии. Известен огромный диапазон между языками с чрезвычайно сложной морфологией и языками с морфологией вырожденной. При этом если языки с вырожденной морфологией структурно весьма схожи, то языки с богатой морфологией обычно столь же не похожи друг на друга, как и на морфологически вырожденные языки.

Морфологически развитые языки характеризуются наличием синтаксиса словоформы. При всем их разнообразии они могут быть упорядочены на шкале агглютинативности/фузионности. Эталон агглютинативности: каждому грамматическому значению - отдельная морфологическая форма; напротив, фузионный принцип предписывает склеивание нескольких значений в одной форме. Связь значения с формой в эталонном агглютинативном языке значительно прозрачнее, чем в фузионном, и соотнесение в нем значений и форм не требует никаких трансформаций. Агглютинативная и фузионная техника обслуживают одну и ту же сферу, но если для первой доминирующим является принцип семантической мотивированности, то для другой - принцип экономичности.

Обратимся теперь к функциям синтаксического компонента. Чем принципиально отличается семантическое представление от поверхностного? Не может ли оно непосредственно реализоваться в высказывание? Что вызывает необходимость синтаксических перестроек, подчас до неузнаваемости искажающих то "первозданное" семантическое представление, поисками которого и занято в значительной мере современное поколение лингвистов? Полный ответ на эти вопросы далеко не прост. Представляется, что он может быть получен в результате обобщения всех сведений об устройстве и функциях языка, но немалую помощь могут оказать специальные исследования разносистемных языков, которые позволили бы отделить инвариантные, универсальные синтаксические процессы от процессов случайных, специфичных для отдельных типов языков.

Думается, что большая часть специфичных синтаксических процессов, характерных для "среднеевропейского стандарта"* (СЕС), связана со стремлением совместить в одной кодирующей технике семантику ситуационного компонента с семантикой прочих компонентов. Используя мор-

* Я пользуюсь этим расплывчатым термином вслед за [Уорф 1960. С. 140] как удобным эталоном для типологического сравнения, пренебрегая имеющимися в нем межъязыковыми различиями и включая в этот эталон и русский язык.

фологическую аналогию, можно сказать, что в этих языках наблюдается явление синтаксической фузионности.

В следующей части я попытаюсь, по необходимости кратко, показать возможность реализации другой языковой стратегии, не нуждающейся в данном совмещении, а именно стратегии синтаксической агглютинации. Моей целью является демонстрация того факта, что семантически эргативные языки сохраняют лексикализованную предикатно-актантную структуру в максимально незатемненном виде.

II. КОДИРОВАНИЕ ПРЕДИКАТНО-АРГУМЕНТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1. Эргативные VS аккузативные языки

Как указывалось выше, актанты находятся в определенных типизированных семантических отношениях к своему предикату. Важнейшими семантическими отношениями (=семантическими ролями, глубинными падежами) являются Агенс и Пациенс. Их различение, семантически значимое при двухместных предикатах, избыточно для одноместных. Если аккузативные языки нейтрализуют актанты одноместного предиката в сторону Агенса, то эргативные - в сторону Пациенса двухместного предиката. Нейтрализация эргативного типа базируется на возможности образования гиперроли Ф а к т и т и в а - актанта, обозначающего "непосредственного, ближайшего, наиболее затрагиваемого участника события". Поскольку значение этой семантической роли связано не с абсолютными, а с относительными свойствами актантов, у любого события имеется Фактитив. При одноместном предикате Фактитивом, естественно, является его единственный актант, при двухместном агентивном - Пациенс или Реципиент, при экспериенциальном - Стимул.

Если ролевая структура предикатов с Фактитивом в качестве главной роли не затемняется синтаксическим компонентом и находит последовательное выражение в поверхностной реализации, следует говорить о семантической эргативности.

Конкретные языки, причисляемые к эргативным, в различной степени приближаются к эталону эргативности, и, видимо, ни один из них не совпадет в точности с эталоном (ср. идеализированное понятие агглютинативного языка), однако среди восточнокавказских языков, применительно к которым понятие эргативности впервые было в лингвистике применено, имеются экземпляры, достаточно близкие к такому эталону. Материалом именно этих языков я буду пользоваться для демонстрации синтаксических свойств, характеризующих семантическую эргативность. Суммируемые ниже типологические обобщения дагестанских языков носят иногда упрощенный характер, так как в контексте данной работы

существенны не индивидуальные отклонения тех или иных языков от "среднедагестанского стандарта" (СДС), а то общее, что восходит к проявлениям семантической эргативности. Конкретные языки могут обладать большим или меньшим числом черт, отдаляющих их от эталона эргативности*, но не на этих чертах будет фокусироваться внимание, а на таких свойствах, которые могут быть естественно объяснены в свете семантической эргативности.

Аккузативные языки могут также семантизировать актантную нейтрализацию в гиперроли Протагониста - актанта, обозначающего 'главного участника ситуации'. Однако языки СЕС относятся к с и н т а к с и ч е с к и аккузативным, поскольку противопоставление Протагониста Пациенсу имеет в них лишь прототипический характер и используется не только и не столько для выражения ролевых свойств актантов, сколько для синтаксической оппозиции Субъект VS Объект. Субъектно-объектные отношения упорядочивают актанты по синтаксической выделенности. Причины же, по которым тот или иной актант занимает определенное место в этой иерархии, могут быть весьма различными, что не позволяет говорить о единой семантической функции этих понятий. В мою задачу не входит детальное описание СЕС с точки зрения их стратегии кодирования предикатно-актантных отношений: считается, что читатель имеет достаточно богатый личный опыт в этом отношении, и я буду отталкиваться от эталона СЕС как привычного и известного.

Ниже будут рассмотрены некоторые синтаксические условия, вызывающие нарушение однозначности кодирования семантических ролей в СЕС, и будет продемонстрировано, как в этих ситуациях языки СДС обходятся без нарушения принципа однозначности.

2. Проблема субъектно-объектной рамки

В языках СЕС поверхностное оформление актантов осуществляется не в соответствии с их семантическими ролями, а в соответствии с субъектно-объектной рамкой, значение которой для СЕС столь велико, что она часто провозглашается языковой универсалией. Именно разительной несхожестью с привычными кодирующими субъектно-объектными средствами в свое время обратили на себя внимание базисные предложения эргативных языков. Отличие эргативных языков от аккузативных кроется, однако, не в специфике выражения субъектно-объектных отношений, а в том, что аккузативные языки обладают этими отношениями, а семан-

* Подробное изложение типологического тождества и различий языков СДС содержится в [Кибрик 1979-1981].

тически эргативные - нет. Рассмотрим этот (для многих крамольный) тезис подробнее на примере СДС.

А. Прежде всего в языках СДС наблюдается достаточно явное соответствие: каждой выделяемой в языке семантической роли - свое единое средство выражения. Так, во всех дагестанских языках имеется падежное выделение семантических ролей Фактитива - номинативом и Агенса - эргативом (или функционально-тождественным ему падежом). По соответствующей семантической роли морфологический падеж, как правило, восстанавливается однозначно. Например (цахурский яз.):

(1) Гаде хъикIи
мальчик, ном* умирать, прош
'Мальчик умер'.

(2) Гад-ес ичи геety
мальчик,эрг девочка,ном бить,прош
'Мальчик побил девочку'.

Необычным с точки зрения СЕС является объединение в номинативе (то есть в семантической роли Фактитива) среднеевропейского Субъекта непереходного и Объекта переходного глаголов.

Б. В дагестанских языках предикаты со значением чувственного восприятия (*видеть, слышать* и др.), то есть с актантами Экспериенцер и Стимул-Фактитив имеют специальное падежное оформление Экспериенцера, например (цахурский яз.):

(3) Гаде-йле ичи гъайжы
мальчик,лок девочка,ном видеть,прош
'Мальчик увидел девочку'.

В данном примере Экспериенцер выражен локативным падежом (суперэлативом), хотя наиболее обычное оформление Экспериенцера в СДС - датив. Существенно, что Экспериенцер по падежу противопоставлен Агенсу, хотя они обычно не встречаются в пределах одной предикатно-актантной структуры. Иными словами, в дагестанских языках невозможны предложения типа *Я вижу гору* (где *я* оформляется так же, как в предложениях типа *Я копаю землю*), а только *Мне видна гора*. Это явление породило в литературе проблему аффективной конструкции, которая тривиально объясняется с точки зрения актантно-ролевых характеристик соответствующих предикатов. Особый класс аффективных глаголов обязан своим происхождением существованию таких двухместных предикатов, один из актантов которых - Экспериенцер - парадигматически противопоставлен Агенсу. В СЕС доминирует, напротив, нейтрализация этого противопоставления в синтаксической позиции Субъекта (=подлежащего). Русский язык имеет обычно два способа выражения Экспериенцера: *Я скучаю - Мне скучно; Я рад - Мне радостно; Я мерзну - Мне холодно; Я хочу - Мне хочется* и т.д. В языках СДС при многоместных глаголах Экспериенцер выражается дативом (или его эквивалентом), а при одноместных возможна одна из двух стратегий: а) сохранение падежной маркировки; б) нейтрализация в гиперроли Фактитива (выражение номинативом).

* В переводах используются следующие сокращения: ном(инатив), эрг(атив), лок(атив), дат(ив), исх(одный падеж), прич(астие), деепр(ичастие), прош(едшее время), импт(ператив), кауз(атив), масд(ар), всп(омогательный глагол), возвр(атное местоимение), антипасс(ив).

В. Выделяется также семантическая роль Реципиента, выражаемая дативом. Реципиент представлен не только в трехместных глаголах типа *дать* (кому), но и в двухместных типа *ударить** (кого) и *находить* (кто), например (цахурский яз.):

(4) Гад-ее ичи-с ыIхыI
мальчик,эрг девочка,дат ударить,прош
'Мальчик ударил девочку'.

Эта роль, которая в русском языке выражается то косвенным, то прямым дополнением, то подлежащим, в дагестанских языках имеет единое падежное оформление. В тех языках, где Экспериенцер также оформляется дативом, возможно слияние Реципиента и Экспериенцера в гиперроль Адресата.

Кроме того, вычленяется роль Инструмента, выражаемого совмещающим эргативом или специальным инструментальным падежом. Прочие семантические отношения актантов и предикатов являются периферийными; их падежное оформление (обычно пространственными падежами) также словарно закреплено.

Итак, основной принцип падежного оформления предикатных актантов следующий: "одна роль - один падеж".

3. Диатезы

Известно фундаментальное значение для СЕС наличия нескольких диатез у одного предиката, что позволяет перемещать актанты с одной семантической ролью в разные синтаксические позиции, например: *Никто не охраняет этот сад - Этот сад никем не охраняется; Колонны держат балкон - Балкон держится на колоннах; Грузчики нагрузили арбузы на баржу - Грузчики нагрузили баржу арбузами.* Грамматикализованные диатезные преобразования формируют в СЕС

* СДС четко различает пару близких по смыслу глаголов физического воздействия типа 'бить' - 'ударить'. Различие между ними не в многократности/однократности, а в степени вовлеченности в действие подвергающегося воздействию партиципанта. Он может интерпретироваться или как Пациенс (≈'бить'), или как Реципиент (≈'ударить'). В последнем случае Фактитивом является (обычно неупоминаемое) средство воздействия.

категорию залога. Залог означает новый шаг в сторону ролевой десемантизации синтаксических отношений. Однако из принципа, жестко связывающего в СДС семантическую роль с кодирующей техникой, должно следовать отсутствие в них залоговых преобразований, назначение которых - изменять синтаксические характеристики актантов при сохранении содержания и состава семантических актантов. Действительно, в большинстве дагестанских языков залоговые преобразования не отмечаются.

Отсутствие залогов не означает, что невозможна мена падежной характеристики какого-либо актанта. Однако эта мена оказывается всякий раз не синтаксическим преобразованием, а отражением изменения семантической роли данного актанта. Так, в ряде языков актант с прототипической ролью Агенса может приобретать особую падежную характеристику, если данный партиципант не контролирует событие и не участвует в нем сознательно, например (лакский яз.):

(5) Гвана-л цвурку иикIунди
он*,эрг вор,ном убивать,прош
'Он убил вора'.

(6) Гвана-ща цвурку иикIунди
он,исх вор,ном убивать,прош
'Он случайно убил вора'.

Изменение поверхностного падежа есть следствие семантической деривации: эргатив н е м о ж е т кодировать актант, не обладающий основными характеристиками Агенса (ср. с русскими переводами, где этот актант в обоих случаях выражен Субъектом)**.

Аналогичное явление наблюдается с дативом, например (арчинский яз.):

(7) Дошми-с хвалли бокьи
сестра,дат хлеб,ном давать,импт
'Дай сестре хлеб'.

(8) Дошми-рак хвалли бокьи
сестра,лок хлеб,ном давать,прош
'Дай сестре (=через сестру) хлеб'.

* В лакском языке эргатив является морфологически несамостоятельным: при неличных именах в его функции выступает генитив, при личных (местоимения 1-2-го лица) - номинатив.

** В русском языке аналогичная мена падежного кодирования наблюдается при одноместных глаголах: *Я (не) работаю - Мне (не) работается, Я (не) сплю - Мне (не) спится*: здесь смена именительного падежа на дательный связана с изменением актантной роли: субъект интерпретируется не как Агенс, а скорее как Экспериенцер.

В первом случае сестра мыслится как получатель хлеба, т.е. Реципиент, во втором - как промежуточное лицо, не вступающее в полное обладание хлебом, то есть Комплетив.

В некоторых дагестанских языках наблюдается преобразование, известное как а н т и п а с с и в. Но в отличие от языка дирбал, где антипассив вызывается синтаксическими условиями, в дагестанских языках это процесс, ориентированный семантически. Антипассив достаточно широко развит в бежтинском языке, см. [Кибрик 1979-1981. Вып. 140. С. 17-18]. Он состоит в том, что Агенс исходно двухместного глагола меняет падежную маркировку *эргатив⇒номинатив*, Пациенс или устраняется из поверхностной структуры, или изменяет падеж *номинатив⇒инструменталь*. Глагол при этом получает показатель антипассива - *дагь/лагь/чагь* - (распределенный относительно типов основ). Например:

(9а) ИстIи лъи гъарлIолца
брат,Аг-эрг вода,Па=ном кипятить
'Брат воду кипятит'.

(9б) Ис лъи-д гъарлIол-даа-ц
брат,Аг=ном вода,Па=инстр кипятить,антипасс
'Брат занимается кипячением воды'.

Перевод антипассивной конструкции не передает в полной мере ее значения. При антипассиве изменяется денотативный статус всего высказывания, и в частности Пациенса - они приобретают родовой статус. Действие мыслится как постоянный признак данного Агенса, Пациенс обозначает некоторый класс объектов, а не индивидуализированный объект (поэтому соответствующая именная группа часто отсутствует, ср. русские выражения: *Он курит, Он пьет, Он косит (умеет косить)* и т.п.).

4. Семантическая деривация предиката

В СЕС имеются те или иные средства для перестройки синтаксических отношений в связи с изменением числа актантов предиката. Рассмотрим два противоположных процесса: устранение Агенса и добавление Агенса.

А. В языках СДС имеется группа так называемых л а б и л ь н ы х предикатов, которые могут иметь или не иметь при себе актант с семантической ролью Агенса, например (арчинский яз.):

(10а) Бува-му ваIртIи абкъIу
мать,эрг тарелка,ном бить(ся),прош
'Мать разбила тарелку'.

(10б) ВаIртIи абкъIу
тарелка,ном бить(ся),прош
'Тарелка разбилась'.

Если в русском языке дезагентивизация глагола 'разбивать' вызы-

вает образование его непереходного коррелята и перемещение Объекта в позицию Субъекта (так называемый средний залог), то в арчинском никаких изменений ни глагол, ни Фактитив не имеют. Устранение Агенса из состава семантических актантов на уровне реализации выражается тривиально - отсутствием соответствующей лексемы в эргативе.

Б. Напротив, присоединение к предикату актанта с семантической ролью Агенса сопровождается каузативной деривацией. В СЕС каузативизация связана, в частности, со смещением Субъекта со своей позиции в связи с тем, что в нее помещается добавляемый Агенс, например (французский яз.): Je ferai courir Henriette 'Я заставлю Генриетту бежать', Je ferai manger les gâteaux à Jean 'Я заставлю Жана съесть пирожные' [Комри 1976. С. 262]. В первом предложении исходный Субъект переходит в свободную позицию прямого Объекта, а во втором - в позицию непрямого Объекта, так как позиция Объекта занята.

В ряде языков СДС каузативизация допустима только от неагентивных предикатов. Например (арчинский яз.):

(11) Товму-с мул-ур акку
он,дат гора,мн,им видеть,прош
'Он увидел горы'.

(12) Бува-му товму-с мул-ур аккус ав
мать,эрг он,дат гора,мн,им видеть + кауз,прош
'Мать показала ему горы'.

Исходный глагол *аккус* имеет при себе актанты с ролями Экспериенцера и Фактитива, а каузатив от него - *аккус ас*, букв. 'видеть сделать' - дополнительный актант Агенс, выражаемый эргативом, при сохранении падежных характеристик актантов (Экспериенцера и Фактитива) исходного глагола. Таким образом, каузативизация в арчинском языке не требует перестройки предикатно-актантной структуры исходного предиката в отличие от русского языка, в котором Субъект глагола *видеть* становится непрямым Объектом при глаголе *показать*. Невозможность в арчинском языке образования каузатива от агентивного предиката объясняется тем, что тогда производный глагол будет иметь при себе два Агенса в эргативе, несмотря на их существенно различные роли в ситуации.

Некоторые дагестанские языки, имеющие морфологический каузатив, допускают каузативизацию агентивных глаголов, например (чамалинский яз.):

(13) Осс-и вогьа ун
он,эрг дерево,ном толкать,прош
'Он дерево толкнул'.

(14) Де осс-учI вогьа ун-ал
я,эрг он,лок дерево,ном толкать+кауз,прош
'Я заставил его толкнуть дерево'.

Агенс вершинного предиката 'каузировать' имеет эргативное оформление, а Агенс вставленного 'толкнуть' - трансформируется в локативный падеж. Данная трансформация, вызванная требованием различительности, - одна из крайне немногочисленных падежных трансформаций (хотя и здесь, видимо, можно обойтись без понятия трансформации, связывая форму в локативе не с глаголом 'толкнуть', а с актантом вершинного предиката 'каузировать', т.е. в качестве исходной структуры вводя конструкцию типа 'Я подействовал на него, чтобы он дерево толкнул', где локатив *осс-учI* непосредственно зависит от предиката каузации; кстати, локатив на *-учI* имеет значение 'находиться в полном контакте').

В. В тех языках, где каузативная деривация продуктивна, она может использоваться и для изменения прототипической семантической роли одного из актантов предиката, например (тиндинский яз.):

(15) Ойав ди-чIи вито
он,ном я,лок проиграть,прош
'Он мне проиграл'.

(16) Ди ойав вит-ало
я,эрг он,ном проиграть+кауз,прош
'Я у него выиграл'.

В обоих предложениях предикат двухместный, но если в первом актант 'я' выступает в периферийной семантической роли Причина, кодируемой локативом, то во втором - как Агенс, кодируемый эргативом. При этом второй актант - Фактитив - не изменяет своей роли и падежного оформления, а исходный глагол получает во втором предложении показатель каузатива *-ало*. Идиоматичный русский перевод 'Я у него выиграл' не отражает природы семантической деривации оригинала. Более адекватен ей перифраз 'Я сделал так, что он (мне) проиграл'.

5. Синтаксическая позиция предиката

В СЕС различаются возможности предиката в независимой (сильной) и зависимой (слабой) позиции. В первом случае актантные отношения реализуются в полной мере, во втором - происходит бóльшая или меньшая нейтрализация средств их выражения. Рассмотрим последствия номинализации предикатного выражения, вызванной помещением его в актантную позицию. Если в русском языке номинализация связана с меной падежного оформления Субъекта и Объекта и нейтрализацией их в форме родительного падежа (например, *Пифагор доказал теорему - доказательство Пифагора - доказательство теоремы*), то в семантически эргативных языках номинализация не должна быть связана с перестройкой падежных форм актантов номинализованного предиката. Действительно, в дагестанских языках номинализация затрагивает, как правило, только сам предикат. Например (арчинский яз.):

(17) Тов уIхъа
он,ном уходить,прош
'Он ушел'.

(18) Тов уIхъ-мул
он,ном уходить,масд
'Его уход'.

(19) Йовму-с аршаттен чIат синши и
он,дат арчинский язык,ном знать всп,наст
'Он знает арчинский язык'.

(20) Йовму-с аршаттен чIат синши и-кул
он,дат арчинский язык,ном знать всп,масд
'Его знание арчинского языка'.

В СДС развертывание актантных зависимых предиката не зависит от занимаемой им позиции и от его финитности/нефинитности (см. ниже).

6. Синтаксическая редукция актантов

В предложении возможно двукратное упоминание одного и того же объекта, что приводит к редукции (полной или частичной) одного из таких упоминаний. В СЕС на такого рода редукцию накладываются весьма строгие ограничения, формулируемые в терминах субъектно-объектных отношений. Как ведут себя в этих случаях языки СДС?

А. Рассмотрим случай, когда референциально тождественны два актанта одного предиката. Если один из актантов является Субъектом, то СЕС прибегает к р е ф л е к с и в и з а ц и и второго актанта (*Директор*$_i$ *не впустил к себе*$_i$ *посетителя*). Если такого актанта нет, используется прономинализация (*Директор отказал служащему*$_i$ *в его*$_i$/ * *своей*$_i$ *просьбе*). Иными словами, Субъект контролирует рефлексивизацию второстепенного актанта. Некоторые дагестанские языки не имеют аналогичных ограничений на рефлексивизацию, например (чирагский яз.):

(21) 'Он себя сберег'
а. Ит-е чей иIххиб
он,эрг возвр,ном беречь,прош
б. Ит чи-не иIххиб
он,ном возвр,эрг

В первом предложении Агенс *ите* 'он (*эрг*)' контролирует Пациенс - возвратное местоимение *чей* 'себя (*ном*)', а во втором, наоборот, Фактитив *ит* 'он (*ном*)' контролирует Агенс - возвратное местоимение *чине* 'себя (*эрг*)'. Такая тактика актантной рефлексивизации есть последовательное выражение принципа семантической эргативности, при которой актанты предиката не получают никаких синтаксических привилегий (выбор одного из вариантов связан, видимо, с коммуникативной перспективой, выраженной порядком слов: контролер рефлексивизации стоит

левее ее жертвы). Но так обстоит дело не во всех дагестанских языках: во многих из них Агенс/Экспериенцер выступают в качестве контролеров рефлексивизации, однако это не следует интерпретировать как безусловный факт вмешательства синтаксических факторов. Скорее это связано с проявлением иерархии семантических ролей:

Агенс > Экспериенцер > Пациенс> прочие,

которая действует в рамках семантического, а не синтаксического компонента (возможно, что эта иерархия связана с типичными референциальными свойствами семантических ролей).

Особенно благоприятные возможности для многократного упоминания объектов возникают в полипредикатных конструкциях. Рассмотрим контекст релятивизации (при которой двукратное упоминание объекта является необходимым условием), а также конструкции с предикатным актантом, с предикатным сирконстантом и с сочиненными предикатами.

Б. Р е л я т и в и з а ц и я имеет место, когда пропозиция присоединяется к некоторому актанту другой пропозиции, причем этот актант должен быть кореферентен одному из (релятивизируемых) актантов присоединяемой пропозиции. Многие языки имеют синтаксические ограничения на релятивизируемый актант. Так, в русском языке релятивизация средствами причастного оборота ограничена Субъектом. Например, выражение *Человек вышел из дома* может быть преобразовано в причастный оборот, если жертвой релятивизации является Субъект (*Человек, вышедший из дома*), и не может, если жертвой релятивизации является косвенное дополнение *из дома*. В последнем случае релятивизация возможна только с помощью техники образования придаточного определительного: *Дом, из которого вышел человек.*

Дагестанские языки, релятивизирующие почти исключительно при помощи причастных оборотов, не знают этих ограничений. Любой из актантов, подвергающихся релятивизации, опускается, а предикат приобретает показатель причастия, например (арчинский яз.), из предложения:

(22) Лълъанн-а хабар бартир
жена,эрг сказка,ном рассказывать,наст
'Жена рассказывает сказку'.

можно получить как:

(23) Лълъанн-а бартир-ттуб хабар
жена,эрг рассказывать,наст,прич сказка,ном
'Сказка, которую рассказывает жена'
'Рассказываемая женой сказка',

так и:

(24) Хабар бартир-ттур лълъоннол
сказка,ном рассказывать,наст,прич жена,ном
'Жена, рассказывающая (=которая рассказывает) сказку'.

В русском переводе первой фразы средствами причастного оборота возникает необходимость в пассивизации релятивизируемого предложения с целью продвижения Объекта *сказку* в позицию Субъекта, который только и может релятивизироваться, в арчинских же фразах никаких трансформаций не происходит. Таким же образом может релятивизироваться и актант с любой другой ролью, например, из предложения:

(25) За-ри бошорму-раш чIан бешде
я,эрг человек,лок баран,ном купить,прош
'Я купил у человека барана'

можно получить фразу:

(26) За-ри чIан бешде-тту бошор
я,эрг баран,ном купить,прош,прич человек,ном
'Человек, у которого я купил барана'.

Итак, в синтаксическом преобразовании выражений, связанном с релятивизацией, какие-либо характеристики актантов оказываются нерелевантными, и внутри причастного оборота их оформление сохраняет свой канонический вид.

В. Вторая возможность образования двупредикатной конструкции - вставление предиката непосредственно в актантную позицию другого предиката. Это бывает тогда, когда семантика включающего предиката требует предикатного актанта. К таким предикатам относятся предикаты модальные (*должно, можно*), фазовые (*начинать, кончать*), аффективные (*хотеть, бояться*), локутивные (*обещать, грозить*), интеллектуальной деятельности (*думать, верить*), оценки (*привыкать, соглашаться*) и др. СЕС накладывает жесткие ограничения на кореферентность Субъектов включающего и включенного предикатов. Эти ограничения могут быть связаны как с семантическими факторами (например, включающий предикат *готовиться* семантически не допускает кореферентности своего Субъекта какому-либо актанту включенного предиката, кроме Агенса-Субъекта, ср. правильное *Он готовится победить соперника* и неправильное **Он готовится, чтобы соперник его победил*), так и с синтаксическими (ср. различие в оформлении субъектной и объектной кореферентности *Он хочет похвалить Машу* VS *Он хочет, чтобы Маша его похвалила*).

В принципе противопоставление способов выражения кореферентности в зависимости от характеристик актанта не является универсальным. Например, возьмем выражение (чамалинский яз.):

(27) Вац-уд йац чIин
брат,эрг сестра,ном бить,прош
'Брат побил сестру'

и вставим его в актантную позицию X в выражении *Вац-лъа X идалахъ икIв* 'Брат не хочет, чтобы X':

(28) Вац-лъа йац чIиина идалахъ икIв
брат,дат сестра,ном бить,инф не-хотеть,наст
'Брат не хочет бить сестру'.

Это вставление осуществляется при помощи следующих правил: а) включенный предикат оформляется инфинитивом *чIиина*; б) Агенс включенного предиката *вац-уд*, кореферентный Экспериенцеру включающего предиката - *вац-лъа*, опускается; в) все остальные актанты остаются в неизменном виде. Теперь вставим это выражение в *йац-лъа X идалахъ икIв* 'Сестра не хочет, чтобы X' и получим:

(29) Йац-лъа вац-уд чIиина идалахъ икIв
сестра,дат брат,эрг бить,инф не-хотеть,наст
'Сестра не хочет, чтобы брат ее побил'.

В этом случае произошло следующее: а) включенный предикат получил форму инфинитива *чIиина*; б) Фактитив включенного предиката *йац*, кореферентный Экспериенцеру включающего предиката - *йац-лъа*, подвергся опущению; в) все остальные актанты остались в неизменном виде.

Итак, двупредикатные конструкции в принципе могут строиться по единой модели независимо от того, какие актанты включенного предиката вступают в отношение кореферентности с актантами включающего. Это не значит, что дагестанские языки не имеют в этом отношении исключений. Исключения есть, но они, видимо, мотивированы не синтаксическими, а семантическими ограничениями, пока еще недостаточно изученными. Подробное описание всевозможных процессов, связанных с построением сентенциальных актантов, дается в главе 16.

Г. Двупредикатные конструкции возможны также в том случае, когда один из предикатов является сирконстантом другого. Это источник большинства сложноподчиненных предложений в СЕС. СДС почти не знает союзного подчинения и использует ту же технику присоединения, что и в случае с предикатными актантами и релятивизацией. А именно: все сирконстантные семантические отношения, которыми связывается главный предикат с зависимым, выражаются при зависимом предикате (обычно сохраняющем все признаки финитного глагола) посредством специальных деепричастных показателей. Так выражаются значения времени, места, цели, причины и т.д. Такое деепричастное оформление позволяет сохранить в исходном виде все предикатно-аргументные отношения внутри данного оборота и обойтись без каких-либо трансформаций. Особого внимания заслуживает лишь случай кореферентности актантов включенного и включающего предикатов. Рассмотрим выражение целевого значения в лакском языке:

(30) Нину дуруччин-ширул, на цукIура
мать,ном охранять,деепр цели я,ном прийти,прош
'Я пришел охранять мать'.

Агенс в целевом обороте опущен, так как он кореферентен актанту включающего предиката "я".

А что будет при кореферентном Фактитиве?

(31) Ни-ттил дуруччин-ширул, на цукIура
мать,эрг охранять,деепр цели я,ном прийти,прош
'Я пришел, чтобы мать меня охраняла'.

Как видим, кореферентный Фактитив тоже опускается, а форма включенного предиката сохраняется прежней.

Д. Наконец, типичная синтаксическая конструкция, накладывающая обычно ограничения на выражение кореферентности, - это с о ч и н е н и е [Комри 1990]. Примечательно, что и в этой двупредикатной конструкции можно обойтись без ограничений. Например (чамалинский яз.):

(32) Вац виъа йац чIин*
брат,ном прийти,прош сестра,ном бить,прош
'Брат пришел и побил сестру'.

В этом предложении агентивный актант предиката *чIин* 'побил' опущен ввиду его кореферентности актанту *вац* 'брат' предиката *виъа* 'пришел'.

(33) Йац ниъа вац-уд чIин
сестра,ном прийти,прош брат,эрг бить,прош
'Сестра пришла и брат ее побил'.

Теперь опускается Фактитив *йац* 'сестра', кореферентный актанту первого предиката.

Поменяем местами одноместный и двухместный предикаты:

(34) Вац, йац-ла чIиин, веха вуна*
брат,ном сестра,ном,+*ла* бить,деепр уйти всп,прош
'Брат, побив сестру, ушел'.

В данном случае актант одноместного предиката сдвигается влево, ввиду чего выражение 'Брат ушел' обрамляет выражение 'Брат побил сестру'. Далее, кореферентный этому актанту Агенс двухместного предиката опускается, а присутствующий Фактитив присоединяет усилительную частицу *-ла*. Что касается предиката этого выражения *чIиин*, то его форма отличается долготой гласного от того же предиката во втором сочиненном члене: *чIин*. Это говорит о том, что предикат первого члена имеет особую форму (а именно деепричастную).

Наконец, рассмотрим случай с кореферентным Фактитивом:

(35) Йац, вац-уд-ла чIиин, йеха йина*
сестра,ном брат,эрг,+*ла* бить,деепр уйти всп,прош
'Сестра, (как) брат ее побил, ушла'.

* Различия в глагольных формах связаны с согласовательными классно-числовыми показателями.

В этом предложении техника сочинения та же, только частица *-ла* присоединяется к Агенсу.

7. Итоги

Итак, мы имели возможность видеть, что семантически эргативные языки кардинально отличаются синтаксическим устройством от среднеевропейского стандарта, и отличаются не только и не столько тем, что странным образом кодируют субъектно-объектные отношения с предикатом, а тем, что практически этих отношений не имеют. В них аргументно-предикатные связи базируются не на синтаксических отношениях, а на типовых семантических ролях, которыми характеризуются участники ситуации, обозначаемой соответствующим предикатом. Поэтому в некотором смысле такого рода устройство языка представляется более последовательным и простым, чем среднеевропейский стандарт. Оно бы было и единственно возможным, если бы в высказывании выражались только предикатно-аргументные отношения, характеризующие описываемую ситуацию. Однако семантика высказываний значительно сложнее. Как указывалось выше, она включает в себя кроме описания собственно внеязыковой ситуации, находящейся в центре внимания говорящего (Ситуационный компонент), информацию о Референциальном, Дейктическом и Коммуникативном компонентах. Кроме того, все эти компоненты при их функционировании далеко не безразличны к тому лексическому материалу, из которого строится высказывание. Стыки между лексемами - это стыки не между элементарными смысловыми единицами, а между сложно устроенными конфигурациями, имеющими друг с другом больше смысловых контактов, чем это в состоянии отобразить синтаксическое представление лексемного уровня.

Хотя предикатно-аргументный каркас высказывания является его необходимой основой, совмещение этого каркаса с остальными компонентами смысла может осуществляться разными средствами. Семантически эргативные языки стремятся сохранить его исходный вид, в то время как наиболее привычный для нас синтаксический аккузативный стандарт использует технику сокращения компонентов, результатом чего и являются так плохо поддающиеся универсальному определению понятия членов предложения. С и н т а к с и ч е с к о е о т н о ш е н и е - это единая результирующая многочисленных семантических заданий и итог удовлетворения многих формальных ограничений. Удивительная их похожесть в синтаксически аккузативных языках наталкивает на мысль, что лежащие в их основе семантические факторы действуют во вполне определенном направлении, и, следовательно, могут быть индивидуализированы. Оптимальная исследовательская ситуация - такая, когда мы имеем язык, где некоторый фактор выделен естественным путем. Семантически эргативные языки поучительны в том отношении, что в них предикатно-аргумен-

тная структура противопоставлена прочим компонентам значения и, следовательно, представлена в наиболее чистом виде. Вместе с тем и остающиеся компоненты не склеены с предикатно-аргументной структурой, чем, видимо, облегчено и их изучение.

Из сказанного не следует делать вывод, что только в семантически эргативных языках предикатно-аргументная структура выявляется четко. Эти языки - один из возможных способов реализации синтаксической стратегии, нацеленной на выражение ролевых характеристик аргументов. Возможны также семантически активные и аккузативные языки, отличающиеся от эргативных инвентарем основных ролей.

ГЛАВА 16

КОНСТРУКЦИИ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМ АКТАНТОМ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ*

0. Введение

Привлекаемый к рассмотрению материал охватывает представительную часть дагестанской языковой группы. В настоящей работе исследуются конструкции с сентенциальным актантом (КСА) в двадцати языках, охватывающих все подгруппы дагестанских языков**. Однако в целях экономии места иллюстративный материал будет приводиться ограниченно и лишь в той мере, в какой это необходимо для понимания изложения.

В настоящей работе будут рассмотрены только такие КСА, в которых а) сентенциальный актант (СА) заполняет семантическую валентность главного глагола; б) в качестве главного глагола употребляются модальные глаголы с семантикой 'должно'/'должен' и 'мочь', фазовый глагол 'начинать', а также аффективные глаголы (эмоционального состояния) 'хотеть' и 'бояться'.

Целью настоящего исследования является показать:

- то универсальное, что имеется в КСА независимо от синтаксического типа языка,

- то специфическое, что вносит в КСА эргативная типология,

* Опубликовано на английском языке: Kibrik A.E. Constructions with clause actants in Daghestanian languages//Studies in Ergativity./R.M.W.Dixon (ed.). Amsterdam; New York; Oxford; Tokyo, 1987.

** Работа опирается на данные специального исследования [Кибрик 1979-1981], далее "Материалы", в которых каждый язык представлен отдельным разделом: 1) арчинский; 2) лакский; 3) чирагский (диалект даргинского языка); 4) табасаранский; 5) агульский; 6) цахурский; 7) рутульский; 8) лезгинский; 9) чамалинский; 10) тиндинский; 11) ахвахский; 12) хваршинский; 13) бежтинский; 14) гунзибский; 15) цезский; 16) гинухский; 17) хиналугский; 18) будухский; 19) крызский; 20) аварский.

- то внутреннее разнообразие, которое наблюдается в языках, обычно причисляемых к одному синтаксическому типу.

0.1. К вопросу о синтаксической специфике эргативных языков. Общая концепция эргативности и ее места в типологии предложения изложена в предшествующих главах, поэтому здесь я ограничусь перечислением наиболее принципиальных моментов, являющихся исходными для данного типологического представления материала.

Эргативность, по крайней мере в своей глоттогонической основе, предопределяется семантическими факторами, точнее, ролевой ориентацией: это один из типологически допустимых способов синтаксической организации предложения, ориентированный на автономное различение типовых участников ситуации. Поэтому сопоставление эргативных языков удобнее осуществлять не в синтаксических терминах подлежащего - прямого дополнения (заимствованных из индоевропейской традиции), а в терминах типовых семантических ролей, близких к "глубинным падежам" Ч.Филлмора. Дальнейшее изложение опирается на три способа классификации именных актантов. Первый способ связан с использованием следующих семантических ролей: Агенса (Аг), Пациенса (Па), Реципиента (Ре), Экспериенцера (Эк), Стимула (Ст), Комплетива (Ко)*, которые различают актанты многоместных глаголов. Наиболее существенными являются следующие наборы семантических ролей ("падежные рамки"):

1. <Агенс, Пациенс >: *Брат* (Аг) *сестру* (Па) *бьет*, *Охотник* (Аг) *волка* (Па) *убил.*
2. <Агенс, Комплетив >: *Брат* (Аг) на *сестру* (Ко) *посмотрел.*
3. <Агенс, Реципиент >: *Собака* (Аг) *мальчика* (Ре) *укусила. Брат* (Аг) *сестру* (Ре) *ударил***.
4. <Экспериенцер, Стимул> : *Брат* (Эк) *сестру* (Ст) *увидел*, *Сестра* (Эк) *брата* (Ст) *услышала*, *Ученик* (Эк) *урок* (Ст) *забыл.*

Одноместные глаголы могут иметь при себе как агентивный, так и пациенсный актант.

5. <Агенс> : *Брат* (Аг) *пришел*, *Брат* (Аг) *заплакал.*
6. <Пациенс> : *Старик* (Па) *умер*, *Мальчик* (Па) *упал.*

Кроме указанных элементарных семантических ролей на множест-

* Комплетив - гиперроль, объединяющая все периферийные роли.

** В дагестанских языках отчетливо проводится различие (предсказаинное Ч.Филлмором) между глаголами, условно переводимыми на русский язык как 'бить' и 'ударить'. Если при первом из них избиваемое лицо непосредственно вовлечено в данное действие и является поэтому Пациенсом, то при втором оно лишь частично затрагивается данным действием, выступая в нем в роли Реципиента, по Филлмору - Датива, см. [Филлмор 1981/1977. С. 521-522/74-75]

ве падежных рамок вводятся также следующие условные единицы, см. [Комри 1978а, Диксон 1987. С. 2]: S (Субъект)* - единственный актант одноместного глагола, А - первый актант двухместного глагола (Агенс или Экспериенцер), О - второй актант двухместного глагола (Пациенс, Стимул или Реципиент). Эти единицы интерпретируются Комри и Диксоном как S - непереходный субъект, А - переходный субъект, О - переходный объект, то есть через реляционные сущности индоевропейских языков.

В-третьих, используются понятия семантических гиперролей: Фактитив (Фак), объединяющий Субъект (S) с Пациенсом и Стимулом, иногда и с Реципиентом и Комплетивом двухместного глагола (или иначе: Фак = S + O), и Протагонист (Про), объединяющий Субъект с Агенсом (и Экспериенцером) двухместного глагола (или иначе: Про = S + A). Семантическое единство Фактитива состоит в том, что он есть 'Актант, обозначающий непосредственного, ближайшего, наиболее затрагиваемого участника ситуации'. Протагонист есть 'Актант, обозначающий главного участника ситуации'.

Типичный способ кодирования семантических ролей в дагестанских языках - падежный в соответствии с эргативной стратегией (Фак противопоставляется прочим актантам, в частности А). Субъект, Пациенс и Стимул (то есть Фак) кодируются номинативом, Агенс - эргативом, (или функционально эквивалентной ему падежной формой), Реципиент - дативом, Экспериенцер - дативом или аффективом, Комплетив - различными пространственными падежами. Неустойчиво падежное оформление Агенса в падежной рамке <Агенс, Комплетив>. В одних языках он оформляется эргативом (как типичный Аг), в других - номинативом (как ближайший претендент на гиперроль Фак и соответственно на свободную позицию именной группы в номинативе). В падежной рамке <Агенс, Реципиент> ни один актант не кодируется номинативом, так как семантически (имплицитно) Пациенс (=Фак) присутствует (*ударил*: рукой, кулаком; *укусила*: зубами, пастью). (Во всех случаях, когда эти падежные рамки ведут себя иначе, чем <Агенс, Пациенс> (или в других терминах: <А, Фак>), это будет специально оговорено, при их тождестве я ограничиваюсь примером с агентивно-пациенсным глаголом.)

Кроме этого, существенную роль играет эргативно ориентированное классное согласование**, представленное в большинстве языков (исключение составляют лезгинский и агульский), и иногда личное (лакский, даргинский, табасаранский и ахвахский языки), ориентированное на дейктическую иерархию. Именно эти два свойства дагестанских языков: техника поверхностного падежного кодирования и классно-числовое согласование, выделяющие гиперроль Фактитива, - наиболее известные показатели их эргативности. Значительно менее известно, как согласуются эти свойства с техникой построения КСА.

* Имя этой единицы совершенно условное и не синонимично термину "подлежащее".

** В большинстве языков представлены четыре класса (они нумеруются цифрами): I класс включает имена мужчии, II - имена женщин, все остальные имена относятся к III-IV классам. Во множественном числе обычно противопоставляется класс людей (I-II) классу не-людей (III-IV). Глагол согласуется по классу/числу со своим Фактитивом, т.е. с именем в номинативе.

Рассмотрение этой техники основывается на следующих теоретических посылках. Семантическое единство Фактитива состоит в том, что он есть 'актант, обозначающий непосредственного, ближайшего, наиболее затрагиваемого участника ситуации'. Протагонист есть 'актант, обозначающий главного участника ситуации'. Языки, в которых активно представлена роль Фактитива, я отношу к семантически эргативным, языки с доминированием роли Протагониста - к семантически аккузативным. Оба этих типа объединяет то, что они относятся к языкам с ролевой ориентацией. В таких языках синтаксические процессы не изменяют исходного способа кодирования Фактитива/Протагониста и в них не формируется синтаксической категории подлежащего как коммуникативно-престижной позиции, которую могли бы занимать актанты с разными семантическими ролями. В этих языках синтаксис или нейтрален относительно характеристик актантов, или ориентирован на классификацию в терминах семантических ролей. Этим языкам типологически противопоставлены синтаксически эргативные и аккузативные языки, в которых соответственно Фактитив и Протагонист приобрели статус подлежащего. Существенно предположение, что гиперроли Фактитива и Протагониста необязательно дополнительно распределены. Они могут сосуществовать в системе одного языка, вступая в грамматический конфликт и создавая смешанные типы конструкций.

0.2. Стратегии построения КСА. Способ построения КСА в синтаксически аккузативных языках (к которым относится, в частности, русский) в значительной степени ориентирован на синтаксические характеристики актантов зависимого глагола. Возьмем, например, двухместный глагол 'хотеть'.

I. а'.	Брат учится.	а. Брат хочет Ø учиться.
б'.	Брат побил сестру.	б. Брат хочет Ø побить сестру.
в'.	Брат увидел сестру	в. Брат хочет Ø увидеть сестру.
г'.	Брат посмотрел на сестру	г. Брат хочет Ø посмотреть на сестру.

II.	а!	Брат сестру избил.	а.	Сестра не хочет Ø быть избитой братом.
				Сестра не хочет, чтобы брат ее избил.
	б!	Брат увидел сестру.	б.	Сестра не хочет, чтобы брат ее увидел.
	в!	Брат посмотрел на сестру.	в.	Сестра не хочет, чтобы брат на нее смотрел.

В примерах (I) предложения (а-г) получены соответственно из (а - г) вставлением их в выражение с глаголом *хотеть*. При этом подлежащее вставленного предложения *брат* кореферентно подлежащему главного глагола. Происходит его опущение по правилу Экви и оформление зависимого глагола показателем инфинитива.

Данная стратегия (опущение + инфинитив) блокируется, см. (II), если во вставленном предложении именная группа (*сестра*), кореферентная подлежащему глагола *хотеть*, не является подлежащим. Поэтому необходимо: а) "произвести" именную группу в "подлежащие" посредством пассива, например: *С е с т р а избита братом*, после чего сентенциальный актант оформляется беспрепятственно, или б) использовать оборот с союзом *чтобы* и прономинализацией кореферентного имени, как в (IIв.): *ч т о б ы брат на н е е смотрел*. Как мы видим, в русском языке глагол *хотеть* присоединяет СА, противопоставляя S и A актанту O; кореферентность S и A подлежащему главного глагола требует одних синтаксических правил (кореферентного опущения и образования инфинитивного оборота), а кореферентность O - других (прономинализации и образования придаточного изъяснительного). Это говорит о том, что КСА строится в данном случае по аккузативной схеме.

Как в этом отношении устроены семантически эргативные языки? С точки зрения морфологических средств в них каждой семантической роли (в идеале) соответствует особая падежная форма. Контролируют ли эти падежи образование КСА? Если да, то какие из этих падежей более "престижны", какова иерархия престижности? Если нет, то есть ли другие ограничения? Что означает наличие или отсутствие таких ограничений?

Существует точка зрения, что эргативные языки эргативны только на морфологическом уровне, а синтаксически они ведут себя так же, как аккузативные (см. [Андерсон 1979, Комри 1978]). В неприятные исключения попадает австралийский язык дирбал [Диксон 1972], в котором на синтаксическом уровне ряд процессов контролирует именная группа в номинативе (то есть Фактитив), что вынуждает признать в этом языке синтаксическую эргативность.

Настоящая работа, в частности, показывает, что такой интегральный взгляд на эргативные языки неправомерен и их специфика не может быть так легко списана за счет непоследовательностей морфологии.

Исследуя способы построения КСА, я буду использовать следующую терминологию. Присоединение СА к главному глаголу:

- а к к у з а т и в н о, если так или иначе это связано с противопоставлением актантов S и A (Протагониста) актанту O;
- э р г а т и в н о, если актанты S и O (Фактитив) противопоставляются актанту A;
- н е й т р а л ь н о, если при этом не различаются свойства актантов вставленного глагола;
- к о н т р а с т и в н о, если противопоставлены три типа актантов: S, A, O;
- а к т и в н о, если активные участники - Агенс и Экспериенцер (Актор) - противопоставлены инактивным - Пациенсу, Стимулу и др. (Претерпевающему в соответствии с терминологией Ван Валина [Ван Валин - Фоли 1982/1980]).

1. Модальные и фазовые глаголы

Модальные и фазовые глаголы имеют обязательный СА. Что касается второй валентности - именного актанта, то в разных языках и/или при разных подзначениях данных глаголов возможно или ее наличие, или отсутствие. Существование одноместных модальных и фазовых глаголов можно проиллюстрировать данными русского языка. Рассмотрим примеры:

III.	а!	*Он* придет	а.	*Он* может прийти
	б!	*Он* обидит друга	б.	*Он* может обидеть друга
	в!	*Ему* повезет	в.	*Ему* может повезти
	г!	Ø его вырвет	г.	Ø его может вырвать
	д!	Ø скоро стемнеет	д.	Ø скоро может стемнеть
IV.	а!	*Он* учится	а.	*Он* начинает учиться
	б!	*Он* пишет стихи	б.	*Он* начинает писать стихи
	в!	*Ему* везет	в.	*Ему* начинает везти
	г!	Ø его тошнит	г.	Ø его начинает тошнить
	д!	Ø скоро стемнеет	д.	Ø скоро начнет темнеть
V.			а.	*Он* может начать учиться
			б.	*Он* может начать писать стихи
			в.	*Ему* может начать везти
			г.	Ø его может начать тошнить
			д.	Ø скоро может начать темнеть.

Примеры (III а-д), (IV а-д) получены вставлением соответственно предложений (III а-д), (IV а-д) в позицию СА при глаголах *начать* и *мочь*, а предложения (II а-д) получены цикличным вставлением КСА (IV а-д) в позицию СА при глаголе *мочь*.

Допустим, что модальные/фазовые глаголы имеют именной актант. Это мнение поддерживают, казалось, примеры (III а-б), (IV а-б), (V а-б), где имеется подлежащее он в им. падеже при модальном/фазовом глаголе. Можно допустить, что это подлежащее контролирует опущение подлежащего во вставленном предложении. Однако тогда трудно ответить на вопрос, почему неправильны предложения **Он может повезти*, **Он начинает везти* (при сохранении лексического значения глагола *везти*), **Он может вырвать*, **Он начинает тошнить*? Именно таких предложений следовало бы ожидать, если постулировать в исходной структуре наличие при главном глаголе именного актанта-подлежащего, кореферентного опускаемому именному актанту зависимого глагола.

Этим фактам можно дать такую интерпретацию, что в исходной структуре эти глаголы (по крайней мере в некоторых значениях) выступают как одноактантные с единственным, и притом сентенциальным, актантом (см., например, одноместную интерпретацию русского предиката *должен* в [Чвани 1985/1974. С. 100]). Тогда появление в русском языке именной группы в им. падеже в предложениях типа (IIIа) *Он может прийти*, (IIа) *Он начинает учиться* может быть объяснено трансформацией П о д ъ е м а подлежащего вставленного предложения в позицию подлежащего в главном. Это, естественно, потребует признания наличия дативных и нулевых подлежащих в примерах типа (в-д), (в-д). Наличие производного подлежащего при глаголах *мочь, начинать*, унаследованного от зависимого глагола, объясняет, в частности, способ согласовательного оформления главного глагола. (Он получает такие же согласовательные признаки, что и зависимый глагол в независимом употреблении.)

Сказанное не означает, что так универсально устроена исходная структура любых глаголов, переводимых на русский язык как 'должен', 'мочь', 'начинать' и др. Однако вероятность ожидания модальных и фазовых глаголов такого типа чрезвычайно высока, и наличие двухактантной структуры при глаголах данной семантики должно специально обосновываться.

Различие между одноместной/двухместной структурой данных глаголов связано, естественно, с семантикой и с многозначностью понятий долженствования, возможности, фазы. При одноместном употреблении эти глаголы значат примерно 'должно иметь место, чтобы Р', 'возможно, что Р', 'начинает иметь место Р', где Р - зависимая пропозиция. При двухместном употреблении именной актант означает участника ситуации, ответственного за то (заинтересованного в том/причастного к тому и т.д.), что Р должна/может/начинает иметь место. Дагестанские языки

дают богатое разнообразие как семантических типов модальных и фазовых глаголов, так и способов построения соответствующих конструкций.

Выбор наиболее наглядной последовательности изложения весьма непрост. Я избрал такую последовательность, при которой основное членение предопределяется типами синтаксических стратегий, используемых для построеиия КСА, а различия, имеющиеся между глаголами данной семантики ('должно', 'можно', 'начинать'), рассматриваются во вторую очередь (в отличие от аналогичной работы [Кибрик 1983], где я последовательно рассматривал способы построения КСА с каждым модальным и фазовым глаголом).

1.1. Нейтральная стратегия

1.1.1. Одноместный глагол. Дагестанские языки демонстрируют явное тяготение к одноместной актантной структуре модальных и фазовых глаголов. При этом во многих языках СА полностью сохраняет свою внутреннюю сентенциальную структуру, в частности способ падежного оформления входящих в него именных групп. Вставление его в КСА осуществляется за счет инфинитивного/деепричастного/масдарного оформления зависимого глагола. Например (лезгинский язык):

1. а. Гада-ди рыш катана
   мальчик,Аг=эрг девочка,Па=ном бить
   'Мальчик побил девочку'.
   б. Гада-ди-з* рыш акуна
   мальчик, Эк=дат девочка,Ст=ном видеть
   'Мальчик увидел девочку '.
   в. Гада рыш-а-з клигена
   мальчик,Аг=ном девочка,Ко=дат** смотреть
   'Мальчик посмотрел на девочку '.
2. а. Гада-ди рыш катан лазимйе// мункинйе
   'Мальчик должен // может побить (деепр.) девочку'
   б. Гада-ди-з рыш акун лазимйе мункинйе
   'Мальчик должен // может увидеть (деепр.) девочку'
   в. Гада рыш-а-з клигун лазимйе мункинйе
   'Мальчик должен // может посмотреть (деепр.) на девочку'

В (1а) сентенциальный актант содержит глагол с падежной рамкой <Агенс=эрг, Пациенс=ном>, в (1б) - с падежной рамкой <Экспериенцер=дат, Стимул=ном>, в (1в) - <Агенс=ном, Комплетив=дат>. Падежное кодирование именных групп в (2а-в) такое же, как в соответствующих независимых предложениях (1а-в). Никаких оснований считать, что ка-

* В дагестанских языках падежному показателю часто предшествует показатель косвенной основы (в данном случае *-ди*), см. главу 8.

** Нетипичное падежное окончание комплетива.

кая-либо именная группа синтаксически зависит от главного глагола (*лазимйе // мункинйе*), не имеется.

Фазовый глагол 'начинать' также может быть одноместным, например (аварский язык):

3. а. Ваша-с йаша кьIапIжи бай бихьа
мальчик,Аг=эрг девочка,Па=ном бить, инф начинать
'Мальчик начал бить девочку'.

б. Ваша-с-да йаша йехьжи бай бихьа
мальчик,Эк=лок* девочка,Ст=ном видеть,инф начинать
'Мальчик начал видеть девочку'.

Такую конструкцию имеют языки:

- 'должно': лезгинский (*лазимйе, мажбурйе*), *рутульский** (*лаазым йиъи, гьыкъар*), *табасаранский*** (*гундув*), агульский (*ккандив*), бежтинский (*нуцIоц*), аварский (*кьIапIжи хьана*), хиналугский (*лазымма*ь);

- 'можно': лезгинский (*мункинйе*), * цахурский (*мункум воб*), табасаранский (*минкин хьус*), *чамалинский (*бажариила, бегьиила, ехууна*), *хваршинский (*и^{н}хв*);

- 'начинаться': аварский (*бай бихьа*), *табасаранский (*гуувкIус*), тиндинский (*деччо, бай бихьи ихьо*), *агульский (*хъас*), крызский (*башламишеджи*), хиналугский (*башламышкви, чахши*), лезгинский (*башламишна*).

Данная конструкция является синтаксически нейтральной в том смысле, что она не чувствительна к каким-либо характеристикам именных групп, имеющихся в составе КСА. Ее обобщенную модель можно увидеть на схеме Нейтр. 1 (эта и все последующие схемы представлены в конце главы), где совмещены две конструкции: с двухместным и одноместным зависимым глаголами (А + О + ЗавГ; S + ЗавГ).

1.1.2. Двухместный глагол. Нейтральная стратегия может сочетаться с двухместным модальным глаголом (фазовый глагол 'начинать' такой модели почти не реализует), что соответствует значениям 'Х-у нужно, чтобы Р' (Х - лицо, заинтересованное в осуществлении Р), 'Х способен //У Х есть возможность //С Х может случиться, что(бы) Р' (Х выступает не как контролер события Р, а лишь как его потенциальная причина), где Х - участник события Р. Например (*чамалинский язык):

4. а. Вас-лъа Ø* йац чIиина букьда//бегьда ида
брат, дат Аг=эрг сестра,Па=ном бить,инф нужно // можно
'Брату нужно // можно побить сестру'

б. Йац-лъа вац-уд Ø чIиина букьда//бегьда ида
сестра,дат брат,Аг=эрг Па=ном бить,инф
'Сестре нужно // Сестра может быть побитой братом'.

В (4а) главная ИГ в дативе (*вац-лъа*) кореферентна Агенсу вставленного глагола, а в (4б) - Пациенсу. В обоих случаях происходит кореферентное опущение во вставленном предложении, а в остальном структура вставленного предложения сохраняется. Аналогичное построение возможно и при экспериенциальном зависимом глаголе. Такая разновидность нейтральной модели представлена на схеме Нейтр. 2, где совмещены три конструкции: с кореферентным А, О и S.

Глагол 'должен' реализует такую модель в языках:

- *чамалинском (при наличии в нем и одноместного глагола *б-укьу-ула*)**; чирагском (*ухубле биккле* 'должен уметь', главная ИГ в номинативе) и *будухском (*лаазыми*, главная ИГ в дативе, см. также (10-11));

- глагол 'мочь' - в *чамалинском (*бегьиила* наряду с одноместным употреблением того же глагола), лакском (*буIхьан*, главная ИГ выражается локативом) и чирагском (*ухи*, главная ИГ - в номинативе) языках;

- глагол 'начинать' - в чирагском языке (*чахъархви*).

1.1.3. Редукция сентенциального актанта. Эту редкую стратегию, видимо, демонстрирует *будухский язык: в нем модальные слова *герек* и *муьтлаьгъ* 'должен', не влияя на падежные характеристики именных групп значимого глагола, занимают специфическую линейную позицию в предложении:

5. Гәдә-рә риж-ехун ирхIари
мальчик,Аг=эрг девочка,Ко=лок смотреть,наст
'Мальчик смотрит на девочку'.

6. а. Гәдә-рә риж-ехун муьтлаьгъ ирхIари
мальчик,Аг=эрг девочка,Ко=лок должен смотреть, наст

---

* Нетипичное падежное оформление Экспериенцера.

** Знак "звездочка" означает, что в этом языке представлена и другая конструкция. Глаголы приводятся в той форме, в которой они фигурируют в предложениях, или в форме инфинитива.

*** Везде, где это не оговорено особо, под табасаранским имеется в виду дюбекский говор. В дюбекском говоре имеется согласование модальных глаголов по лицу, совпадающее с согласованием в независимом предложении и нейтральное к типам актантов двухместного глагола. Поэтому можно считать, что при этих глаголах зависимый глагол "прозрачен": выступая в нефинитной форме и не имея возможности сам быть согласованным по лицу, он передает "свои права" главному глаголу. Личное согласование осуществляется с самыми разными именами вставленного предложения. Это убедительно показывает, что никакого Подъема в случае такого согласования "через" зависимый глагол нет, см. подробнее [Бергельсон и др., 1982].

* Пунктирной линией обозначается отношение кореферентности между соответствующими ИГ.

** Здесь и ниже отделяется дефисом изменяемый классный показатель.

б. Гәдә-рә муьтлаьгъ рижехун ирхIари
в. *Гәдәрә рижехун ирхIари муьтлаьгъ
'*Мальчик должен смотреть на девочку'.

(6а) наиболее естественно, (6б) допустимо, а (6в) неправильно, хотя конец предложения - типичная позиция для глагола главного предложения. Линейная структура и финитная форма вставленного глагола (ср. (5)) склоняют меня к интерпретации данного случая как конструкции со сложным единым предикатом [*модальный глагол + значимый глагол*] без сентенциального актанта, см. схему Нейтр. 4, ср. [Гивон 1990. С. 544-545].

Такую конструкцию имеет глагол 'должно' в *будухском и * крызском (*муьтлаьхъ*) языках.

1.2. Аккузативная стратегия. Эта стратегия присуща двухместным модальным и фазовым глаголам. Она состоит в том, что главная ИГ может иметь аккузативно ориентированные ограничения на кореферентность с именными актантами вставленного глагола.

1.2.1. Опущение кореферентного Протагониста. Рассмотрим пример (* агульский язык):

7. а. Чвуй-и-с Ø каркьас хьису
брат,дат S=ном работать,инф мочь
'Брат может работать'.
б. Чвуй-и-с Ø чи утас хьису
брат,дат Аг=эрг сестра,Па=ном бить, инф мочь
'Брат может побить сестру'.
в. * Чи-йи-с чуй-и Ø утас хьису
сестра,дат брат,Аг=эрг Па=ном бить, инф мочь
'*Сестра может быть побитой братом'.

Видимо, значение модального глагола следующее: 'Х имеет право// средства сделать Р'. Это значение предполагает контроль за ситуацией и ограничивает вид кореферентности, чему соответствует модель Акк.1.

Данную модель имеют языки:

- 'должен': *чирагский (*мажбур ухи*, главная ИГ в номинативе, зависимый глагол в инфинитиве), * табасаранский (*гундув*, главная ИГ в генитиве, зависимый глагол в форме прошедшего времени);

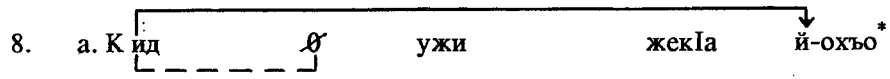
- 'мочь' (главная ИГ в дативе): *агульский (*хьис*), ахвахский (*индини*), *чамалинский (*бажариила ехууна*), * будухский (*гьацIәри*);

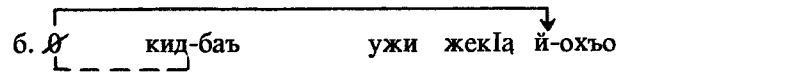
- 'начинать: * ахвахский (*волIури*), * табасаранский (*хъуIкъус*).

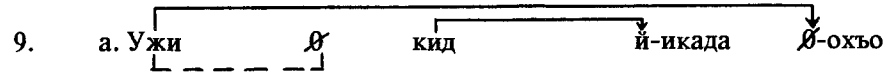
Модификации данной модели представлены также в виде расщепленной аккузативности и совмещающей эргативности, см. ниже.

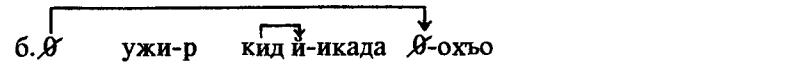
1.2.2. Кореферентное опущение главной ИГ. В ряде случаев представлена разновидность конструкции кореферентности с Протагонистом,

при которой происходит опущение главной, а не вставленной ИГ (из двух кореферентных ИГ главная ИГ подчинена главному глаголу, а вставленная ИГ - зависимому глаголу). Например, в *цезском языке глагол *охъо* 'мочь' имеет несколько подзначений и соответствующих им конструкций (см. ниже). В одном из значений 'иметь возможность и хотеть' ≈ 'стремиться' он выступает как двухместный глагол с именным актантом в номинативе, кореферентным Протагонисту вставленного глагола. При этом может происходить опущение как Протагониста, так и именного актанта модального глагола:

В случае (а) реализуется стратегия опущения именной группы во вставленном предложении, в случае (б) - в главном. Вторая модель представлена на схеме Акк. 2. Для этой модели существенно, что опущенная главная ИГ имеет падежное значение "номинатив", поскольку она контролирует согласование главного глагола (это согласование является следом опущенной ИГ).

Такую модель имеют языки:

- 'должен': *рутульский (*мажбур й-иъи*);

- 'мочь': * цезский (*охъо*).

Эта модель реализуется также в разновидности расщепленной аккузативности (см. ниже).

1.2.3. Кореферентное опущение VS Рефлексивизация. В * будухском языке, наряду с одноместными глаголами (см. 1.1.1.), имеется двух-

* Стрелка идет от контролера согласования к мишени.

местный глагол *лаазыми* ‘нужно‘, требующий именного актанта в дативе, который можно семантически интерпретировать как Реципиент:

10. а. Гәдә-з Ø риж нагIрә суьъуь

мальчик,Ре=дат Аг=эрг девочка,Па=ном звать
лаазыми
нужно
‘Мальчику нужно позвать девочку‘.

б. Гәдә-з Ø риж уьрхъуь лаазыми

мальчик,Ре=дат Эк=дат девочка,Ст=ном видеть нужно
‘Мальчику нужно увидеть девочку‘.

в. Гәдә-з Ø риж-ехун ирхIар лаазыми

мальчик,Ре=дат Аг=эрг девочка, Ко=лок смотреть нужно
‘Мальчику нужно посмотреть на девочку‘.

11. а. Риж-ез гәдә-рә(р) Ø/уг нагIрә суьъуь

девочка,Ре=дат мальчик,Аг=эрг П=ном/Возвр звать
лаазыми
нужно
‘Девочке нужно, чтобы мальчик ее позвал‘.

б. Риж-ез гәдә-з Ø/уг уьрхъуь лаазыми

мальчик,Эк=дат Ст=ном/Возвр видеть нужно
‘Девочке нужно, чтобы мальчик ее видел‘.

в. Риж-ез гәдә-рә (р) Ø/уг-охун ирхIар лаазыми

мальчик,Аг=эрг Ко=лок/Возвр смотреть нужно
‘Девочке нужно, чтобы мальчик на нее смотрел‘.

Как мы видим, именной актант модального глагола может быть кореферентным любому актанту вставленного глагола, при этом возможна как нейтральная стратегия (кореферентное опущение, см. схему Нейтр. 2), так и аккузативная (кореферентное опущение при Протагонисте, Рефлексивизация при О, см. схему Акк.3).

1.2.4. Редукция сентенциального актанта. В *хиналугском языке значение возможности выражается не отдельным модальным глаголом, а грамматически в составе значимого глагола, то есть имеет место редукция сентенциального актанта. Возможно (в качестве одного из двух вариантов, см. 1.6.1) такое оформление именных групп:

12. а. Гада-ш // *гад-и риши хаьшсхьин-квидаьмаь
мальчик,Аг=лок//*=эрг девочка,Па=ном толкнуть-мочь
‘Мальчик может толкнуть девочку‘.

б. Гада-ш аччиван-квидаьмаь
мальчик,S=лок спать-мочь
‘Мальчик может спать‘.

в. Гад-у //* гада-ш риши зазыгъын-квидаьмаь
мальчик,Эк=дат//*=лок девочка, Ст=ном видеть-мочь
‘Мальчик может увидеть девочку‘.

Агентивный актант и S меняют эргатив на локатив, противопоставляясь актанту О. Исключение составляет Экспериенцер, не меняющий падежной кодировки (о такой возможности - расщепленном А - см. ниже).

Итак, (12) реализует модель* Акк.6,

1.3. Контрастивная стратегия. Интересна конструкция с глаголом *кIвези ихъши* ‘иметь возможность‘ гинухского языка:

13. а. Ужи-хъо кIвези р-ихъиш Ø ессу зокIа**

мальчик, посс мочь,IV Аг=эрг сестра,Па=ном бить,инф
‘Мальчик может побить сестру‘.

б. Ужи-хъо кIвези р-ихъиш Ø ессу й-ика

мочь, IV Эк=дат Ст=ном видеть,инф,II
‘Мальчик может увидеть сестру‘.

в. Ужи // *ужи-хъо кIвези Ø=ихъиш Ø Ø-икьIа

мальчик,ном //*посс мочь,I S=ном уходить,инф,I
‘Мальчик может уйти‘.

При вставлении двухместного глагола (см. 13а-б) происходит следующее: именной актант модального глагола стоит в посессивной форме локативного падежа, он контролирует кореферентное опущение вставленного актанта А, актант О не может вступать в отношение кореферентности. Модальный глагол, изменяющийся по классам, стоит в форме немаркированного IV класса (*р-ихъиш*), поскольку не имеет внешнего контролера согласования. При вставлении одноместного глагола, см. (13в), именной актант главного глагола имеет форму номинатива, а не посессива, и она контролирует согласование главного глагола (см. схему Контр. 1). Синтаксическая интерпретация именной группы в номинативе может быть иной (можно считать, что в этом случае модальный глагол выступает

* Данная конструкция совмещена с эргативным согласованием, см. 1.5: глагол согласуется с ИГ, исходно оформляемой номинативом; в частности, Аг=ном, перешедший в локатив, сохраняет контроль над согласованием.

** Этот глагол, как и некоторые другие, по классам не изменяется.

как одноместный, то есть ИГ в номинативе синтаксически входит во вставленное предложение)*, однако это не меняет вывода о том, что в данном случае противопоставляются три сущности: S, A и O, что соответствует контрастивной стратегии.

1.4. Активная стратегия. При глаголе 'начинать' в *ахвахском языке допустима активная стратегия, противопоставляющая активный актант (Агенс) неактивным (всем прочим). При наличии во вставленном предложении активной падежной рамки (то есть имеющей в своем составе Агенс) фазовый глагол двухместный, при наличии неактивной - одноместный:

14. а. аш-оде ∅ воту башилари
мальчик,эрг S=Аг=ном бежать,инф начинать
'Мальчик бежать начал'.
б. Ваш-оде ∅ йаше кьIвару башилари
мальчик,эрг Аг=эрг девочка,Па=ном бить,инф начинать
'Мальчик начал бить девочку '.
в. Ваш-оде ∅ йаш-ога ехъхъу
мальчик,эрг Аг=эрг девочка,Ко=лок смотреть,инф
башилари
начинать
'Мальчик на девочку смотреть начал'.

15. а. Имихи бикьIу башилари
осел, S=Па=ном умирать,инф начинать
"Осел начал умирать".
б. Ваш-олIа йаше гъаригу башилари
мальчик,Эк=дат девочка,Ст=ном видеть,инф начинать
'Мальчик начал видеть девочку'.

Двухместный фазовый глагол имеет именной актант в эргативе, что соответствует агентивной роли вставленного Агенса: он 'начинает осуществлять Р'. В (14б) и главная ИГ, и кореферентная ей вставленная ИГ оформляются эргативом, так что можно было бы усомниться в наличии двух кореферентных ИГ в данной структуре. Но в (14а), где вставленный глагол одноместный с Субъектом в номинативе, также присутствует главная ИГ в эргативе. Аналогичная ситуация имеет место в (14в). Другая конструкция представлена в (15а), где Субъект-Пациенс сохраняет свое кодирование и постулировать главную ИГ нет оснований. Аналогично ведет себя экспериенциальный глагол в (15б). Активная конструкция данного вида приведена на схеме Акт.4.

1.5. Совмещающая эргативность. Данное явление состоит в том,

* Такой интерпретации противоречит, одиако, согласование главиого глагола, требующее отдельного объяснеиия.

что в ряде конструкций может использоваться, независимо от прочих структурных средств, классное согласование главного глагола с вставленной ИГ в номинативе. Тем самым эргативно-ориентированное согласование может совмещаться с нейтральной или аккузативной (в том числе расщепленной, а также всякой другой) стратегией. Рассмотрим эти два наиболее стандартных случая*.

1.5.1. Нейтрально-эргативная стратегия. В ряде языков эргативно-ориентированное согласование сочетается с известной нам нейтральной конструкцией при одноместном главном глаголе.

Например (тиндинский язык):

16. а. Ваццв-и йасси кьIвеелъа й-ихьва
брат,Аг=эрг сестра,Па=ном бить,инф должен,II
'Брат сестру должен побить'.
б. Вацц-уба йацци гье^{Н}лъа й-ихьва
брат,Эк=афф** сестра,Ст=ном видеть,инф II
'Брат сестру должен увидеть'.
в. Вацци йацц-уха ваГье^{Н}лъа в-ухьа
брат,Аг=ном сестра,Ко=лок смотреть,инф I
'Брат на сестру должен посмотреть'.
г. Ваццв-и йацц-ичIи бугъилъа б-ухьа
брат,Аг=эрг сестра,Ре=лок ударить,инф III
'Брат сестру должен ударить'.
д. Вацци веелъа в-ухьа
брат,S=ном прийти,инф I
'Брат должен прийти'.

Особо следует обратить внимание на два случая. В (16в) контролером согласования является Агенс в номинативе (для данной падежной рамки - Фактитив), а в (16г), где нет Фактитива (на поверхности - имени в номинативе), глагол согласуется по наименее маркированному (в данном случае III) классу. В целом это согласование контролируется вставленной ИГ-Фактитивом и является проявлением эргативности. Модель данной конструкции представлена на схеме Эрг.1.

Такой способ образования КСА имеют языки:

- с глаголом 'должно': тиндинский (*б-ухьа*), арчинский (*квашас*), лакский*** (*аIрквин хьун*), хваршинский (*р-увок*), гунзибский (*нэцIэ*),

* Совмещение эргативности с контрастивной стратегией и расщеплением см. в 1.7.

** В тиндинском языке Экспериенцер при некоторых глаголах выражается специальным падежом - аффективом.

*** Этот глагол имеет не классное, а личное согласование.

цезский (*ай*), гинухский (*акье*), ахвахский (*б-ихьхьида*), *цахурский (*лазим-б-а во-б, ыккан*), *чамалинский (*б-укуула*);

- с глаголом 'можно': гунзибский (*өхъ*), *цезский (*охъо*), *будухский (*йихIэра*), арчинский (*кес*), аварский (*б-егьина*).

1.5.2. Аккузативно-эргативная стратегия. Возможно сочетание аккузативной стратегии (осуществляющей кореферентное опущение Протагониста вставленного глагола) с эргативным согласованием модального глагола с именем в номинативе. Такую стратегию использует *цезский глагол *окъо* в значении 'иметь возможность' (именной актант в этом случае стоит в посессивной форме локативного падежа):

17. а. Уж-ихъ Ø кид жекIа й-охъо

мальчик,лок Аг=эрг девочка,Па=ном бить,инф мочь,II
'Мальчик может побить девочку'.

б. Уж-ихъ Ø кид-кьIор Ø-еза Ø-окъо

Аг=ном девочка,Ко=лок смотреть, инф,I мочь,I
'Мальчик может посмотреть на девочку'.

В этой модели (представляющей собой совмещение моделей Акк. 1 и Эрг.1) согласование по имени в номинативе (по Фактитиву) может осуществляться с той именной группой, которая одновременно является подвергающимся опущению Протагонистом, см. (17б).

Такую конструкцию имеют при глаголе 'мочь' *цезский (*охъо*), *бежтинский (*ахъца* в значении 'иметь право', см. ниже) и *будухский (*йихьэра* в значении 'иметь возможность'). Характерно, что во всех трех языках это одна из альтернативных конструкций, реализующая одно из значений глагола возможности.

1.6. Эргативная стратегия. В двух случаях наблюдается объединение сущностей S и O, которые противопоставляются Агенсу (замечу, не A, а именно Агенсу).

1.6.1. Редукция сентенциального актанта и падежная маркировка. В * хиналугском языке значение возможности, выражающееся грамматически при значимом глаголе, допускает не только аккузативную (см. (12) в 1.2.4), но и эргативную реализацию. А именно, Субъект при одноместном глаголе может не только менять номинатив на локатив, объединяясь с Агенсом, как это видно в (12б), но и сохранять свою падежную форму:

18. Гада аччиван-квидаьмаь
мальчик,S=ном спать-мочь
'Мальчик может спать'.

В этом случае конструкция в целом приобретает эргативный характер в соответствии с моделью Эрг. 2

1.6.2. Двухместный VS одноместный главный глагол и форма зависимого глагола. Одновременное использование двух средств - изменение местности главного глагола и грамматическое оформление зависимого глагола - наблюдается в организации КСА глагола 'начинать' в гунзибском языке:

19. а. О же Ø-у^{Н}хер Ø кид гьегьадийа

мальчик,ном начинать,I Аг=Эрг девочка,Па=ном бить,целев
'Мальчик начал бить девочку'.

б. О же Ø-у^{Н}хер Ø кид-боо бакьIеладийа

Аг=эрг девочка,Ре=дат бить,целев
'Мальчик начал ударять девочку'.

В (19а-б) глагол 'начинать' имеет при себе именной актант (*оже*) в номинативе. Этот актант, с одной стороны, контролирует согласование главного глагола и, с другой - опущение кореферентного вставленного Агенса в Эргативе. Зависимый глагол стоит при этом в целевой форме.

20. а. Оже кид-бог тооцIа Ø-у^{Н}хер
мальчик,Аг=ном девочка,Ко=лок смотреть,инф начинать,I
'Мальчик начал смотреть на девочку'.

б. Ож-дии кид йа^{Н}цIа й-у^{Н}хер
мальчик,Эк=дат девочка,Ст=ном видеть,инф начинать, II
'Мальчик начал видеть девочку'.

в. Оже хъода Ø-у^{Н}хер
мальчик,S=ном учиться,инф начинать, I
'Мальчик начал учиться'.

В (20) изменилась форма вставленного глагола: теперь это уже инфинитив, а не целевая форма. Во-вторых, фазовый глагол в (20) одноместный, и он согласуется в соответствии с эргативной стратегией - с вставленным именем в номинативе. Конструкцию в (19), противопоставленную (20), предопределяет наличие во вставленном предложении имени в эргативе (заметим, что Агенс в номинативе в (20а) объединяется с S в качестве Фактитива, см. 1.8.4.). Данная конструкция реализует модель Эрг. 3 (об особенностях поведения падежных рамок <Эк,Ст> и < Аг,Ко> см. ниже).

1.7. Расщепленный/расширенный А. При выделении категории А, в первую очередь связываемой с семантической ролью Агенса, возникает вопрос о ее соотнесенности с актантами экспериенциального глагола. Как

показывает материал дагестанских языков, в большинстве случаев имеет место включение Эк∈А, Ст∈О. Однако наблюдается ряд отклонений от этого членения, которые можно разделить на два случая:

- расщепленный А, когда Эк не включается в А,
- расширенный А, когда в А включается Стимул или Стимул и Экспериенцер одновременно.

Все эти отклонения, естественно, носят семантический характер, они приводят к расшатыванию гиперроли А и Протагониста и к ориентации на более дробную ролевую иерархию. Эти отклонения могут сочетаться с разными кодирующими стратегиями. Наиболее тяготеет к расщеплению/расширению А глагол 'начинать', наименее - 'должен'.

1.7.1. Конструкции с расщепленным А. Расщепление А объясняется несочетаемостью значения главного глагола (в частности, семантикой его именного актанта) с семантикой зависимого экспериенциального глагола (в частности, семантикой Экспериенцера), см. [Масика 1976. С. 160]. Данный конфликт может быть разрешен тремя способами:

- запретом на вставление экспериенциального глагола;
- изменением конструкции при экспериенциальном глаголе;
- включением как Стимула, так и Экспериенцера в 0.

Рассмотрим пример, в котором реализуются два первых способа (гинухский язык):

21. а. Ужи Ø-улъиш Ø кед зокIа

мальчик,ном начинать,I Аг=эрг девочка,Па=ном бить,инф
'Мальчик начал бить девочку'.

б. ?Ужи Ø-улъиш Ø кед й-икайаз

Эк=дат видеть,целев,II
'?Мальчик начал видеть девочку'.

Глагол *улъиш* образует КСА аккузативно с применением правила кореферентного опущения Протагониста. Вставление экспериенциального глагола сопровождается стилистической неудовлетворительностью предложения, несмотря на изменение формы зависимого глагола (целевая форма вместо инфинитива в других случаях).

Если интерпретировать вариант (б) как неправильный, то мы имеем запрет на вставление, если же его интерпретировать как допустимый, то в (б) реализуется другая конструкция - с зависимым глаголом в целевой форме.

Возможно также такое вставление экспериенциального глагола, при котором главный глагол становится одноместным (то есть теряет именной актант, семантика которого противоречит ролевым характеристикам зависимых именных групп). Например (крызский язык):

22. а. Гаьдаь-ваьр Ø риш гIокус шеров*

мальчик,лок Аг=эрг девочка,Па=ном бить мочь,II
'Мальчику можно побить девочку?'

б. Гаьдаь-ваьр Ø ихьис шераь

S=ном уходить мочь,I
'Мальчику можно уйти'.

в. Гаьдаь-с риш ипхъыс шеров

мальчик,Эк=дат девочка,Ст=ном видеть мочь,II
'Мальчик может увидеть девочку'.

В (22а-б) при глаголе *шераь* 'мочь' имеется именной актант в локативе, кореферентный Протагонисту вставленного глагола, а в (22в) модальный глагол не имеет именного актанта. Заметим, что данная модель совмещена с эргативным согласованием.

Расщепленная аккузативная модель Акк. 1 (с применением правила кореферентного опущения Протагониста) представлена в языках:

а) + запрет на вставление экспериенциального глагола:

- 'начинать': *гинухский (*улъиш*), *цезский (*охъси*), рутульский (*башламиш ишир, башламиш гьыъыр*), *чамалинский (*бай бухьиила*):

б) + переход к конструкции с одноместным глаголом:

- 'мочь': крызский (*шераь*);
- 'начинать' (требует имени в номинативе): бежтинский (*уьнхетоьхъироь*), * хваршинский (*бай бихьхьи бийи*), цахурский (*гигъалес*).

Расщепленная модель Акк. 2 (с правилом кореферентного опущения главной ИГ) представлена в языках:

а) + запрет на вставление экспериенциального глагола:

- 'начинать': * гинухский (*улъиш*);

б) + переход к конструкции с одноместным глаголом:

- 'начинать': будухский (*сэхьэджи*).

Примером расщепления А, при котором Экспериенцер включается и О наряду со Стимулом, является конструкция со значением возможности в хиналугском языке, реализующая аккузативную и эргативную модели Акк. 6 и Эрг. 2 (см. 1.2.4 и 1.6).

* Здесь и в некоторых других примерах выделение сегментного классного показателя затруднено.

1.7.2. Конструкции с расширенным А. У этой конструкции имеется два варианта:

- Ст∈ А
- (Ст & Эк) ∈ А.

Совмещение первого варианта с аккузативной моделью Акк.I, использующей кореферентное опущение Протагониста, иллюстрирует глагол 'мочь' в *цахурском языке:

23. а. Гад-ей-ке ∅ ичи геетас й-eeIxaI

мальчик,лок Аг=эрг девочка,Па=ном бить,буд,II мочь,II

'Мальчик может побить девочку'.

б. Гад-ей-ке ∅ хаахъа хъалес ∅-aIxaI

S=ном домой идти,буд,I мочь,I

'Мальчик может пойти домой'.

в. Ичи-й-ке гад-ей-ле ∅ гъа-й-жес й-eeIxaI

девочка,лок мальчик,Эк,лок Ст=ном видеть,буд,II мочь,II

'Девочка может быть видна мальчику'.

В (23а) главная ИГ (в локативе) кореферентна опущенному Агенсу, в (23б) - S, а в (23в) - Стимулу. Одновременно эта модель совмещена с эргативно-ориентированным согласованием.

Этот же тип расширенного А может быть воплощен и в технике кореферентного опущения главной ИГ в модели Акк. 2, например (цахурский язык):

24. а. Ичи хъиикIас ∅ мажбыр-р-а во-р

девочка,S=ном умирать,буд,II ном должен,II

'Девочка должна умереть'.

б. Гаде-бы-ше ичи геетас ∅

мальчик,мн.Аг=эрг девочка,IIа=ном бить,буд,II ном,мн

мажбыр-б-а во-б

должен,мн

'Мальчики должны побить девочку'.

в. Гаде-бы ичи-хъа илаакас ∅

мальчик,мн,Аг=ном девочка,Ко=лок смотреть,буд,мн ном

мажбыр-б-а во-б

должен,мн

'Мальчики должны посмотреть на девочку'.

г.Гаде-бы-ш-ле ичи гъа-й-жес ∅

мальчик,мн,Эк=лок девочка,Ст=ном видеть,буд,II ном

мажбыр-р-а во=р

должен,II

'Мальчики должны увидеть девочку'.

Если в (24б-в) в конечном счете согласование (через кореферентность) контролировал Агенс, в (24а) - S, то в (24г) - это Стимул.

Расширенный А (типа Ст∈А) при Акк. 1 (кореферентное опущение Актора) встречается в языках:

- 'мочь': *цахурский (*aIxaIc*);
- 'начинать': лакский (*ай ишхьун*), *хваршинский (*бай бихъхьи бийи*), * агульский (*хъас*).

Расширенный А (типа Ст ∈ А) при Акк. 2 (кореферентное опущение главной ИГ) встречается в языках:

- 'должен': * цахурский (*мажбыр-р-а во-р*);
- 'начинать': * цезский (*охъси*).

Отмечен также случай кореферентного опущения как Экспериенцера, так и Стимула в конструкции с глаголом 'мочь' (* тиндинский язык, реализующий тип (Ст&Эк) ∈ А:

25. а. Ваццуба ехва^{Н} ∅ йацци кьIвеелъа

брат,афф мочь Аг=эрг сестра,Па=ном бить,инф

'Брат может побить сестру'.

б.*Йаццуба ехва^{Н} ваццв-и ∅ кьIвеелъа

сестра,афф мочь брат, Аг=эрг Па=ном бить,инф

'*Сестра может быть побита братом'.

в. Ваццуба ехва^{Н} ∅ йацци гъе^{Н}лъа

брат,афф мочь Эк=афф сестра,Ст=ном видеть,инф

'Брат может увидеть сестру'.

г. Йаццуба ехва^{н} ваццуба ∅ гье^{н}лъа

сестра,афф мочь брат, Эк=афф Ст=ном видеть,инф
'Сестра может быть видна брату'.

1.8. Расщепленный О. В некоторых случаях проявляются отклонения от стандартного включения в О ролей Реципиента и Комплетива, для чего имеются определенные основания.

Падежная рамка <Аг=эрг; Ре=дат> специфична в том отношении, что в ней отсутствует ИГ в номинативе, несмотря на то что номинатив является необходимой принадлежностью почти всякого предложения. Однако, как указывалось выше, при таких глаголах семантически может подразумеваться актант - Пациенс (то, чем ударяют; то, чем кусают). В этом случае подразумеваемый Пациенс и соотносится с позицией О, и тогда Реципиент осмысляется как третий актант трехместного глагола, не тождественный сущности О. Иными словами, мы имеем ситуацию с расщепленным О.

Падежная рамка <Аг=ном; Ко=лок> специфична тем, что Агенс (в отличие от А) кодируется номинативом, а Комплетив (в отличие от О) - не номинативом. Вместе с тем объединение Агенса с О невозможно по семантическим причинам. В то же время надо помнить, что одноместные глаголы с S могут иметь при себе дополнительные комплетивные аргументы со значением Места, Времени, Причины, Цели и т.д., которые синтаксически не объединяются с О. Все это способствует возможности такой интерпретации Агенса и Комплетива, что:

- Аг∈S
- Ко∈О,

то есть такой глагол интерпретируется как одноместный, а не двухместный*. В обоих случаях Ре и Ко перестают включаться в О, поэтому правомерно говорить о расщеплении О. Расщепление О возможно при различных синтаксических стратегиях кодирования.

1.8.1. Расщепление О при нейтральной стратегии. В чирагском языке глагол *ухи* 'мочь' является двухместным (с главной ИГ в номинативе) и допускающим опущение любой ИГ вставленного предложения:

26. а. Ит ∅ руцце р-иIххиI ∅-урхар

он,ном Аг=эрг сестра,Па=ном беречь,инф,II мочь,I
'Он может беречь сестру'.

* Если считать, что интерпретация, при которой Аг∈А, Ко∈О, соответствует переходной конструкции в смысле [Хоппер - Томпсон 1980], то в данном случае мы имеем непереходную конструкцию.

б. Руцце уцц-иле ∅ р-иIххиI р-урхар

сестра,ном брат,Аг=эрг Па=ном II II
'Сестра может оберегаться братом'.

В (26) агентивный глагол ведет себя нейтрально, таково же поведение экспериенциального глагола, однако ср:

27. а. Ит ∅ руцц-или баIхъиI ∅-урхар

он,ном Аг=эрг сестра,Ре=дат бить,инф мочь,I
'Он может ударить сестру'.

б. * Руцце уцц-иле ∅ баIхъиI р-урхар

сестра,ном брат,Аг=эрг Ре=дат II
"*Сестра может быть ударенной братом".

В (27б) кореферентность Реципиента главной именной группе возможна, поскольку Реципиент не отождествляется с О.

Такое же ограничение на нейтральную стратегию Нейтр. 2 имеет глагол *чахъачхви* 'начинать' в чирагском языке.

К сожалению, я не располагаю материалом о поведении агентивного глагола с Комплетивом в том же контексте, но допускаю, что Комплетив также не будет отождествляться с О (и не будет опускаться по правилу кореферентного опущения).

1.8.2. Расщепление О при аккузативной стратегии. В *чирагском языке интерпретация Ре ∈ О может сочетаться с аккузативной стратегией Акк.3, противопоставляющей кореферентное опущение Рефлексивизации. Так ведут себя глаголы *хъари, чабуIрхъхъи* 'нужно, требуется, приходится':

28. а. Ити чабуIрхъхъуб р-иIххиI ∅

он,Ре=дат нужно, прош заботиться, инф,II Аг=эрг

руцце
сестра,Па=ном
'Ему было нужно заботиться о сестре'.

б. Ити чабуIрхъхъуб йахIи ∅ уцце

видеть,инф Эк=дат брат,Ст=ном
'Ему было нужно увидеть брата'.

в. Ити чабуIрхъхъуб баьхъи Ø руцц-иле

ударить,инф Аг=эрг сестра,Ре=дат

''Ему было нужно ударить сестру'

29. а. Ити чабуIрхъхъуб чей бабайле Ø-иIххиI

возвр,Па =ном мать,Аг=эрг заботиться,инф,I

'Ему было нужно, чтобы мать о нем заботилась'.

б. Ити чабуIрхъхъуб чей уццuле йахIи

возвр,Ст=ном брат,Эк=дат видеть,инф

'Ему было нужно, чтобы брат его увидел'.

в. ?Ити чабуIрхъхъуб уццuле чине баIхъиI

брат,Аг=эрг возвр,Ре=дат ударить,инф

?'Ему было нужно, чтобы брат его ударил'.

При рефлексивизации кореферентного не-Протагониста в (29) предпочтительный порядок слов отличается от порядка слов в (28). Кроме того, конструкция с кореферентным Реципиентом стилистически неудовлетворительна, то есть он включается в О с известной натяжкой.

1.8.3. Расщепление О при контрастивной стратегии. Разновидность контрастивной стратегии (см. Контр. 2) с глаголом 'мочь' представлена в *бежтинском языке:

30. а.Оьж-ди-хъаь Ø кид й-аькьенна й-ахъца

мальчик,посс Аг=эрг девочка,Па=ном бить,деепр,II мочь,II

'Мальчик может побить девочку'.

б. Оьж-ди-хъаь Ø киб-бай-л гунна б-ахъца

мочь,III

Аг=эрг девочка,Ре=дат ударить,деепр

'Мальчик может ударить девочку'.

в. Киб-баь-хъаь Ø оьже Ø-егаьаьнаь

девочка,посс Эк=дат мальчик,Ст=ном видеть,деепр,I

Ø-ахъца

мочь,I

'Девочка может увидеть мальчика'.

31. а. Оьже аб-о-хъа гоцIохъна Ø-ахъца

мальчик,Аг=S=ном отец,Ко=лок смотреть,I мочь,I

'Мальчик может посмотреть на отца'.

б. Оьже Ø-о^{н}кьона Ø-ахъца

мальчик,S=ном прийти,деепр,I мочь,I

'Мальчик может прийти'.

В *бежтинском языке, в отличие от гинухского в (13), вставленный глагол всегда прозрачен для эргативного согласования с именем в номинативе. В (30а) это Пациенс *кид*, в (30в) - Стимул *оьже*, в (31а) - Агенс *оьже* и (31б) - S *оьже*. В (30) реализуется двухместная структура модального глагола с вершинной ИГ в посессивной форме и аккузативная стратегия, при которой действует правило кореферентного опущения Протагониста. Однако в (31) модальный глагол становится одноместным (здесь нет оснований постулировать Подъем именной группы в номинативе, так как согласование по номинативу есть и в (30)). При этом в (31б) вставленное предложение содержит одноместный глагол с ИГ в функции Субъекта, ср. (13в).

Что же служит основанием объединения данной конструкции со структурой в (31а)? Я думаю, что это связано с интерпретацией Агенса *оьже* как Субъекта, а не как А. Именно контрастивная стратегия, противопоставляющая А и S, создает предпосылки для S-интерпретации Агенса в данной падежной рамке.

1.8.4. Расщепление О при эргативной стратегии. Такой случай представлен при глаголе 'начинать' в гунзибском языке, см. (19), в сочетании с расщеплением А.

1.9. Выводы. Резюмируем наши наблюдения.

1.9.1. Поверхностная техника оформления:

1. Модальные и фазовые глаголы образуют как одноместную конструкцию (с сентенциальным актантом), так и двухместную (с сентенциальным и именным актантом), при этом одноместную конструкцию глагол *'должно' имеет в 19 языках, 'мочь' - в 10, 'начинать' - в 7. В ряде случаев один и тот же главный глагол может использовать одно- или двухместную конструкцию в зависимости от падежной рамки вставленного предложения.

Изредка возможна также редукция сентенциального актанта - грамматическое слияние его с модальным значением.

2. Двухместная конструкция сопряжена с обязательной кореферентностью именных групп. Используются следующие техники редукции кореферентной ИГ:

- опущение вставленной ИГ;
- опущение главной ИГ;

- рефлексивизация вставленной ИГ.

3. Одним из средств организации конструкции являются ограничения на кореферентность между главной ИГ и характеристиками вставленных ИГ, то есть различение разрешенной/неразрешенной кореферентности.

4. Противопоставление разных конструкций, образуемых одним и тем же глаголом, может выражаться грамматической формой вставленного глагола (это средство более активно используется при аффективных глаголах).

5. Отмечена (в хиналугском языке) техника смены падежной маркировки имени.

6. Имеются ограничения на сочетаемость падежных рамок вставленных глаголов с определенными типами модальных и фазовых глаголов.

7. В ряде конструкций наблюдается согласование главного глагола с вставленной ИГ в номинативе. Это проявление эргативности является фоновым и не влияет на основные кодирующие средства и базовый синтаксический тип модели.

1.9.2. Синтаксические типы конструкций:

1. Наиболее распространенной является нейтральная модель: при глаголе 'должен' встречается во всех 20 языках, при глаголе 'мочь' - в 12, при глаголе 'начинать' - в 8. Нейтральная модель в наибольшей степени соответствует духу ролевых языков, к которым относятся и семантически эргативные дагестанские языки.

2. Распространена также аккузативная модель (при двухместном главном глаголе). Она реализуется при глаголе 'начинать' в 12 языках (в 10 - в расщепленном/расширенном виде) и при глаголе 'должен' в 5 (в трех случаях - с расщеплением). Аккузативная стратегия носит в значительной мере ориентированный на семантику характер. Об этом свидетельствуют следующие факторы: а) преобладающее ограничение кореферентности Протагонистом (модель Акк. 1) явно связано с семантикой соответствующих главных глаголов, именной актант которых указывает на участника, несовместимого со свойствами актанта О (Пациенса, Стимула и т.д.); б) преобладание случаев сочетания аккузативной стратегии с расщеплением/расширением А, связанное с сохранением индивидуальности конкретных семантических ролей.

3. Контрастивная, активная и эргативная модели представлены единичными реализациями, но их существование также очень симптоматично. Они свидетельствуют о высокой чувствительности дагестанского синтаксиса к ролевой семантике актантов. Об этом также говорят факты расщепления А и О.

1.9.3. Семантика главного глагола:

1. Совершенно очевидно, что как в разных языках, так и в пределах одного языка семантика глаголов с базовым значением 'должно', 'мочь', 'начинать' весьма разнообразна и не в полной мере учтена в данном исследовании. Довольно часто в одном языке встречается: а) несколько разных глаголов с данным базовым значением; б) несколько конструкций у одной лексемы с данным базовым значением. Вместе с тем материал показывает, что разнообразие зафиксированных конструкций связано не с механической манипуляцией формальными правилами, а в значительной мере с адаптацией синтаксической структуры к тонкостям лексического значения модального или фазового глагола.

2. Ролевые характеристики именного актанта главного глагола варьируют в значительном диапазоне. Именной актант глагола 'начинать' чаще всего Агенс (обычно кодируется номинативом), а глагола 'должен', 'мочь' - ближе к роли Экспериенцера или Реципиента (часто кодируется дативом). Эти семантические свойства главной ИГ влияют на референтные ограничения и противопоставления.

2. Аффективные глаголы

Рассмотрим конструкции, образуемые глаголами с двумя типовыми значениями: 'хотеть' и 'бояться'. Эти глаголы всегда выступают как двухместные. Именной актант глагола 'хотеть' во всех рассматриваемых языках оформляется дативом и, видимо, является Экспериенцером. Именной актант глагола 'бояться' выражается дативом или номинативом, что, видимо, связано с колебаниями в значении соответствующих глаголов, см. ниже.

Что касается кореферентности вершинной ИГ актантам зависимого глагола*, то возможны два случая: а) это ИГ кореферентна S, A или O зависимого глагола; б) отношение кореферентности отсутствует. Нас будет интересовать в первую очередь наличие/отсутствие различий в оформлении разных типов кореферентности. (Попутно отмечу, что при наличии в языке таких различий случай (б) максимально похож на случай, включающий кореферентность с О, так же как в русском, ср: *Петя$_i$ не хочет $\emptyset_i$ обмануть друга*; *Петя$_i$ не хочет, чтобы друг его$_i$ обманул*; *Петя не хочет, чтобы Коля обманул друга.*)

2.1. Нейтральная стратегия

2.1.1. Кореферентное опущение (Нейтр. 2). Чамалинский язык:

(2) а. Вац-лъа $\emptyset$ йац чIиина идалахъ икIв

брат,дат Аг=эрг сестра,Па=ном бить,инф не-хотеть

'Брат сестру бить не хочет'.

б. Йац-лъа вац-уд $\emptyset$ чIиина идалахъ икIв

сестра,дат брат,Аг=эрг Па=ном бить,инф не-хотеть

'Сестра не хочет быть избитой братом'.

* Ниже рассматриваются только случаи с сентенциальным актантом.

33. а. Ил-лъа ∅ вагьа гьаъиила идалахъ икIв

мать,дат Эк=афф сын,Ст=ном видеть,инф не-хотеть
'Мать не хочет видеть сына'.

б. Вагь-лъа илв-хе ∅ гьаъиила идалахъ икIв

сын,дат мать,Эк=афф Ст=ном видеть,инф не-хотеть
'Сын не хочет, чтобы мать его видела'.

34. Ил-лъа вац-уд йац чIиина идалахъ икIв
мать,дат Аг=эрг Па=ном бить,инф не-хотеть
'Мать не хочет, чтобы сын бил сестру'.

В (32), (33а) опускается кореферентный А, в (32б), (33б) - кореферентный О. Аналогично опускается S. В (34) кореферентности нет. Во всех случаях зависимый глагол стоит в форме инфинитива, а полные ИГ - в том падеже, какой они имеют в независимом предложении. Таким образом, в (32-34) реализуется нейтральная стратегия по модели Нейтр. 2.

Такую стратегию используют следующие языки:

- 'хотеть': чамалинский (*идаала*), тиндинский (*кьочи^{н}лъа*), хваршинский (*гохъше*),*лакский (*ччай хьун*);
- 'бояться': *агульский (*гичIас*), рутульский (*гичIас*), *лезгинский (*кчIезава*), будухский (*кичI йихьэри*), хиналугский (*ынхъ-кьи*).

При нейтральной стратегии глагол 'бояться' реализует значение 'Х-у страшно, что Р': в этом случае степень его участия в ситуации Р может быть любой - как агентивной, так и пациенсной.

Аффективные глаголы, так же как и модальные, могут сочетать нейтральную модель с эргативным согласованием по номинативу. Такую стратегию используют языки:

- 'хотеть': *аварский (*в-акьIжи*), *гинухский (*р-етин*), *цезский (*етис*), арчинский (*кьIан*).

2.1.2. Рефлексивизация (Нейтр. 3). Изредка наряду с опущением может использоваться рефлексивизация, например (лезгинский язык):

35. а. Гад-ди-з ∅/уьчуь рыш катаз кчIезава
мальчик,дат Аг=эрг (возвр) Па=ном бить,инф бояться
'Мальчик боится побить девочку'.

б. Рыш-а-з гада-ди ∅/уьч катаз
девочка,дат мальчик,Аг=эрг Па=ном (возвр) бить,инф
кчIезава
бояться
'Девочка боится, что мальчик ее побьет'.

Кореферентная ИГ опускается или заменяется на возвратное местоимение в соответствующем падеже, то есть в соответствии с моделью Нейтр. 3.

Глагол 'бояться' имеет такой вариант нейтральности в лезгинском языке, а глагол 'хотеть' - в *цахурском (*ыккыйканес*), в последнем случае с сопутствующим эргативным согласованием.

2.2. Аккузативная стратегия

2.2.1. Кореферентное опущение VS рефлексивизация. Эта стратегия (см. модель Акк. 3) с аффективными глаголами более распространена, чем с модальными и фазовыми. Она используется в языках:

- 'хотеть': *лакский (*ччай хьун*), ахвахский (*кви^{н}лъегве*), хиналугский (*йикьи*); в сочетании с эргативным согласованием: *бежтинский (*атIал*), *гунзибский (*б-атIынло*), *цезский (*етис*), будухский (*йыкэджи*), крызский (*икаьджи*);
- 'бояться': крызский (*кичI хьиджи*).

2.2.2. Кореферентное опущение VS прономинализация. Такую технику (наряду с рефлексивизацией и одновременно с эргативным согласованием) имеет глагол 'хотеть' в *бежтинском языке:

36. а. Ис-тIи-л ∅ ирматIо б-аькьIелаьл б-атIнай

брат,дат Аг=эрг осел,Па=ном бить,инф,III хотеть,III
'Брат хочет побить осла'.

б. Ис-тIи-л ∅-атIнай до гьуги/жуь ∅-аькьIелаьл

брат,дат хотеть,I я,Аг-эрг мест/возвр,ном бить,инф,I
'Брат хочет, чтобы я его побил'.

В (36б) кореферентный Пациенс редуцируется в личное (*гьуги*) или возвратное (*жуь*) местоимение.

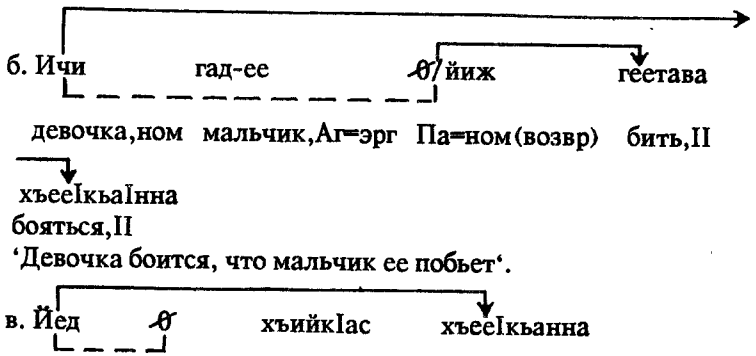
2.2.3. Инфинитив VS не-инфинитив вставленного глагола (Акк. 4). Такой способ маркирования аккузативности представлен в глаголе 'бояться' в *цахурском языке*:

37. а. Гаде ∅ ичи геетас

мальчик,ном Аг=эрг девочка,Па=ном бить,инф,II

хъаIйкьаIнна
бояться,I
'Мальчик боится побить девочку'.

* В цахурском языке классные формы глаголов образуются при помощи изменеиий корневых гласных.

При кореферентном А в (37а) и S в (37б) вставленный глагол имеет форму инфинитива, при кореферентном О в (37б) - форму настоящего времени, в то время как кореферентная ИГ может опускаться.

Кроме глагола 'бояться', в цахурском языке такую стратегию имеет в том же языке глагол 'хотеть' (при нем вставленные ИГ могут как опускаться, так и рефлексивизироваться; главный глагол согласуется с вставленной ИГ в номинативе).

Данная техника воплощает модель Акк.4.

2.2.4. Инфинитив + кореферентное опущение VS не-инфинитив + рефлексивизация (Акк. 5). Возможно одновременное сочетание двух техник. Так, в (37б) кореферентный О может не только опускаться, но и заменяться на возвратное местоимение.

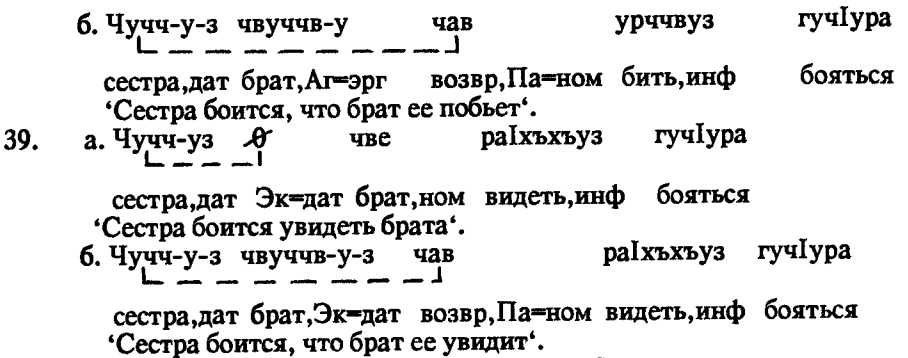
Такую стратегию (см. модель Акк. 5) имеют языки:

- 'хотеть': лезгинский (*кканзава*), рутульский (*гьыкъар*), агульский (*ккан хьис*), табасаранский (*гундув*), чирагский (*биккей*); сочетают эту технику с эргативным согласованием *цахурский (*ыккыйканес*), *гунзибский (*б-атIынло*).

- 'бояться': табасаранский (*гичI хьус*).

2.3. Активная стратегия. При активной стратегии ситуация, когда главная ИГ кореферентна вставленной агентивной именной группе, сопровождается одной КСА, а при кореферентности вставленной пациенсной именной группе - другой.

2.3.1. Кореферентное опущение VS рефлексивизация (Акт. 1). Например (табасаранский язык, кондикский говор):

Как мы видим, в примерах (а) А и агентивный S опускаются, а в примерах (б) О и пациенсный S рефлексивизируются. Этим конструкциям соответствует модель Акт. 1. Данная техника в других языках не представлена.

2.3.2. Смена формы вставленного глагола (Акт. 2). То же противопоставление может выражаться не в типе редукции вставленной ИГ, а в грамматической форме вставленного глагола. Например (табасаранский язык, кондикский говор):

При генитивной кореферентности вставленный глагол имеет форму инфинитива, в противном случае глагол обрамляется циркумфиксом *д-ун*. При этой технике в ряде языков агентивной кореферентности соответствует форма инфинитива вставленного глагола, хотя используются и дру-

гие грамматические категории. Данная техника соответствует модели Акт. 2. Она представлена в языках:

- 'хотеть': кондикский говор табасаранского языка (*ккун шуз*);
- 'бояться': цезский (*улIхоI*), тиндинский (*лъеелъа*), *гинухский (*илIо*), ахвахский (*лIерегиди*), чамалинский (*лъеела*), гунзибский (*гьи^{Н}чIе*), *агульский (*гичIас*), *бежтинский (*гьи^{Н}чIаьл*), *аварский (*в-ихжи*).

Следует обратить внимание на то, что в ахвахском языке имеется факультативное расщепление актанта О, а в чамалинском, бежтинском и гунзибском - расщепление А. Например (ахвахский язык*):

43. а. Ваша лIере гуди ∅ йаш-ога

мальчик,ном бояться,I Аг=ном/эрг девочка,Ко=лок
ехъхъ-урулIа
смотреть, +*урулIа*
'Мальчик боится посмотреть на девочку'.

б. Йаше лIере гиди ваш-оде ∅/и^{Н}лъгъига

девочка,ном бояться,II мальчик,Аг=эрг Ко(возвр, лок)
ехъхъ-ерогу
смотреть, +*ерогу*
'Девочка боится, что мальчик на нее посмотрит'.

В (43б) Комплетив может опускаться (как Пациенс) или рефлексивизироваться (в отличие от S, A и O).

Что касается расщепленного А, то реализуется вариант (Эк &Ст)∈ О, то есть Экспериенцер и Стимул ведут себя как О, например (чамалинский язык):

44. а. Вац лъедахъ ида ∅ йац-ухъ вацIна

брат,ном бояться Аг=ном сестра,Ко=лок смотреть,инф
'Брат боится посмотреть на сестру'.

б. Вац лъедахъ ида ∅ йац гьаъ-ечIо

брат,ном бояться Эк=афф сестра,Ст=ном видеть, +*ечIо*
'Брат боится увидеть сестру'.

с. Йац лъедахъ ида вацв-хе ∅ гьаъ-ечIо

сестра,ном бояться брат, Эк=афф Ст=ном видеть+*ечIо*
'Сестра боится, что брат ее увидит'.

* Классные формы глагола "бояться" образуются посредством чередования корневых гласных *у/и*.

При агентивной кореферентности в (44а) вставленный глагол принимает форму инфинитива, а кореферентность с любым из актантов экспериенциального глагола (44б-в) вызывает присоединение к вставленному глаголу морфемы *-ечIо*.

В бежтинском языке относительно Экспериенцера имеются колебания: кореферентный Экспериенцер может уподобляться как Агенсу (А), так и Пациенсу (О), например (бежтинский язык):

45. а. Оьже ∅ утIа-л гьи^{Н}чIаьч

мальчик,ном S=Аг=ном спать,инф бояться
'Мальчик боится уснуть'.

б. Оьже ∅ ек-да-л гьи^{Н}чIаьч

мальчик S=Па=ном падать,инф +*да* бояться
'Мальчик боится упасть'.

в.Кид ∅ або егаьгьаь-л/егаьаь-даь-л

девочка Эк=дат отец,Ст=ном видеть,инф/инф,+*да*
гьи^{Н}чIаьч
бояться
'Девочка боится увидеть отца'.

Агентивная кореферентность требует инфинитива, см. (45а), пациенсная - инфинитива + показатель *-да*, см. (45б), а при кореферентном Экспериенцере, см. (45в), возможны обе формы вставленного глагола.

2.3.3. Смена формы вставленного глагола + рефлексивизация (Акт. 3). Изредка возможно сочетание двух кодирующих средств: смена формы вставленного глагола и рефлексивизация кореферентного Пациенса. Это зарегистрировано при глаголе 'бояться' в двух языках (бежтинском и аварском) как факультативная рефлексивизация, например (бежтинский язык):

46. а. Оьже ∅ ирматIо б-аькьIелаьл

мальчик,ном Аг=эрг осел,Па=ном бить,инф,III
гьи^{Н}чIаьч
бояться
'Мальчик боится побить осла'.

б. Кид гьи^{Н}чIаьч оьж-ди жуь/∅

девочка,ном бояться мальчик,Аг=эрг П=ном(возвр)
й-аькьIел-даь-л
бить, +*да*,П
'Девочка боится, что мальчик ее побьет'.

В (46б) изменение формы вставленного глагола факультативно дублируется рефлексивизацией Пациенса.

2.3.4. Изменения актантной структуры главного глагола (Акт. 5). Уникальная техника представлена в хваршинском языке при глаголе "бояться":

47. а. Уже Ø-улIлIе Ø кад шукIа

мальчик,ном бояться,I Аг=эрг девочка,Па=ном бить,инф
'Мальчик боится побить девочку'.

б. Уже Ø-улIлIе Ø е^{н}ду-гьол уха

мальчик,ном бояться,I S=Аг=ном домой идти,инф
'Мальчик боится прийти домой'.

При кореферентном Агенсе в (47) он опускается, главная ИГ стоит в номинативе, а вставленный глагол - в инфинитиве.

48. а. Кад й-улIлIе уж-ахъа Ø Ø

мальчик,ном бояться,II мальчик,Ко=лок Аг=эрг Па=ном шукIа-лудаклIын
не-бить,деепр
'Девочка боится мальчика, как бы он ее не побил'.

б. Уже Ø-улIлIе Ø игьа-лудаклIын

мальчик,ном бояться,I S-Па-ном не-умереть,деепр
'Мальчик боится, как бы не умереть'.

При кореферентном Пациенсе вставленный глагол приобретает форму отрицательного деепричастия (маркер *лудаклIын*). Кроме того, если вставленный глагол двухместный, то глагол 'бояться' становится трехместным в (48а): первая ИГ в номинативе *кад* кореферентна опущенному вставленному Пациенсу, вторая ИГ в локативном падеже *ужа-хъа* - опущенному вставленному А.

2.4. Эргативная стратегия (Эрг. 4). Фактически единственный для аффективных глаголов случай эргативной стратегии (с одновременным расщеплением А и эргативным согласованием) демонстрирует (наряду с нейтральной техникой) глагол 'хотеть' в гинухском языке:

49. а. Ужи-ж й-етин Ø ессу зокIа

мальчик,дат хотеть,II Аг=эрг сестра,Па=ном бить,инф
'Мальчик хочет побить сестру'.

б. Ужи-ж р-етин Ø ессу-з ролъа

мальчик,дат хотеть,IV Аг=эрг Ре=дат бить,инф
'Мальчик хочет ударить сестру'.

в. Ужи-ж Ø-етин Ø ессу-кьIор еза

мальчик,дат хотеть,I Аг=ном Ко=лок смотреть,инф
'Мальчик хочет на сестру посмотреть'.

В (49) кореферентный Агенс (в эргативе или номинативе) опускается, вставленный глагол стоит в форме инфинитива.

50. а. Ужи-ж й=етин Ø ессу й-ика-йаз

мальчик,дат хотеть,II Эк=дат Ст=ном видеть,целев,II
'Мальчик хочет увидеть сестру'.

б. Ужи-ж Ø-етин Ø Ø-иха-йаз

мальчик,дат хотеть,I S=ном вставать,целев,I
'Мальчик хочет встать'.

В (50) при кореферентном Экспериенцере и Субъекте вставленный глагол стоит в целевой форме. Та же техника имеет место и при кореферентности с О:

51. а. Ессу-з й-етин-гом ужи-й Ø зокIайаз

сестра,дат не-хотеть,II Аг=эрг Па=ном бить,целев
'Сестра не хочет, чтобы мальчик ее побил'.

б. Ессу-з й-етин-гом ужи-ж Ø й-ика-йаз

сестра, дат не-хотеть,II Эк=дат Ст=ном видеть,целев,II
'Сестра не хочет, чтобы мальчик ее видел'.

Данная конструкция представлена на модели Эрг. 4.

2.5. Выводы

2.5.1. Поверхностная техника оформления. В основном это те же средства, что и у модальных и фазовых глаголов.

1. Поскольку аффективные глаголы обязательно имеют кроме сентенциального именной актант, моделей с одноместным главным глаголом в данной группе не встречается.

2. Кореферентность главной ИГ с вставленными ИГ приводит к редукции вставленной ИГ посредством правил:

- кореферентного опущения (наиболее типичная техника);
- рефлексивизации (часто как факультативный вариант к кореферентному опущению);
- прономинализации (в одиночных случаях, см. 2.2.2). Главная ИГ редукции не подвергается.

3. В тех моделях построения КСА, которые противопоставляют именные группы, это противопоставление может оформляться следующими средствами:

- различение типов редукции кореферентных ИГ;

- различение грамматических форм вставленных глаголов (это особенно активно используемая техника);

- изменение актантной структуры главного глагола (в одном случае, см. 2.3.4);

- совмещение двух средств в одной КСА.

4. Любая из поверхностных техник может сочетаться с эргативным согласованием по классу со вставленной ИГ в номинативе.

2.5.2. Синтаксические типы конструкций:

1. Существенно, что вопреки распространенному мнению аффективные глаголы допускают нейтральное построение КСА: глагол 'хотеть' в 9-ти языках, глагол 'бояться' - в 6-ти, хотя эта модель и не является для аффективных глаголов доминирующей.

2. При глаголе 'хотеть' доминирует аккузативная модель. Она зарегистрирована в 15-ти языках (при глаголе 'бояться' - в трех). Однако из этого не следует, что глагол 'хотеть' изменяет эргативной специфике дагестанских языков. Напротив, я думаю, что следование аккузативной стратегии в данном случае подчиняется тенденциям, заложенным в семантике данного глагола (см. ниже), то есть является в конечном счете также связанным с ролевой ориентацией.

3. При глаголе 'бояться' доминирует активная модель: она представлена в 10-ти языках (при глаголе 'хотеть' - только в кондикском говоре табасаранского языка, который в целом имеет значительную тенденцию к активности). Активная стратегия вообще глубоко семантична, так что естественно искать семантические причины ее связи с глаголом 'бояться'.

4. Изолированно стоит случай с эргативной стратегией при глаголе 'хотеть' в гинухском языке, поскольку в семантически эргативных языках как раз нетипично проявление эргативности на синтаксическом уровне. Существенно, что во всех трех случаях отмеченной эргативной стратегии (см. 1.6 и 2.4) она сочетается с расщепленным А, то есть для нее маркированной является однородность агентивной роли.

2.5.3. Семантика аффективных глаголов. Явно выраженная тенденция глагола 'бояться' к активной стратегии, а глагола 'хотеть' - к аккузативной не является случайностью и должна быть в первую очередь связана с их семантикой.

1. Тенденцию к активной стратегии оформления КСА при глаголе 'бояться' можно объяснить возможностью расщепления его значения. А именно эти два значения можно приблизительно представить таким образом: X боится P ≈

а. активное значение:

- 'Последствия события P нежелательны для X-а', ⟹

- 'X не уверен в целесообразности совершать P'.

б. инактивное значение:

- 'Последствия события P нежелательны для X-а', ⟹

- 'X с высокой степенью вероятности считает, что будет иметь место P'.

Значение (а), при котором предполагается активная роль X-а в осуществлении события P, "согласуется" с теми ситуациями P, в которых X-у отводится роль Агенса, в отличие от тех, где он выступает в пациенсной роли. Поэтому если X выступает в событии P как Пациенс, то реализуется инактивное значение (б), при котором X только констатирует возможность события P, но сам его не контролирует.

В принципе инактивное значение сочетается с агентивной ролью X-а в событии P, поэтому данное значение совместимо также с нейтральной моделью.

2. Глагол 'хотеть' явно тяготеет к аккузативной модели, то есть в ее семантической интерпретации к противопоставлению Протагониста актанту O, и в то же время почти в половине языков допускает нейтральную модель. Можно так реконструировать модификации его значения: X хочет, чтобы P ≈

а. нейтральное значение:

- 'Событие P желательно для X-а', ⟹

- 'X положительно относится к тому, чтобы P'.

б. аккузативное значение:

- 'Событие P желательно для X-а', ⟹

- 'X положительно относится к тому, чтобы P', ⟹

- 'X готов/собирается способствовать тому, чтобы P'.

Значение (а), при котором X отстраненно относится к P, совместимо с нейтральной моделью, так как X может выступать в любой роли в ситуации P. Значение (б) предполагает участие X-а в осуществлении P, оно тоже совместимо со всеми ролями X - а в P, но ситуация, где X выступает в P как Протагонист, то есть как главный участник, и ситуация, где X - второстепенный участник, то есть O, противопоставлены (вероятность достижения P в первом случае выше, чем во втором). Это и может служить семантической основой использования аккузативной модели.

* * *

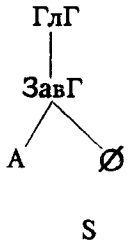
В целом следует признать, что утверждение Р.Диксона [Диксон 1979. С. 115] о том, что глаголы 'мочь', 'должен', 'начинать' ведут себя аккузативно всегда, а глагол 'хотеть' - почти всегда, не подтверждается данными дагестанских языков. Вместе с тем, на мой взгляд, продолжает оставаться в силе мнение, что аккузативная модель при этих глаголах еще не означает сама по себе синтаксической аккузативности эргативных языков, поскольку их поведение в значительной мере предопределяется не синтаксическими факторами, а семантикой самих главных глаголов.

Таким образом, рассмотрение модальных, фазовых и аффективных глаголов, требующих сентенциального актанта, показывает, что с семантической эргативностью дагестанских языков в наибольшей степени согласуется нейтральная стратегия построения КСА. Довольно разнообразные отклонения от этой стратегии в основном вызываются не сдвигом соответствующих языков в сторону того или иного синтаксического типа, а приспособлением к семантической специфике как главного, так и вставленного глагола, а также (в известной мере) возможностями, предоставляемыми той или иной выбранной техникой поверхностного кодирования.

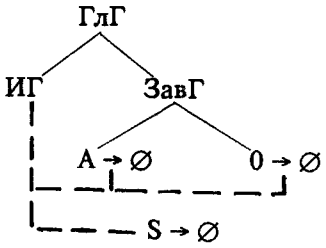
Все сказанное заставляет с большой осторожностью относиться к поспешным типологическим выводам, делаемым на основании отдельных изолированных примеров из отдельных языков, особенно в тех случаях, когда доминирует семантическая мотивация кодирующей формы.

Модели конструкций с сентенциальным актантом

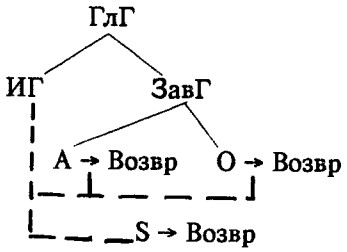
Нейтральные конструкции:

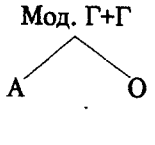
Нейтр. 1

Нейтр. 2

Нейтр. 3

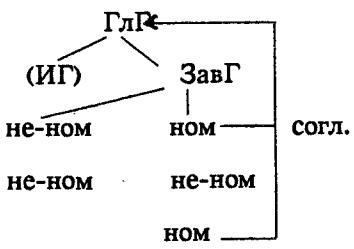

Нейтр. 4

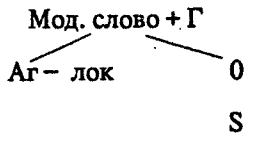
---

* ГлГ – главный глагол, ЗавГ – зависимый глагол, Г – глагол, Возвр – возвратное местоимение; согл. – согласование, ИГ – именная группа, ном – номинатив, не-ном – не номинатив, эрг – эргатив, лок – локатив, мод – модальный, S – непереходный субъект, А – переходный субъект, О – переходный объект, Аг – агенс, Па – пациенс, Эк - экспериенцер, Ст – стимул.

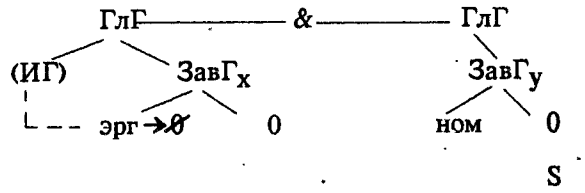
Эргативные конструкции:

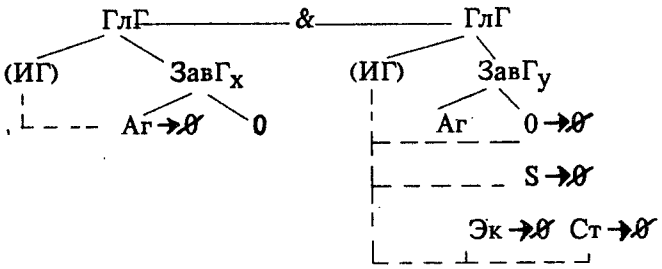
Эрг. 1

Эрг. 2

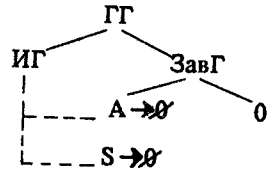

Эрг. 3

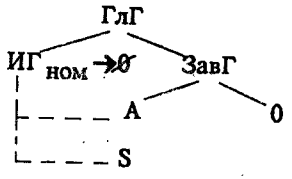

Эрг. 4

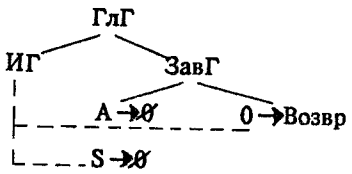
Аккузативные конструкции

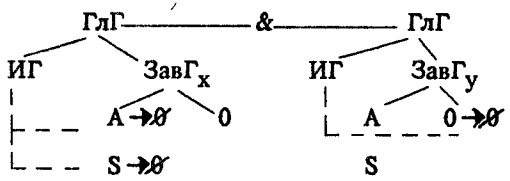
Акк. 1

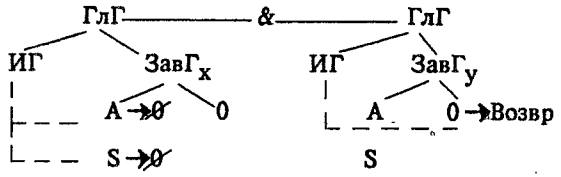
Акк. 2

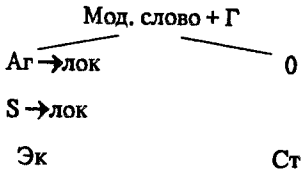
Акк. 3*

Акк. 4**

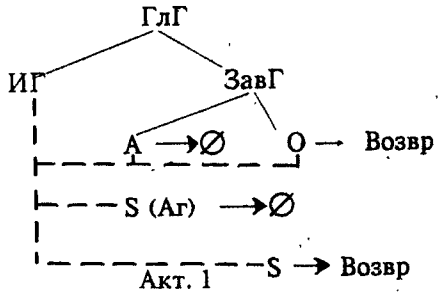
Акк. 5

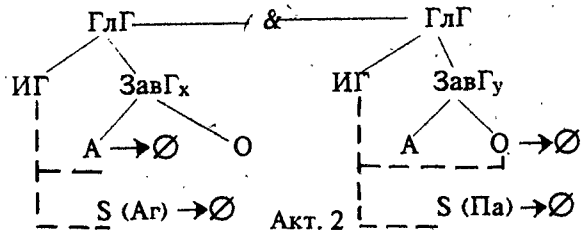
Акк. 6

*Изредка встречается Проном вместо Возвр.
**Изредка встречается Возвр вместо ∅.

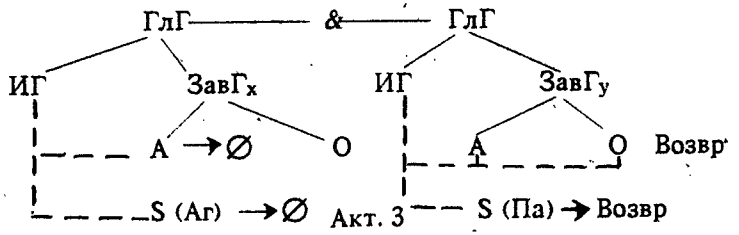
Активные конструкции:

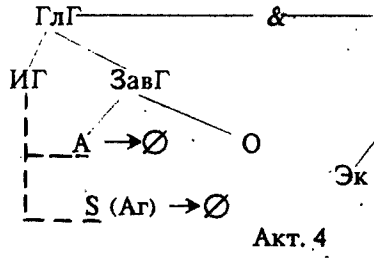
Акт. 1

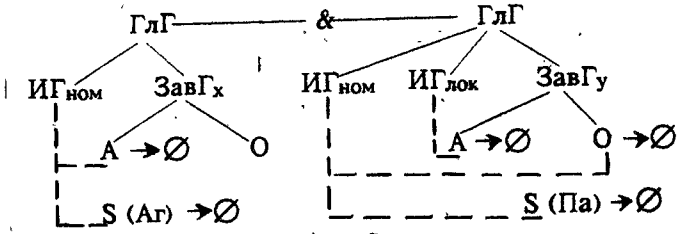
Акт. 2

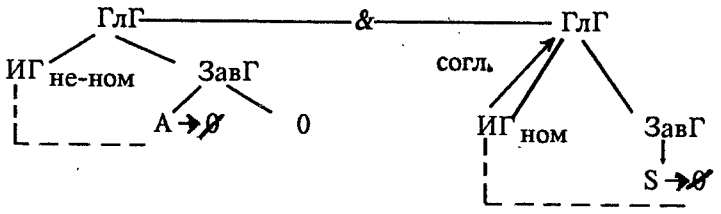
Акт. 3

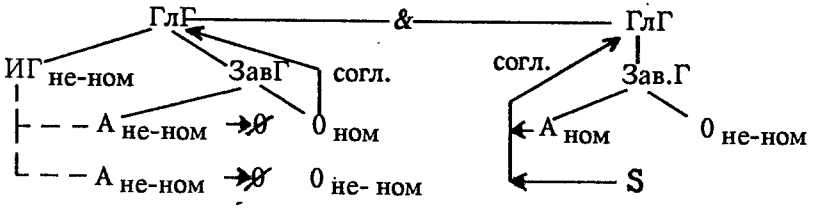
Акт. 4 S (Па)

Акт. 5

Контр. 1

Контр. 2

ЧАСТЬ IV

ПРИЛОЖЕНИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГЛАВА 17.

ПРИКЛАДНАЯ ЛИНГВИСТИКА*

Прикладная лингвистика - раздел языкознания, в котором разрабатываются методы решения практических задач, связанных с оптимизацией использования языка как важнейшего средства человеческой коммуникации. Такие задачи ставились и решались задолго до выделения этой области знания в самостоятельную дисциплину, а подчас и до формирования лингвистики как науки. Наиболее революционным вмешательством в естественный процесс коммуникации было изобретение письма - одного из крупнейших достижений стихийной прикладной лингвистики.

Современная прикладная лингвистика не только опирается на достижения общей лингвистической теории, но и сама влияет на ее развитие, поскольку для решения практических задач обычно необходимы специальные исследования, составляющие основное содержание прикладной лингвистики.

Как научная дисциплина прикладная лингвистика существует сравнительно недавно. Первоначально термин "прикладная лингвистика" связывался с теми или иными конкретными приложениями языкознания. В англоязычных странах этот термин (applied linguistics) с начала XX в. применялся к теории обучения неродному языку. В СССР он получил широкое распространение в 1950-е годы в связи с проблемой автоматизации информационных процессов. Однако в настоящее время преобладает расширенное, функциональное понимание содержания прикладной лингвистики. Ее диапазон определяется потребностями человеческой практики, которые постоянно изменяются. Ряд проблем прикладной лингвистики находится на стыке с психолингвистикой и социолингвистикой.

Основные современные направления прикладной лингвистики можно расклассифицировать по тому, какая функция языка оптимизируется.

* Вариант словарной статьи "Прикладная лингвистнка" (Большая Советская Энциклопедия. М., 1975. Т. 20. С. 1719)

1. Оптимизация способов фиксации и хранения речевой информации:

а) создание алфавитов и письменностей; б) орфография; в) практическая транскрипция и транслитерация (главным образом применительно к географическим названиям и собственным именам); г) создание информационных языков.

2. Оптимизация способов передачи информации:

а) теория перевода (главным образом научно-технического); б) создание систем автоматического перевода; в) автоматическое распознавание и синтез речи; г) теория обучения неродному языку; д) сурдопедагогика (обучение языку глухонемых), тифлосурдопедагогика (обучение языку слепоглухонемых); е) теория разборчивости речи (для оптимизации передачи речи по каналам связи).

3. Оптимизация интеллектуальных способностей человека, связанных с использованием языка:

а) создание систем искусственного интеллекта (в том числе баз знаний, экспертных систем); б) создание (автоматизированных) информационно-поисковых систем; в) создание систем автоматического аннотирования и реферирования информации; г) использование языка в медицине (при патологии речи как средства диагностики поражения мозга) и др.

4. Оптимизация использования языка как средства массовой коммуникации:

а) языковое планирование (один из важнейших вопросов прикладной лингвистики в развивающихся странах с многоязычным населением); б) языковое строительство (целенаправленное приспособление языка к новым социальным функциям, например разработка национального литературного языка на многодиалектной основе); в) нормализация языка (создание нормативных грамматик, словарей, орфоэпия, унификация терминологии, онамастика, ктематонимика - исследование товарных знаков); г) создание международных искусственных языков; д) полевая лингвистика (см. главы 5 и 18); е) изучение влияния языка на поведение человека (контентный анализ, лингвистическая теория рекламы, пропаганды и др.).

ГЛАВА 18

МЕТОДИКА ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ С ИНФОРМАНТОМ*

1. Основные этапы полевой работы

1.1. Предварительные условия полевой работы. Изучение языка-объекта без ясно сформулированной цели вряд ли может быть эффективным. Более того, нужно не только знать цель исследования, но и представлять конечную форму описания добытых знаний о языке-объекте, то есть ориентироваться на определенную теорию языка, в терминах которой предполагается описывать язык-объект. Мнение, что можно "непредвзято" наблюдать языковые факты и что сами эти факты навяжут схему их описания, является опасным заблуждением. Нет основания недооценивать влияние данных на формирование теории, но в действительности процесс познания глубинных закономерностей, лежащих в основе данных, всегда предполагает наличие не одного, а двух феноменов: данных и некоторого эталона (теории), которым эти данные оцениваются. В процессе познания, как правило, обнаруживается известное несоответствие между данными и теорией, что ведет к перестройке теории (такое понимание процесса познания основывается в конечном счете на представлении об эвристическом, а не операционном характере познания [Эйнштейн 1965. С. 9-10, 62 и сл.]).

Поэтому отрицание априорной теоретической платформы ведет на самом деле лишь к непоследовательности, так как лингвистическое сознание любого, даже самого неискушенного человека, не говоря уже о профессиональном лингвисте, в действительности соткано из многочисленных аксиом, постулатов и догм о языке, и некоторая, может быть неосознанная теория все равно будет включена в исследование, но в таком случае влияние ее на результат работы будет неуправляемым.

Знание предполагаемой конечной формы описания оказывает большое влияние на методику работы и вид искомых лингвистических данных, получение которых в противном случае будет маловероятным, а также на системность получаемых данных.

Итак, как это ни парадоксально звучит, большая часть полевой работы должна быть сделана дома. В связи с неограниченным разнообразием локальных задач, которые могут решаться в полевом исследовании, вряд ли возможно предложить универсальный "рецепт" составления программы исследования: в каждом конкретном случае такая программа неповторима, уникальна. Тем не менее, если ограничиться некоторым большим классом задач (например, синхронное описание одного или нескольких уровней языка-объекта), то можно выделить некоторые общие свойства программ таких исследований. Образец такой программы интенсивного изучения языка-объекта с использованием магнитофонной фиксации всех занятий с информантом предложили [Фегелин - Робинет 1954]. Процесс месячной работы разбивается на три части: первая (7 занятий по 2 часа, 8 часов магнитной записи) - изучение фонетики, словаря-минимума, простейших текстов, вторая (14 занятий по 2 часа, 16 часов магнитной записи) - парадигматический опрос, выделение служебных морфем, третья (7 занятий по 2 часа, 8 часов магнитной записи) - проверка записей, транскрипции, организация списков слов, текстов, парадигм. Значитель-

* Переработанный вариант главы из моей книги "Методика полевых исследований" (М., 1972).

ная часть работы отводится на послеэкспедиционный период (расшифровка магнитофонных записей).

Вообще говоря, специфичность полевой работы и вместе с тем универсальность лингвистических процедур исследователя проявляется в наибольшей степени на начальных этапах исследования, когда о языке-объекте вообще ничего неизвестно, и именно этому периоду мы уделяем наибольшее внимание.

1.2. Первое знакомство с языком. Поскольку речь идет о бесписьменном языке-объекте, то на первом этапе основное внимание, независимо от цели исследования, должно быть уделено фонетике. Важным инструментом фиксации звучащей речи на письме является универсальная фонетическая транскрипция. Ясно, однако, что знание системы обозначений не обеспечивает умения интерпретировать необычные звуки незнакомого языка-объекта в терминах этих обозначений. Такое умение вырабатывается в процессе общефонетической тренировки, которая необходима каждому полевому лингвисту.

На каком материале знакомиться со звуками и фонетическими признаками звуков языка-объекта? При активном методе изучения языка-объекта недостаточно просто слушать речь на этом языке, а желательно целенаправленно работать с информантом. Далеко не лучшим способом выявления звуков был бы прямой вопрос к информанту: "Какие звуки есть в Вашем языке?" (подробнее о "прямых" вопросах см. ниже).

В принципе любой словарный материал может быть использован для выявления фонетических признаков и звуков ввиду их ограниченного числа в любом языке и, как следствие этого, частой повторяемости. При этом желательно извлекать всякий раз максимум информации о языке и стремиться из самых первых фонетических занятий извлечь наибольшую пользу для накопления словарных, морфологических и синтаксических сведений*.

Уже первое предложение может вызвать большие сложности в различении звуков и транскрибировании, чему никак не следует удивляться. Нужно ли стремиться к адекватной транскрипции на каждом этапе? Стремиться, конечно, нужно, но не доводя до абсурдного принципа: ни шагу дальше, пока нет окончательной уверенности в фонетической правильности транскрипционной записи очередного высказывания. Это касается не только фонетики, но и других сторон изучения языка. Исследователь постоянно встречается (на первых порах очень часто, позднее - все реже и реже) с данными, объяснить которые он, не зная некоторых других данных, не в состоянии, кроме как опираясь на метод "гениальной догадки".

* Поэтому предполагается желательным использовать тест для первичного знакомства с лексикой типа того, что предложен в Приложении 4 в работе [Кибрик 1972]. Аналогичным набором фраз пользовался в своей полевой работе Богораз; см. предисловие И.С.Вдовина к книге [Богораз 1949. С. 22].

В таких случаях, когда доступные средства интерпретации исчерпаны, желательно пометить сомнительное место и двигаться дальше. Бывает, что неожиданно для исследователя появляются данные, которые в совокупности с непонятными ранее проливают свет на "странное" явление. Это может быть, в частности, в том случае, если в данных встретился сложный комлексный феномен, который непонятен без знания составляющих его более простых.

Применительно к фонетике это диктует принцип "избирательного слушания", выдвинутого Найдой [Найда 1952-1953]. Во-первых, говорит Найда, надо стремиться сперва слушать не слова, а признаки и фоны, и в каждый момент слушать только один признак (или совокупность признаков), и, во-вторых, идти от более простых (с точки зрения восприятия исследователя) признаков и фонов к более сложным. Поскольку произвольное слово языка-объекта может быть различной степени субъективной сложности, степень точности нотации (записи) различных высказываний может на первых порах быть неодинаковой; точность возрастает по мере увеличения материала и расширения знаний о признаках и фонах, тренировки слуха и артикуляторного аппарата. Трудность восприятия может быть двоякого рода: (1) специфический признак звука исследователь слышит, но не может этот звук воспроизвести; (2) признак не только не артикулируется, но и не слышится. В первом случае фонетическая природа признака может быть как понятной исследователю, так и нет. Во втором исследователь просто не заметит этого признака, пока не столкнется с теми или иными трудностями нотации (появлением минимальной пары, указанием носителя языка на несоответствие записи звучанию и т.п.).

Проблема трудности восприятия связана с принципиально важным вопросом: какова степень необходимой точности фонетического "слышания"? Ответ на этот вопрос фактически уже дан при формулировании принципов фонетической транскрипции. Точность распознавания определяется в конечном счете фонологическими соображениями. Если бы мы изучали русский язык, то мы встретились бы с фонами [е] и [ε], противопоставленными по признаку подъема, но "слышать" различие между ними для русского языка фонологически необязательно, в отличие от, например, французского. Также мы могли бы встретить глухой латеральный в слове *метл* (от *метла*, родительный падеж мн. числа) перед словом, начинающимся с глухой согласной. Поэтому обнаружение специфического признака или звука в языке-объекте еще не означает, что необходимо его фиксировать. В процессе работы может обнаружиться, что одни фоны распознаются более, а другие менее подробно, чем это нужно.

Все сказанное подтверждает тезис о желательности скорейшего перехода на фонологическую транскрипцию. Практически полевой лингвист почти никогда не пользуется чистой фонетической транскрипцией, а

начинает ее фонологизировать с первых минут знакомства с языком. "Мы можем реалистически ожидать, - утверждает Сводеш, - что полевой лингвист должен иметь некоторое представление о фонемной системе уже через пятнадцать минут после начала работы и о ее основных частях через час или что-то вроде этого" [Сводеш 1964. С. 149].

Исследователь в своей практике должен решить еще один вопрос: какова необходимая точность фонетического воспроизведения? Известно, что способности восприятия речи опережают способности производства речи на всех уровнях (особенно это характерно для овладения языком детьми: ребенок одного года знает не один десяток слов, не умея произносить ни одного или произнося несколько слогов, эквивалентных по смыслу некоторым словам), поэтому обычно исследователь слышит больше, чем может произнести. В то же время слышать можно менее точно (чтобы правильно понять высказывание), чем произносить (чтобы звучание такого высказывания не отличалось от произнесенного носителем языка). Широко известна проблема "акцента" при изучении иностранного языка, устранить который бывает очень трудно, а иногда и невозможно. Произношение на данном языке характеризуется не только полезными признаками, использующимися в качестве репрезентантов различительных, но и большим количеством избыточных фонетических признаков, точное воспроизведение которых необходимо для устранения акцента. Конечно, хорошее произношение на изучаемом языке способствует росту престижа исследователя в своих глазах и в глазах носителей языка, но для исследовательских целей является излишней роскошью, отвлекающей много времени и энергии. Поэтому стремиться к "безакцентному" произношению отнюдь не обязательно. Степень необходимой точности произношения диктуется опять же фонологическими соображениями: в каждой позиции фонетический репрезентант каждой фонемы должен произноситься так, чтобы он отличался от фонетических репрезентантов других фонем, противопоставляемых в данной позиции.

Несмотря на важность первичного фонологического анализа и выработки фонетических умений на первом этапе, нельзя забывать и о других сторонах исследования языка-объекта. Параллельно с транскрибированием высказываний происходит расширение словника, выявление наиболее ярких морфологических черт и основных синтаксических конструкций языка-объекта. В процессе перевода тестовых предложений на язык-объект фонетические и лексические причины могут требовать замены некоторых тестовых предложений или их частей. Например, наличие в словаре какого-нибудь необычного звука может вызвать необходимость получить другие слова с таким же звуком, неясное членение какого-нибудь слова на морфемы - желание заменить в нем какую-нибудь категорию (*мать принесла хлеб --> мать принесет хлеб --> мать несет хлеб*), неясность правил порядка слов - желание переставить слова в высказывании, трудности с переводом какого-то слова на язык-объект - необходимость замены его другим словом и т.п. Такие отклонения являются не только необходимыми, но и желательными.

При тщательном изучении данных, обеспечиваемых предлагаемым тестом, на это уходит примерно 10-12 часов работы с информантом. После этого следует обобщить накопленные сведения: установить (первичные) инвентари различительных признаков и фонем, выделить для некоторых из них позиции, которые должны быть дополнительно обследованы, построить фонематическую систему и выявить в ней возможные пропуски (например, если в языке есть фонемы [t], [k], [c], [č] и их абруптивные корреляты [t'], [k'], [c'], то можно предполагать и наличие незафиксированной фонемы [č']), а также фиксировать спорные и неясные места. Заметим, что если каркас фонематической системы появляется довольно быстро, то отдельные "темные пятна" в ней могут сохраняться очень долго (ср., например, методическое замечание Л.Я.Штернберга о процессе изучения им гиляцкого (нивхского) языка: "...Если в грамматические тайны мне удалось проникнуть сравнительно легко, то не так дело обстояло с фонетикой" [Штернберг 1908. С. IX]), и для их прояснения механического наращивания текстового материала может оказаться недостаточно.

В конце первого этапа бывает необходимо уточнить и упростить транскрипцию в соответствии с выявленным составом фонем и релевантными противопоставлениями.

Кроме того, обобщаются морфологические и синтаксические наблюдения. Обнаруженные слова из словаря-минимума желательно запомнить.

1.3. Опрос по системе: гипотеза$_1$ → данные$_1$ → гипотеза$_2$ → данные$_2$ → ... → добытое знание. Существует мнение, что полевая работа, ограниченная, как правило, сжатыми сроками, диктует разграничение этапов сбора материала и его обобщения. Представляется, что такое жесткое разграничение нежелательно и на самом деле может привести не к сокращению, а к удлинению сроков работы. Сбор данных нельзя рассматривать как механический процесс, так как важно в первую очередь не количество материала, а его качество*. Статистическое наращивание предложений и текстов не гарантирует сбора именно таких высказываний, которые необходимы и достаточны для построения правдоподобной гипотезы.

Значительно продуктивнее работа по системе: гипотеза$_1$ → дан-

* На это указывал еще один из крупнейших представителей отечественной полевой лингвистической традиции - И.А.Бодуэн де Куртенэ, много занимавшийся полевыми диалектологическими исследованиями: "Для науки всегда желательнее и полезнее даже небольшое количество верных и несомненных фактов, нежели громадная куча наскоро замеченных явлений и обусловленных ими предположений, иногда весьма проблематического свойства" [Бодуэн де Куртенэ 1875]

ные$_1$ → гипотеза$_2$ → данные$_2$ → .. → добытое знание. Первоначальной гипотезой о существенных свойствах языка-объекта являются представления о субстанциальных и формальных универсалиях, которые реализуются в программе исследования и анкетах.

Первичное исследование сужает класс возможных свойств языка-объекта, которые первоначально ему приписывались, и делает их более содержательными. Прибавление новой порции данных должно перерабатывать существующие представления о языке-объекте так, чтобы на каждом этапе исследования добытым данным соответствовала объясняющая их гипотеза. Такая гипотеза обладает определенной предсказующей силой: она предопределяет строение новых, не встречавшихся еще исследователю данных. Дальнейший сбор материала идет с учетом этой предсказующей силы гипотезы, и всякий раз, когда происходит ее столкновение с новыми данными, необходима проверка их обоих на истинность (данные тоже могут быть неверны, см. ниже). При таком процессе исследования сбор новых данных регулируется уже собранными данными через объясняющую их гипотезу и продолжается до тех пор, пока очередная гипотеза не начинает надежно предсказывать данные. Такой процесс в принципе бесконечен, но предсказуемостная сила гипотез постоянно растет, и разумно сделать остановку (считать, что анализ завершен) тогда, когда получение достаточно большого количества новых текстов дает сравнительно небольшое изменение очередной гипотезы*. Разумеется, к проверке гипотезы надо относиться с максимальной бесстрастностью, не становясь ее рабом и не стремясь подчинить ей факты.

Именно такой процесс можно наблюдать в эволюции овладения языком, которую претерпевает ребенок (разумеется, построение гипотез носит неосознанный характер, но их наличие и изменение ярко манифестируется речевой деятельностью ребенка).

Если перевести эти рассуждения на язык практических рекомендаций, то каждый сеанс работы с информантом должен требовать после себя изучения полученных данных и корректировки плана дальнейшей работы. В связи с увеличением корпуса данных и усложнением гипотез об устройстве языка-объекта постепенно происходит изменение соотношения времени, необходимого для работы с информантом, и времени, затрачиваемого на анализ данных. Если вначале большая часть времени тратится на первый вид работы, то постепенно удельный вес второго вида растет ("Пересмотр и проверка материала требуют больше времени, нежели его записывание" [Белич 1913, С. 238]) и, как правило, наступает такой момент, когда количество данных превышает дневной резерв времени исследователя, и тогда в полевой работе разумно сделать перерыв. Весь полученный в поле материал обрабатывается дома с особой тщательностью, после чего обычно оказывается, что для построения завершающей (или очередной) модели изучаемого фрагмента языка-объекта не хватает данных определенного вида и необходимо повторное обращение к помощи информанта*.

* Именно это имеет в виду Богораз, описывая процесс изучения им чукотского языка: он работал с перерывами в течение полутора лет "пока не достиг того, что формы незнакомого образования стали встречаться сравнительно редко" [Богораз 1900. С. 11].

Наращивание данных может происходить разными темпами в конкретных случаях, но опыт показывает, что двадцати-тридцати дней интенсивной работы бывает достаточно для первичного "насыщения" данными.

Итак, в процессе полевой работы крайне желательно строить промежуточные модели изучаемого фрагмента языка-объекта и фиксировать их конспективно в письменном виде.

1.4. О практическом изучении языка. По-разному трактуется полевыми лингвистами вопрос о необходимости уметь говорить на языке-объекте. Существует точка зрения, что без умения свободно говорить на языке бессмысленно пытаться строить его описание**, так как иначе лингвист находится в полной власти у информанта-переводчика, которого он и понять толком до конца никогда не сможет. Существует и прямо противоположное мнение: стремиться к овладению языком абсолютно не нужно, так как это само по себе еще не обеспечивает высокого качества научного описания, поскольку носитель языка, блестяще на нем говорящий, вряд ли может внести большой вклад в его описание, не будучи вооружен лингвистической теорией.

Думается, что обе точки зрения в своем крайнем выражении неверны, и полезнее не формулировать столь категорических утверждений, а определить, каково положительное и отрицательное значение владения языком-объектом.

Владение языком-объектом полезно в следующих отношениях:

(1) Дает возможность работать с использованием языка-объекта в качестве языка-посредника (то есть работать с моноязычным информантом), а также работать с текстом без переводчика (то есть аналитическим методом).

(2) Исследователь может собирать данные избирательным, "пассивным" методом, наблюдая естественное речевое поведение говорящих и отбирая искомые факты.

(3) Исследователь может подвергать себя самонаблюдению (интроспективный метод), значительно сокращая процесс исследования.

* На необходимости повторной проверки материала после его теоретического изучения настаивал Бодуэн де Куртенэ, см. [Пожарицкая 1962. С. 167].

** Ср. высказывание Уленбека: "Лингвист должен разговаривать с информантом без использования промежуточного языка" [Уленбек 1960. С. 443].

(4) Практическое знание языка-объекта служит для исследователя дополнительным источником самоутверждения и уверенности, что построенная им модель соответствует фактам языка-объекта, а также способствует авторитету исследователя в глазах носителей языка, которые не всегда убеждены, что лингвист занимается стоящим делом.

Ненацеленность на практическое овладение языком имеет свои преимущества:

(1) Исследователь не затрачивает значительного количества усилий, не направленных на достижение своей непосредственной цели, так как из знания языка не следует эксплицитное знание его грамматики.

(2) Особенности структуры незнакомого языка-объекта бросаются в глаза исследователю, и, не зная языка, зачастую удается заметить такие факты, которых человек, овладевший языком, не замечает, так как правила, их определяющие, ушли в подсознание, без чего невозможно практическое владение языком.

(3) Владение языком-объектом всегда носит относительный характер, что при некритичном отношении к степени владения этим языком может привести к порождению исследователем неграмматичных высказываний, рассматриваемых им как грамматичные (опасность введения самого себя в заблуждение).

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что, видимо, некоторое владение языком, достижимое без затраты специальных усилий, обеспечивающее контроль за переводом, который дает информант, и позволяющее строить, пусть не всегда бегло, новые высказывания и проверять их грамматичность, крайне полезно при научном изучении языка, ср. [Мид 1939], но нет нужды превращать стремление практически освоить язык-объект в самоцель.

2. Работа с информантом

2.1. "Человеческий фактор" в полевой работе. Полевая лингвистика относится к экспериментальному методу описательной лингвистики (см. главу 5), при котором лингвист отделен от объекта своего изучения (языка-объекта) и от манифестирующих его средств (данных) человеком, с помощью которого он получает все сведения об интересующем его предмете. Фундаментальную важность этого факта трудно переоценить.

Единственным исходным материалом для исследования могут быть правильные высказывания на языке-объекте, произносимые произвольно в условиях естественной или заданной коммуникативной ситуации или искусственно стимулированные исследователем при работе с информантами. Конечной целью полевой работы является обнаружение грамматики изучаемого языка; специфичность достижения этой цели состоит в том,

что между лингвистом и языком стоит информант. Однако информант - не автомат по механическому порождению грамматически правильных высказываний на данном языке, а человек, привыкший к бесконтрольному использованию языка в коммуникативных целях. Этот факт, с одной стороны, представляет для лингвиста большую ценность (языковое поведение информанта не осложнено предвзятыми мнениями) и, с другой, - является существенной помехой в работе (порождение изолированных высказываний, направленных на демонстрацию того или иного лингвистического факта, малоестественно для неискушенного носителя языка).

Основное внимание неискушенного информанта сосредоточено на содержании высказывания, а не на его форме. Из-за этого могут проистекать разнообразные затруднения в работе, например, когда информант отказывается признать правильность высказывания, исходя из его смысловой нелепости (неразличение им семантической и грамматической правильности).

Тем более является грубой методической ошибкой считать, что информант может производить лингвистический анализ или сравнение произносимых им высказываний. Поэтому недопустимыми, строго говоря, являются вопросы к информанту, начинающиеся с "почему" (типа "Почему в русском языке есть пары словоформ *рубаха - рубахи*, но только одна *штаны*?" "Почему в русском языке можно сказать *Я бы хотел тебя видеть*, но нельзя **Я бы хочу (захочу) тебя видеть*?" "Почему в русском языке в косвенных падежах слова *стол* ударение переходит на окончание, а *стул* - нет?" "Почему в русском языке *едва* и *чуть-чуть* взаимозаменяемы в высказываниях *Он чуть-чуть хромает, Он едва хромает*, но не в **Он уже едва хромает, *Он уже чуть-чуть хромает*?" (пример Ю.Д.Апресяна) и т.п.), хотя исследователь часто не может удержаться от искушения задавать такие вопросы и всегда бывает разочарован или наказан. Даже ответы на вопросы, касающиеся факта существования или степени отмеченности некоторого высказывания или общей характеристики его значения (типа "Можно ли так сказать?", "Встречается ли такая форма в речи?", "Означают ли то же самое две данные формы?") часто оказываются затруднительными для информанта.

Не приходится говорить о той трудности, которую создает язык-посредник, которым участники исследования могут владеть далеко не в равной мере. Данное обстоятельство вносит дополнительный информационный шум в работу. Специфическую трудность представляет исследование на языке-посреднике, родственном языку-объекту, когда первый является литературным по отношению ко второму - диалекту, ср. [Дульзон 1956. С. 320]. Языковой престиж языка-посредника может влиять на информанта, который подстраивается под речь исследователя, особенно при прямых вопросах (например, после вопроса: "Как Вы произносите слово

hearth?" можно ожидать ответа: "Точно так же, как Вы" [Блох 1935. С. 7], хотя это не соответствует лингвистической действительности).

Следует также учитывать, что человек может утомляться, бессознательно переключать свое внимание, быть психически предрасположенным к тем или иным видам деятельности, эмоционально регулировать свое поведение, иметь социальные предрассудки и т.п. Все это часто приводит к неожиданным результатам полевой работы.

Перечисленные трудности не говорят о том, что следует избегать активного влияния на речевое поведение информанта, они лишь предостерегают исследователя, заставляя его учитывать специфичность такой работы и предъявлять особые требования к методу извлечения данных и к тщательной их проверке.

Лингвистический полевой метод близок к соответствующему разделу антропологии, ср. [Хойер 1965, Боас 1948], занимающемуся полевым обследованием этнических и социальных группировок, и в ней мы можем почерпнуть некоторые идеи, касающиеся процедур работы с информантами и связанными с нею психологическими и этническими проблемами, см., например, [Адамс - Прайс 1960, Барнс 1963, Ханна 1965].

Ввиду вышесказанного неверно думать, что всякий носитель языка может быть хорошим информантом. Наоборот, "хорошие" информанты встречаются крайне редко, если требовать от них проявления комплексных качеств, реализующихся в одном человеке. В действительности же при различных задачах от информанта требуются различные качества, важные для полевой работы. Укажем некоторые из них.

(1) Знание языка-объекта. Не всегда очевидно, что носитель языка хорошо знает язык-объект, особенно если он долгое время жил в другой языковой среде или знает различные диалекты языка-объекта, поэтому важно на каждого информанта составлять его анкету, фиксирующую контакты с другими языками и продолжительность пребывания вне данной языковой общности.

(2) Знание языка-посредника. При двуязычном подходе исследователь по существу наблюдает два ряда лингвистических феноменов: высказывания на языке-объекте и их семантические эквиваленты на языке-посреднике. Кроме того, последний может быть также средством управления лингвистическим поведением информанта. Во всех этих случаях степень знания информантом языка-посредника очень важна для эффективности занятий.

(3) Переводческий талант. При переводе связных текстов не всякий информант, даже хорошо владея языком-посредником, может хорошо справляться со своей задачей. Это касается также переводов высказываний, направленных на уяснение их семантической специфики, когда языковое чутье информанта может значительно облегчать работу.

(4) Произношение. Носители языка значительно различаются по четкости и качеству артикуляции, и это свойство важно в фонетических исследованиях (как на начальных этапах изучения языка, так и при специальном интересе к фонетике), при которых желательно иметь информанта с качествами "дикторского" произношения.

(5) Ассоциативная подвижность мышления. От информанта часто требуется создание связного текста на языке-объекте (произвольного, по теме или по картинке), а также спонтанных высказываний по ассоциации. Для этого необходимо, чтобы он обладал развитым воображением, так как отсутствие или бедность такового приводит обычно к грамматической шаблонности таких текстов.

(6) Терпение. Определенные виды работы (особенно парадигматический опрос), а также недостаточная память исследователя (неоднократное повторение одного и того же вопроса) требуют от информанта большого терпения.

(7) Честность и отсутствие чувства "языкового престижа". В полевой работе часто возникает ситуация (как правило, по вине исследователя), когда информант по существу затрудняется ответить на вопрос или не вполне понимает его, и тут велика опасность неправильного понимания им своей миссии: часто он исходит из тезиса, что раз он знает язык, то он должен уметь отвечать на любой вопрос о нем, и поэтому стремится скрыть свое затруднение. Это может приводить к ошибкам.

(8) Строгость. Если исследователь тестирует правильность своего владения языком-объектом (произношения, производства грамматических форм, высказываний и т.д.), опасна снисходительность информанта, не желающего обидеть исследователя придирками и поправками.

(9) Научаемость. Многие из перечисленных выше качеств не являются постоянными. Опыт показывает, что регулярная работа с информантом, как правило, научает его, и это обстоятельство является особенно ценным. Зная приемы исследователя и сходу понимая, что от него требуется, информант работает в более эффективном режиме, чем в начале исследования. Такая научаемость не имеет ничего общего с пониманием лингвистической задачи, которую преследует исследователь в каждом опросе. Речь идет лишь о понимании того, какой реакции хочет добиться исследователь своим вопросом. Методика же анкетирования обычно предполагает "обман" информанта: нужно так стимулировать его поведение, чтобы об истинных целях лингвиста он не подозревал и производил высказывание естественно, преследуя некоторую совершенно другую цель, будто именно она и является задачей исследователя. Делается это, разумеется, не из-за стремления обмануть информанта, а напротив, помочь ему незаметно для себя ответить на истинное существо вопроса.

(10) Лингвистическая неискушенность. Независимым от научаемости является свойство лингвистической неискушенности, которое следует считать крайне положительным, так как наличие у информанта тех или иных языковедческих догм (часто из дурных источников) сильно затрудняет работу. Желательно, чтобы информант не располагал никакой априорной классификацией фактов, хотя в процессе создания ее исследователем информант может ее воспринять и облегчить тем самым дальнейшую работу по сбору соответствующих фактов (так, полезным бывает усвоение информантом используемой транскрипции, за которой лежит соответствующая классификация, системы выделенных грамматических противопоставлений, словообразовательных моделей и т.п.).

В соответствии с видами выполняемых работ могут выбираться различные информанты, "хорошие" именно для данной цели. Практически далеко не всегда можно разыскать оптимального информанта, так как важным его свойством является наличие у него достаточного количества свободного времени, а им не всегда могут располагать люди, наиболее подходящие с точки зрения ожидаемых от них свойств.

В полевой работе встает вопрос о количестве информантов, необходимых для обоснованной экстраполяции полученного описания на весь язык-объект.

Работа только с одним информантом, естественно, таит в себе опасность описания идиолекта, а не языка в целом. Однако стремление обследовать как можно большее количество информантов тоже не всегда оправданно, так как не для всякой цели нужно опрашивать многих информантов, а работа с каждым новым информантом неизбежно требует определенного времени на установление взаимопонимания, на "притирку" друг к другу. Желательно иметь разнообразные тексты от разных носителей языка, а исследовательскую работу по обнаружению грамматики вести с ограниченной группой информантов, наиболее соответствующих предъявляемым к ним требованиям. Следует указать на нежелательность работы одновременно с несколькими информантами (если их функции не разграничены - например, информанта и интерпретатора), так как это часто, хотя и не всегда, ведет к пробуждению чувства "языкового престижа" со всеми нежелательными последствиями (спорами, стеснительностью, тенденциозным поведением и т.п.).

При работе с несколькими информантами иногда случается, что даваемые ими формы в том или ином отношении различаются между собой, что не всегда связано с ошибками записи (хотя это может оказаться в конкретном случае истинной причиной расхождений), а является следствием возрастных или диалектных различий, различий полного и разговорного стиля речи, а также с наличием в языке дублетных форм*. Причины таких расхождений должны быть выявлены, после чего можно принять решение о включении или невключении их в описание.

2.2. Методы извлечения данных. Полевые условия, как правило, таковы, что лингвист имеет возможность работать в естественной языковой среде. Нежелание сталкиваться с трудностями, указанными в предыдущем разделе, приводит иногда к тезису о научности лишь, так сказать, непредвзятого подхода, при котором носителю языка ничего не навязывается, и лингвист "со стороны" наблюдает за поведением говорящих. Такой метод можно назвать "пассивным". Методическая чистота такого метода бесспорна. Однако представляется, что борьба за чистоту метода должна вестись в другом направлении и что наибольшее значение при двуязычном подходе к изучению языка-объекта должен иметь активный метод извлечения данных, существенным образом расширяющий возможности лингвиста и способствующий наиболее эффективному изучению языка.

Основное отличие активного метода от пассивного состоит в том, что исследователь сознательно управляет речевым поведением говорящего. Такое управление может осуществляться языковым и неязыковым способом. Близко к пассивному методу по духу неязыковое влияние (его неязыковой характер при этом относителен) на речевое поведение: обращение к жестам (правда, всегда при этом есть опасность употребить жест, особым образом интерпретируемый в данной культуре**), задание речевой ситуации собственным поведением (например, демонстрацией того, что болит голова) или использование картинок, изображающих ту или иную ситуацию. Последний метод широко применяется некоторыми лингвистами. В основном он влияет на тему высказываний, которая в свою очередь определяет состав словарных вхождений, а также на воображение говорящего. Например, Хайесом зафиксирована такая речевая реакция на картинку, изображающую собаку, сидящую под столом: "Мы, старики, не знали, что такое стол, что на нем едят. Мы, старики, пользовались чашами, которые

---

* В последнем случае информанты часто "не слышат" различий и считают, что они говорят "одинаково", пока им не будут предъявлены факты. Наличие дублетных форм характерно не только для бесписьменных языков, но и для языков литературных, имеющих длительную традицию нормирования, ср. варианты ударения в выражениях *на́ гору - на го́ру, по́ полю - по по́лю* (Многочисленные дублетные формы русского языка фиксирует [Орфоэпический словарь 1983]).

** К ошибкам могут приводить и дейктические жесты, однозначность интерпретации которых часто оказывается сомнительной. Так, в словаре, собиравшемся в условиях полевой работы во время одной из студенческих лингвистических экспедиций МГУ, в словарной статье "Сердце" оказалось слово со значеним "грудь". Такая ошибка возникла из-за неправильного понимания информантом жеста, указывающего на нужную исследователю часть тела.

были специально сделаны, и когда пища была приготовлена в середине комнаты, мы ее ели там. Теперь еда молодого поколения происходит за так называемым столом. Здесь, насколько я могу видеть, эта собака сидит под ним. Собака, кажется, хочет съесть хлеб, стариковский хлеб" [Хайес 1954. С. 187]. Картиночный метод может использоваться также для извлечения некоторых грамматических значений*. Думается, что возможно его дальнейшее совершенствование**.

И все-таки наиболее мощным инструментом является языковое управление речевым поведением информанта, то есть использование команд и вопросов на языке-посреднике и тестирование правильности высказываний на языке-объекте. Можно указать такие методы работы с информантом:

(1) Перевод с языка-посредника на язык-объект. Этот метод заложен в основе анкетных программ "нулевого цикла", а также может использоваться при специальном изучении отдельных фрагментов грамматики. Такой метод задает на языке-посреднике ту семантическую информацию, которая должна быть выражена на языке-объекте. Как говорилось выше, таким образом можно исследовать не только семантику, но и грамматику. При этом всегда желательно после получения высказывания на языке-объекте просить обратного контрольного перевода на язык-посредник, так как очень часто высказывание-стимул и высказывание-реакция могут по смыслу не совпадать (по разным причинам).

(2) Парадигматический метод. При достаточно богатом словоизменении (например, в алюторском языке глагол имеет порядка тысячи словоформ, а в арчинском их число - более миллиона!), особенно если оно сопровождается разнообразными морфонологическими правилами, невозможно довольствоваться лишь случайно встретившимися словоформами, извлеченными из предложений и текстов. Поэтому после выявления основных словоизменительных категорий целесообразно производить концентрированное исследование парадигмы, извлекая их, как правило, в отрыве от контекстов. Такой парадигматический опрос возможен после того, как информант приобрел навык вычленения нужных лингвисту единиц.

(3) Метод подстановок. Данный метод близок к предыдущему, но применяется не к формам слова, а к целым высказываниям. Он широко известен в дескриптивной лингвистике и используется, например, для выяснения морфологического членения высказывания: в фиксированном высказывании последовательно заменяются элементы смысла, ведется наблюдение за изменением формы и устанавливается соответствие между смыслами и формами. Этот метод не всегда прост; так, например, иногда оказывается, что то, что с точки зрения исследователя является элементарной подстановкой, на языке-объекте ведет к нетривиальным изменениям в высказывании, ср., например, замену слова *одеяло* на *подушка* в: *Лежавшее на кровати одеяло оказалось порванным → Лежавшая на кровати подушка оказалась порванной.* Кроме этих слов, в русском предложении, в отличие от соответствующего английского, изменяется морфологическое оформление слов *лежавшее, оказалось, порванным.*

(4) Перекрестный метод. Иногда с целью устранения возникающих нежелательных связей между вопросами (это особенно касается парадигматического опроса) желательно прибегать к смене различных типов вопросов, когда информант должен отвечать на каждый вопрос независимо от предыдущего. Также это полезно, когда предполагается ошибка в ответах информанта, так как крайне нежелательно уличать его прямо в неправильности его ответов.

(5) Ассоциативный метод. Этот вид опроса применяется, как правило, во время работы с текстом, когда при разборе некоторого его очередного высказывания возникают разного рода трудности интерпретации. Ассоциативный опрос есть циклическое использование различных методов опроса, когда по ассоциации с данным высказыванием в процессе опроса строится ряд новых высказываний, в которых в свою очередь обнаруживаются "темные места", вызывающие новые вопросы, и так далее, пока не исчерпываются все неясные высказывания, возникшие в результате такого анализа*. В той или иной мере такой анализ в качестве побочного присутствует всегда, но особенно он насущен, когда определенные контуры грамматики и основной состав лексики уже известны (на начальной стадии работы желание в каждом высказывании понимать все может привести к утрате основного направления изучения, так как слишком многое о языке-объекте неизвестно).

(6) Перифразирование. Иногда, исследуя синтаксические трансформационные возможности языка-объекта, семантические единицы и грамматические категории, желательно предлагать информанту попытаться высказать ту же идею другими способами.

(7) Наводящий вопрос. О многих явлениях языка-объекта, интересующих исследователя (особенно это касается малоупотребительных и вариативных форм), нельзя спрашивать прямо, нарушая естественность речевой реакции носителя языка, так как это может

* Например, пространственных значений, см. [Йегерленер 1955].

** Пособием для такого метода может служить словарь: [Ваннков - Щукнн 1969] (с определенными ограничениями, касающнмися городскнх и прочих ситуаций, не типичных для сельских жителей).

* В качестве основного такой метод работы использовал Богораз: "Я записывал под диктовку Айнаванвата и других чукч отрывки рассказов, потом составлял приблизительный перевод, подвергал каждое слово подробному грамматическому разбору, уясняя себе соотношение слов и вместе с тем придавая своему переводу точность" [Богораз 1900. С. 11].

привести к искажению реальной ситуации. В таких случаях используется метод наводящих вопросов, совершенство и эффективность которого зависят от опыта полевой работы и лингвистического, а также психологического чутья исследователя, ср. [Высотский 1954. С. 137].

(8) Извлечение примеров. Опыт показывает, что информанты обычно быстро научаются абстрагированно мыслить лингвистическими объектами, и тогда их можно просить приводить примеры на заданное явление: значение слова, грамматическую форму, ситуацию и т.п. Этот метод, как и предыдущий, дает спонтанные высказывания, не связанные с непосредственным переводом с языка-посредника.

(9) Стимул с исправлениями. Когда исследователь уже имеет некоторую гипотезу, он может строить в соответствии с ней некоторое высказывание на языке-объекте и проверять его правильность. Это может иметь место как на фонетическом, так и на грамматическом уровне. С целью получить отрицательный языковой материал возможно предъявление стимула с заведомой неправильностью, которую информант должен обнаружить и исправить.

Все указанные методы не являются взаимоисключающими и могут всячески комбинироваться.

Как указывалось выше, в процессе полевой работы неизбежно встречаются всевозможные ошибки. Причиной ошибок может быть как информант, так и исследователь. Так, при транскрибировании и переводе текста исследователь может допускать неточности, не отметив факты, ускользающие от его внимания из-за недостаточного знания языка. Ошибка может возникнуть из-за некорректно поставленного вопроса, лишившего информанта возможности ответить на него непредвзято (например, вопросов типа: "Как Вы произносите этот звук?", "Как Вы используете эту глагольную форму?" [Блумфилд 1942. С. 2]), а также из-за взаимонепонимания исследователя и информанта.

Следующие факторы могут способствовать возникновению ошибок при работе с информантом:

(1) Стремление к дословному переводу на язык-объект с нарушением грамматической и семантической естественности.

(2) Приспособление к "невежеству" исследователя, ведущее к сознательному упрощению речи.

(3) Давление парадигматического опроса - в отрыве от контекста, особенно при наличии вариативных форм, выдается форма, аналогичная некоторой предшествующей.

(4) Ошибка ожидания - если информант ожидал другого вопроса, нежели заданный.

(5) Нелингвистические факторы - информант, как и всякий человек, не может работать без сбоев и с определенной частотой делает ошибки.

Каковы способы верификации данных? Это:

а) уже упоминавшийся выше перекрестный опрос;

б) контрольная проверка данных с помощью опроса различных информантов;

в) контрольная проверка данных и описания изучением одной и той же темы разными исследователями;

г) давление системы - нахождение противоречий в данных, исходя из описывающей гипотезы;

д) углубление знаний о языке - чем больше знает лингвист о языке, тем легче ему заметить ошибку в данных и не допустить ее самому.

3. Сбор лингвистических данных

3.1. Корпус предложений. Наиболее естественной произносительной единицей, которую следует принять также за единицу анализа, следует считать предложение.

Разумеется, в пределах предложения производится анализ более мелких составляющих, но, как правило, они фигурируют в рамках предложения, и удобно их в таком виде извлекать у информанта. В процессе работы появляются предложения, стимулированные различными способами. В дальнейшем для оценки истинности предложения желательно знать, как оно получено, поэтому следует делать об этом соответствующую пометку. С этой точки зрения предложения бывают следующих типов:

(1) Спонтанные (изолированные высказывания, произнесенные информантом естественно, не навязанные исходным образцом на языке-посреднике).

(2) Трансформы (возникшие в результате частичного преобразования ранее полученного предложения или предложений).

(3) Переведенные с языка-посредника.

Спонтанные предложения могут совершенно не зависеть от исследователя (информант приводит их по собственному желанию) или являться примером на семантический (например, значение слова) или грамматический (например, употребление какого-нибудь времени, фонотактическая закономерность) факт.

При анкетной методике работы, направленной на извлечение заранее планируемой информации о языке, ведущее место занимают предложения-переводы. Это, как правило, достаточно достоверный языковой материал, особенно в плане формальных грамматических закономерностей.

Предложения-трансформы необходимы для выявления парадиг-

матических оппозиций, поэтому особенно информативны не отдельные предложения-трансформы, а цепочки таких трансформов. При наличии оппозиции между близкими по смыслу предложениями информанту, как правило, легче осознать значение элемента, находящегося в фокусе контраста. Ср. русские примеры:

Мальчик ел пирожок Мальчик съел пирожок - Девочка ела пирожок - Девочка съела пирожок.

Данная цепочка трансформов облегчает информанту оценку разницы в значениях между несовершенным и совершенным видом глагола, а исследователю - выявление правила согласования сказуемого с подлежащим по роду. Цепочки предложений-трансформов, как и минимальные пары в фонетике, являются эффективным исследовательским методом выявления языковых фактов.

Спонтанные предложения ценны своей естественностью, что особенно существенно при занятиях семантикой. Их языковая достоверность также наиболее высока (известно, что в условиях лингвистического эксперимента информант может в отдельных случаях строить предложения достаточно искусственные, семантически упрощенные, не ориентированные на какую-либо определенную внеязыковую ситуацию). В спонтанных предложениях могут быть также использованы такие потенции языковой структуры, которые трудно, а подчас и невозможно смоделировать искусственным образом. Приведу в качестве примера такое спонтанное предложение, демонстрирующее возможности релятивизации в русском языке: *Клад, от которого не знали как избавиться* (заголовок статьи). Это предложение показывает, что релятивизация возможна не только в том случае, когда мишенью ее является именная группа в непосредственно подчиненном предложении типа *Клад, от которого (= от клада) избавились*, но и при опосредованном подчинении (предложение *от которого (=от клада) как избавиться* непосредственно подчинено предложению *не знали (как избавиться от клада)*, которое в свою очередь подчинено имени *клад*). Такая свобода на тип мишени релятивизации не предусмотрена даже типологической иерархией доступности Э.Кинэна и Б.Комри [Кинэн - Комри 1982/1977. С. 116]. Вместе с тем спонтанные предложения не позволяют организовать целенаправленный сбор данных, и при достаточно специализированной теме исследования их удельный вес в корпусе не может быть значительным.

Итак, каждый тип предложений имеет свои преимущества в полевой работе, и необходимо оптимальное использование всех доступных источников информации.

3.2. Корпус текстов. Никакое лингвистическое исследование не может ограничиться лишь специально извлеченными изолированными предложениями. Важным источником сведений о языке-объекте являются также естественные связные тексты. Это могут быть канонизированные

тексты (эпические произведения, сказки, притчи, анекдоты, предания, были и прочие виды фольклора), а также тексты-импровизации (случаи из жизни, жизнеописания, рассказы о профессиональной деятельности, об обычаях и обрядах, рассказы по картинке и т.п.). Кроме текстов, произносимых специально для исследователя, интересны тексты, демонстрирующие максимально непринужденную человеческую речь. Это диалоги или разговоры нескольких лиц, фиксирующие реальное коммуникативное использование языка-объекта в речи говорящих.

Если при изучении языка, имеющего письменность, проблема сбора текстов остро не стоит - можно воспользоваться существующими записями, печатными или рукописными, - то при исследовании бесписьменных языков сбор и достоверная фиксация текстов - чрезвычайно трудоемкая задача.

Тексты-импровизации желательно записывать на магнитофон в естественном темпе речи. Канонизированные тексты можно записывать со слуха, если говорящий является одновременно и переводчиком, в противном случае магнитофон является также наиболее удобным средством первичной записи.

Транскрибирование с магнитофона, при известном знании языка-объекта, можно проводить самостоятельно, но удобно пользоваться носителем языка, который необязательно должен владеть языком-посредником, достаточно, чтобы он понимал свои функции (такими помощниками могут быть дети, хотя помощь при транскрибировании требует большого терпения от информанта). Понимая текст, исследователю его легче транскрибировать, но в принципе процесс транскрибирования может быть отграничен от процесса перевода, особенно если эти работы выполняются разными исследователями и/или при посредстве иных информантов. Затранскрибированные тексты затем подвергаются переводу. Основные виды перевода: поморфемный, пословный, подстрочный и литературный, разграничить их достаточно строго бывает затруднительно.

Задача создания корпуса текстов ставит две основные проблемы: проблему уровней транскрипции и проблему перевода (это, конечно, касается и корпуса предложений), каждый из которых имеет два аспекта - как осуществлять и как представлять в конечном виде. Процесс перевода подробно описан по этапам Фегелином [Фегелин 1954а,б], который предусматривает первичное вычленение предложения, выделение в нем слов и их значений, идентификацию морфем, перевод слова за словом в порядке их следования в тексте, устранение в переводе избыточных и дополнение необходимых элементов, перевод с учетом порядка слов языка-посредника (что требует иногда значительных перестановок отдельных слов), расстановку знаков препинания.

Особого внимания заслуживают аспекты, касающиеся окончатель-

ной формы представления перевода, которые решаются разными авторами по-разному.

Что касается транскрипции, то ясно, что фонетический уровень неприемлем, так как он фиксирует избыточное разнообразие поверхностных структур, за которым трудно увидеть лежащие в их основе общие единицы.

Спорным является вопрос о преимуществах использования для записи фонологического и морфонологического уровней. Фонологический уровень удобен тем, что правила перехода к звучащей речи довольно просты, и читатель, не знакомый с языком-объектом, может их легко освоить. Неудобство его в том, что на фонологическом уровне, как правило, невозможно произвести членение слов на морфемы, так как некоторые стыки морфем не могут быть заданы внешним способом, например дефисом. При морфологической записи морфемы представлены в максимально единообразной форме и членение текста на морфемы показать несложно, но такая запись требует знания многих правил чтения, рассыпанных часто по всему описанию, что осложняет пользование таким текстом, так как известно, что восприятие человеком письменного текста без его "проговаривания" крайне затруднено. Поэтому хорошо представлять текст в обеих формах, если это возможно. В противном случае приходится искать тот или иной компромиссный вариант, при котором мы уже имеем дело не с одноуровневым представлением, а с орфографией, допускающей ряд условных написаний.

Еще более затруднительна проблема перевода. Часто тексты сопровождает лишь так называемый "литературный" перевод, что делает работу читателя, желающего ознакомиться с текстами, крайне тяжкой даже при наличии словаря. Если ориентироваться на читателя, незнакомого с языком-объектом, то надо, чтобы такой читатель был в состоянии произвести членение текста на языке-объекте на слова и морфемы и соотнести их с элементами смысла, содержащимися в переводе. Очевидно, что в рамках литературного перевода в ряде случаев это сделать невозможно, так как часть информации утрачивается, а часть привносится. Поэтому необходим или промежуточный уровень (или уровни) перевода, - поморфемный, пословный, подстрочный, или комментарий. Кроме лингвистических комментариев бывает необходим и экстралингвистический.

Как указывалось выше, работа по созданию корпуса текстов требует большого количества времени и труда. Некоторые виды работ при этом могут выполняться информантом, например, транскрибирование (если правила транскрибирования хорошо отработаны и информант им обучен) и первичный перевод (который затем проверяется исследователем). Такая помощь может быть оказана лишь достаточно образованным информантом. Однако и менее квалифицированный информант может

помочь в создании корпусов текстов. Например, используется методика с двумя магнитофонами. Первый магнитофон воспроизводит исходный текст, который переписывается пофразно на другой магнитофон. Запись каждого предложения сопровождается комментариями информанта, который наговаривает отдельные слова данного предложения, их переводы и перевод всего предложения, см. [Лаунсбери 1953].

Таким образом, подготовленный текст исследователь уже может обработать дома, имея определенные знания о языке-объекте.

Корпус текстов является тем материалом, на котором тестируется в конечном счете правильность гипотез, сформированных на основе анализа изолированных, обычно искусственно стимулированных предложений.

3.3. Корпус слов. Наиболее трудоемкой задачей является составление корпуса слов (словаря), что связано с многочисленностью единиц, подлежащих сбору, с трудностью их извлечения, а также многообразием информации, которая может быть приписана каждой единице. Сбор слов может осуществляться "по случаю" (по мере появления новых слов в корпусе предложений и корпусе текстов) и по программе. В зависимости от задач лексикологического описания по-разному решается проблема сбора лексического материала, но следует предостеречь от заблуждения, что сбор лексики нужен только для семантических исследований. Напротив, даже морфонологическое описание невозможно без достаточно обширного словника, так как при этом необходимы многообразные позиции, в которых реализуются или проявляются те или иные морфонологические правила.

При целенаправленном сборе лексики приходится идти от некоторых значений к выражающим их словам, то есть в качестве метаязыка значений обычно используется язык-посредник, хотя именно здесь исследователя подстерегает много неожиданного: для того чтобы их избежать, желательно иметь метаязык описания семантики, реализацией которого мог бы служить толковый словарь языка-посредника, контуры которого обрисованы в работах Ю.Д.Апресяна [Апресян 1968, Апресян 1969а, Апресян 1969б]. (См. также опыт толкования глагола to be и некоторых других и сопоставления толкований в разных языках [Бендикс 1966].) Такой словарь задавал бы для каждого слова языка-посредника в явной форме его значение (или значения), и это бы очень облегчило задачу установления соответствия между словом языка-объекта и его переводным эквивалентом, так как соответствующие толковые словари в этом отношении крайне малоинформативны. Коль скоро слово имеет толкование, становится по крайней мере ясно, что надо выяснить о соответствующем слове языка-объекта, чтобы поставить между ними знак равенства. Однако такого словаря нет, и строить его на ходу, попутно, решая одновременно другие исследовательские задачи, - это значит непомерно упрощать и вульгаризировать проблему. Поэтому обычно полевой лингвист

стремится, не мудрствуя лукаво, собрать как можно больше релевантных контекстных употреблений каждого слова, из которых выяснилось бы его значение. Ясно, что такой метод далек от совершенства, но теоретическая лингвистика, как это ни удивительно, крайне скудно наделила полевого исследователя научным инструментом познания семантики незнакомого языка. Поэтому создание научного толкового словаря русского языка является насущной потребностью русской полевой лингвистики.

При специальном изучении лексики языка-объекта необходима разработка программ опроса и методов извлечения слов, но пополнение их "случайным" образом тоже неизбежно, так как не все можно предусмотреть. Для сбора лексики удобен "тезаурусный" метод: выделение определенных семантических групп слов (обладающих общим семантическим признаком) и их систематическое извлечение, см., например, опыт создания программы исследования для получения слов семантической группы "дрова" в работе [Метцер - Вильямс 1966]. По тезаурусному принципу построен словарь-минимум в Приложении 5 [Кибрик 1972]. Тезаурусный метод удобен как для систематизации сбора исходных значений при подготовке к словарной работе, так и для самого процесса сбора лексики. Информанту легче уяснить значение слова на языке-посреднике и подобрать точный его эквивалент в языке-объекте, когда это значение парадигматически противопоставлено другим, близким значениям, расположенным в одном ряду, например, таком: 'ударять, бить, ломать, резать, рубить, крошить, пилить, рвать, отламывать'. Компоненты значений каждого слова в этой цепочке становятся интуитивно более яркими. В процессе опроса может оказаться, что членение мира в языке-объекте не совпадает с анкетой, и здесь никакое насилие над языковой действительностью недопустимо. Тезаурусная анкета - это только канва опроса, и малейшие затруднения информанта при поиске переводных эквивалентов должны учитываться и объясняться. Может оказаться, что отдельные смыслы в языке-объекте не различаются, например 'резать' - 'рубить', 'ломать' - 'крошить', 'рвать' - 'отламывать'.

Возможна и прямо противоположная ситуация, когда метаязыковое значение в языке-объекте расщепляется, например 'резать' на 'резать вдоль', 'резать поперек', 'резать на куски' и т.п. Иногда некоторое искомое значение не имеет в языке-объекте словесного выражения и переводится устойчивым словосочетанием или описательно. Возможны сдвиги значений, когда в языке-объекте представлено близкое к метаязыковому, но не тождественное значение. Все эти нетривиальные случаи быстрее обнаруживаются при тезаурусном методе опроса, дополняемом сбором диагностичных примеров на употребление.

Трудность словарной работы состоит также в том, что слова определяются не только лингвистическим, но и культурным контекстом: "Фундаментальная проблема полевого исследователя - это тот

факт, что он должен переводить не только язык, но неизбежно также и культуру" [Филипс 1960. С. 290]. Связь культуры с языком распространяется не только на словарные значения, но и на грамматические. Найда приводит пример двух систем значения принадлежности в Новой Калсдонии: 'сокровенной' и 'несокровенной' [Найда 1958. С. 282]. К первой принадлежат слова 'мать, 'печень', 'потомки', ко второй - 'отец', 'сердце', 'личная жизнь'. Такое противопоставление необъяснимо, если исходить из значений русских слов. Ключ к его обоснованию дает понимание картины мира данной народности: это общество с традиционным матриархатом, печень рассматривается как символ всей личности и потомки имеют более интимное и длительное отношение к личности, чем его собственная жизнь.

Сбор лексики завершается составлением словаря. Основные типы словарей таковы: алфавитный словарь иноязычно-русский (русский как эквивалент метаязыка); алфавитный словарь русско-иноязычный; тезаурус (расположение слов не алфавитное, а тематическое). Для грамматических и фонотаксических исследований может быть удобен обратный иноязычный словарь (в нем алфавитное расположение слов организовано по концам, а не началам слов).

Наиболее ориентированным на язык-объект является алфавитный иноязычно-русский словарь. Для него существен не алфавитный порядок, а то, что входом в словарную статью является слово языка-объекта и вся словарная информация организована в соответствии с характерным для данного языка корпусом слов.

Сбор информации к лексеме определяется той формой, какую примет словарная статья в словаре. Поэтому на этом вопросе следует остановиться отдельно. Существующие словари, как правило, неудовлетворительны с точки зрения того места, которое они должны занимать в интегральном описании языка. А именно, в словаре должна быть собрана вся информация: морфологическая, синтаксическая и семантическая, которая определяется конкретными словарными вхождениями, так, чтобы в совокупности с грамматикой читатель мог строить (по заданному смыслу) правильные предложения на языке-объекте. Недостижимость такого идеала в настоящее время не означает, что к нему не следует стремиться. В таком словаре словарная статья будет состоять из следующих частей:

(1) Заглавное слово - перевод. Для каждого конкретного языка-объекта необходимо принять решение об исходной словарной форме слова. Это может быть та или иная словоформа слова, например именительный падеж ед. числа для существительного, инфинитив, настоящее время или императив для глагола, набор словоформ (ср. словарную практику для латинского языка), корень или основа слова (корневой принцип принят для чукотского языка, см. [Бого-

раз 1937]). В некоторых случаях может оказаться целесообразным введение некоторой абстрактной формы слова, из которой удобно выводить конкретные словоформы. Перевод слова на язык описания является его толкованием. Целесообразно отметить, что далеко не всегда удобен и возможен идиоматический перевод*.

(2) Морфологическая зона. В ней указывается: (а) словоизменительный тип (например, часть речи, тип спряжения и т.п.); (б) основы, не сводимые друг к другу с помощью правил словоизменения (если такие основы имеются); (в) нестандартные указания (супплетивизм, неправильное образование отдельных словоформ, неполнота парадигмы и т.п.).

(3) Синтаксическая зона - активные валентности слова, способы заполнения мест. Приводятся примеры на каждую модель управления.

(4) Лексическая зона - лексическая сочетаемость слова (с примерами).

(5) Тезаурусная зона - семантическая классификация данного слова, родовые и некоторые видовые слова по тем или иным семантическим признакам.

(6) Контекстуальная зона - примеры на употребление данного слова, не вошедшие в синтаксическую и лексическую зоны.

(7) Энциклопедическая зона. Толкование данного слова в рамках культурного контекста.

По такой модели построен арчинский словарь [Кибрик и др. 1977б].

Русско-иноязычный словарь обычно является дополнительным к иноязычно-русскому. Его основное назначение - найти нужное слово языка-объекта по его значению. Словарная статья в таком словаре имеет простейшую форму. Входом является русское слово, которому ставятся в соответствие все синонимичные ему эквиваленты языка-объекта, см. такой словарь в [Кибрик и др. 1977б].

Тезаурусная организация оказывается оптимальной в сравнительных словарях, когда представлен материал нескольких/многих языков-объектов. Примером такого рода словаря может служить словарь, составляющий основу издания [Кибрик - Кодзасов 1988, Кибрик - Кодзасов 1990]. Методика словарной работы над таким словарем изложена в главе 12.

3.4. Парадигмы. При работе с языком-объектом, имеющим словоизменительные категории, важным способом организации данных являются парадигмы, служащие эмпирической базой для морфологических обобщений. При сборе парадигм надо тщательно учитывать следующие факторы:

(1) парадигмы должны быть полными;

(2) в парадигмах должен содержаться материал, иллюстрирующий различные типы словоизменения по заданной категории (то есть должны быть учтены все типы склонения для имен и спряжения для глаголов, так, чтобы из них могла быть извлечена вся морфология).

Это значит, что, хотя сбор парадигм начинается на довольно ранних этапах работы, окончательную форму парадигмы принимают лишь после принятия окончательных решений о системе словоизменения.

Для языков с сильно развитым словоизменением сбор парадигм может представлять собой очень трудоемкую (и для исследователя, и для информанта) задачу, в связи с чем этому вопросу надо с самых первых шагов уделять много времени и внимания. В качестве примера можно указать на образцы парадигм в [Жукова 1972. С. 305-320; Кибрик 1977б. С. 233-273].

* Рассмотрим следующие арчинские высказывания с переводами: *ГатI ачас* 'Надевать платок', *Йургъан ачас* 'Накрываться одеялом', *Мас ачас* 'Стелить постель', *ДеIкьа ачас* 'Прокладывать дорогу', *Гуду лагьа ос бала абчухъи* 'Этот парень (одно) несчастье принесет', *Хъурум абчас* 'Костер разжигать', *КIалумли рахъ ачас* 'Карандашом линию провести', *Зон сурат арчарши ви* 'Я картину рисую', *Накьв ачуттут гьархъ* 'Землей покрыта крыша', *Зимиз абчуттут хъал* 'Пупырышками покрытая кожа', *Зари акьI кIумкIумлак арчарши и* 'Я мясо в котел кладу', *Зари акьI кIумкIумлаш арчарши и* 'Я мясо из котла вынимаю'. Одно и то же слово *ачас* переводится словами: 'надевать', 'накрываться', 'стелить', 'прокладывать', 'приносить', 'проводить', 'рисовать', 'покрывать', 'класть', 'вынимать'. Перечисление этих слов в качестве толкования значения слова *ачас* не вскроет его семантической природы. Можно предполагать, что это слово вообще не имеет самостоятельного значения, а реализует некоторую лексическую функцию (о лексических функциях см. [Мельчук 1974]), по-разному выражаемую на нашем метаязыке. Эту функцию можно определить как "реализовывать типичное (для данной ситуации) функционирование ее участников". Так, для платка это означает быть нвдетым, для одеяла - укрывать человека, для постели - быть местом сна. Во многих ситуациях типичное функционирование сводится к существованию участников ситуации или каузации существования, например "делать так, чтобы мясо было в котле/из котла" - оказывается, в *ачас* нет конкретного значения 'класть - вынимать', и снимается возникший было парадокс с антонимами.

ГЛАВА 19

ЭСКИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ТЕКСТООБРАЗОВАНИЯ*

О. Введение

Одной из важнейших лингвистических задач в области проблематики искусственного интеллекта является построение таких лингвистических процессоров, которые были бы в состоянии обеспечить человеко-машинное общение на естественном языке.

* Уточненный вариант раздела из книги: Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 40-52, - являющегося версией работы: К построению лингвистической модели коммуникативного взаимодействия//Методологические проблемы искусственного иителлекта. Труды по искусственному иителлекту//Учен. зап. Тартуск. гос. ун-та. 1983. Вып. 654.

Для успешного решения этой стратегической цели желательно в первую очередь создать необходимые для этого теоретические предпосылки, а именно - разработать адекватную модель языкового взаимодействия. Дело в том, что текст - наблюдаемая лингвистическая данность и моделируемый объект - не существует автономно, независимо, сам для себя, а является не только основным, связующим звеном между коммуникантами в процессе их взаимодействия, но и объектом, сущностная природа которого в значительной степени предопределена его функцией. Иными словами, многие элементы текста и регулирующей его построение грамматики отражают иконически структуру процесса коммуникации и, в частности, структуру сознания коммуникантов.

Итак, основной лингвистической задачей, отвечающей злобе дня, является необходимость сменить точку зрения на проблему текста. Обычно лингвист помещает себя в текст и, исходя из его элементов и связывающих эти элементы отношений, строит систему обслуживаемых ими функций. Напротив, (теоретически мыслимая) лингвистическая модель языкового взаимодействия помещает лингвиста непосредственно в речевой акт, структура и цели которого должны пролить свет на то, как устроен текст. Целью лингвистов в этом случае является описание тех функций, которые выполняет текст в процессе языкового взаимодействия. Такой подход можно было бы назвать неофункциональным ввиду его сходства с традиционными функциональными моделями языка. Этот подход отличается тем не менее от традиционного снятием произвольной оппозиции - лингвистические VS нелингвистические объекты, поскольку речь является одной из важнейших форм человеческого поведения и граница между речевым и неречевым поведением не является в какой-либо степени жесткой. Более того, речевое поведение явно вторично и даже в самых своих специфичных проявлениях сохраняет общие с неречевым поведением свойства.

В данной главе предлагается эскизный набросок модели текстообразования (текстосозидания, текстопроизводства), не претендующий ни на полноту, ни на окончательность. Он является экспериментальным в полном смысле слова. Однако это не значит, что все в данной модели вариативно, изменчиво, неопределенно. Некоторые ее компоненты мыслятся как принципиальные, аксиоматичные; другие же выполняют роль условных переменных, вводимых в описание лишь для полноты картины и допускающих детализацию и изменения в процессе дальнейшего исследования.

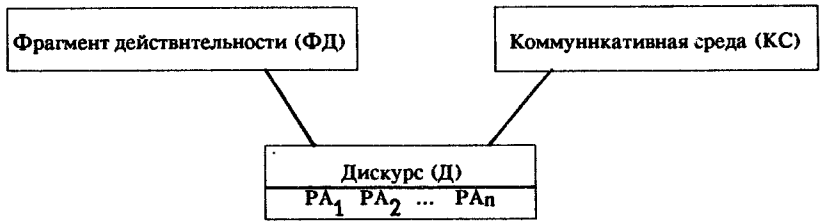
1. Общая схема языкового взаимодействия в аспекте текстообразования

В самом общем виде схема текстообразования (или, шире, схема речевого общения) включает следующие компоненты (см. схему 1):

- дискурс (Д): коммуникативная ситуация, включающая сознание коммуникантов (партнеров общения) и создающийся в процессе общения текст (Т)*;
- речевой акт (РА): дискретно выделимый такт, квант дискурса;
- фрагмент действительности (ФД), введенный в рассмотрение в данном дискурсе: внешняя (по отношению к дискурсу) ситуация, являющаяся содержательным предметом, темой общения;
- коммуникативная среда (КС): конситуация, составляющая предметное окружение коммуникантов (во времени и пространстве) в процессе коммуникативного взаимодействия.

Схема 1

Общая схема текстообразования

В КС входят не только непосредственно наблюдаемые коммуникантами внешние объекты окружающего их мира, но и они сами как физические тела (занимающие центральное место в пространстве КС), и объединяющая их интерактивная деятельность как физическая субстанция (в устном общении это акустические сигналы, посредством которых осуществляется речевое взаимодействие).

Что касается ФД, то он может быть бесконечно разнообразно определен по интервалу времени, объему пространства, числу своих партиципантов, поскольку класс ФД совпадает с классом возможных миров, о которых можно что-либо помыслить или сообщить.

КС и ФД могут быть совершенно отделены во времени и пространстве (например, в ситуации урока, на котором говорится о событиях Куликовской битвы) или же могут частично или даже почти полностью совпадать (например, при произнесении реплик *Какая погода! Поди ты прочь, Не кривляйся, Говорите тише* и т.п.).

ФД и КС есть тот внешний мир, в который погружены коммуникан-

* Такое понимание дискурса, не сводящее его к тексту, см. в частности, в программной работе [Виноград 1978]

ты мысленно и физически во время процесса языкового взаимодействия. Внутренним, важнейшим звеном этого процесса является Д и составляющие его РА.

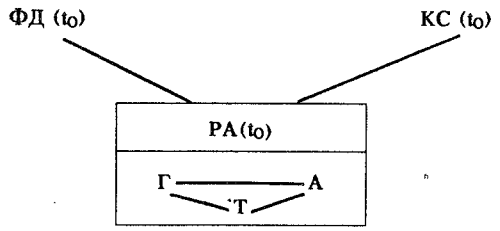
РА есть элементарная единица дискурса, сохраняющая свойства действия, развивающегося во времени и характеризующегося единством темы и целей говорящего. Основными элементами РА являются:

- г о в о р я щ и й (Г) как ментальный объект: источник, автор текста;
- а д р е с а т (А) как ментальный объект: получатель текста;
- т е к с т (Т) как таковой: кодовое средство осуществления языкового взаимодействия.

В пределах РА роли партнеров (Г и А) являются фиксированными, что следует, в частности, из единства иллокутивной функции данного РА. Итак, в фиксированный отрезок времени t_0 мы имеем текущую ситуацию текстообразования со следующими составляющими, как это показано на схеме 2.

С х е м а 2

Схема текущей ситуации текстообразования

Ввиду подхода к проблеме языкового взаимодействия с точки зрения механизмов текстообразования из всех этих существенных компонентов важнейшими для нас являются:

- Г, поскольку он в первую очередь отвечает за то, каким будет создаваемый им Т, а также
- Т, поскольку в нем в конечном счете находит отражение вся речемыслительная деятельность Г, а также прочие компоненты языкового взаимодействия.

Поэтому увеличим масштаб рассмотрения и именно этим компонентам уделим в дальнейшем особое внимание, рассматривая прочие компоненты (А, КС, ФД) в той степени, в какой они влияют на Т и на коммуникативное поведение Г.

Под термином Г мы понимаем, естественно, не все психофизические характеристики лица, занятого говорением, а лишь те из них, которые функционально необходимы для такого рода деятельности. Отвлекаясь от

периферийных ситуаций разговора в бреду, во сне и т.д., мы можем считать, что акт текстопроизводства контролируется сознанием говорящего (СоГ), к выявлению основных компонентов которого мы и переходим.

2. Компоненты сознания говорящего

СоГ понимается здесь и далее как система получения, хранения, генерирования и передачи информации о ФД, КС и о самом СоГ. В СоГ можно, с некоторой долей условности, выделить три сферы, различающиеся по источникам поступления информации, по степени контроля над этой информацией и по типу соответствующего ей кода:

- с е н с о р н а я с ф е р а: источником информации служат в основном органы чувств (вербальные сообщения оказывают на нее наименьшее влияние, ср., однако, поэтическую и фасцинативную функции языка); получение сенсорной информации носит в основном автоматический характер и в малой степени контролируется; природа кода слабо изучена, во всяком случае она в наибольшей степени удалена от формы вербального кода;
- р а ц и о н а л ь н а я с ф е р а: ее источником является в основном отражательная мыслительная деятельность, для которой вербальные сообщения имеют большое значение; образование новой информации в норме носит целенаправленный характер; природа кода (хотя бы частично) имеет вербальный характер;
- в е р б а л ь н а я с ф е р а: источником информации является речевая деятельность, средством хранения - язык (с его словарем и грамматикой); вербальная информация в наибольшей степени приспособлена для целенаправленного осознания; кодом также служит язык, в основном его семантический компонент (так называемое семантическое представление) - в той степени, в какой семантическое представление можно оторвать от его материального воплощения.

Каждая из этих сфер имеет относительно устойчивую для данного (и подобных) РА часть и часть, активно функционирующую в данном РА. Эти две части можно определить таким образом:

- п о с т о я н н а я п а м я т ь: информация, накопленная человеком на протяжении всей его предшествующей деятельности и хранящаяся в доступном для обращения к ней виде;
- п о л е з р е н и я: та часть всех сфер сознания, которая "высвечена" в текущей ситуации языкового взаимодействия данным РА и активно участвует в нем.

В итоге мы имеем шесть компонентов, представленных в таблице 1.

В сенсорной сфере выделяются:

- о б р а з н а я п а м я т ь: хранилище всех сенсорных впечатлений, данных Г из предшествующего опыта;

- чувственный образ КС и ФД: сенсорная информация, поступающая от всех органов чувств о состоянии КС и ФД (если последний непосредственно наблюдается или наблюдался).

Таблица 1

Компоненты сознания говорящего

Виды памяти	Сенсорная сфера	Рациональная сфера	Вербальная сфера
Постоянная память	*образная память*	*база знаний*	*язык (словари, грамматика)*
Поле зрения	*чувственный образ КС и ФД*	*текущее сознание*	*текущий текст*

В рациональной сфере соответственно имеем компоненты:

- база знаний: вся рациональная (то есть имеющая источником предшествующую мыслительную деятельность) информация о действительности, о самом себе и об основных механизмах поведения, сформировавшаяся у Г к моменту данного РА;

- текущее сознание: та активизированная информация, которая имеет отношение к данному РА, а также связанная с этой информацией мыслительная деятельность.

Вербальная сфера состоит из следующих компонентов:

- словарь, грамматика: языковые средства хранения в памяти Г накопленного ранее общественного и индивидуального опыта о внеязыковой действительности; эти средства используются также Г для вербализации процессов, происходящих в его поле зрения;

- текущий текст: тот фрагмент текста, который создается непосредственно в данном РА.

Во избежание возможных недоразумений подчеркнем, что границы между сопряженными компонентами (сенсорная - рациональная сфера, рациональная - вербальная сфера, база знаний - язык, база знаний - текущее сознание, текущее сознание - текущий текст и т.д.) являются принципиально нечеткими и специфика компонентов очевидна в наибольшей степени в прототипических случаях.

Из всех указанных компонентов СоГ наиболее важными являются текущее сознание и текущий текст, поскольку они наиболее непосредственно связывают говорящего с текстом. Именно они с точки зрения будущего текста в первую очередь ассоциируются с СоГ в целом. Поэтому еще раз увеличим масштаб рассмотрения и посмотрим на внутреннюю структуру этих компонентов.

3. Структура текущего сознания говорящего

В текущем СоГ находится большая часть исходной информации, необходимой для осуществления РА, и вырабатывается новая (по отношению к текущему сознанию говорящего) информация, составляющая основное содержание РА. В процессе выработки новой информации возможно появление потребности в дополнительном формировании исходной информации.

1. Исходная информация в текущем сознании фиксирована относительно каждого конкретного РА. Она может различаться по своему предметному содержанию (о чем она?) и по источнику (откуда она?).

Содержательные компоненты исходной информации весьма гетерогенны и предопределены в значительной степени природой языкового взаимодействия. Среди них можно выделить следующие:

- цели говорящего: РА по целям может значительно варьироваться: целью коммуникации может быть передача имеющегося у Г информации (*Завтра я уезжаю в Крым*), получение недостающей информации у А (*Сколько ты получаешь?*), генерирование новой информации самим Г, в этой связи характерны высказывания, эксплицитно указывающие на отсутствие в СоГ требуемой новой информации (*Я еще не знаю, что об этом и думать*), устранение противоречий в базе знаний Г и/или А (*Как мы/Вы ошибочно считали...*), удовлетворение требований речевого ритуала (*Привет, старик, как дела*) и т.д. и т.п.; истинные цели Г могут быть не информационными и лишь облекаться в информационную форму (*Не пора ли тебе спать, сынок?*); наличие целей является необходимым условием осуществления языкового взаимодействия;

- модель ФД: ФД является предметом, темой языкового взаимодействия, поэтому все имеющиеся к данному РА знания о ФД (в частности, о составляющих этот ФД объектах и их свойствах) должны находиться в текущем сознании; степень актуализованности этих знаний в текущем СоГ в пределах фиксированного РА неодинакова: некоторые знания находятся в фокусе внимания данного РА, а другие хранятся в обобщенном, свернутом виде; информация о ФД организована в соответствии с тематическим полем данного Д;

- модель КС: для Г исходными координатами при построении текущего текста являются координаты КС, на которых откладываются соответствующие параметры описываемого ФД, поэтому для успешного общения существенно, чтобы у Г и А модели КС совпадали;

- модель А: коммуникативная активность Г в значительной степени предопределена партнером по общению и, в частности, тем, что мыслит о нем Г; в модель А входят, в частности, предположения о всех компонентах его сознания; о его интеллектуальном уровне (базе знаний), о его языке (словаре, грамматике), об информации, находящейся в его

поле зрения, и в особенности о его способности понимать сообщение (текущий текст с точки зрения А) и т.д.; в модель А входят также ожидания Г относительно целей А и влияния данного РА на последующее поведение А;

- а у т о м о д е л ь: для Г он сам и его место в КС и ФД являются отправным пунктом в их осмыслении, поэтому он постоянно должен иметь в виду модель самого себя, по возможности совпадающую или близкую к его модели в сознании А; в состав аутомодели входят представления Г о статусе его социальных взаимоотношений с А, предопределяющих стилевой регистр коммуникации, а также ее стратегию;

- с в е д е н и я о д и с к у р с е: для успешного выполнения коммуникативных целей необходимо хранить в текущем сознании информацию о том, что, как, когда и кем было реально сказано в процессе данного языкового взаимодействия, то есть уметь вычленять ту часть исходной информации, которая имела вербальный источник в рамках заданной коммуникативной ситуации.

Таким образом, в текущем сознании Г в качестве исходной информации содержатся сведения о всех составляющих текущей ситуации текстообразования, включая дискурс.

Источники исходной информации различны:

- вербальная информация, полученная в предшествующих РА;
- перцептивно поступающая информация о КС и ФД;
- информация, извлекаемая из баз знаний и иногда из образной памяти;
- логически или эвристически выведенная информация в результате имевших место в текущем сознании процессов и т.п.

Хотя, как говорилось выше, в текущем сознании может сохраняться след, откуда поступила данная информация, операционно Г вправе обращаться с исходной информацией одинаковым образом как с одним и тем же объектом безотносительно к ее происхождению. Абсолютизирование вербально введенной информации и противопоставление ее информации другого способа происхождения когнитивно и лингвистически неправомерно*.

2. Новая информация в текущем сознании содержательно аналогична исходной (новое в данном РА становится исходным в следующем), но в отличие от статичности исходной информации новая информация по своей сути динамична. Ведь новая информация в текущем сознании не существует, а создается. Поэтому вопрос об источнике новой информации состоит не в том - откуда, а в том - как она появляется. Для ее появления, как правило, необходимо наличие к о м м у н и к а т и в н ы х

* Это хорошо видно, в частности, при исследовании механизма анафоры: попытки свести понятие антецедента к фрагменту предшествующего текста неизбежно оканчиваются неудачей, см. [Кибрик А.А.1983]

с т и м у л о в, обеспечивающих деятельностную часть коммуникации. Механизмы коммуникативных стимулов изучены весьма слабо, поэтому укажем лишь на наиболее очевидные из них:

- ц е л е п о л а г а н и е: из репертуара потенциальных целей Г необходимо выбрать конкретный набор целей применительно к данному РА и ФД;

- п л а н и р о в а н и е: языковое взаимодействие в соответствии с избранными целями должно опираться на все имеющиеся у Г средства, которые должны быть использованы нужным образом и на нужном этапе; необходим, следовательно, механизм, согласующий все эти средства;

- п р и о р и т е т н ы е с т р а т е г и и: одним из важнейших динамических механизмов оптимального планирования - достижения цели в условиях множественного выбора возможностей - является иерархизация объектов по значимости (с точки зрения тех или иных целей) и раздача приоритетов (подробнее о приоритетных стратегиях см. [Бергельсон - Кибрик 1981]).

Удивительным феноменом текстопроизводства является тот факт, что сам процесс вербализации смыслового задания способствует уточнению и конкретизации новой информации. Дело в том, что слова и синтаксические конструкции, подбираемые в процессе текстуализации, начинают, как бы в силу только своих парадигматических и синтагматических свойств, частично регулировать дальнейший процесс текстуализации, "высвечивая" в СоГ путь к новой информации. Этот механизм творческого использования языка с формальной точки зрения практически вовсе не изучен, несмотря на то что значимость его в понимании процесса языковой деятельности трудно переоценить.

4. Структура текста

Текст является наиболее привычным объектом лингвистического наблюдения. Как известно, текст обычно изучается:

- в отрыве от коммуникативной ситуации, в которой этот текст был создан, и, в частности, в отрыве от состояния сознания коммуникантов;
- в отрыве от КС, в которую был погружен соответствующий дискурс;
- без учета ментальных средств и механизмов создания текста, то есть текст обычно рассматривается как реально существующий объект, достаточно независимый от всех этих факторов.

Если на миг отвлечься от лингвистической традиции и попытаться представить себе, какая сущность является "текстом" в системе реального языкового взаимодействия, то объективность существования такой сущности окажется чрезвычайно сомнительной. Видимость этой объективности поддерживается только возможностью письменной фиксации звуко-

вой цепи и тем самым возможностью пространственно-временного отрыва "текста" от соответствующего дискурса. То, что обычно поимается под термином "текст", - это скорее артефакт лингвистической теории, нежели действительная сущность. Порочность привычки рассматривать текст апостериори - в отрыве от коммуникативной ситуации, коммуникативного замысла и декодирующих способностей адресата - особенно очевидна при обращении к устным текстам и изучении их смысла, см. [Земская и др. 1981]. В рамках каждого РА объективно "текст" существует:

а) в текущем сознании говорящего, создающего "текст",

б) в текущем сознании адресата, воссоздающего "текст",

то есть реальными объектами являются текст, находящийся в сознании говорящего (T^r), и текст, находящийся в сознании адресата (T^a), а текст вообще есть гипотетический конструкт лингвистической теории, приписывающий звуковой цепи некоторые характеристики, предположительно инвариантные относительно Г и А.

Традиционная задача лингвиста состоит, как правило, в моделировании таких грамматик и словаря, с помощью которых было бы возможно осуществлять однозначную и "правильную" интерпретацию "текста вообще", то есть восстанавливать стоящий за ним фрагмент действительности. Искусственность и ограниченность такой задачи и в то же время ее невыполнимость представляются очевидными*.

С точки зрения модели языкового взаимодействия T^r есть цель и результат направленного процесса языкового кодирования, вербализации информации, содержащейся в поле зрения Г. Относительно каждого фиксированного речевого акта T^r может быть разбит на три зоны:

- предтекст (результат предшествующей коммуникативной деятельности коммуникантов), хранящийся в текущем СоГ;
- текущий текст, создающийся Г во время данного РА;
- план-текст, планируемый в текущем СоГ в виде новой информации.

Аналогичные три зоны имеет и T^a:

- предтекст;
- текущий текст, интерпретируемый А во время данного РА и "подклеивающийся" к исходной информации в текущем сознании А;
- план-текст: система дискурсных ожиданий А относительно дальнейшего протекания коммуникативной ситуации.

Что касается предтекста, то он является частью дискурса, находится в текущем сознании Г и/или А и хранится в нем в переработанном (и часто весьма удаленном от исходного языкового выражения) виде.

* Ср. блестящую демонстрацию необозримой множественности смысловых интерпретаций даже простейших предложений типа May we come in? "Можно нам войти?" в работе [Филлмор 1975].

Текущий T^r является средством выведения фрагмента текущего сознания вовне, поэтому естественно, что он, с одной стороны, должен иметь свою особую материальную природу и, с другой стороны, должен быть содержательно гомоморфен структуре текущего сознания.

Переход от мысли, важнейшего динамического компонента текущего сознания, к текущему T^r (то есть переход МЫСЛЬ → СООБЩЕНИЕ) не только практически совершенно не изучен, но такая задача в лингвистическом аспекте всерьез и не ставилась. Она предполагает не просто модель синтеза поверхностной структуры текста по заранее данному СемПу, а модель реализации мысли в тексте, то есть в сообщении, представляющем собой пару "смысл-форма".

Общая схема данного процесса в самом предварительном виде может быть представлена следующим образом.

Энергетической базой коммуникативного взаимодействия является коммуникативный стимул, формирование которого в значительной мере осуществляется вне текущего РА.

В первой фазе текстообразования коммуникативный стимул приводит в действие все средства, способствующие вербализации и линеаризации находящейся в текущем сознании информации.

В соответствии с целями РА в текущем сознании:

- выделяется зона, подлежащая превращению в текст, и отдельным (возможно не всем) частям этой зоны находятся лексические соответствия (частично вербализованная семантическая сеть);
- обнаруживаются участки, вербализация и грамматикализация которых будет осуществлена на более поздних этапах;
- избирается принципиальная схема линеаризации этой зоны.

Во второй фазе текстообразования частично вербализованная семантическая сеть разворачивается непосредственно в текст. В процессе этого развертывания происходит параллельное (а не последовательное) построение

- семантического представления (СемПа),
- глубинного представления (ГП),
- поверхностного представления (ПП),

возможно, с некоторым опережением по фазе то одних, то других компонентов. Этот процесс развертывания является творческим актом не в меньшей степени, чем формирование коммуникативного стимула. СемП построенного текста включается в текущее СоГ и одновременно является источником его потенциального изменения. Будучи вербализована, соответствующая зона текущего сознания "сознает самое себя". В то же время текущим образом осуществляется проверка соответствия сказанного тому, что Г имел в виду сказать (ср. обращенные на РА реплики: "*Нет, я не то хотел сказать*"). Таким образом, цикл текстообразования начинается в текущем сознании и возвращается в него.

Языковые инструменты формирования текущего текста - это известные в лингвистике словари и грамматики, владение которыми составляет необходимую предпосылку языкового общения, а также механизмы использования этих словарей и грамматик с целью текстообразования.

Существенно в этой связи то, что словари и грамматики устроены не произвольным образом: они находятся в самом тесном взаимодействии с текущим сознанием, которое обслуживают и представляют.

Многофакторность процесса вербализации - явление, недостаточно оцененное до сих пор в лингвистике. Дело в том, что переход от вербализуемой зоны текущего сознания к текущему тексту - процесс, в который вовлечены самые разнообразные механизмы, действие которых к тому же осложнено:

- малой пропускной способностью языкового кода по сравнению с вербализуемой зоной текущего СоГ;
- временными ограничениями на нахождение оптимального языкового выражения и недостаточным (в норме) уровнем риторического мастерства Г;
- инертностью языка, ориентированного на типового Г в типовом РА;
- недостаточной четкостью самой вербализуемой в СоГ зоны, в которой допустимы смысловые "дыры" произвольной величины, и другими факторами.

Поэтому процесс вербализации носит принципиально вероятностный, недетерминированный характер, допускающий окказиональную синонимию многих языковых выражений. Иными словами, одному и тому же коммуникативному стимулу и одной и той же вербализуемой зоне текущего сознания может соответствовать не один текст, а множество окказионально синонимичных текстов, в которых снимаются те или иные противопоставления, данные в языке и существенные в условиях другого РА. Эта (парадигматическая) синонимия - не языковое явление, а следствие "несовершенств" механизма текстообразования, результат осуществления данного РА. Учет этого обстоятельства особенно важен при декодировании текста, которое невозможно, следовательно, без знания всех существенных обстоятельств соответствующего РА: в противном случае декодируемый текст оказывается входящим во многие квазисинонимичные ряды, то есть потенциально многозначным, омонимичным. Разрешение такой омонимии чисто языковыми средствами невозможно.

Существенно, что:

- смысл текста как в сознании говорящего, так и в сознании адресата не может быть ограничен семантическим потенциалом входящих в этот текст языковых единиц;
- автор текста включает в его смысл значительную долю актуализованных в его сознании знаний, не имеющих непосредственного языкового выражения;

- адресат текста интерпретирует текст в соответствии с актуализованными в его сознании знаниями, "подклеивает" к ним содержащуюся в тексте новую информацию;
- в общем случае смыслы T^r и T^a не тождественны, как не тождественны смыслы одного и того же текста у разных адресатов.

Степень успешности текстообразования - важный фактор, который постоянно должен оцениваться коммуникантами. Текстообразование тем успешнее, чем обширнее зона совпадения T^r и T^a и, более того, чем более акт коммуникации сближает модели дискурса в текущем сознании Г и А. Трудности на пути достижения взаимопонимания между партнерами общения - не следствие злой воли, отсутствия кооперации, пассивности и тупоумия (хотя в конкретных РА и это не исключено), а объективный фактор, который должен найти объяснение в модели языкового взаимодействия и учтен при построении действующих человеко-машинных диалоговых систем.

5. Соотношение текущего сознания и языка

Никоим образом не претендуя на философскую полноту освещения данного вопроса, отмечу лишь наиболее существенные моменты, связанные с пониманием языка в свете общей модели языкового взаимодействия.

Сходства и различия текущего сознания и языка вытекают из сходств и различий их сущностной природы. Текущее сознание есть одна из форм существования человека, организующая его рациональное поведение в реальном мире. Язык же является важнейшим инструментом, позволяющим целесообразно, экономно и общественно значимо это поведение осуществлять. Иными словами, язык должен быть удобным, насколько это возможно, механизмом реализации этой способности человека. Поэтому естественно предположить, что в его содержании, форме и процессах должны быть выделены и устойчиво закреплены шаблонные блоки типового текущего сознания, облегчающие построение каждой конкретной мысли. Основные усилия мыслительной деятельности должны быть направлены на приспособление к конкретным условиям конкретного РА. Поэтому все то общее, что имеет текущее сознание в данной коммуникативной ситуации с прочими состояниями текущего сознания в прочих РА, должно иметь простой аналог в языковых средствах. С другой стороны, язык должен быть принципиально способен выражать любое мыслительное содержание текущего сознания, то есть должен обеспечивать "бесконечное использование конечных средств".

Будучи производным по своей функции от мыслительной деятельности (ср. постулат М. Кренкель: "концептуальная организация

предшествует языковому выражению "[Кренкель 1981.С. 4]), он, являясь объектом другой, кодовой природы, получает вместе с тем и относительную автономность, самостоятельность, проявляющуюся в появлении, закреплении и развитии таких характеристик, которые существуют уже сами по себе, по своим собственным законам.

Наиболее тесно связана с сущностью сознания так называемая универсальная база языка, составляющая наиболее общие, инвариантные свойства естественных языков. Вместе с тем выбор из множества альтернатив, имеющихся в универсальной базе, конкретных вариантов реализации этой универсальной базы составляет специфику каждого конкретного языка и связан с сознанием более опосредовано.

Поэтому, на наш взгляд, нельзя отождествлять язык с сознанием, как нельзя и абсолютизировать его природу.

Будучи отдельными сущностями, сознание и язык постоянно воздействуют друг на друга.

Влияние структуры сознания на язык проявляется в исходной мотивированности всех его компонентов. Речь идет здесь не только о семантической стороне языка, наиболее непосредственно соприкасающейся со структурой текущего сознания и базой знаний, но и о более поверхностных его уровнях, в частности о синтаксисе, морфологии и даже фонетике.

Говоря об исходной мотивированности, я имею в виду тот факт, что становление тех или иных элементов, характеристик языковой структуры первоначально имеет в норме мотивированный, детерминированный функцией характер, но эта мотивированность в синхронии языка может или сохраняться, находя подкрепление в использовании языка в данном РА, или приобретать ритуальный вид: за "омертвевшей" языковой формой уже не усматривается непосредственная связь с породившей ее функцией (в этом случае можно говорить об исторической мотивированности). Ритуального в языке, несомненно, весьма много, что и создает иллюзию конвенциональности, произвольности языковой формы. Существенно, однако, другое: как язык в его конкретном использовании сохраняет необходимую гибкость, позволяющую "подавлять" в процессе коммуникации его же собственную инертность требующим выражения смыслом (сюда относятся бесчисленные примеры "аграмматичности" разговорной речи, не препятствующей успешному общению, обнаружение в языке все новых и новых "скрытых" категорий, не нашедших грамматикализованной формы, но пробивающих себе дорогу в СемП и поверхностную структуру и т.д.). В представлениях о языке эти свойства должны найти свое законное место и функциональное объяснение, потому что влияние сознания на язык является постоянно действующим фактором, значимость которого трудно переоценить.

При предлагаемом подходе, вместе с тем, должен измениться также

взгляд и на ритуальное в языке: оно предстанет более системно, целесообразно и просто устроенным, нежели при формально-структурном, таксономическом осмыслении.

Влияние структуры языка на сознание также несомненно. Во-первых, наше представление о действительности в значительной мере формируется не из нашего индивидуального опыта, а из опыта социума, зафиксированного и систематизированного языком. Во-вторых, языковые элементы являются удобным строительным материалом мысли; членение и осмысление действительности, как неоднократно указывалось, задается в значительной мере языком. В-третьих, текущее сознание в известной степени оперирует вербализованными единицами, заимствуемыми из языка. Полной свободы от языка мышление никогда не достигает.

Данное обстоятельство создает чрезвычайно плодотворные предпосылки исследования сознания, в частности протекающих в нем мыслительных процессов: язык предоставляет нам богатейший эмпирический материал для гипотетической реконструкции этих не данных в непосредственном наблюдении объектов. Надо только уметь различать данные объекты в тех косвенных свидетельствах их существования, которые содержатся в языке. Думается, что технология такой реконструкции может быть не менее формальна и строга, чем реконструкции морфем по алломорфам или прафонем по рядам синхронных звукосоответствий.

Итак, построение лингвистической модели языкового взаимодействия не должно зависеть от наличия получаемых откуда-то извне когнитологических исходных данных, напротив, эта модель является необходимым инструментом получения таких данных. Поэтому разработка данной модели важна не только в силу имманентного развития лингвистики как таковой, но и в более широком контексте.

ГЛАВА 20

ДИНАМИКА ИНФОРМАЦИОННОГО ДИАЛОГА (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СО СПРАВОЧНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ СЛУЖБОЙ 09)*

0. Введение

Настоящая глава представляет собой предварительную попытку приложения теоретического аппарата, ориентированного на описание процесса языкового взаимодействия, к конкретному языковому материа-

* Исправленный вариант статьи, опубликованной в: Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

лу. В качестве объекта наблюдения был избран жанр информационного диалога. Информационный диалог характеризуется единством прагматической цели, состоящей в решении некоторой информационной задачи, то есть это такой диалог, в котором объемлющая прагматическая и коммуникативная цель совпадают. Это свойство информационного диалога (сведение прагматической цели к коммуникативной) существенно упрощает его моделирование, так как позволяет в минимальной степени вводить в рассмотрение прагматическую компетенцию коммуникантов. В то же время информационный диалог является основным видом общения человека с ЭВМ. Поэтому моделирование информационного диалога представляется важным как для развития общей теории языкового взаимодействия, так и для практических приложений лингвистики ближайшего будущего.

В рамках жанра информационного диалога материал был ограничен общением абонентов городской телефонной сети (Пользователей) с оператором справочно-информационной службы 09 (Оператором). Этот вид информационного диалога (09-диалог) как объект лингвистического моделирования обладает рядом достоинств:

- эмпирический материал практически не ограничен;
- база знаний, которой располагает Оператор и к которой обращается Пользователь, понятна неискушенному наблюдателю (в том числе автору данной работы и ее потенциальным читателям) ввиду того, что стоящий за ней реальный мир вещей ему знаком и достаточно близок;
- в 09-диалогах жестко фиксирована объемлющая прагматико-коммуникативная цель, содержание которой состоит в наличии у Пользователя некоторой информационной потребности: найти телефонный номер некоторого абонента, находящегося в фокусе его внимания (Референта); исчислим репертуар коммуникативных целей, ведущих к удовлетворению этой потребности, так что основные мыслительные схемы, вербализуемые в 09-диалогах, довольно естественны и однозначным образом выделимы;
- Пользователь специально не обучен правилам ведения 09-диалога, то есть он текущим образом приспосабливает свои общие навыки в области делового общения (свою коммуникативную компетенцию) к конкретному типу диалога;
- общение ведется на неформализованном разговорном языке, так что в поле зрения исследователя находится весьма широкий диапазон языковых стратегий выражения фиксированных мыслительных схем;
- 09-диалоги в миниатюре воспроизводят схему языкового взаимодействия во всей ее полноте и потому являются удобной эмпирической базой для исследования, результаты которого можно в дальнейшем формализовать и ввести в ЭВМ.

Настоящий опыт изучения 09-диалогов следует рассматривать не

как полное и всестороннее моделирование процессов, происходящих в текущем сознании коммуникантов в 09-диалогах, а скорее как демонстрацию перспективности такого рода моделирования с позиций общей теории языкового взаимодействия.

1. Структура 09-диалога

09-диалог, как и всякий диалог вообще, есть результат действия совокупности интеллектуальных механизмов, заложенных в сознании коммуникантов, среди которых особенно значимы: прагматическая компетенция, коммуникативная компетенция, языковая компетенция (в соответствии с терминологией в [Нариньяни 1985]). Совместное использование (по крайней мере) этих компетенций лежит в основе языкового взаимодействия и определяет степень успешности его протекания.

Ближайшим мотивом 09-диалога является желание Пользователя вступить в речевой контакт с Референтом, актуализованным в его сознании, используя средства телефонной связи, и отсутствие необходимой для этого информации (телефонного адреса Референта). Эти условия активизируют в текущем сознании Пользователя информационную потребность, наличие которой формирует прагматико-коммуникативную цель, удовлетворению которой служит информационный 09-диалог.

Существенной особенностью 09-диалога является то обстоятельство, что коммуникативные роли партнеров (Пользователя и Оператора) не симметричны: каждый из них исполняет свою особую, фиксированную роль, характеризующуюся определенными коммуникативными функциями в каждой фазе протекания 09-диалога. Поэтому удобно основные фазы 09-диалога описывать через ролевые обязанности коммуникантов.

В самом общем виде 09-диалог может быть расчленен на три фазы, см. таблицу 1.

Таблица 1

Роли коммуникантов в 09-диалоге

Фазы	Пользователь		Оператор
1. Фаза запроса	формирование запроса	⟹	прием запроса; соотнесение запроса с базой знаний
			⇓
2. Фаза нормализации запроса	промежуточные вспомогательные ответы	⟸ ⟹	промежуточные уточняющие вопросы
			⇓
3. Фаза ответа	снятие запроса	⟸	ответ на запрос

Для того чтобы информационный диалог состоялся, реализация первой и третьей фаз является необходимой, что касается второй, промежуточной фазы, то при идеальном исполнении Пользователем своей роли она избыточна, но на практике оказывается чрезвычайно существенной, и именно в ней осуществляется процесс сближения состояний текущего сознания Пользователя и Оператора.

Рассмотрим каждую из этих фаз в отдельности.

2. Фаза запроса

1. Реплика Пользователя в фазе запроса строится, исходя из двух коммуникативных заданий:

- установить контакт с Оператором в соответствии с правилами речевого этикета;
- вербализовать свою информационную потребность.

Цель установления контакта обеспечивается коммуникативной и социальной компетенцией и состоит из следующих подцелей:

(а) обозначить начало диалога;

(б) обозначить адресат текущего речевого акта;

(в) обозначить тип перлокутивной функции текущего речевого акта (то есть поименовать тип деятельности Оператора, ожидаемой от него Пользователем после завершения данного речевого акта);

(г) эксплицировать намерение вести диалог в соответствии с нормами кооперативного общения.

Например:

(1) П: *Алло*(а), *девушка*(б), *скажите*(в), *пожалуйста*(г), справочную Курского вокзала.

(2) П: *Будьте любезны*(а,г), *это справочная*(б)? - О: Да. - П: *Скажите*(в), *пожалуйста*(г), *телефон*(в) 17-й спецшколы.

(3) П: *Добрый день* (а, б, г). - О: Добрый день. - П: *Будьте добры*(г), *девушка*(б), *телефончик*(в,г), магазин "Спорт", находится - Красная Пресня.

(4) П: *Алло*(а), магазин "Сантехника" на 3-й Парковой.

(5) П: *По адресу телефон*(в), *пожалуйста*(г), *мне надо*(в).

(6) П: Товары для детей на Ленинском проспекте.

Как видно из примеров, вербализация каждой из подцелей цели установления контакта

- может иметь свое специальное лексическое выражение (1);
- лексическое выражение некоторых из них может амальгамироваться (напр., выражение подцели *а,б* и *г* и в *добрый день* (3)) или отсутствовать (подцели *б,в* и *г* в (4), *а* и *б* в (5)) .

2. В фазе запроса коммуникативная компетенция Оператора актуализует в его текущем сознании исходную презумпцию о типе информационной потребности Пользователя, состоящую в том, что Пользователь:

- знает, что существует конкретный абонент телефонной сети (Референт), образ которого находится в фокусе внимания Пользователя, и
- хочет получить информацию о конкретном признаке этого Референта (его телефонном номере).

Таким образом, основная задача Пользователя в фазе запроса (если указанная презумпция выполняется) - сформировать с помощью языковой компетенции такую словесную характеристику (дескрипцию) Референта, по которой Оператор был бы в состоянии однозначно отождествить этот Референт с его образом в базе данных справочной системы (БД). Пользователь строит дескрипцию Референта в соответствии с:

- прагматической компетенцией, в которую входит, в частности, его база знаний, то есть знания об устройстве мира вещей, в котором находится Референт, и о самом Референте;
- коммуникативной компетенцией, в которую входит, в частности, представление об адресате и его знаниях (о формате БД);
- языковой компетенцией, которая включает знание словаря, содержащего средства номинации объектов мира вещей, и грамматики русского языка, обеспечивающей построение правильных высказываний.

Например:

(7) П: Скажите, пожалуйста, телефон *кинотеатра "Минск"*.

Дескрипция Референта состоит из родового классификатора (=категоризатора) *кинотеатр* и рестрикции посредством имени собственного *"Минск"*. Специфика данного Референта состоит в том, что Пользователь строит дескрипцию, исходя из:

- знания о том, что кинотеатры идентифицируются именами собственными;
- допущения, что имена собственные должны входить в формат БД;

---

* Контактный компонент реплики запроса не составляет специфики 09-диалога и привнесен в него общими правилами построения интродуктивных диалогических высказываний. Он отражает привычный способ открывать диалог в сфере устного делового общения. Поэтому разные Пользователи в разной степени оценивают его необходимость. Видимо, этике информационной службы не противоречит деловая краткость Пользователя в примере (6), непосредственно переходящего к вербализации информационной потребности (поскольку Оператор никаких других коммуникативных целей от Пользователя не ждет).

- знания конкретного имени собственного конкретного Референта, находящегося в его фокусе внимания;

- допущения, что ограничиться именем собственным без категоризатора невозможно (это допущение правомерно, так как существуют гостиница "Минск", ресторан "Минск").

Номинация уникальных объектов может состоять только из имени собственного:

(8) П: Пожалуйста, мне *Диетторг.*

Во многих случаях, однако, Референт входит в класс однородных объектов и идентифицируется одним или несколькими ограничительными признаками (идентификаторами).

(9) П: Пожалуйста, мне необходим номер телефона *библиотеки по улице Смольной, 29.*

Ограничительным признаком Референта класса библиотек Пользователь считает его "адрес".

(10) П: Будьте добры, мне *санэпидемстанцию Свердловского района.*

В примере (10) Референт идентифицируется его "районной принадлежностью".

(11) П: Сберкасса *Краснопресненского района, площадь Восстания 1.*

В (11) Референт идентифицируется двумя признаками - "районом" и "адресом".

Пользователь не всегда правильно представляет себе формат, то есть внутреннюю структуру БД, с чем связано построение неполной или избыточной дескрипции.

(12) П: Будьте добры, телефон почты *по улице Песочная, дом 3.*

О: Почты какой индекс?

П: Не знаю.

О: А мы по улице не можем Вам найти, у нас только по индексу.

В диалоге (12) Пользователь исходит из того, что полезным признаком Референта для БД является "адрес", однако оказывается, что в данном случае этот признак избыточный, в то время как необходимый признак в дескрипции отсутствует.

(13) П: Алло, будьте любезны, поликлиника Семашко, главный врач, платная.

О: *Взрослая, детская?*

П: Взрослая.

В запросе участвует несколько ограничительных признаков: *им. Семашко, платная, главный врач.* Однако из диалога видно, что введенные признаки не задают единичный Референт в БД (и в мире вещей).

(14) П: Ресторан "Восток" *в Первомайском районе.*

(15) П: Скажите, пожалуйста, телефон школы N 60 *Кунцевского района на Партизанской улице.*

"Район" и "адрес" для данных Референтов являются избыточными

признаками. В 09-диалогах Оператор умеет оставлять избыточные признаки без внимания.

Часто Пользователь не может построить правильную номинацию Референта.

(16) П: *Товары для детей* на Ленинском проспекте.

О: *Детский мир* на Ленинском?

Из реакции Оператора видно, что номинация Референта (*товары для детей*) не совпадает с форматом БД (Детский мир).

(17) П: Будьте добры, телефончик, магазин "Спорт", находится - Красная Пресня.

О: *Он "Олимп" называется.*

П: "Олимп"? Вот телефончик дайте, пожалуйста.

В диалоге (17) Пользователь обнаруживает незнание того, что в реальном мире вещей произошли изменения - магазин "Спорт" был аннулирован, а вместо него на той же улице открыт другой спортивный магазин, имеющий название "Олимп".

Иногда Пользователь затрудняется сформулировать свою информационную потребность.

(18) П: Скажите, пожалуйста, как узнать телефон. Вот был телефон, а потом переставили.

О: Как переставили?

П: Ну, в смысле вот дома был телефон, а потом поставили другой, ну поменяли.

О: Поменяли - переключу на *замену.*

Пользователь не знает, что на языке Оператора данная потребность имеет стандартную номинацию - *замена (телефонов)**.

(19) П: Девушка, у меня к Вам просьба большая. Вы знаете, вот я Вам адрес дам, Вы мне поможете с телефончиком, а?

О: Отдельная квартира?

П: Нет, девушка, даже не квартира.

О: А что?

П: Вы знаете, есть такое домоуправление, значит, клуб детский, разные там кружки, "Соколенок" называется, находится на Рязанском проспекте, дом 84. Мне надо дозвониться там до главной этой, женщины, депутата, которая руководит всеми этими делами...

Референт Пользователю хорошо известен, но построить его стандартную дескрипцию он самостоятельно не может и заменяет ее развернутым описанием фрагмента мира вещей, в который включен Референт. Он исходит из презумпции, что Оператор захочет и сумеет по этому описанию вычислить полезные для БД признаки Референта. Чтобы эта

* Обученный Пользователь ту же информационную потребность вербализует стандартно: П: *Замену телефонов.* - О: *Замену ждите.*

презумпция выполнилась, Пользователь в своем интродуктивном речевом акте особое внимание уделяет налаживанию кооперативного режима общения, так сказать, заключает с ним "договор" о кооперативном общении.

Итак, в реальном информационном диалоге исходные знания Пользователя, необходимые для успешного участия в фазе запроса, могут быть не полны по всем трем параметрам (база знаний Пользователя, знания о БД, языковая компетенция). Более того, как оказывается, может не выполняться и исходная презумпция Оператора об информационной потребности Пользователя, а именно Пользователь может не иметь в фокусе внимания конкретного Референта, а иметь лишь представление о полезных функциях неспецифицированного Референта, существование которого предполагается.

(20) П: Здравствуйте, девушка. Вы не подскажете, у меня собака заболела, куда можно позвонить проконсультироваться?

Пользователь не знает не только индивидуальных признаков Референта, но и того, в класс каких объектов он входит, он исходит лишь из того, что должно существовать учреждение, в котором лечат животных. Однако свою потребность он формулирует в соответствии с жанром 09-диалога - в форме поиска номера телефона некоторого Референта, поэтому данный диалог имеет продолжение.

Однако не всякий Пользователь знает, каковы ограничения на информационную потребность в службе 09.

(21) П: Кондратьевский переулок где находится?

О: Вам надо в киоск на улице обратиться.

3. Оператор в фазе запроса осуществляет прием реплики Пользователя и вводит в свое текущее сознание тот фрагмент БД, который соответствует дескрипции Референта. Характер и результаты его деятельности на этом этапе становятся явными из его последующей реплики, которая указывает на переход к новой фазе - фазе нормализации запроса или к фазе ответа.

3. Фаза нормализации запроса

В фазе нормализации запроса инициатива 09-диалога переходит к Оператору. В своей коммуникативной деятельности он руководствуется прагматической целью: организовать активность Пользователя таким образом, чтобы тот достроил или перестроил дескрипцию Референта в соответствии с форматом БД. Например, в диалогах (12), (13) Оператор спрашивает Пользователя о полезном признаке дескрипции Референта, соответствующем формату БД. В диалоге (19) Оператор по запросу Пользователя делает (ошибочное) предположение, что того интересует квартирный телефон, в форме уточнения *отдельная квартира*?, так как формат информации об отдельных и коммунальных квартирах организован по-разному.

В диалоге (16) Оператор, по существу, уже в фазе запроса сумел его перестроить в соответствии с форматом БД, и реплика *Детский мир на Ленинском*? не столько продиктована желанием удостовериться в правильности перифразирования, сколько желанием попутно сообщить Пользователю стандартную номинацию Референта. Особенно это очевидно в (17): *Он "Олимп" называется.*

Фаза нормализации запроса может успешно завершиться в "один ход", например:

(22) П: Скажите, пожалуйста, телефон Бухареста.

О: Бухарест? Магазин "Бухарест"?

П: Да.

или затянуться ввиду необходимости сблизить текущее сознание Оператора и Пользователя.

(23) П: Магазин "Ганга". [Пользователь считает фазу установления контакта избыточной и вербализует свою информационную потребность дескрипцией конкретного Референта, состоящей из категоризатора *магазин* и имени собственного "*Ганга*".]

О: Где находится? [Оператор обращается к БД и обнаруживает, что в данном случае дескрипция не выделяет единичного Референта, так как такую дескрипцию имеют два объекта, различающиеся признаком "адрес".]

П: Ювелирный магазин. [Пользователь не знает адреса и вместо него предъявляет уточняющий признак *ювелирный*, надеясь, что это облегчит Оператору поиск.]

О: Их два, на Смоленской и на Уссурийской. [Видя, что немотивированный вопрос об адресе не дал желаемой реакции Пользователя, Оператор сообщает о формате БД, в которой данной дескрипции удовлетворяют два абонента.]

П: И тот и другой дайте. [Предшествующая реплика Оператора изменяет базу знаний Пользователя. Оказывается, что его представление о мире вещей (о существовании единичного Референта) было ошибочно; однако мотиву его обращения к услугам службы 09 удовлетворяют оба указанных Оператором Референта, поэтому Пользователь уточняет свой запрос в соответствии с новым представлением о мире вещей.]

Часто фаза нормализации состоит из серии вопросов и ответов.

(24) П: Алло, скажите мне, пожалуйста, телефон гастронома на Большой Бронной.

О: Гастроном? [Оператор просит подтверждения категоризатора дескрипции. В данном диалоге основные усилия Оператора направлены на то, чтобы поколебать в сознании Пользователя уверенность в объективности хранящейся в нем информации, ср. анализ объективизированной/субъективизированной информации в [Саввина 1985.]]

П: Да. [Пользователь уверен в своей дескрипции.]
О: На Бронной нет гастронома. [Оператор сообщает, что в БД такой дескрипции ничего не соответствует.]
П: Большая Бронная. [Пользователь предполагает, что Оператор ошибочно имеет в виду Малую Бронную.]
О: Может, просто продовольственный магазин? [Оператор допускает, что улица указывается точно, и предполагает вновь классификационную ошибку, предлагая другой категоризатор.]
П: Ой, да,.. может там - от Елисеевского? Филиал Елисеевского? [Пользователь вспоминает, что Референт имеет дополнительный признак, который вербализуется в разговорном регистре (официальное название Елисеевского - *магазин* N 1); этот признак для Оператора оказывается бесполезным.]
О: Большая Бронная? [Сомнения в адресе.] Что за магазин такой? Что там вообще? [Сомнение в категоризаторе.]
П: Продовольственный. [Пользователь готов перейти на "язык" Оператора, если ему это удобнее.] Большой продовольственный. [Пользователь не решается назвать его *гастроном*, но дает понять, что это не рядовой продовольственный магазин.]
О: Это правильно - опять Большая Бронная? [Очередная попытка Оператора поколебать уверенность Пользователя, так как иначе совместить дескрипцию с форматом БД не удается.]
П: Большая Бронная, да. [Пользователь знает мир вещей, знает, что двери магазина выходят на Большую Бронную.] Ой, углом на Остужева выходит. [Пользователь ищет в картине мира новые координаты.]
О: Остужева? [Оператор безуспешно ищет по новой дескрипции.]
П: Или на... - он вот так стоит. [Пользователь в свое текущее сознание вводит "картинку" с магазином и дает ее описание.] Прямо торцом с одной стороны - Богословский, с другой - Остужева. [Вводятся новые идентификаторы Референта.]
О: Ну, он там и есть, наверное, на Богословском переулке. Не Бронная, а Богословский у нас. [По новой дескрипции образ Референта находится в БД, хотя Оператор оставляет возможность ошибки (нет гарантий, что гастроном в Богословском переулке тождествен Референту, который актуализован в сознании Пользователя).]

Иногда фаза нормализации связана не с перестройкой текущего сознания Пользователя, а с инерционностью текущего сознания Оператора, в частности с устойчивыми презумпциями, мешающими Оператору правильно проинтерпретировать запрос:

(25) П: Девушка, Вы мне не подскажете любое детское ателье, мне там нужно узнать прейскурант. [Пользователь понимает необычность своей информационной потребности (ему нужен не конкретный Референт, а любой из заданного множества объектов детских

ателье) и поэтому эксплицитно указывает мотив этой потребности - узнать прейскурант, в обычных 09-диалогах неуместный.]
О: Детское ателье? Где находится? [Оператор, воспринимая запрос в соответствии с исходной презумпцией, вопреки смыслу запроса "не замечает" нестандартности информационной потребности и действует в соответствии со стандартной логикой нормализации: ограничить неполную дескрипцию *детское ателье* идентификатором "адрес".]
П: Да любое. Скажите какое-нибудь в любом районе. [Пользователь эмфатически усиливает и повторяет введениую уже в запросе информацию, чтобы она дошла до сознания Оператора.]
О: Вообще любое детское ателье? [Наконец, Оператор погасил исходную презумпцию и уяснил смысл запроса.]

4. Фаза ответа

В фазе ответа Оператор сообщает искомую информацию (телефонный номер Референта), и Пользователь в соответствии с коммуникативной компетенцией снимает запрос посредством клишированных реплик: *Спасибо, Благодарю, Очень благодарен, Спасибо большое.* Давление речевого этикета так велико, что теми же средствами запрос снимается и в случае прагматической неуспешности 09-диалога:

(26) П: Мосгорсправки телефон.
О: А туда нет телефона.
П: А какой-нибудь? Какую-нибудь справку?
О: Надо лично самим туда обратиться.
П: *Спасибо.*

09-диалог может содержать более одного цикла, и тогда вместо снятия запроса следует новый запрос, например:

(27) **Цикл 1:** П: Здравствуйте, скажите, пожалуйста, телефон больницы N 13. [Фаза запроса: установлен контакт и дана дескрипция Референта.] Это она находится в районе или Автозаводской, или Велозаводской улицы. [Избыточные признаки, игнорируемые в дальнейшем Оператором.]
О: 13-я городская больница? [Фаза нормализации: Оператор приводит дескрипцию к стандартному виду.]
П: Да.
О: N 275-37-05 [Фаза ответа.]
Цикл 2: П: А приемное отделение не скажете? [Пользователь вместо снятия запроса выдвигает новый запрос, правда, в пределах общей темы данного диалога; он осознает, что его Референт - не больница N 13 вообще, а некоторая ее конкретная служба; выбор синтаксической конструкции обусловлен желанием подчеркнуть кооперативность и понимание некоторой "незаконности" второго цикла.]

О: Приемное? [Оператор ищет Референт.] Приемное чего? [Выясняется, что внешний мир и БД устроены не так, как предполагал Пользователь.] Есть - гинекологии, хирургии, терапии, травматологии. [Допуская, что Пользователю трудно правильно сформулировать дескрипцию, он информирует его о формате БД: в больнице есть отделения, в каждом из которых имеется свое приемное отделение.]

П: Хирургии. [Пользователь уточняет свою дескрипцию.]

О: N 275-78-78. [Фаза ответа.]

П: Спасибо большое. [Снятие запроса.]

В фазе ответа разрешается прагматико-коммуникативная цель 09-диалога. Возможны по крайней мере такие варианты:

1. Информационная потребность удовлетворяется в собственном смысле: Оператор сообщает искомый признак (номер телефона) Референта.

2. В процессе удовлетворения информационной потребности уточняется образ Референта: он может конкретизироваться (как в диалоге (13)), размножиться (как в диалоге (23)) или обрести внутреннюю структуру (как во 2-м цикле диалога (27)).

3. Удовлетворить непосредственно данную информационную потребность средства БД не позволяют, и предлагается функциональный эквивалент Референта:

(28) П: Скажите, пожалуйста, мастерская по ремонту сумок, Солянка, 8.

О: Минуточку. [Заполнение паузы во время поиска.] А это район какой? [Дескрипция не соответствует формату БД.]

П: Ну, Солянка, это Дзержинский.

О: В Дзержинском есть только на Проспекте Мира. [Предлагается снять признак *Солянка*.]

П: Ну, пожалуйста, дайте мне. [Пользователь готов удовлетвориться этой информацией.]

4. Заявленная цель снимается как неосуществимая средствами службы 09, и Пользователю предлагается новая прагматическая цель, как в диалоге (26).

5. Диалог оканчивается неудачей. Неудача чаще всего наступает из-за несовместимости базы знаний Пользователя и Системы, как в диалоге (12), хотя в принципе причиной неудачи могут быть недостаточность прагматической, коммуникативной или языковой компетенции как Пользователя, так и Оператора. Частичные неудачи проявляются в фазе нормализации запроса, а итоговая - в фазе ответа.

5. Заключение

В главе были рассмотрены основные этапы 09-диалога как целенаправленной языковой деятельности, регулируемой коммуникативными целями. Система целей партнеров общения определяется динамикой изменения их текущего сознания в процессе развертывания 09-диалога. Была сделана попытка продемонстрировать, что в динамике развития 09-диалога на каждом шаге легко и почти однозначно восстановимы те исходные "мыслительные схемы", которые воплощаются в языковой форме реплик коммуникантов, то есть, что исходный пункт процесса "МЫСЛЬ - СООБЩЕНИЕ" может быть достаточно точно и эксплицитно задан и центр внимания исследователя может быть сосредоточен на самом процессе перехода от мысли к вербализованной цепочке.

ГЛАВА 21

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ МЕТОДИКА РЕКОНСТРУКЦИИ КОГНИТИВНЫХ ПРОЦЕССОВ В ДИАЛОГЕ*

1

До недавнего времени лингвистическое моделирование языковой деятельности в основном было направлено на создание автоматического анализатора текстов на естественном языке. Целью работы таких анализаторов является перевод текста на некоторый понятийный код (в семантическое представление, в семантическую сеть и т.п.). Значительно меньше уделялось внимания автоматическому синтезу текстов на естественном языке и по понятным причинам: что могло бы служить входом в этот синтезатор? Более или менее ясна ситуация при машинном переводе, когда синтез сводится к вербализации смысла, извлеченного из текста на исходном языке, то есть смысла, раньше уже облеченного в некоторую текстовую форму. А что находится на входе говорящей машины? Когда, как и какими механизмами запускается процесс вербализации, то есть создания текста?

Думается, что никакие искусственные отграничения языковой стороны этого процесса от его неязыковых сторон не могут быть успешными. Вспомним в этой связи точку зрения С.Д.Кацнельсона: "Процесс порождения речи тесно переплетается с процессом порождения мысли, образуя

* На материале докладов: Методика лингвистического моделирования языкового взаимодействия//Проблемы и применение искусственного интеллекта. Варна, 1987. С. 14-21; О лингвистической реконструкции когнитивных процессов в диалоге//Семантические аспекты формализации интеллектуальной деятельности. Всесоюзная школа-семинар "Боржоми - 88". М., 1988. С. 306-309.

единый речемыслительный комплекс, осуществляемый механизмами речевого мышления... Без входных данных, поступающих в сферу языка извне, без волевых импульсов и материалов сознания невозможна работа механизмов речи. Речевая деятельность - не имманентный процесс, замыкающийся в сфере языка. Она не сводима также к поэлементному переводу мыслительного содержания с одного кода на другой, как это имеет место при переводе с другого естественного языка" [Кацнельсон 1972. С. 115.].

Действительно, "без входных данных, поступающих в сферу языка извне", то есть без знания того, какие когнитивные процессы, происходящие в сознании партнера по общению, отделяют этап приема им репликистимула от этапа синтеза ответной реплики, задача построения "говорящего автомата" не может быть не только решена, но и правильно поставлена. Однако как обнаружить эти "входные данные"?

Ниже делается попытка обосновать предположение, что для моделирования когнитивной деятельности коммуниканта (включающей логические рассуждения, оценку истинности и вскрытие противоречивости знаний, принятие решений, формирование речемыслительного замысла и т.п.) важным исходным материалом является его вербальное поведение. Стоящие за вербальными реакциями когнитивные и коммуникативные механизмы особенно ярко проявляются при помещении их в ситуационные (и соответствующие им вербальные) оппозиции, образующие парадигму, в частности при использовании лингвистического эксперимента, направленного на активный сбор текстов, удовлетворяющих заданным параметрам, и на анализ характера распределения констант и переменных на множестве этих параметров. Именно переменные, находящиеся в фокусе контраста, могут быть в таком случае однозначно выделены и эксплицированы.

2

Такая методика и была применена при изучении информационных диалогов с Операторами информационно-справочной службы московской городской телефонной сети 09. Эксперимент состоял в многократном предъявлении одного и того же запроса нескольким Операторам в режиме естественного информационного диалога и изучении характера последующего протекания этих диалогов. Рассмотрим небольшой фрагмент эксперимента (проведенного О.В.Федоровой), а именно варианты ответных реплик Оператора на реплику-стимул Пользователя:

Мне нужен магазин "Наташа" на Кузнецком мосту.

Вариант 1: *Магазин "Наташа" на улице Горького.*

Вариант 2: *На улице Горького он. 299-57-21.*

Вариант 3: *У нас нет на Кузнецком, там "Светлана".*

Вариант 4: *На Кузнецком разве "Наташа"? Там "Светлана".*

Вариант 5: 299-57-21.

Вариант 6: 299-57-21. *На улице Горького вообще-то он находится.*

Вариант 7: 299-57-21. *Нет - на Горького, а не на Кузнецком, там, по-моему, эта, сейчас скажу, "Светлана".*

Переход от реплики Пользователя к одной из реплик Оператора требует от последнего большого запаса знаний и умений. Не претендуя на полноту, укажу наиболее очевидные типы знаний, которыми должен располагать Оператор.

В о - п е р в ы х, в его распоряжении должна быть База данных (БД), в которой указаны дескрипции всех абонентов московской городской сети и номера их телефонов.

В о - в т о р ы х, у Оператора должны быть знания о типичных способах выражения Пользователем его информационной потребности. В данном диалоге представлен простейший случай, когда явным образом предлагается дескрипция некоторого абонента (Референта), по которой, по мнению Пользователя, этот Референт может быть отождествлен в БД. Оператор должен уметь вычленять в запросе Пользователя дескрипцию, соотносить ее с фреймом дескрипции, имеющимся в его базе знаний, и далее осуществлять поиск в БД. В данных диалогах все эти операции Оператором, несомненно, выполнены.

В - т р е т ь и х, деятельность Оператора должна подчиняться некоторым правилам КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ, которые он должен стремиться соблюдать. В КОДЕКСЕ должны быть по крайней мере такие пункты:

(1) О добросовестности: "Старайся удовлетворить информационную потребность Пользователя, если это не ведет к серьезному нарушению прочих правил";

(2) О кооперативности: "Веди себя с Пользователем кооперативно";

(3) О целеустремленности: "Любой запрос Пользователя старайся преобразовать в дескрипцию некоторого Референта" (частично следует из (1));

(4) Об адекватности: "Старайся найти в БД дескрипцию, которая обозначает именно тот Референт, который имеет в виду Пользователь, строя свою дескрипцию";

(5) Об экономичности: "Поступай наиболее экономичным образом" и т.д.

В - ч е т в е р т ы х, в базе знаний Оператора имеются ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ТИПОВОМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕ и о типах Пользователей. Среди этих ПРЕДСТАВЛЕНИЙ должны иметься и такие (формулируются упрощенно):

(1) Пользователь обращается в службу 09, поскольку его интересует телефон некоторого абонента (это его объемлющая прагматико-коммуникативная цель);

(2) Пользователь знает о существовании абонента;

(3) Пользователь не обязан знать устройство БД службы 09;
(4) Пользователь не обучен нормализованным дескрипциям, введенным в БД, и его дескрипция может не соответствовать буквально дескрипции того же абонента в БД;
(5) Пользователь может ошибаться при построении дескрипции.

В - п я т ы х, Оператор должен обладать я з ы к о в о й компетенцией (знать русский язык), к о г н и т и в н о й компетенцией (организовывать свою мыслительную деятельность логично, то есть в соответствии со всеми имеющимися в его распоряжении знаниями), п р а г м а т и ч е с к о й компетенцией (знать принципиальное устройство внешнего мира - абонентов г. Москвы - и способы его категоризации в БД, уметь обращаться с внешней по отношению к его памяти БД), к о м м у н и к а т и в н о й компетенцией (уметь согласовывать все типы своего интеллектуального поведения с коммуникативной средой).

3

Сопоставление вариантов (1-7) позволяет реконструировать следующие этапы протекания когнитивных процессов в сознании Оператора (это сопоставление иллюстративное, оно ни в какой мере не претендует на полноту и может быть углублено и расширено).

Варианты (1-4) объединяет то, что после приема и анализа реплики-стимула в сознании Оператора сложилась следующая ситуация. Обратившись в БД, оператор обнаружил, что дескрипция *магазин "Наташа" на улице Горького* не совпадает полностью ни с одной дескрипцией в БД, но имеется частичное совпадение, то есть Оператор оказывается в ситуации ОБНАРУЖЕНО ПРОТИВОРЕЧИЕ.

Варианты (1-2) мотивированы тем, что Оператором отождествлена со строкой БД часть дескрипции *магазин "Наташа"* при обнаружении расхождений в значении идентифицирующего признака "находиться на улице X". Однако цепочки актуализованных рассуждений, вытекающих из этого факта, в (1) и (2) не совпадают.

В варианте (1) Оператор, исходя из:

а) правил КОДЕКСА ПОВЕДЕНИЯ о добросовестности: ("Старайся удовлетворить информационную потребность Пользователя"), о кооперативности: ("Веди себя кооперативно") и особенно об адекватности: ("Старайся найти в Базе данных дескрипцию, которая обозначает именно тот референт, который имеет в виду Пользователь, предъявляя свою дескрипцию"), а также

б) ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ТИПОВОМ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕ (в частности: "Пользователь может ошибаться при построении дескрипции"), допускает, что идентифицирующий (и, вообще говоря, избыточный) признак дескрипции со значением *на Кузнецком мосту* ошибочен. Информационное задание на будущую реплику таково: "Пусть Пользователь знает,

что референт с именем собственным "Наташа", в БД есть, но он значится по другому адресу".

В варианте (2) цепочка рассуждений продвигается дальше. Оператор признает идентификатор ошибочным, не требуя от Пользователя подтверждения (видимо, под воздействием правила КОДЕКСА об экономии: "Поступай наиболее экономичным образом") и самостоятельно принимая решение, что интересующий Пользователя референт находится в действительности на ул. Горького (ср. употребление анафорического местоимения ОН = 'тот Референт, который вам нужен'). Однако Пользователь информируется об этом изменении дескрипции в соответствии с правилом КОДЕКСА о кооперативности и его подправила: "Обучай Пользователя при необходимости" (в случае расхождений с нормализованной дескрипцией).

В вариантах (3-4) противоречие решается скорее в пользу истинности признака *на Кузнецком мосту*. Однако, если в (4) Оператор предлагает Пользователю отменить признак "Наташа" как ложный, сообщая о наличии в БД дескрипции *магазин "Светлана" на Кузнецком мосту*, то в (3) Оператор более осторожен и лишь сообщает факты: в БД предъявленной дескрипции (из-за признака "Наташа") нет, а есть другая дескрипция, если заменить "Наташа" на "Светлана" (попутно можно отметить логическую нетривиальность такой замены).

Занимателен вариант (5), который зафиксирован в восьми (!) случаях из двадцати. Для него ведущим является правило КОДЕКСА об экономии, и Оператор, видимо, продолжает процесс отождествления дескрипции Пользователя с входами в БД лишь до тех пор, пока какой-нибудь единичный Референт не будет найден, после чего поиск завершает и противоречия не обнаруживает.

Варианты (6-7) совмещают в себе варианты (5) и (2), кроме того, в варианте (7) Оператор, руководствуясь правилом КОДЕКСА о кооперативности и игнорируя правило об экономичности, вторично обращается в БД (точно имя Референта Оператор, как очевидно из его реплики, не помнит) и уточняет дескрипцию второго Референта.

4

Хотя в эксперименте представлено семь вариантов вербальных (и когнитивных) реакций на одну и ту же реплику-стимул, за ними стоит не семь моделей когнитивно-языковой деятельности, а семь реализаций одной и той же модели, сама природа которой допускает при единой системе механизмов многообразие порождаемых ими результатов как на когнитивном, так и на языковом уровнях. Это значит, что и принципиальная организация процессоров в модели коммуниканта должна быть организована на недетерминированных, неалгоритмических принципах.

Рассмотренная нами методика реконструкции позволяет выделить

элементарные звенья когнитивных процессов, находящие свое выражение в вербальных оппозициях. При построении же "говорящего автомата" эти реконструированные процессы и формируют то информационное задание, которое является входом для речевого синтеза.

Итак, можно констатировать, что классическая для языкознания парадигматическая методика, опирающаяся на выявление значимых текстовых оппозиций и опирающаяся на лингвистический эксперимент (ср. главу 18), сохраняет свою эффективность и при изучении таких сущностей, связь которых с привычным объектом лингвистического наблюдения - текстом - на первый взгляд, имеет весьма опосредованный характер.

ГЛАВА 22

К ПРОБЛЕМЕ ПОСТРОЕНИЯ "ГОВОРЯЩЕГО ЭКСПЕРТА-АВТОМАТА"*

Настоящая глава является конспективным обобщением результатов коллективной работы, проводившейся в 1985-1988 гг. на филологическом факультете МГУ. Целью работы является построение интегральной модели Оператора (Эксперта) информационно-справочной службы 09 (см. главы 20-21). Такая модель при достаточной степени ее формализации может быть теоретическим прообразом "говорящего эксперта-автомата", общающегося с Пользователем на естественном языке в режиме информационного диалога. В этой модели языковая деятельность выступает как естественное продолжение и развитие мыслительной деятельности (образуя единый комплекс - речемыслительную деятельность), а языковая компетенция - как один из многих механизмов, ответственных за нормальное протекание процесса общения.

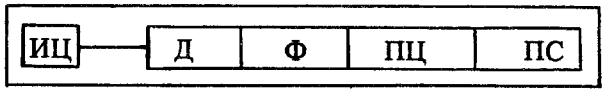
Диалоговая речемыслительная деятельность Оператора состоит в целенаправленном обмене репликами с Пользователем. Переход от одного речевого акта к другому состоит из трех наиболее крупных этапов:

ПРИЕМ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА
(перевод языкового выражения во внутреннюю информационную структуру)
⇓
КОГНИТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
(переработка информационной структуры в соответствии с текущими целями Оператора и формирование коммуникативного задания)
⇓
СИНТЕЗ РЕПЛИКИ-РЕАКЦИИ
(перевод коммуникативного задания в языковое выражение).

* Опубликовано в материалах международного научного семинара: "Теория и применение искусственного интеллекта. Сборник трудов". Созопол, 1989. С. 29-37.

Эти этапы состоят из циклов, сгруппированных по принципу единства используемых правил и обрабатываемой информации. Циклы могут вкладываться друг в друга, частично пересекаться, а также работать параллельно.

Формальное моделирование речемыслительной деятельности Оператора базируется на представлении декларативных знаний с помощью фреймов, а процедурных - с помощью продукций. Первичная активизация конкретных продукций осуществляется состоянием декларативных знаний - соответствующим информационным состоянием фреймов, активизированных в текущем сознании Оператора. Иными словами, цели, руководящие действиями Оператора, хранятся не в особом, автономном от текущих знаний блоке, а формируются текущим состоянием знаний Оператора. Так, например, в цикле ПРИЕМ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА, непосредственно следующем за начальным циклом ВСТУПЛЕНИЕ В ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ, автоматически актуализуются цикл СЛОВАРНОГО АНАЛИЗА, КОДЕКС ПОВЕДЕНИЯ Оператора (модель Оператора), ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОЛЬЗОВАТЕЛЕ (модель Пользователя), (Рабочий) ФРЕЙМ ЗАПРОСА и сопряженный с ним цикл ЗАПОЛНЕНИЯ ФРЕЙМА ЗАПРОСА. В Рабочем ФРЕЙМЕ ЗАПРОСА, имеющем структуру:

активизированы слоты ИЦ (информационная цель) и Д (дескрипция) (в них стоит маркер активизации "!"). Это значит, во-первых, что необходима проверка на стандартность цели Пользователя (узнать номер телефона), соответствующей ПРЕДСТАВЛЕНИЯМ О ПОЛЬЗОВАТЕЛЕ. Реплика Пользователя:

(1) Будьте добры, телефончик справочной ГУМа

содержит эксплицитную информацию об информационной цели Пользователя, совпадающей с типовой целью: "Испытываю потребность в информации о номере телефона (Р)", где Р (Референт) - некоторая организация, учреждение, предприятие или частное лицо.

Реплика:

(2) Справочную ГУМа

имеет ту же цель, но не выраженную эксплицитно. В обоих случаях в слот ИЦ будет занесена помета о стандартности цели (например, "+"), позволяющая перейти к другим задачам анализа. Напротив, анализ реплики:

(3) Как проехать в Загорск?

с точки зрения слота ИЦ должен привести к помете о нестандартности цели (например, маркер "-") и далее к активизации цикла СИНТЕЗ РЕПЛИКИ-РЕАКЦИИ, приводящего к ответу типа:

(4) Такую информацию мы не даем.

Во-вторых, активизированность слота Д означает активизацию

ФРЕЙМА ДЕСКРИПЦИИ, то есть поискового образа Референта, имеющегося, по предложению Оператора, в текущем сознании Пользователя. Это значит, что СЛОВАРНЫЙ АНАЛИЗ реплики-стимула организуется в соответствии со структурой ФРЕЙМА ДЕСКРИПЦИИ, и в его слоты заносится информация, извлекаемая из этой реплики. Так, анализ реплики:

(5) Мне нужен телефон гастронома на Большой Бронной

приведет к заполнению ФРЕЙМА ДЕСКРИПЦИИ типа:

Гиперкатегоризатор	Категоризатор	Идентификатор
Торговля	Гастроном	улица
		Большая Бронная

При поступлении реплики

(6) Где узнать о ремонте электроутюгов?

заполнить ФРЕЙМ ДЕСКРИПЦИИ не удается и будет активизирован слот Ф (Функции референта) в Рабочем ФРЕЙМЕ ЗАПРОСА. На этом этапе должна быть осуществлена попытка найти Дескрипцию нужного Пользователю Референта по его функции, а именно - поставить ей в соответствие категоризатор "ремонт бытовой техники". Переход к слотам ПЦ (прагматическая цель Пользователя) и ПС (прагматическая ситуация Пользователя) необходим при анализе запросов типа:

(7) Я в такси паспорт потерял. Куда мне обратиться?

Если для успешного заполнения ФРЕЙМА ДЕСКРИПЦИИ часто оказывается достаточно той информации, которая извлекается из словаря в процессе СЛОВАРНОГО АНАЛИЗА, то заполнение слотов Ф, ПЦ и ПС требует обычно циклов ГРАММАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА и СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.

Циклы, организующие деятельность Оператора, не образуют жесткой последовательности, и возможна многократная переадресация от одного цикла к другому. Так, цикл ПРИЕМ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА управляет входом в цикл СЛОВАРНОГО АНАЛИЗА, а работа этого последнего может происходить параллельно с ЗАПОЛНЕНИЕМ ФРЕЙМА ЗАПРОСА (то есть ФРЕЙМ ЗАПРОСА может заполняться по мере продвижения цикла СЛОВАРНОГО ПОИСКА) и с работой циклов ГРАММАТИЧЕСКОГО и СЕМАНТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА.

Основная цель Оператора состоит в удовлетворении информационной потребности Пользователя (информации о номере телефона того Референта, который имеет в виду Пользователь). Информация обо всех Референтах внешнего мира хранится во внешней памяти Оператора в его Базе Данных (БД). БД "говорящего эксперта-автомата" устроена в форме системы фреймов, соотносимых с ФРЕЙМОМ ДЕСКРИПЦИИ. Дескрипция Референта является способом найти в БД Оператора сведения о том

Референте, который имеет в виду Пользователь. Для этого необходимо, чтобы Р(П) = Р(О) и более того, чтобы Р(П) = Р(Д) = Р(О), то есть, чтобы Референт Оператора (найденный Оператором в БД) совпадал с Референтом Дескрипции и Референтом Пользователя. Содержание информационного диалога Оператора с Пользователем связано с:

- вычислением Дескрипции Р(П) по репликам Пользователя,
- проверкой тождественности Р(Д) и Р(П),
- нахождением Р(О), тождественного с Р(Д) и тем самым с Р(П).

В связи с этим цикл ПРИЕМ РЕПЛИКИ-СТИМУЛА сопряжен с циклом КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, в составе которого имеются встроенные циклы ПОИСК В БД, УСТРАНЕНИЕ НЕПОЛНОТЫ ИНФОРМАЦИИ, УСТРАНЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ, ВЫБОР АЛЬТЕРНАТИВ, СМЕНА ОЦЕНОК ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ, ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАДАНИЯ и др. Не имея возможности описать действие этих механизмов, приведу некоторые примеры.

Успешное заполнение Фрейма Дескрипции по реплике-запросу (5) открывает доступ к циклу ПОИСК В БД. Однако соответствующего фрейма там обнаружить не удается (см. пример (24) в главе 20). В этом случае активизируется цикл УСТРАНЕНИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ. В самом деле, в цепочке допущений:

а) во внешнем мире действительно существует Референт, который имеет в виду Пользователь, то есть Р(П) достоверен;

б) в БД хранятся конкретные фреймы всех Референтов, входящих в правильные функциональные классы (задаваемые допустимыми в системе значениями гиперкатегоризаторов и категоризаторов; так, значения гиперкатегоризатора "торговля" и категоризатора "гастроном" являются в БД допустимыми, значит, все гастрономы должны быть в БД указаны);

в) дескрипция Референта, извлеченная из запроса Пользователя, задает поисковый образ Референта, тождественного с Р(П), то есть Р(Д) = Р(П), имеется противоречие.

Цикл УСТРАНЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ должен снять одно из допущений. Если снимается допущение (а), то дальнейшая когнитивная деятельность Оператора зависит от того, какие другие допущения будут признаны ошибочными. Если признается ошибочным допущение об искренности Пользователя (оно имеется в ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПОЛЬЗОВАТЕЛЕ), то возможны реплики-реакции типа:

(8) Как Вам не стыдно.

(9) Не хулиганьте.

Если допущение об искренности сохраняется, то логично предположить, что Пользователь заблуждается и его оценка достоверности существования Референта не соответствует действительности. В этом случае возможна реплика, сообщающая о сомнении Оператора:

(10) Вы уверены, что такой гастроном есть?

При снятии допущения (б) остается сообщить об этом репликой типа:

(11) У нас такого нет.

Однако ясно, что не такой будет реакция опытного Оператора, поскольку в действительности наиболее уязвимо допущение (б): ошибки в запросе есть наиболее стандартный источник возникновения противоречия, и это зафиксировано в ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О ПОЛЬЗОВАТЕЛЕ. Цикл СМЕНЫ ОЦЕНОК ДОСТОВЕРНОСТИ изменит пометку "достоверная информация" (+) на помету "сомнительная информация" (?) в графе "оценка Оператором достоверности информации" при одном из слотов ФРЕЙМА ДЕСКРИПЦИИ. Расхождение оценок по достоверности между Оператором и Пользователем требует выяснения истинного положения дел. Возникает информационная потребность и включается цикл ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО ЗАДАНИЯ, создающий информационную структуру типа: "Я сомневаюсь, что Р(П) находится на Большой Бронной, уверены ли Вы в достоверности этой информации?" Блок СИНТЕЗА РЕПЛИКИ-РЕАКЦИИ построит высказывания типа (см. диалог (24) в главе 20):

(12) Большая Бронная?

(13) Это правильно - Большая Бронная?

(14) Может быть, на другой улице?

Если сомнительны как идеитификатор, так и категоризатор (или только категоризатор и активизировано допущение (б)), то это может привести к реплике-реакции:

(15) На Бронной нет гастронома.

Сомнения в достоверности категоризатора в сочетании с дополнительными активизированными значениями приводит к реплике типа:

(16) Может, просто продовольственный магазин?

При ответе Пользователя на вопрос (12):

(17) Да.

Оператор восстанавливает оценку достоверности идентификатора с "?" на "+", и ситуация противоречия сохраняется. Необходим поиск противоречия в другом месте, например, смена оценки достоверности категоризатора с "+" на "?", что может вывести на реплику-реакцию (16) или (18):

(18) Что там вообще? Что Вам вообще нужно?

Цикл СИНТЕЗ РЕПЛИКИ-РЕАКЦИИ для предельно простых ситуаций может быть обеспечен языковыми шаблонами, в которые подставляются необходимые переменные. Однако такая стратегия принципиального решения вопроса о создании "говорящего автомата" не дает. Наоборот, представляется, что именно построение интегральной модели "говорящего автомата" открывает шанс построить адекватную лингвистическую теорию речепроизводства, поскольку в интегральной модели вход в

цикл синтеза прагматически и когнитивно задан. В цикле СИНТЕЗА решаются следующие задачи:

- определяется иллокутивный тип высказываний;
- фиксируется информационное содержание высказывания (опора на пресуппозиции и ассерции);
- задается коммуникативная структура высказывания (данное-новое, определенное-неопределенное, фокус контраста, тема-рема и т.д.);
- формируется вербальная форма высказывания (словарный синтез);
- формируется пропозициональная структура высказывания;
- формируется семантическая структура высказывания;
- формируется синтактико-линейная структура высказывания;
- формируется морфологическая структура высказывания.

Эти задачи также решаются в значительной степени в режиме параллельной работы.

Модель Оператора, представленная таким образом, позволяет, во-п е р в ы х, объяснить вербальное поведение Оператора в информационном диалоге и учесть весьма тонкие противопоставления в языковой структуре его реплик, в о - в т о р ы х, отразить глубокую связь языковой компетенции с мыслительной деятельностью, в - т р е т ь и х, построить модель множественности реакций Оператора при одной и той же входной реплике (это фундаментальное свойство поведения реального Оператора), и, наконец, тем самым обеспечить возможность построения "говорящего эксперта-автомата", поведение которого воспроизводит основные черты поведения человека.

ЛИТЕРАТУРА

Адамс-Прайс 1960 - Adams R.N., Preis J.J. (eds). Human organisation research: field relations and techniques. Home Wood, 1960.

Алексеев 1985 - Алексеев М.Е. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис. М., 1985.

Андерсон 1976 - Anderson S. On the notion of subject in ergative languages// Subject and topic/ Ed. Ch. Li. New York, 1976.

Апресян 1967 - Апресян Ю.Д. Экспериментальные исследования семантики русского глагола. М., 1967.

Апресян 1968 - Апресян Ю.Д. Об экспериментальном толковом словаре русского языка//Вопросы языкознания. 1968. N 1.

Апресян 1969а - Апресян Ю.Д. Толкование лексических значений как проблема теоретической семантики//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. N 1.

Апресян 1969б - Апресян Ю.Д. О языке для описания значений слов//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1969. N 5.

Апресян 1974 - Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. М., 1974.

Арутюнова 1977 - Арутюнова Н.Д. Номинация и текст//Языковая номинация. М., 1977.

Байби 1985 - Bybee J. Diagrammatic iconicity in stem inflection relations//Iconicity in syntax/Ed. J. Haiman. Amsterdam, 1985.

Барнс 1963 - Barnes J.A. Some ethical problems in modern fieldwork//British Journal of Sociology. 1963. T.14.

Баттеруорт и др. 1984 - Butterworth B., Comrie B., Dahl O. (eds.) Explanations for language universals. Berlin, 1984.

Белич 1913 - Письмо проф. А.И.Белича к И.А.Бодуэну де Куртенэ о собираиии диалектологического материала//Известия отделения русского языка и словесности императорской Академии наук. 1913. Т. XVIII. Кн. 1.

Белошапкова 1977 - Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М., 1977.

Бендикс 1966 - Bendix F.H. Componential analysis of general vocabulary: the semantic structure of a set of verbs in English, Hindi, and Japanese//International journal of American linguistics. 1966. Vol. 32. Publ. 41.

Бергельсон - Кибрик 1981/1987 - Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е. Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. N 4. Также см.: Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987. С. 52-63.

Бергельсон и др. 1982 - Бергельсон М.Б., Зализняк А.А., Кибрик А.Е. Конструкции с сентенциальным актантом в табасаранском языке//Табасаранские этюды. М., 1982.

Бехерт 1977а - Bechert J. Zur funktionalen Erklärung des Ergativsystems//Papiere zur Linguistik. 1977. N 12.

Бехерт 1977б - Bechert J. Das Nominativ-Ergativ -Kontinuum und die pragmatische Fundierung grammatischer Kategorien. LAUT Series A. Trier, 1977.

Бехерт 1982 - Бехерт Й. Эргативность как исходный пункт изучения прагматической основы грамматических категорий//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI.

Блох 1935 - Bloch B. Interviewing for the linguistic atlas//American speech. 1935. N 10.

Блумфильд 1942 - Bloomfield L. Outline guide for the practical study of foreign language. Baltimore, 1942.

Боас 1948 - Boas F. Race, language, and culture. New York, 1948.

Боас 1966 - Boas F. Introduction to handbook of american Indian languages. Lincoln, 1966.

Богораз 1900 - Богораз В.Г. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора//Труды Якутской экспедиции, снаряженной на средства И.М.Сибирякова. Спб., 1900. Отд. III,Т.XI.Ч.III.

Богораз 1937 - Богораз В.Г. Луораветланско-русский (чукотско-русский) словарь. М.-Л., 1937.

Богораз 1949 - Богораз В.Г. Материал по языку азиатских эскимосов. Л., 1949.

Бодуэн де Куртенэ 1875 - Бодуэн де Куртенэ И.А. Опыт фонетики резьянских говоров. Варшава; Спб., 1875.

Бондарко 1985 - Бондарко А.В. Из истории разработки концепции языкового содержания в отечественном языкознании XIX в//Грамматические концепции в языкознании XIX века. Л., 1985.

Бондарко 1987 - Бондарко А.В. Длительность//Теория функциональной грамматики. Л., 1987.

Боссонг 1984 - Bossong G. Ergativity in Basque//Linguistics. 1984.

Боуман 1957 - Bowman E. An attempt at an analysis of Modern Yucatec from a small corpus of recorded speech//Anthropological linguistics. 1959. N I(4).

Бреснан 1980 - Bresnan J. The passive in lexical theory//Occasional paper 7. Center for cognitive science. MIT. Combridge (Mass.), 1980.

Бэбби 1981 - Babby L. A transformational grammar of russian adjectives. The Hague-Paris, 1981.

Бэбби 1985/1973 - Бэбби Л. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV. Пер. с англ. Babby L.H. The deep structure of adjectives and participles in Russian//Language. 1973. Vol. 49. N 2.

Ван Валин 1977а - Van Valin R. Aspects of Lakhota syntax//Ph. d. diss. University of California. Berkeley, 1977.

Ван Валин 1977б - Van Valin R. Ergativity and the Universality of subjects//Papers from the 13th regional meeting. Chicago, 1977.

Ван Валин 1980 - Van Valin R. Grammatical relations in ergative languages. Ms., 1980.

Ван Валин 1985 - Van Valin R. Case marking and the structure of the Lakhota clause//Grammar inside and outside the clause/Eds. J. Nichols, A. Woodbury. Cambridge, 1985.

Ван Валин - Фоли 1982/1980 - Ван Валин Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Van Valin R.D., Foley W.A. Role and reference grammar//Syntax and semantics. Vol. 13. Current approaches to syntax/Ed. E. Moravcsik. New York, 1980.

Ванников - Щукин 1969 - Ванников Ю.В., Щукин А.Н. Картинный словарь русского языка. М., 1969.

Вежбицка 1980 - Wierzbicka A. Lingua mentalis. The semantics of natural language. Sydney, 1980.

Вежбицка 1981 - Wierzbicka A. Case marking and "Human nature"//Australian journal of linguistics, 1981.

Вежбицка 1988 - Wierzbicka A. The semantics of grammar. Amsterdam, 1988.

Виноград 1978 - Виноград Т. Об одном подходе к изучению дискурса//Взаимодействие с ЭВМ на естественном языке. Новосибирск, 1978.

Виноградов 1972 - Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.

Вопросы 1968 - Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов). Л., 1968.

Выготский 1982 - Выготский Л.С. Собрание сочинений. М., 1982. Т. 1 - 2.

Высотский 1954 - Высотский С.С. Методы изучения диалектов//Доклады и сообщения ИЯ АН СССР. 1954. N 6.

Газдар и др. 1978 - Gazdar G. et al. (eds.) A bibliography of contemporary linguistic research. New York; London, 1978.

Гамкрелидзе - Иванов 1984 - Активная типология праиндоевропейского языка//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1984. N 1.

Гарвин 1967 - Garvin P. American Indian languages - a laboratory of linguistic methodology//Foundations of language. 1967. N 3.

Гивон 1979 - Givón T. On understanding language. New York, 1979.

Гивон 1984 - Givón T. Syntax: a functional-typological introduction. Amsterdam, 1984. Vol.I.

Гивон 1985 - Givón T. Iconicity, isomorphism and non-arbitrary coding in syntax//Iconicity in syntax/Ed. J. Haiman. Amsterdam, 1985.

Гивон 1990 - Givón T. Syntax: a functionai-typological introduction. Amsterdam, 1990. Vol.II.

Глисон 1959 - Глисон Г. Введение в дескриптивную ллнгвнстнку. М., 1959.

Граймз 1988 - Grimes B.F. (Ed.). Ethnologue. Languages of the world. Dallas, 1988.

Грамматика 1960 - Грамматика русского языка. М., 1960.

Грамматика 1970 - Грамматика современного русского лнтературного языка. М., 1970.

Грамматика 1980 - Русская грамматика. Т. II. Снтаксис. М., 1980.

Гринберг 1970 - Грннберг Дж. Некоторые грамматические уннверсалнн, пренмущественно касающнеся порядка значимых элементов//Новое в зарубежной ллнгвнстике. М., 1970. Вып. V.

Гринберг и др. 1970 - Гринберг Д., Осгуд Ч., Дженкинс Д. Меморандум о языковых уннверсалиях//Новое в ллнгвнстике. М., 1970. Вып. V.

Гроссман и др. 1975 - Grossmann et al. (eds.). Papers from the paresession on functionalism. Chicago, 1975.

Гухман 1972 - Гухман М.М. Позиции подлежащего в языках различных типов. М., 1972.

Демьянков 1979а - Демьянков В.З. Англо-русскне термнны по прикладной ллнгвнстике и автоматической переработке текста. Порождающая грамматика//Тетради новых термннов. N 23. Изд. ВЦП. М., 1979.

Демьянков 1979б - Демьянков В.З. "Субъект", "тема" и "топик" в амернканской лингвистике//Известия АН СССР. Серня литературы н языка. 1979, N 4.

Джонсон 1982/1977 - Джонсон Д.Э. О реляцноиных ограинченнях на грамматнкн//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. X1. Пер. с англ. Johnson D.E. On relational constraints on grammars//Syntax and semantics. Vol. 8. Grammatical relations. New York, 1977.

Диксон 1972 - Dixon R.M.W. The Dyirbal language of the North Queensland. Cambridge, 1972.

Диксон 1977 - Dixon R.M.W. A grammar of Yidin. Cambridge, 1977.

Диксон 1979 - Dixon R.M.W. Ergativity//Language. 1979. N 1.

Диксон 1987 - Dixon R.M.W.(ed.) Studies in ergativity. Amsterdam, 1987.

Диксон 1991 - Dixon R.M.W. A new approach to English grammar, on semantic principles. Oxford, 1991.

Добльхофер 1963 - Добльхофер Э. Знаки и чудеса. М., 1963.

Долнннна 1969 - Долнннна И.Б. Способы представлеинн снитаксической структуры предложения//Типология каузативных конструкций. Л., 1969.

Долнннна 1977 - Долинина И.Б. Системный анализ предложеннй. М., 1977.

Дульзон 1956 - Дульзон А.П. Диалекты татарских аборнгенов Томи//Учеи. зап. Томск. пед. ин-та. 1956. Вып. ХУ.

Жукова 1972 - Жукова А.Н. Грамматнка корякского языка. Л., 1972.

Земская и др. 1981 - Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н. Русская разговорная речь. Общие вопросы словообразования. Синтаксис. М., 1981.

Золотова 1973 - Золотова Г.А. Очерк функцноиального снитаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова 1979 - Золотова Г.А. К вопросу об объекте снитакснческих нсследованнй//Известия АН СССР. Серня лнтературы и языка. 1979. N 1.

Зубин 1978 - Zubin D. Discourse function of morphology//Discourse and syntax/Ed. T. Givón. New York, 1978.

Иллич-Свитич 1971 - Иллнч-Свитич В.М. Опыт сравнення ностратических языков. М., 1971.

Иорданская Л.Н. Снитаксическая омонимия в русском языке//Научно-техническая информация. Серия 2. 1967. N 5.

Йегерленер 1955 - Yegerlehner J. A note on eliciting techniques//International Journal of American Linguistics. 1955. Vol. 21.

Какумасу 1968 - Kakymasu J. Urubu sign language//International Journal of American Linguistics. 1968. N 4.

Кацнельсон 1936 - Кацнельсон С.Д. К генезису номинативного предложения. М.; Л., 1936.

Кацнельсон 1972 - Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Кацнельсон 1985 - Кацнельсон С.Д. История типологических учеиий//Грамматические коицепцин в языкознании X1X века. Л., 1985.

Кахадзе 1979 - Кахадзе О.И. Арчибский язык и его место среди родственных дагестаиских языков. Тбилиси, 1979.

Кибрик А. А. 1983 - Кибрик А.А. Об анафоре, дейксисе и их соотношении//Разработка и применение лингвистических процессоров. Новоснбирск, 1983.

Кибрик А. А. 1988 - Кибрик А. А. Типология средств оформления аиафорических связей. Автореф. канд. дисс. М., 1988.

Кибрик 1972 - Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972.

Кибрик 1977а - Кибрик А.Е. Опыт структурного описания арчинского языка. Т.2. Таксоиомическая грамматика. М., 1977.

Кибрик 1977б - Кибрнк А.Е. Опыт структуриого описаиия арчиискоro языка. Т.3. Дииамическая грамматика. М., 1977.

Кибрик 1979/1981 - Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативиости//Предварнтельиые публикации ИРЯ АН СССР. М., 1979-1981. Вып. 127-130, 140-141.

Кибрик 1982 - Кибрик А.Е. Проблема синтаксических отношеиий в универсальной грамматнке//Новое в зарубежиой лиигвнстике. М., 1982. Вып. XI.

Кибрик 1983 - Кибрик А.Е. Коиструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативиых) языках//Категории глагола и структура предложеиия. Коиструкции с предикатными актантамн. Л., 1983.

Кибрик 1984 - Кибрик А.Е. От таксоиомической типологии к типологии динамической//Всесоюзиая конференция по теоретическим вопросам языкознаиия (типы языковых общностей и методы их изучеиия). М., 1984.

Кибрик и др. 1977 а - Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяннникова И.П., Самедов Д.С. Опыт структуриого описаиня арчинского языка. Т.1. Фонетика. Лексика. М., 1977.

Кибрик и др. 1977 б - Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С. Арчиискнй язык. Тексты и словарн. М., 1977.

Кибрик и др. 1978 - Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Старостин С.А. О просодической структуре слова в дагестанских языках//Предварительиые публикации Инстнтута русского языка. М., 1978. Вып. 115.

Кибрик - Климов 1972 - Кибрик А.Е., Климов Г.А. Рец. иа: Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков//Вопросы языкознаиия. 1972, N 3.

Кибрик - Коваль 1980 - Kibrik A.E., Koval A.I. Die Natur der Nominalklassen und Methoden ihres kontensiven Studiums//Georgica. Jena-Tbilisi. 1980. Hf. 3.

Кибрик - Кодзасов 1970 - Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков//Вопросы языкознания. 1970. N 6.

Кибрик - Кодзасов 1988 - Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. М., 1988.

Кибрик - Кодзасов 1990 - Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. Сопоставительное изучение дагестаиских языков. Имя. Фонетика. М., 1990.

Кибрик - Оловянникова 1978 - Кибрик А.Е., Оловянникова И.П. Рец. иа: С.М.Хайдаков. Сравнительио-сопоставительный словарь дагестанских языков//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. N 6.

Кинэн 1972 - Keenan E. Relative clause formation in Malagasy (and some related and some not so related languages)//The Chicagho which hunt. Papers from the relative clause festival. Chicago, 1972.

Кинэн 1975 - Keenan E. Some universals of passive in relational grammar//Papers from the 11th regional meeting of CLS. Chicago, 1975.

Кинэн 1976а - Keenan E. The logical diversity of natural languages//Annais of the New York Academy of Sciences. New York, 1976. Vol. 280.

Кинэн 1976б - Keenan E. Remarkable subjects in Malagasy/Ed. Ch. Li. Subject and topic. New York. 1976.

Кинэн 1982/1976 - Кинэн Э. К универсальному определению подлежащего//Новое в зарубежиой лиигвистике. М., 1982. Вып. X1. Пер. с англ. Keenan E.L. Towards a universal definition of "subject"//Subject and topic/Ed. Ch. Li. New York, 1976.

Кинэн 1984 - Keenan E. Semantic correlates of the ergative/absolutive distinction//Linguistics. 1984. N 2. Vol. 22.

Кинэн 1985 - Keenan E. Relative clauses//Language typology and syntactic description. /Ed. Th. Shopen. 1985. Vol. 2.

Кинэн - Комри 1982/1977 - Кинэн Э., Комри Б. Иерархия доступности именных групп и универсальная грамматика//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Keenan E.L., Comrie B. Noun phrase accessibility and universal grammar//Linguistic inquiry. 1977. Vol. 8. N 1.

Климов 1973 - Климов Г.А. Очерк общей теории эргативности. М., 1973.

Климов 1977 - Климов Г.А. Типология языков активного строя. М., 1977.

Климов 1981 - Климов Г.А. Из истории типологических исследований в СССР (30-40-е годы) М., 1981.

Климов - Алексеев 1980 - Климов Г.А., Алексеев М.Е. Типология кавказских языков. М., 1980.

Кодзасов 1987 - Кодзасов С.В. Число в сочинительных конструкциях//Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

Кодзасов 1989 - Кодзасов С.В. Комбинаторные исследования интонации//Проблемы доказательства и типологизации в фонетике и фонологии. М., 1989.

Комри 1975 - Comrie B. The antiergative: Finland's answer to Basque. Papers from the 11th regional meeting. Chicago, 1975.

Комри 1976 - Comrie B. The syntax of causative constructions: cross-language similarities and divergences//Syntax and semantics./Ed. M. Shibatani. New York, 1976. Vol. 6.

Комри 1977 - Comrie B. In defense of spontaneous demotion: the impersonal passive//Syntax and semantics. Grammatical relations. New York. 1977. Vol. 8.

Комри 1977 - Comrie B. Inverse verb forms in Siberia: evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal. Ms., 1977.

Комри 1978 - Comrie B. Ergativity//Syntactic typology. Studies in the phenomenology of language/Ed. W.P. Lehmann. Sussex, 1978.

Комри 1981 - Comrie B. Language universals and linguistic typology. Chicago, 1981.

Комри 1990 - Comrie B. Coreference and conjunction reduction in grammar and discourse//Explaining language universals/Ed. J.A. Hawkins. Cambridge, Mass., 1990.

Комри - Смит 1977 - Comrie B., Smith N. Lingua descriptive studies: questionnaire//Lingua. 1977. N 1.

Корбетт 1991 - Corbett G.G. Gender. Cambridge; New York, 1991.

Корум и др. 1973 - Corum C. et al. (eds.) You take the high node and I'll take the low node. Papers from the comparative syntax festival. The differences between main and subordinate clause. Chicago, 1973.

Крекель 1981 - Kreckel M. Communicative acts sharedd knowledge in natural discourse. London; New York, 1981

Крёбер 1958 - Kroeber A.L. Sign language inquiry//International Journal of American Linguistics. 1958. N 1. Vol. 24.

Крофт 1990 - Croft W. Typology and universals. Cambridge, 1990.

Кузнецов 1961 - Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М., 1961.

Кумахов 1971 - Кумахов М.А. Словоизменение адыгейских языков. М., 1971.

Куно 1975 - Kuno S. Three perspectives in the functional approach to syntax//Papers from the parasession on functionalism/Eds. R. Grossman et al. Chicago, 1975.

Купер - Росс 1975 - Cooper W.E., Ross J.R. World order//Papers from the parasession on functionalism. CLS. Chicago, 1975.

Курилович 1962 - Курилович Е. Эргативность и стадиальность//Очерки по лингвистике. М., 1962.

Кэпелл 1969 - Capell A. A survey of New Guinea languages. Sydney, 1969.

Лайонз 1978/1972 - Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978. Пер. с англ. Lyons J. Introduction to theoretical linguistics. Cambridge, 1972.

Лаков 1981/1977 - Лаков Дж. Лингвистические гештальты//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X. Пер. с англ. Lakoff G. Linguistic gestalts//Papers from the thirteenth regional meeting. Chicago Linguistic Society 13. Chicago, 1977.

Лаунсбери 1953 - Lounsbury F.G. Field Methods and Techniques in Linguistics//Anthropology today. An Encyclopaedic inventory./Ed. A.L. Kweber. Chicago, 1953.

Лауфер 1987 - Лауфер Н.И. Линеаризация компонент сочинительной конструкции//Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.

Леви 1979 - Levy D. Communicational goals and strategies: between discourse and syntax//Syntax and semantics. Vol. 12. Discourse and syntax/Ed. T. Givón. New York, 1979.

Ли 1976 - Li Ch. (ed.) Subject and topic. New York, 1976.

Лингвистическая семантика 1981 - Проблемы лингвистической семантики; Реферативный сборник. АН СССР. ИНИОН. М., 1981.

Лингвистические задачи 1983 - Лингвистические задачи. Книга для учащихся старших классов. М., 1983.

Ли - Томпсон 1982/1976 - Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языка//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Li Ch N., Thompson S.A. Subject and topic: a new typology of language//Subject and topic/Ed. Ch. Li. New York, 1976.

Лонгакр 1964 - Longacre R.E. Grammar discovery procedures: field manual. The Hague, 1964.

Лурия 1975 - Лурия А.Р. Основные проблемы нейролингвистики. М., 1975.

Маранц 1984 - Marantz A.P. On the nature of grammatical relations. Cambridge (Mass.), 1984.

Мартине 1967 - Martinet A. Le sujet comme function linguistique et l'analyse syntaxique du basque//Bulletin de la Societé de linguistique de Paris. 1967. N 57.

Масика 1976 - Masica C.P. Defining a linguistic area. South Asia. Chicago and London, 1976.

Мейланова 1985 - Мейланова У.А. Основные вопросы формирования и фуиционирования категории числа в лезгинском языке//Категория числа в дагестанских языках. Махачкала, 1985.

Мельчук 1961 -Мельчук И. А. О некоторых типах языковых значений//О точных методах исследования языка. М., 1961.

Мельчук 1974а - Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей "СМЫСЛ - ТЕКСТ". М., 1974.

Мельчук 1974б - Мельчук И.А. О синтаксическом нуле//Типология пассивных конструкций. Л., 1974.

Метцер - Вильямс 1966 -Metzer D.G., Williams G.E. Some procedures and results in the study of native categories: Tzeltal "fire wood"//American anthropologist. 1966. N 2. Vol. 62.

Мещанинов 1945 - Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. М.; Л., 1945.

Мещанинов 1963 - Мещанинов И.И. Структура предложения. М.; Л., 1963.

Мещанинов 1967 - Мещанинов И.И. Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.

Мид 1939 - Mead M. Native languages as field-work tools//American anthropologist. 1939. Vol. 41.

Микаилов 1967 - Микаилов К.Ш. Арчинский язык. Махачкала, 1967.

Милославский 1987 - Милославский И.Г. Краткая практическая грамматика русского языка. М., 1987.

Мюльхойслер-Харре 1990 - Mühlhäusler P., Harrê R. Pronouns and people. Oxford, Mass., 1990.

Найда 1952/1953 - Nida E. Selective listening//Language learning. 1952-1953. Vol. 4.

Найда 1958 - Nida E.A. Analysis of meaning and dictionary making//International journal of american linguistics. 1958. Vol. 24.

Нариньяни 1985 - Нариньяни А.С. Функциональное представление речевого акта в формальной модели диалога//Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

Население 1965 - Население земного шара. М., 1965.

Недялков 1977 - Недялков В.П. Посессивность и инкорпорацня в чукотском языке (инкор юрация подлежащего)//Проблемы лингвистической типологии и структуры языка. Л., 1977. С. 108-138.

Недялков - Яхонтов 1983 - Недялков В.П., Яхонтов С.Е. Типология результативных конструкций//Типология результативных конструкций (результатив, пассив, перфект). Л., 1983.

Никольс 1981 - Nichols J. Predicate nominals: a partial surface syntax of Russian. Berkeley; Los Angeles, 1981.

Никольс 1985 - Никольс Дж. Падежные варианты предикативных имен и их отражеиие в русской грамматике//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XУ.

Никольс 1986 - Nichols J. Head-marking and dependent-marking grammar//Language. 1986. Vol. 62. N 1.

Нунэн 1982/1976 - Нунэн М. О подлежащих и топиках//Новое в зарубежной линг-

вистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Noonan M. On subjects and topics//Proceedings of the third annual meeting of Berkeley Linguistic Society. Berkeley, 1976.

Орфоэпический словарь 1983 - Орфоэпический словарь русского языка. М., 1983.

Падучева 1979 - Падучева Е.В. Денотативный статус именной группы и его отражение в семантическом представлении предложения//Научно-техническая информация. Серия 2. 1979. N 9.

Падучева 1985 - Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.

Пайк 1967 - Pike K.L. Language in relation to a unified theory of the structure of human behaviour. The Hague, 1967.

Панчвидзе 1940 - Панчвидзе В.Н. К вопросу о генезисе аккузатива в удинском языке//Известия Института языка и материальной культуры. Тбилиси, 1940. Т.V - VI (на груз.яз., резюме на русском языке).

Парре 1974 - Parret G. Discussing language. Mouton, 1974.

Перанто и др. 1972 - Peranteau et al. (eds.) The Chicago which hunt. Papers from the relative clause festival. Chicago, 1972.

Перлмуттер 1983 - Perlmutter D.M. (ed.). Studies in relational grammar 1. Chicago; London, 1983.

Перлмуттер - Постал 1980/1977 - Perlmutter D.M., Postal P.M. Toward a universal characterization of passivization//Proceedings of the third annual meeting of the Berkeley linguistic society. Berkeley, 1977.

Перлмуттер - Постал 1982/1981 - Перлмуттер Д.М., Постал П.М. Закон единственности продвижения именных групп в позицию подлежащего//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Perlmutter D.M., Postal P.M. The 1 advancement Exclusiveness Law//Passivization and related issues/Ed. D.M.Perlmutter. Chicago, 1981.

Перлмуттер - Розен 1984 - Perlmutter D.M., Rosen C.G. Studies in relational grammar 2. Chicago, 1984.

Пешковский 1934 - Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934.

Планк 1979 - Plank (ed.) Ergativity. London, 1979.

Планк 1980 - Plank F. Reconstructing the concept of subject. Ms., 1980.

Пожарицкая 1962 - Пожарицкая С.К. Методика диалектологических исследований И.А.Бодуэна де Куртенэ//Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. М.1962.Т.III.

Ревзин 1967 - Ревзин И.И. Метод моделирования и типология славянских языков. М., 1967.

Роудз 1977 - Rhodes R. Semantics in relational grammar//Papers from the 13th regional meeting of the CLS. Chicago, 1977.

Рудзка-Остин 1988 - Rudzka-Ostyn B. Topics in cognitive linguistics. Amsterdam, 1988.

Саввина 1985 - Саввина Е.И. Даижение информации в диалоге//Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск, 1985.

Самарин 1967 - Samarin W. Field linguistics. A guide to linguistic field work. New York, 1967.

Свадост 1968 - Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? М., 1968.

Сводеш 1964 - Swadesh M. Language universals and research efficiency in descriptive linguistics//The Canadian Journal of Linguistics. 1964. Vol. 10. N 2-3.

Секи 1990 - Seki L. Kamaiurá (Tupi-Guarani) as an Active-stative language//Amazonian linguistics/Ed.D.L. Payne.Austin, 1990.

Стассен 1985 - Stassen L. Comparison and universal grammar. Oxford; New York, 1985.

Сильвестейн 1976 - Silverstein M. Hierarchy of features and ergativity//Grammatical categories in Australian languages/Ed. R.M.W. Dixon; Canberra, 1976.

Сравнительная лексика 1971 - Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971.

Сепир 1934/1921 - Сепир Э. Язык. М., 1934. Пер. с англ.

Степанов 1978 - Степанов Ю.С. Иерархия имеи и ранги субъектов//Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1978. N 4.

Теньер 1959 - Tesnière L. Eléments de syntaxe structurale. Paris, 1959.

Тимберлейк 1976 - Timberlake A. Subject properties in North Russian passive//Subject and topic/Ed.Ch.Li. New York, 1976.

Тимберлейк 1982/1980 - Косвенно-объектные контролеры рефлексияизации в русском языке//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Timberlake A. Oblique control in Russian reflexivization//Morphosyntax in Slavic/Eds R. Brecht, C. Chvany. Columbus; Ohio, 1980.

Типология 1969 - Типология каузативных конструкций. Л., 1969.

Типология 1974 - Типология пассивных конструкций. Диатезы и залоги. Л., 1974.

Типология 1983 - Типология результативных конструкций. Л., 1983.

Томлин 1986 - Tomlin R. Basic word order: functional principles. London, 1986.

Томпсон 1985 - Thompson S.A. The iconicity of the universal categories "noun" and "verb"//Iconicity in syntax/Ed. J. Hajman. Amsterdam, 1985.

Уилбур 1970 - Wilbur T.H. The ergative case and the so-called ergative-type languages//Papers from the sixth regional meeting. Chicago, 1970.

Уленбек 1950 - Уленбек К.Х. Пассианый характер переходного глагола или глагола действия в языках Северной Америки//Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Уленбек 1960 - Uhlenbeck E.M. The study of the so-called exotic languages and general linguistics//Lingua. 1960. Vol. 9.

Уорф 1960 - Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку//Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1.

Услар 1889 - Услар П.К. Аварский язык//Этнография Кавказа.Языкознание.Тифлис,1889.Т.III.

Услар 1890 - Услар П.К. Лакский язык//Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1890. Т. IV.

Услар 1892 - Услар П.К. Хюркилинский язык//Этнография Кавказа. Языкознание. Тифлис, 1892. Т.V.

Успенский 1969 - Успенский Б.А. Языковые универсалии и актуальные проблемы типологического описания языков//Языковые универсалии и лингвистическая типология. М., 1969.

Фаарлунд 1988 - Faarlund J.T. A typology of subjects//Studies in syntactic typology/Eds. Hammond M., Moravcsik E.A., Wirth J.R. Amsterdam, 1988.

Фаарлунд 1990 - Faarlund J.T. Syntactic change. Toward a theory of historical syntax. Berlin; New York, 1990.

Фегелин 1954а - Voegelin C.F. Multiple stage translation//International journal of American linguistics. 1954. Vol. 20.

Фегелин 1954б - Voegelin C.F. A modern method for field work treatment of previously collected texts//Journal of American folklore. 1954. Vol. 67.

Фегелин - Робинет 1954 -Voegelin C.M., Robinett F.M. Obtaining a linguistic sample//International Journal of American Linguistics. 1954. Vol. 20.

Филипс 1960 - Phillips. Problems of translation and meaning in field work//Adams R.N., Preis J.J (eds.). Human organization research. Field relations and techniques. Homewood, 1960.

Филлмор 1975 - Fillmore Ch. Santa Cruz lectures on deixis (mimeo). 1975.

Филлмор 1981/1968 - Филлмор У. Дело о падеже//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. X. Пер. с англ. Filimore Ch. The case for case//Universals in linguistic theory/Ed. E. Bach, R.T. Harms. New York, 1968.

Филлмор 1981/1977 - Филлмор Ч. Дело о падеже открывается вновь//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1981. Вып. IX. Пер. с англ. Fillmore Ch.J. The case for case reopened//Syntax and semantics. Vol. 8/Ed. P. Cole, J.M.Sadock. New York, 1977.

Фоли 1986 - Foley W.A. The Papuan languages of New Guinea. Cambridge; London; New York, 1986.

Фоли - Ван Валин 1977 - Foley W., Van Valin R. On the viability of the notion of "subject" in universal grammar//Proceedings of the third annual meeting of the BLS. Berkeley, 1977.

Фоли - Ван Валин 1984 - Foley W.A., Van Valin R.D. Functional syntax and universal grammar. Cambridge, 1984.

Фридрих 1961 - Фридрих И. Дешифровка забытых письменностей и языков. М., 1961.

Фройденталь 1960 - Freudenthal Z.S. LINCOS. Design of a language for cosmic intercourse. Part I. Amsterdam, 1960.

Хайдаков 1967 - Хайдаков С.М. Арчинский язык//Языки народов СССР. М., 1967. Т. IV.

Хайдаков 1973 - Хайдаков С.М. Сравнительно-сопоставительный словарь дагестанских языков. М., 1973.

Хайес 1954 - Hayes A.S. Field procedures while working with Digueno//International Journal of American Linguistics. 1954. Vol. 20.

Хайман 1985 - Hyman L.M. Form and substance in language universals//Explanations in language universals/Eds. B. Butterworth et al. Berlin, 1985.

Ханна 1965 - Hanna W.J. Image-making in field research: some technical and ethical problems arising from research in tropical Africa//American Behavorial Scientist. 1965. Vol. 8(5).

Хойер 1965 - Хойер Г. Антропологическая лингвистика//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1965. Вып. IV.

Холиски 1987 - Holisky D.A. The case of the intransitive subject in Tsova-Tush (Batsbi) //Studies in ergativity/R.M.W. Dixon (ed.). Amsterdam, 1987.

Холодович 1979 - Холодович А.А. Проблемы грамматической теории. Л., 1979.

Хомский 1972/1965 - Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. М., 1972. Пер. с англ. Chomsky N. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, 1965.

Хомский 1972/1968 - Хомский Н. Язык и мышление. М., 1972. Пер. с англ. Chomsky N. Language and mind. New York, 1968.

Хомский 1980 - Chomsky N. Rules and representations//The behavioral and brain scienes. 1980. N 3.

Хоппер - Томпсон 1980 - Hopper P.J., Thompson S.A. Transitivity in grammar and discourse//Language. 1980. Vol. 56.

Хоукинс 1990 - Hawkins J.A. Explaining language universals. Cambridge, Mass., 1990.

Храковский 1987 - Храковский В.С. Кратность//Теория функциональной грамматики. Л., 1987.

Храковский - Володин 1986 - Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Л., 1986.

Чарчворд 1953 - Churchward C.M. Tongan grammar. London; New York; Toronto, 1953.

Чвани 1985/1974 - Чвани К.В. Грамматика слова ДОЛЖЕН: словарные статьи как функция теории//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. XV. Пер. с англ. Chvany C.V. The grammar of DOLŽEN: lexical entries as a function of theory//Slavic transformational syntax/Ed. R.D. Brecht, C.V. Chvany. Michigan, 1974.

Чейф 1975/1971 - Чейф У. Значение и структура языка. М., 1975. Пер. с англ. W.L. Chafe. Meaning and the structure of language. Chicago; London, 1971.

Чейф 1982/1976 - Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982. Вып. XI. Пер. с англ. Chafe W.L. Givenness, contractiveness, definiteness, subjects, topics, and point of view//Subject and topic/Ed. Ch.N.Li. New York, 1976.

Чехова 1978 - Tchekhoff C. Aux fondaments de la syntaxe: l'ergatif. Paris, 1978.

Чикобава 1967 - Чикобава А.С. Проблемы эргативной конструкции в иберийско-кавказских языках//Эргативная конструкция предложения в языках различных типов. Л., 1967.

Члены предложения 1972 - Члены предложения в языках различных типов. Л., 1972.

Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941.

Шахтер 1976 - Schachter P. The subject in Philippine languages: topic, actor, actor-topic, or none of the above//Subject and topic/Ed. Ch. Li. New York, 1976.

Шахтер - Отанес 1972 - Schachter P., Otanes F.T. A Tagalog reference grammar. Berkeley. 1972.

Шахтер 1982/1977 - Шахтер П. Ролевые и референциальные свойства подлежащих//Новое в зарубежной лингвистике. М.,1982. Вып. XI. Пер. с англ. Schachter P.Reference - related and role - related properties of Subjects//Syntax and semantics/Eds. P. Cole, J. M. Sadock. New York, 1977. Vol.8.

Шеворошкин 1965 - Шеворошкин В.В. Исследование по дешифровке карийских надписей. М., 1965.

Шибатани 1976 - Shibatani M. (ed.). The grammar of causative constructions//Syntax and semantics. New York, 1976. Vol. 6.

Шмелев 1976 - Шмелев Д.Н. Синтаксическая членимость высказывания в русском языке. М., 1976.

Штернберг 1908 - Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. С.-Петербург, 1908.

Шухардт 1950а - Шухардт Г. О пассивном характере переходного глагола в кавказских языках//Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Шухардт 1950б - Шухардт Г. Об активном и пассивном характере переходного глагола//Эргативная конструкция предложения. М., 1950.

Щерба 1928 - Щерба Л.В. О частях речи в русском языке//Русская речь. Л., 1928. Вып. 2.

Эйнштейн 1965 - Эйнштейн А. Физика и реальность. М., 1965.

Эргативная конструкция 1967 - Эргативная конструкция в языках различных типов. Л., 1967.

Языки 1966/1968 - Языки народов СССР. М., 1966-1968. Т.I-V.

Языковые универсалии 1970/1966 - Языковые универсалии//Новое в зарубежной лингвистике. М., 1970. Вып. V. Пер. с англ. Greenberg J. (ed.). Universals of language. Cambridge, 1966.

Якобсон 1970 - Якобсон Р.О. В поисках сущности языка//Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. М., 1970. Вып. 16.

Якобсон 1972 - Шифтеры, глагольные категории и русский глагол//Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Яхонтов 1968 - Яхонтов С. Е. Понятие частей речи в общем и китайском языкознании//Вопросы теории частей речи. Л., 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Условные сокращения 5
Условные обозначения 7

ЧАСТЬ I
Язык и наука о языке

Глава 1. Язык 9
Глава 2. Лингвистические постулаты 17
Глава 3. Типология: таксономическая или объяснительная, статическая или динамическая? 27
Глава 4. Типология и задачи описательной лингвистики 39
Глава 5. Место полевой лингвистики в теоретическом и прикладном языкознании 46
Глава 6. Что такое "лингвистические экспедиции"? 62
Глава 7. Проблема исчезающих языков в бывшем СССР 67

ЧАСТЬ II
Грамматика и лексика

Глава 8. Принципы организации именной парадигмы в дагестанских языках (Сопоставительно-типологические наблюдения) 80
Глава 9. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания 102
Глава 10. Соотношение формы и значения в грамматическом описании 123
Глава 11. Числовые формы несчетных существительных в дагестанских языках 131
Глава 12. Выражение "органического" и "производного" состояния в арчинском языке 135
Глава 13. Сопоставительное изучение лексики дагестанских языков 168

ЧАСТЬ III
Типология эргативности

Глава 14. Подлежащее и проблема универсальной модели языка 179
Глава 15. Предикатно-аргументные отношения в семантически эргативных языках 198
Глава 16. Конструкции с сентенциальным актантом в дагестанских языках 218

ЧАСТЬ IV
Приложения языкознания

Глава 17. Прикладная лингвистика 261
Глава 18. Методика полевой работы с информантом 262
Глава 19. Эскиз лингвистической модели текстообразования 287
Глава 20. Динамика информационного диалога (на материале языкового взаимодействия со справочно-информационной службой 09) 301
Глава 21. Экспериментальная методика реконструкции когнитивных процессов в диалоге 313
Глава 22. К проблеме построения "говорящего эксперта-автомата" 318
Литература 324

Научное издание

КИБРИК АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

**ОЧЕРКИ ПО ОБЩИМ
И ПРИКЛАДНЫМ ВОПРОСАМ ЯЗЫКОЗНАНИЯ**
**(Универсальное, типовое
и специфическое в языке)**

Зав. редакцией
М.Д.Потапова

Редактор
В.Г.Щербакова

Переплет художника
Ю.И.Артюхова

Художественный редактор
А.Л.Прокошев

Технические редакторы
Н.И.Филимонова,
Н.И.Смирнова

Корректоры
Е.Б.Витюк,
М.А.Мерецкова

ИБ N 4055

Сдано в набор 01.07.92. Подписано к печати 08.10.92. Формат 60x90 1/16. Бумага тип. N 2. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл.печ.л. 21,0. Уч.-изд.л. 22,18. Тираж 1200 экз. Изд. N 1771. Заказ N 1384

Ордена "Знак Почета" издательство
Московского университета.
103009, Москва, ул.Герцена, 5/7.

Типография ордена "Знак Почета" изд-ва МГУ.
119899, Москва, Ленинские горы